

Annotation

Если б Шарль Перро вздумал написать сказку о современном Принце и современной Золушке, то выглядело бы это, наверное, примерно так: жил был скучающий олигарх и невзрачная студентка, забитая догмами о идеалах и вечных ценностях...

- [Витич Райдо](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [16. 15](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Декабрь 2007 - декабрь 2008](#)
-

Витич Райдо

Игры олигархов

Аннотация:

Если б Шарль Перро вздумал написать сказку о современном Принце и современной Золушке, то выглядело бы это, наверное, примерно так: жил был скучающий олигарх и невзрачная студентка, забитая догмами о идеалах и вечных ценностях...

Вся наша цивилизация нежизнеспособна, и причина этого в нежизнеспособности нашей ценностной системы, самого нашего сознания, которое определяет наше отношение к миру.

Питер Рассел. Виднейший американский ученый.

Пролог

На скамейке сидел ничем не примечательный мужчина и равнодушно поглядывал на снующих мимо людей. Может, он кого-то ждал, может, скрывался от жаркого солнышка в тени раскидистых кленов, а может, просто скучал. На проходящую мимо стайку студенток он посмотрел вскользь, и облокотился на свою сумку.

Глазок камеры, вмонтированной в замок сумки, тут же выхватил из толпы студенток длинноногую хохотушку с русыми волосами. Система сделала снимок, просканировала параметры фигуры, и внесла девушку в список возможных кандидаток.

Глава 1

- Проходи, проходи, не смущайся, - Игорь Расмусов смеясь, распахнул двери в шикарную залу, отделанную под барокко. Элегантный повеса смотрелся в пышных апартаментах гармонично с амурчи́кам, тонконогими креслами и бархатом портьер. Не то, что Алекс - сатир в зеркалах, да и только.

И замкнулся, чуть надулся - не из гордости - для защиты.

По-хозяйски расположился в кресле, в которое бы сроду не сел, понимая его финансовую ценность и древность изготовления.

- Ты уверен? - спросил усевшегося на канапе друга.

- Абсолютно, - широко улыбнулся тот. Холен, стервец, смазлив,

- с неудовольствием отметил Алекс, и в который раз почувствовал себя неуютно рядом с "Расмусом". И как всегда в таких случаях, начал слегка раздражаться:

- Ждать будем?

- Немного.

- Час, два?

- Не вредничай. Поверь, ожидание стоит развлечения. Говорю же тебе, не пожалеешь.

"Леший" с сомнением и долей укора глянул на него и решил, что пару минут ожидания выдержит, потерпит.

- Но если ты солгал, - выставил палец, предупреждая о карах, что последуют за обманом. Холодный блеск глаз Александра лишь насмешил Игоря еще больше:

- Вот ведь Фома - неверующий! Подожди, еще спасибо скажешь, что я тебя от скуки спас!

Алекс поджал губы и смолчал.

Хуже нет, когда скучно. Безумно скучно и обыденно, предсказуемо течет жизнь, по накатанному, без сучка и задоринки. Стабильность и размеренность утомляют, хочется встряски, острых ощущений, которые хоть как-то раскрасят жизнь, наполнят ее хоть на миг яркими впечатлениями, возбудят полнокровные ощущения, поток настоящих живых эмоций. Раз нет своего - нужно взять чужое, раз сам не можешь - нужно получить от других.

Но, увы, его окружение столь же однотипно и зажато, как и он сам.

Его друзья, знакомые предсказуемы, их мышление стандартно и скука у него с ними, как болезнь - одна на всех из "элитного круга"

Обычное детство избалованного сынка богачей, притягательно лишь для не вхожих в этот круг. Будущее такого отпрыска запрограммировано и шаблонно - картинно и показательно: от учебного заведения до фирмы нижнего белья, от круга знакомых до интерьера офиса.

Общество - только сытое и звездное - нужное по тем или иным параметрам.

Развлечения только для элиты.

Класс только VIP.

Форма одежды - эксклюзив.

Спутница - высшего сорта и экстерьера.

Манеры поведения согласно этикету на уровне манекенов.

Даже маски на лицо и расписание улыбок строго по регламенту.

Любая эмоция в нужных и давно определенных положении дозах как каждая калория

в поданных блюдах. Все для поддержания имиджа, для рекламы родословной и социальной ступени. Даже женитьба по PR и бизнес плану.

И так из года в год - почти сорок лет.

Замечательно, только во всем этом лощеном списке нет места личности, внутренним желаниям и стремлениям. Они зажаты с детства, четко подконтрольны и дозированы, как количество приглашений на раут. Красивая жизнь для гляцевых обложек журналов - такая же красочная и привлекательная снаружи, как пустая и серая внутри. За мельканием белозубых улыбок и элитных костюмов скрывается искусно отточенная игра, ставшая нормой, вошедшая в привычку на генном уровне. Но носитель "уникальных" генов и эксклюзивных маскарадных костюмов для избранных все же человек, имеющий свои пристрастия, чаянья, вкусы, что зачастую противоречат общепринятым в том круге, в котором он родился, вырос, в которое врос. Они зажаты, закрыты, четко сдержаны, но все же просятся наружу, любопытничают, бунтуют, зовут в свой собственный мир - противоположный тому, что представляет их хозяин. И как сладок этот мирок в своей горечи, как светел и прекрасен в своей темноте, привлекателен в своей истинной элитности - тайне личности. Одной и для одного!

Александр Лешинский был истинным сыном своих именитых родителей с родословной от короля Вацлава.

Александр Лешинский был достаточно опытен и умен, чтобы не показывать своего истинного лица даже приближенным.

Алекс "Леший" усвоил уроки юности и никому не показывал этот мирок.

Но иногда, вечером, он закрывался в одной из комнат своего особняка и пил пиво, как простой смертный, закусывал воблой не лучшего качества и смотрел телевизор. Иногда бродил по улицам в вольном наряде, сидел в третьесортном замызганном кафе и смотрел, как живут обычные люди. Иногда зависал в чате, смаковал принятые в простых кругах словечки, пытался понять, чем живут те, кто находится по ту сторону монитора. И позволял себе невинные шалости. Сначала один раз в год, потом в месяц, затем в неделю и вот лишился даже этого развлечения - наскучило.

Хотелось нового, по настоящему живого, яркого до ослепления. И говорят, такое бывает.

"Долго еще ждать?" - сердито покосился на друга Лешинский.

- Сейчас все будет, - с улыбкой заверил тот. Не ошибся - двери открылись и в комнату вплыла миловидная стройная женщина элитно-гламурной экипировки.

- Добрый вечер господа, - одарила их благожелательной улыбкой.

- Вижу, сегодня вы не один, Игорь.

- Это мой друг, Александр. Фигура известная в высших кругах.

- Да, да, виделись пару раз.

- Что-то не припомню, - чуть насторожился Алекс. Женщина рассмеялась, села в кресло напротив:

- Мы знакомы в одностороннем порядке. Я видела вас по телевизору, а вы, естественно, меня нет. Хелен, - протянула руку в кремовой перчатке, под цвет вечернего платья.

- Александр, можно просто Алекс, - улыбнулся натянуто, сделав вид, что не заметил протянутую для поцелуя руку. С ума сойти! Что интересно возомнила о себе эта старая проститутка? Или решила, раз имеет покровительство, открыла элитный бордель и умеет

вести себя, как подобает воспитанным людям, уже и ровня?

Женщина сложила руки на подлокотник кресла и обратилась к Игорю, сделав вид, что Лешинский испарился из зала.

- Ну-с, дорогой мой Игорь, что на этот раз привело вас в мое заведение.

- Все тоже самое, милая Хелен, все тоже самое, - с улыбкой ответил тот. - Хотелось бы чего-нибудь новенького.

- Остренького? - хитрая улыбка окрасила лицо женщины, глаза заблестели. Хелен и Игорь понимали друг друга, а Александр опять остался где-то сбоку и ощущал себя лишним. Первое желание было - уйти, но женщина, почувствовав, что клиент может ускользнуть, обратила на него внимание. Видно посчитала, что поставила его на место и достаточно наказала за пренебрежение. Оно и понятно: личное

- это личное, а бизнес - это бизнес.

- Чтобы хотел Алекс? Не стесняйтесь, дорогой. Чем откровеннее вы будете в запросах, тем проще нам будет... развеять вашу скуку.

Мужчина посмотрел на друга, вопрошая. Тот вовсе рассмеялся, выставив ладонь и качнув головой:

- Не беспокойся.

- Откуда такая уверенность?

- Дорогой Алекс, - томно повела плечиками женщина. - Мне не выгодно терять клиентов, но выгодно их приобретать. Я имею дело с очень разнообразным кругом, но лишь высшим. Достаточно одного неверного слова, одной тени на мой бизнес и все пойдет прахом. Я знаю, с кем имею дело и желаю процветания для себя, а не одномоментной прибыли и забвения. Мне абсолютно не выгодно раскрывать тайны моих клиентов и тем терять имидж, что в нашем деле одно из важнейших составных. Мое главное желание - удовлетворять ваши желания даже самые трудные, самые... утонченные. Для этого тоже нужны средства и связи. Но хороша же я буду, если начну рубить сук, на котором сижу. Мне выгоднее сделать вас своим другом, чем врагом, - с милейшей улыбкой проворковала Хелен.

Леший задумался. Потер подбородок и кивнул:

- Допустим. Могу задать вопрос?

- Сколько угодно, на любую тему.

- Как обеспечивается инкогнито?

- А разве вы кого-то видели? Разве кто-то видел вас?

- Это ничего не значит.

- Конечно. Но я не могу отвечать за все, я отвечаю лишь за свою часть работы. Официально данное заведение - клуб интеллектуалов, куда не зазорно явиться для общения, но клуб закрытый, принимающий лишь по рекомендации. На поверхности все более чем пристойно. А что внутри... Поверьте мне, дорогой Алекс, как вы не пожелаете делиться подробностями, так и остальные. Мы проводим рауты как официальные, приглашение на которые вы можете принять, а можете проигнорировать.

Так и неофициальные - лишь для определенного круга членов нашего клуба.

Загадочная улыбка мадам навевала определенные мысли.

- Давайте называть вещи своими именами - для прикрытия вы устраиваете светские мероприятия, на которых присутствуют желающие как те, что приходят из любопытства, так и те, кто вынужден прийти по вашей настоятельной просьбе, - холодно улыбнулся мужчина.

- Мне жаль, что вы упорно не понимаете меня. Я слишком долго и настойчиво пыталась занять эту нишу, чтобы терять все из-за каприза.

Мне понятна ваша настороженность, но тут уж ничего не поделать - вам либо придется поверить, либо остаться при своем недоверии и спокойно уйти.

- Все нормально, старичок, - заверил Расмус. - Я здесь уже год.

- Кто привел тебя?

Игорь загадочно улыбнулся:

- Алекс, не задавай дурных вопросов. Здесь клуб джентльменов, где все держится на честном слове. Ты же не хочешь, чтобы я его нарушил, подставил себя и других?

Леший фыркнул:

- Версия с "честным" словом смешна. Где гарантия, что не подставят меня?

- Такой гарантии нет. Мы действительно верим слову. Никаких бумаг и подписей. Это было бы неприятно уважаемым людям. Достаточно вашего слова о сохранении тайны. В конце концов, никому, ни мне, ни нашим клиентам не хочется терять сказку, - заверил женщина.

- Даже так? - это было забавно слышать. "Сказка" из уст далеко не феи звучало как удачная шутка, очень остроумная. Алекс еле сдержал смех.

При всей своей недоверчивости и понимании, куда он попал, в нем боролись двое - известный человек, не имеющий права пятнать свою репутацию, и обычный человек, изголодавшийся по утонченным развлечениям, приключениям, остроте, яркости.

Видимо не он первый пребывал в неуверенности, потому что Хелен все прекрасно поняла и, вытащив из лифа визитку, подала мужчине.

- Это мой прямой телефон. Я предлагаю вам решить проблему простым способом - сегодня вы наш гость и только. Вашему другу не терпится развлечься и не стоит ему мешать. Вы же всего лишь присутствуете. А дальше - как решите. Ваше решение будет лишь вашим, и знать о нем будут только двое: я и вы.

- Справедливо, - заверил Расмус.

Лешинский посомневался для приличия и взял визитку - пригодится.

Выкинуть всегда успеет.

- Кажется с вами можно иметь дело?

- Надеюсь, - обменялись вполне уже дружелюбными улыбками мужчина и женщина. И обратилась к Игорю. - Итак?

Тот поерзал, покосился на друга и выдал:

- Мне хотелось бы поучаствовать... в изнасиловании.

Лешего в жар кинуло, но высколенную маску на лице не сорвало. Он остался холоден и бесстрастен. Реакция же Хелен была и вовсе никакой. Она лишь спросила подробности:

- Трое... и чтобы не проститутка.

- О!... - тонкие пальчики забарабанили по подлокотнику, взгляд стал задумчив, как у бухгалтера. - Тип женщины?

- Эээ... Не определился.

- Хотите выбрать?

- Эээ... Да.

- Что ж, прекрасно.

Женщина вышла и через минуту вернулась, привезла столик с вином, сигарами, фруктами и шоколадом. Села между мужчинами и нажала кнопку пульта. Портьеры

отъехали открывая взору экран во всю стену.

- Для начала определимся с интерьером, вы не против, Игорь?

- Нет, - потер тот вспотевшую ладонь о брюки. Леший достал сигареты и закурил. Ему становилось все интересней и интересней.

Острое чувство драйва тонизировало организм, одаривая приятными ощущениями.

На экране появились заставки: сквер темной ночью, набережная, подъезд элитного дома, подъезд обшарпанной пятиэтажки.

- Нет, более комфортная обстановка, - сказал Игорь, и на экране появились интерьеры залов, комнат.

- Вот! Да.

Небольшая комната без окон, где только постель и журнальный столик.

Лешинский затаился, представив, что здесь будет происходить.

- Прекрасно, - заученно улыбнулась Хелен. - Об обязательном условии в случае групповых участия вы в курсе?

- Да. Мы будем в масках. Но она должна быть без!

- Хорошо, - улыбка даже не дрогнула на лице мадам. - Возраст?

- Эээ... Двадцать или около того. Светленькая, худенькая.

Женщина нажала кнопку и на экране появился любительская, но качественная съемка из сквера напротив какого-то института. Очень много молодежи самых разных форматов, но преимущественно, девушки.

- Посмотрите, вот светленькая, - остановила запись Хелен. С экрана на мужчин смотрела группа студенток: крупным планом светловолосая высокая девушка в клетчатой юбочке открывающей стройные ножки. Очень аппетитная: гибкая, стройная, с высокой спелой грудью, тонкой талией. Но взгляд Лешинского приковала другая, почти невидная из-за плеча двух сбоку светловолосой.

- Можно немного промотать вперед, - попросил.

- Пожалуйста. Так?

- Да

Это уже был мелкий план, на котором было видно восемь девушек, и та, что привлекла внимание мужчины, оказалась почти в полный рост.

Она несла папочку, прижимая к груди, и словно была не со своей компанией, а просто попала в поток. Темная курточка, шарфик вокруг шеи, брючки а ля комиссар. Судя по одежде - мало плебейка так еще и нищая плебейка. Но вот лицо диссонировало с внешним видом. Было в нем нечто утонченное, элитное как кровь Баронессы, суки матери

Лешинского. Но абсолютно неухоженная. Каштановые волосы до плеч убраны со лба ободком. Острый подбородок, бледное личико, припухлые детские губы и хмурый взгляд серых глаз. Дитя. Школьница, попавшая в толпу студенток.

- Кто-то понравился? - спросила Хелен.

Алекс качнул ладонью - нет. Съемка пошла дальше - Игорь следил за светленькой, Александр за "малолеткой".

- Я согласен. Эта, - постановил Игорь.

- Прекрасно, - экран погас на миг и на нем появились заставки пейзажей из полотен художников. - День?

- Не хотелось бы оттягивать.

- К сожалению, ваш заказ, Игорь, относится к типу "В". Как вы знаете, на исполнение

уходит минимум пять дней и тариф увеличивается в три раза. Если бы вы выбрали нашу девочку, то уже сегодня и по обычному тарифу...

- Это я могу сделать и у Стелы, - отрезал Расмусов.

- Фи, Стела? - сморщила носик Хелен.

- Вот именно. Сегодня воскресенье. Я хочу получить эту в пятницу с возможностью продления контракта до воскресенья.

- В таком случае тариф увеличивается...

- Это неважно, - поцеловал руку женщине. - Деньги, такая пошлость, Хелен, если их нельзя потратить на собственное удовольствие.

С этим Лешинский был согласен, но платил лишь за натуральность, а суррогат чувств и эмоций был, по его мнению, еще хуже, чем соевый бекон или носки с полистеролом. В век технического прогресса все больше вещей заменялись искусственными, но не чувства же, не ощущения? Это было слишком. Хоть они, но должны оставаться естественными.

В то, что девочку - студентку, действительно ничего не ведающую, привезут Расмусову - он не верил. Конечно, теоретически это возможно, но практически сопряжено с определенным и очень большим риском. А рисковать мадам явно не привыкла. Значит все на видео - подставные "утки". И заказ - театрализованное действие, где одну из ролей захотел сыграть Расмус. В накладе никто не останется, и это их дело. Но Леший тут пас. Ему нужно только настоящее.

Они быстро распрощались с Хелен, отказавшись остаться на костюмированный бал, и вышли на свежий воздух.

- Посидим где-нибудь?

- Пожалуй.

Леший закурил, останавливаясь перед приоткрытой перед ним дверцей в машину, окликнул друга, что пошел к своей:

- Постой.

Охранники замерли в ожидании, а мужчины сошлись посередине выезда с подземной автостоянки:

- Что?

- Ты всерьез?

Игорь прищурился на него и засмеялся:

- А, зацепило? Я говорил!

- Нет. Я про другое: ты всерьез веришь, что это будет натурально?

- Да! Потому что это будет по-настоящему. Хелен не предлагает варианты игры в игру, она предлагает полнокровную жизнь, натуральную. Ее фишка в том, что она /знает/, что нам надо.

Глаза мужчины блестели и было ясно, что он уверен в том, о чем говорит.

- Постой, хочешь сказать, что ее люди возьмут эту студентку и привезут вам?

- Да, - расплылся в улыбке Игорь. - Чему ты удивляешься?

- Ничему. И давно. Другое, что мне не ясно, что будет потом.

- Ничего. Это не наше дело. Это дело Хелен. Но проколов не было и спорю, не будет. Эх, старик, да она волшебница! - потрепал его по плечу. - Поехали, я тебе кое-что расскажу и ты сам поймешь, что это не театр, а жизнь, самая настоящая! И ты можешь исполнить самые свои смелые мечты. Только скажи.

- Хорошо, едем.

Дверцы машин синхронно схлопали и авто вырулили со стоянки.

В отдельном кабинете любимого ресторана Лешего, было как всегда приятно. Он развалился в кресле, пока сервировали стол, и поглядывал на Игоря, не мешая ему принять праздничную дозу марафета.

Разговорчивей будет.

Сам Алекс не любил порошок, считал его синтетикой опасной для здоровья, а вот травку уважал, но курил, когда душа просила. Сейчас она другое желала - понять, узнать. Если только Игорь прав, если только правда, что ж, Лешинский готов к значительным тратам.

- Рассказывай.

Расмус глянул на него и засмеялся, покачав пальцем:

- А тебя завело! Понимаю, понимаю, - развалился в кресле, шмыгая носом. Зажмурился, отдаваясь приятной истоме и, блаженно заулыбался. - Не веришь. Тоже понимаю. Знаешь, кто меня с Хелен свел? Хочешь, скажу? Только т-сс! Зибученко.

"А потом он точно так же под кайфом скажет кому-нибудь, что привел в тот притон меня", - подумал мужчина.

- Поздравляю. Но на меня не произвело впечатления.

- Неправда.

- Не хочешь, не верь. Тумана много и сомнений. Мутно слишком, можно серьезно испортить репутацию.

- Ай, - отмахнулся мужчина. - Не смейся. Легальное заведение, все схвачено, прихвачено, вход только для своих.

- Слабый аргумент.

- А что для тебя сильный?

Алекс подумал и широко улыбнулся:

- Принеси мне запись с пятничного спектакля.

- О-оо! - погрозил ему пальцем Игорь, не переставая улыбаться.

Подумал и кивнул. - Уговорил. Но чур, смотрим вместе и запись я тебе не оставлю.

- Идет.

- Всегда ты во всем сомневаешься.

- Осторожничаю. И хорошо бы понять, какой тебе навар с моей записи в клуб.

- Услуга, - развел руками.

- То есть?

- С одного жирного лосося - услуга, с двух - скидка плюс услуга.

Скидка - плевать, - кинул в рот виноградину и мечтательно уставился в окно. - Услуга - другое. Есть заказы группы "А", их только очень узкому кругу оказывают. Я хочу, вот уже полгода хочу.

- Заплати.

- Нет, - покачал пальцем. - В том и дело - не берет, зараза.

Закрытый круг, закрытые для других услуги.

- Например.

- Только слушок шепотком в ухо. Все, - развел руками. - Понимаешь? Все-еео! Вот чего хочешь ты?

"Так я тебе и сказал".

- Пока не знаю.

- Не знаешь или мандражируешь, сомневаешься?

- Есть доля естественного опасения. Но в остальном, действительно не знаю. Мне многое неизвестно и непонятно, а пока дело обстоит так, я не знаю, что можно, чего нельзя. А раз нельзя чего-то, то к чему мне Хелен, если что мне нужно и захочется, я получу без посредника?

- Резонно. Но! Риск. С Хелен его нет. Она берет всю ответственность на себя. Плюс - хлопоты. Терпеть не могу хлопоты, лишние заботы. Да и к чему? Есть средства, есть желания, есть люди способные сложить все это и принести тебе на блюдечке.

- Допустим. Но если я захочу очень запретного? На меньшее-то смысла нет нацеливаться.

- Вот! - опять выставил в его сторону палец Расмусов. - О том и речь. Знаешь, почему Зибученко меня туда привел? Мы у него пировали, случай. Спьяну сортир пошел искать и потерялся. Зашел черт знает, куда и наткнулся на очень пикантную картинку - молодая девчонка сидела в подвале на цепи. Краем ее заметил - охранник выскочил. Имел он ее, понял? Один выскочил, двое продолжили. А следом Зибученко выскочил. Поговорили по душам, выяснили, кому что надо и я стал членом клуба. Никаких проблем.

- Контракт тоже через это прошел? - усмехнулся Лешинский, прекрасно сообразив, что к чему. Игорь засмеялся:

- Естественно. Он помог мне, я ему.

- А мне с чего?

- Ну, с тобой дело вести, таким образом, глупо, ты у нас не этот старый поц, ты у нас просто аллигатор какой-то. С тобой лучше дружить, - протянул.

- И дружишь.

- Дружу.

"А Хелен один из крючков, что усиливают "дружбу" и держат аллигатора на коротком поводке. Мечтай".

- Ясно. Ну, что? Перекусим?

- Давай!

Так прошел вечер - томно и "нио чемно".

Ночью, вернувшись домой, Леший позвал к себе Боксера - начальника своей охраны Виталия Андреева, бывшего боксера и полковника запаса.

- Знаешь, где я был сегодня? - спросил, покачиваясь в кресле.

- Да.

- Мне нужны данные по этому заведению и его хозяйке. И еще, в пятницу у нее и Расмусова встреча. Она кое-что обещала ему. Ты должен проследить, как выполняется обещание.

- Нужно что-то конкретное или общий фон?

- Система.

- Ясно.

- Не испугни.

- Постараюсь.

Глава 2

Неделя прошла как всегда - скучно до зевоты, рутинно и размеренно.

Утром в пятницу, вместе с завтраком Лешинскому подали папочку с собранными документами. Он бегло просмотрел бумаги и уставился на

Боксера:

- Интересно. Проследи.

Мужчина согласно кивнул.

Ярослава Суздалева мучила голову зубрежкой, но извилины плавилась на первых абзацах - было до странности жарко. В итоге она так ничего и не выучила. Потаскилась в институт в надежде, что никто ее сегодня не спросит.

Жару она переносила очень плохо: давление падало, голова раскалывалась, мозг не соображал, тупея от всего разом. Лицо бледнело, потом краснело, перед глазамиплыли мушки, нарушалась координация движений. Одолевала тошнота, лень и депрессия. В общем,

Ярослава становилась похожа на вареную косиножку у которой восемь лап запинались друг о друга. Поэтому одна мысль о выходе на улицу, в царство раскаленного бетона, превращала ее в ярую домоседку. В тот момент, когда ее подружки мечтали о Кипре, Мальдивах и Канарах, она грезилась Ирландией, Исландией, и прозаической Чукоткой. В то время когда эти же подружки жарили свои мощи под солнцем, превращаясь в шоколадных очаровашек, Ярослава, спасаясь от солнца, мочла в ванне и сидела в любимой за один факт присутствия кондиционера, квартире.

Осенью подружки все как одна предстали пред очи институтского сообщества в возмутительно привлекательном загорелом виде, а

Ярослава в столь же возмутительном, молочно-белом состоянии.

Лариса Лысова, длинноногая, загорелая блондинка и чудный человечек, обняла ее за плечи, потаскила к аудитории.

- Ну, чего ты вареная такая, Славка? Выучила хоть?

- Не-ет. Жара, не могу. Осень, а толку ноль. Хоть бы быстрее холод.

- Бр-р! Терпеть не могу холода, зиму, толстые сбри, что приходится на себя напяливать. Ты, наверное, потомок северных племен.

- Она самая, - согласилась. - Уеду после окончания института куда-нибудь в Якутск, иначе точно рехнусь.

- Держись. Еще четыре года таким темпом и ты получишь диплом специалиста.

- Счастье!

- Кстати, о тебе Рома спрашивал.

- Логутов? - вспыхнули надеждой глаза девушки.

- Жди! Ну, ты махнула, красивая! Логутова Жанка пасет, так что ручки, глазки и мечты - прочь. Я тебе о друге своего Димы говорю.

- А-а, - разочарованно протянула Ярослава. Помнила она того

Романа - сублильный, весь какой-то белесый от ершика волос на голове до ресничек. И молчун. Пялился на нее весь вечер и молчал.

Напоследок поп-корном усыпал. Сходили в кино, ага. Если еще один раут намечается,

то она лучше дома посидит.

- Извини, Лара, мне он никак, - призналась честно.

Девушки юркнули в аудиторию, порадовавшись опозданию преподавателя, расположились на своих местах, поприветствовав сверстников и друзей - подруг.

- Совсем значит, не понравился? - поинтересовалась Лариса.

- Совсем.

Люба Тимофеева влетела в аудиторию и, не увидев препода, ринулась к подругам:

- Спасайте! Девчонки, конспекты!

- Сейчас-то смысл?

В помещение вошел Воронков и хлопнул дверью:

- Всем здравствуйте!

- Все, - осела Люба. - Мне конец.

- Авось, - прошептала Ярослава и сложила "фигушку", спрятав руки под стол.

- Чур, не меня, чур, не меня, - пролепетала Лара, напряженно следя за Воронковым.

- Гипноз, да? - с уважением покосившись на нее, спросила девушка.

- Ага.

Леший покачиваясь на диванчике под тентом, читал Ремарка. Жара, аномальная для осени, не располагала к суете мыслей, но и к классику не приобщала. Алекс откинул книгу прямо в клумбу роз и сжал переносицу пальцами: черт те что. Почему ему в голову настойчиво лезет Расмус с мадам Перцовой одной же - Хелен?

Зацепило?

Прав, Расмус, прав - зацепило. Еще как. Но он свяжется с

Перцовой, если только та сыграет по-честному, предоставив клиенту не актрису.

Не верил он... и верил. Судя по связям мадам, характеру, типу личности и пятнах на биографии что евро дензнаки почти добела вытравили, она способна на что угодно. И сам факт, того, что женщина может ради денег доставить ничего не ведающую, никому не знакомую девочку на утеху садистам - говорило о многом. Сам этот факт уже был интересен, рождал любопытство и ощущение предвкушения перемен, новизны. Игра на грани фола, игра за которой он мог проследить, которую сам мог устроить и поучаствовать при желании - это уже встряска, это уже что-то.

И все-таки Расмус не гурман. Плебейские у него замашки и пристрастия соответственные, фантазия убогая.

Леший бы другую партию сыграл, более интересную, многоплановую комбинацию.

Может и сыграет.

- Может вечером с нами в кино? - спросила Лариса, складывая конспекты в сумку.

Ярослава неопределенно пожалала плечами - с опросом повезло - не вызвали. Значит, до следующей пятницы она живет. Выучит, успеет. Но в жару никуда идти не хотелось, кроме как домой. И потом общество

Ромы ее не прельщало, мешаться Ларе с Димой не хотелось.

- Дома сегодня. Поучу.

- Ты б проверилась, Славка, что ли? Чего тебя от тепла развозит?

Ненормально же.

- Некогда.

- Это нормально, у меня тоже от жары голова болит, - сказала

Люба. Девушки двинулись из аудитории. - Я вот все думаю, ну выучимся мы, и что, будем учителями истории?

- Я - да. Мне нравится, - сказала Ярослава.

- Я в науку пойду, - сказала Лариса.

- Девчата! Сегодня в "Стрипе" ребята джаз будут давать! - объявил Семен Голубцов, приобняв девушек. - Идем? Своих поддержать святое дело!

- Не люблю джаз, - бросила Ярослава.

- А я рэп, - поддакнула Люба.

- Да вы че? Я вам о чем? Ну, не хотите, как хотите, - обиделся парень.

- Я со своим парнем приду! - выставила руку, будто к ответу на уроке приготовилась Лариса.

- Ладно, - вздохнула и Ярослава. - Приду. Во сколько начало?

- В семь! - повеселел Семен и помчался вперед, оповещая на ходу. - Сегодня в "Стрипе" в семь!! Джазовая группа второго курса

"Махаон"! Всем быть! Поддержим отечественных музыкантов, надежду института!!

- Больной, - качнула головой Светка Гнезdevич, обгоняя подруг.

- "Махаон" еще больнее! - заверила Инна Замятина, пристраиваясь за девушками, подхватила под руку Марину Васнецову. - Я их солиста терпеть не могу, кастрат какой-то, Витас, блин. Как взвoет, уши закладывает. "Надежда" тоже мне.

- Просто ты ничего не понимаешь в музыке.

- В джазе!

- Аццтой!

- Она просто не умеет его готовить!

Девушки вышли на улицу и, дурачась, двинулись на остановку маршрутки:

- Может, в кафешку? - предложила Лариса. - Кушать охота.

- Ой, я пас девочки, - протянула Света.

- И я никак, свидание в пять. С таким мальчиком познакомилась - обалдеть! - поведала Марина.

- Меня мать ждет, на дачу тащит картошку -моркошку убирать, - уныло протянула Люба.

- Слава, совесть имей хоть ты, пошли, - потянула девушку Лара в сторону вывески молодежного кафе "Робинзон".

- Идем, все равно спешить некуда. Девочки, пока! - махнула рукой.

- Пока.

- Пока!

Толпа перебежала дорогу, а пара ушла налево, под сень деревьев аллеи, в конце которой виднелась вывеска.

Лариса достала сигареты:

- Зажигалка есть?

- Спички, - отдала коробок.

Девушка закурила и смяла пачку:

- Надо сигарет купить, закончились.

- Димка не ругает?

- Не-а. Сам курит.

- Паршивая привычка.

- Ой, кто бы говорил, Суздалева! Так, вижу ларек без толпы нашего брата за куревом!

- У меня есть.

- У тебя Winston, я такие не курю. План! Слав, ты столик забей, а я за сигаретами.

Хорошо?

- Давай. Что брать на тебя?

- Как обычно. Только пончики не надо.

- Салат, кофе и мороженое.

- Ага.

Лариса ушла в сторону ларька, а Ярослава прямо - в кафе.

Она взяла поесть, заняла столик и даже съела порцию салата с креветками, но Ларисы все не было.

"Странно", - глянула на часы. Двадцать минут уже нет. Сколько можно сигареты покупать? Сколько идти от ларька до кафе? Может, она через пригород рванула?

Девушка доела свою порцию. Выпила кофе, и набрала номер мобильного подруги - та не отвечала.

"Полтергейст, блин", - забарабанила пальцами по столу: "Может, передумала? А мне слабо было позвонить?"

Ну, Лара!

Прошло еще тридцать минут. Суздалева в тоске и задумчивости выпила кофе Лысовой и, расплатившись, двинулась на выход, на ходу набирая номер подруги повторно. Тот же эффект.

"Что на Ларку нашло?" - озадачилась. И решив, что та либо языком с кем запнулась, либо познакомилась с дублем Билана, прошла к ларьку. Тот оказался на замке, а в окошке висела табличка: "обед".

Девушка прочесала сквер в поисках подруги. Пара мамаш прогуливали детишек в колясках, толпа старшеклассников оккупировала скамейку и пила пиво, тренькая на гитаре. Горбоносый и очень неприятный с виду мужчина читал газетку. Больше никого не было.

Ярослава на второй круг обошла сквер, начиная все больше сердиться. Села и снова набрала номер Ларисы - ноль. Девушка надулась и достала сигарету, спичек нет - у Ларисы.

Убила бы ее!

Покосилась на мужчину с газеткой и вздохнула: спросить зажигалку, не спросить? Пошлет, не пошлет?

- Извините?

Мужчина вскинул на нее хмурый взгляд неприглядных, каких-то уж больно маленьких, почти невидных меж веками глаз и, увидев сигаретку в руке девушки, достал зажигалку, поднес огонек.

- Спасибо, - дичась поблагодарила Ярослава.

- Не за что, - буркнул вполне приятным, глубоким голосом и вновь уткнулся в газету.

"Скандалы" - прочитала Суздалева: "надо же, взрослого дяденьку интересуют сплетни. Умора".

Мужчина отложил газету и уставился на нее:

- Что?

- Э... Ничего, - отвернулась. И буркнула невпопад. - Меня

Слава зовут.

Мужчина прищурился так, что от левого глаза вовсе щелочка осталась:

- Как?

- Ярослава. Слава.

- Гордитесь своим именем?

- Горжусь.

- А мне к чему сообщаете?

- Так, - пожала плечами: чего она, правда? - Вы тут девушку не видели? Высокая, загорелая, прямые светлые волосы, клетчатая юбка, тряпичная сумка.

Мужчина с минуту рассматривала собеседницу беспристрастно и холодно. Складывалось впечатление, что он не услышал ее. Слава уже плюнула на его ответ, как услышала:

- Нет.

- Ясно, - поджала губы, сделала последнюю затяжку и выкинула окурочек в урну. - Спасибо, - бросила вставая. - Вы очень приятны в общении.

- Не дай тебе Бог, со мной общаться, детка, - услышала в спину и притормозила - послышалось, что ли? Обернулась - мужчина смотрел на нее:

- Что вы сказали?

Тот опять удава изобразил - с полминуты смотрел и молчал. И выдал:

- Будь осторожна.

- Не поняла?

- От курения умирают. А бывает - от общения с незнакомцами.

Ярослава моргнула - ненормальный?

- Я с незнакомыми не общаюсь.

- Мудро. Придерживайся той же политики, - и, развернув газету, вновь углубился в занимательные сюжеты сплетен.

Точно, псих, - решила девушка и поспешила к остановке. Хватит - домой! В душ и под кондиционер!

Подходя к дому Ярослава скорей уже из вредности набрала номер

Ларисы и снова не получив ответа, озадачилась - куда же она могла провалиться?

Но подумать не удалось - у подъезда сидела "банда", как называли их местные пенсионеры. Трое парней - дембелей из ее дома. Ребята хорошие, спокойные, а что вместе всегда - так что плохого?

- Привет, Ярослава, - бросил Костя.

- Посиди с нами, - легонько придержав ее за руку, попросил

Веня. Гриша просто улыбнулся, а улыбался он как солнышко - не устоять было перед такой улыбкой. И сдавались девчонки без боя.

Шатались по двору школьницы, на него косясь, студентки взгляды мозолили, даже молодые, замужние кокетничали. Куда Ярославе?

Села.

- Как дела?

- Нормалек. Как твои?

- Вроде тоже ничего.

- Не заела учеба?

Девушка плечами пожала.

- Время на что-то кроме зубрежки хватает? - спросил Веня.

- Вполне. А что?

- Вечером на трассу собрались. Хочешь с нами?

- Серьезно? - загорелась девушка.

- Ну. Рванем под двести, ралли устроим.

- Менты повяжут.

- Не-а.

- Во сколько?

- В восемь.

Ярослава загрустила.

- Чего скисла? Не можешь?

- Да наши джаз дают, надо поддержать, обещала.

- Своих поддерживать святое, - сказал Костя.

- Где? - спросил Гриша.

- В "Стрипе", недалеко от института.

- Знаем.

- Лады. Туда и заедем за тобой, - решил за всех Гриша. - Концерт во сколько начинается?

- В семь.

- Отвезти?

Ярослава ушам своим не поверила:

- Меня?

- Нет, меня! - засмеялся Костя.

- Пол седьмого в дверь стукну, идет?

Девушка только кивнуть смогла, смутилась.

- Пойду.

- До вечера.

Суздалева в подъезд бегом и подпрыгнула: ессс!! Вот Ларка обалдеет, когда ее с Гришей увидит на "харлее"! Блиин, а что одеть-то?!

И ринулась к себе домой.

Гардероб был перерыт, лицо на пять раз накрашено в разном стиле и столько же раз краска была смыта.

Ярослава все больше скисала, понимая, что сколько не красься, не наряжайся, а такой стройной, яркой как Лариса не станет. И с чего ее

Григорий решил в "Стрип" отвезти? Пожалел что ли?

Раздумья над своим блеклым отраженьем в зеркале были прерваны звонком Димы:

- Привет, ты Ларису не видела?

- Я?! - удивилась Ярослава. Что ответить? Почему он спрашивает?

Сердце сжалось - неужели что-то случилось? Но что могло случиться, когда?

- Ты! Найти ее не могу, звоню - трубу не берет.

- Мы с ней в кафешку пошли, она за сигаретами свернула и как слизали ее. Тоже звонила - ноль.

- Когда это было?

- Сразу после занятий.

- Куда он исчезнуть могла?

- Бог его знает. Сама в недоумении. Сквер весь обыскала.

Дима тяжело задышал:

- Блин, найду, убью, козу! - и отрубил связь.

Суздалева хмуро посмотрела на мобильник и набрала номер Ларисы в сотый раз. Она не отвечала.

Что за чертовщина?

Девушка натянула кофту, джинсы и, запихав остальные шмотки в шкаф, рванула к городскому телефону, позвонила родителям Ларисы. Те знали о дочери не больше чем подруга и очень удивились звонку

Ярославы. Чтобы не полошить их зря, девушка наплела, что в голову пришло, и положила трубку, извинившись.

О плохом Слава не думала - ей представлялось, что Лариса познакомилась с каким-нибудь очень интересным парнем и дала себе свободу, наплевав на подругу, начхав на Диму. Вот из-за этого девушка переживала - наломает Лысова дров, потом жалеть будет. Но с другой стороны, своего ума не дашь, да и жизнь не ее, а Ларкина.

Но могла ведь позвонить, сказать, чтобы подруга прикрыла?

Точно ума нет!

Звонок Гриши вывел ее из раздумий и поставил точку на них.

Это был чудесный вечер. Ярослава была счастлива и буквально порхала. Сам факт явления Суздальной с высоченным, здоровенным и симпатичным парнем в косухе на "харлее" вызвал фурор среди однокурсниц. Люба, которая явилась в "Стрип" вопреки уверениям, что не придет, коктейлем подавилась. Весь вечер силилась что-нибудь выдать, но видела настойчивое, но ненавязчивое ухаживание Григория за Ярославой и теряла от зависти речь. Часа, что они были в кафе, хватило понять, что подруга начала пользоваться большим успехом у очень интересной части мужского населения, но выяснить причину этому явлению, не успели. Пара сбежала в разгар завывания джазмена.

- Кишшмар! - выдал, посмеиваясь парень. - Неужели тебе нравится это фуффло?

- Не-а, - засмеялась Слава - ей было хорошо, как никогда. Гриша казался богом, вечер чудом, а она сама себе - Золушкой в обществе принца. - Но надо было явиться.

- Ага, "поддержать", - парень закурил, поглядывая с улыбкой на цветущую девушку - красивая. Не яркая, бросающаяся в глаза красота, а что-то иное, более глубокое, необъяснимое и не ординарное. - Поехали к нашим?

- Только коктейлей мне больше не брать! - засмеялась. Легко было, так легко, что казалось, она взлетит в небо, как воздушный шарик.

Гриша подтянул ее к себе, обнял, откинув сигаретку:

- Опьянела, что ли? Так не боись, я с тобой.

- А я и не боюсь... с тобой.

Она понимала - сейчас он ее поцелует, и хотела этого, ждала. И дождалась.

Губы Григория были горячими, сухими и поцелуй получился грубоватый, больной, чего Ярослава не ожидала. Отодвинулась, отвернулась, но из рук его не вырвалась.

- Чтооо? - пропел он.

- Ничегооо, - засмеялась она.

- Тогда двинулись?

- Двинулись.

Они сели на мотоцикл. Второй раз Суздалева ехала на мотоцикле, второй раз прижималась к сильной широкой спине и в полете по городу, когда ветер свистит в ушах, теряла ощущение реальности. Ей хотелось выставить руки ветру и кричать от радости.

А почему нет? - мелькнула шалая мысль и девушка не сдержалась.

Приподнялась, опираясь на плечи парня, поставляя лицо ветру и казалось, полетела в неизвестность, в небо. В жизнь, в беззаботность и свободу. На встречу любви, будущему огромному как мир и светлому как солнце.

- "По дороге к Амстердаму я еще жива, с тобой пока жива! По дороге к Амстердаму я жива!!" - закричала и чувствовала себя живой как никогда.

Гриша засмеялся и закричал в ответ:

- "С тобой еще жива!"

Они летели по городу и было все равно куда, лишь бы путь был бесконечен, и это пьянящее ощущение полета, свободы и риска не покидало, сжилось, сплелось с кожей, мышцами, веной, проникло в каждую клетку души и тело, напитало, как напоило иссохшую от засухи рутины землю.

Гриша припарковался у какого-то клуба и подтолкнул девушку внутрь:

- Вторая часть марлезонского балета! Отрываемся!

Рок гремел, срывая перепонки, но не отталкивал, привлекал, взбадривал, зажигал. Сидеть за столиком было невозможно и, пара протиснулась к сцене, слилась с массой остальных любителей драйва.

Слава просто провалилась в какой-то водоворот феерий, в бесконечность, где только радость и праздник. Ей каждый казался родным и знакомым, близким, понятным - братом, другом. Она ощущала себя частью толпы, а толпу частью себя, свободной, легкой как пушинка, беззаботной, бесконечной и всемогущей. Это ощущение не оставляло ее, когда она с Гришей возвращалась домой, летела на

"харлее" по горящим неонам улицам. Вечный праздник - только так она могла назвать происходящее.

Но он закончился на самом интересном месте - когда они целовались у подъезда. Телефонный звонок раздался как гром среди неба.

- Не бери, ну их, всех, - прошептал Гриша, и как только девушка согласно моргнула, вновь приник к ее губам. Но телефон смолк лишь на пару минут - потом опять настойчиво запиликал.

- Хочешь, пошлю? - предложил парень.

- Нет, сама, - засмеялась. Достала мобильный из сумочки и ужаснулась - пять пропущенных звонков и все от Димы. Нет, ну почему она должна разруливать их с Ларой отношения, начхав на свои? Или ее личная жизнь не имеет ни для кого значения? А если она вообще уже в постели и не одна - время три ночи, между прочим, она совершеннолетняя, свободная - право имеет.

- Да! - рыкнула в трубку.

- Славка, Ларки нет нигде, домой не пришла! - почти истерил Дмитрий.

- Ну и? Думаешь, у меня под подолом сидит?

- Ты пьяная что ли?! Ларки нет!!

- Не ори! Я причем?!

- Ты последняя ее видела!!

- Хочешь сказать, что я ее утопила?!!

Гриша понял, что ссора с неизвестным приведет к тому, что запланированный им вечер ухнет в никуда, и вместо приятного общения с девушкой в ее постели, превратиться в одинокое мастурбирование в своей, забрал трубку и ласково сообщил истеряющему абоненту:

- Малыш, приходи завтра, а сегодня не мешай общению влюбленных.

И отрубил телефон вовсе.

"Влюбленных" - унесло Славу в облака, в такую высь, что подумать больно, а представить что вниз - смерть. И забылось все - Ларка,

Димка, институт, завтра, сегодня. Только губы Гриши, его руки, объятья.

- Пошли к тебе, - прошептал. Глаза блестели в полумраке и манили, ломали сопротивление которого и было-то - чуть от благоразумия.

Сколько она ждала этого момента?

Ей нравился Роман, но от близости Гриши, его образ мерк, бледнел и отступал, пропадая напрочь.

Парень не стал ответа ждать, подхватил на руки и понес на третий этаж. Прижал у квартиры, так, что Ярослава с трудом дверь открыла.

Ввалились и как провалились, с ума сошли - одежда в стороны, в неизвестность темной квартиры. Только он и она и никого не надо, ничего. Затмение.

Тепло его тела, упругость мышц и сила, что не оставляет шанса на спасение. И как приятно попасть в его руки, отдать себя в его власть, целовать кожу, от которой идет запах пота и одеколona. И кричать от счастья, глядя в его глаза. Лететь безумной в пропасть безумия.

Пусть день. Пусть вечер, час, миг, но было, есть.

И канула ночь в забытие, а будильник грянул громом и разделил быль на небыль, провозгласив окончание сказки и начало обычной жизни.

- Это что? - замер над ней Гриша.

- Будильник, - прошептала так же очумело. У обоих глаза с блюдца.

- Блина!

И засмеялись. Стало до коликов смешно, что канул вечер, ночь - они не заметили, и спали ли, жили в эту ночь - все равно.

Ярослава вскочила и, смеясь, пошла в ванную.

- Я провожу тебя, - даваясь смехом, крикнул ей Григорий.

Ярослава глянула на часы и, вихрем промчалась по квартире, подбирая и натягивая раскиданные вещи:

- Гриш, я опаздываю!!

- Угу, - вырулил тот с кухни уже одетый, с бутербродами в зубах и руках.

Девушка прыснула со смеху, осела на пуфик у стены, и получила в руки хлеб с колбасой:

- Жуй! - постановил парень, а сам натянул ей на ноги легкие сапожки и одел курточку. Вытащил из квартиры, отобрав один бутерброд. Девушка только успела сумку с конспектами схватить и ключи с мобильником с тумбочки сгрести. Скинула все в сумку, не заботясь, что в ней и что надо. Как-нибудь сегодня - две пары всего-то.

- Ты до сколько сегодня? - заводя мотоцикл, спросил Гриша. Его взгляд исподлобья, искрящийся озорством и довольством, улыбка заманивающая, соблазнительная вызывала желание прогулять день в институте, послать все к чертям. А может, именно этого он хотел, ждал? Вполне возможно. Но Ярослава подумала, что не стоит форсировать события и отношения нужно закрепить, значит надо отодвинуть желание и вернуться нанемного в действительность.

- Примерно в час освобожусь.

- Да? - улыбка стала шире и соблазнительней, взгляд игрив. - Может ну его, институт?

- Отрабатывать пропуск замучаюсь.

- Аа.

Разочарование проступило на лице парня слишком явно и девушка обрадовалась - все правильно, все верно она сделала! Пусть немного отойдет, без нее побудет - сильней тянуть станет.

- Садись, помчались, - усмехнулся Гриша.

"Харлей" взвыл, унося пару к альма-матер.

Славку мотало - бессонная ночь давала о себе знать. От лекций клонило ко сну, действительность не воспринималась, на вопросы подруг, что за классный парниша у нее завелся, отвечать не хотелось.

На перемене она просто спала, устроившись на сумке с конспектами.

Был кто вокруг - не был, все казалось сном.

После занятий она, зевая и слабо соображая, куда идет, вывалилась на ступени института и была подхвачена Гришей:

- Привет! - впился ей в губы. Посвежевший, бодрый, чистенький, опрятный и будто выпавшийся.

И потащил ее к мотоциклу.

Краем зрения Ярослава заметила Димку, злого нахохлившегося, оттирающегося возле парадного входа в здание. Но тут же отмахнулась от него, как от видения, только взгляд его больной, осуждающий и злой, будто клеймо впился в сознание и остался в нем.

- Ну, хорош спать, - протянул парень.

- Гриш, сил нет, спать охота. Вообще ничего не соображаю, на лекциях спала.

- Ой, соня! - засмеялся он, усаживая ее на мотоцикл. - Ладно, программа на сегодня - есть, спать...

- Душ.

- Душ. После сна - едем на трассу. Наши собираются в десять.

Успеешь выспаться?

- Угу.

- Эх, ты! - засмеялся, взъерошив ей волосы. - Неженка.

И еще один день канул в лету. Еще одна ночь-сказка досталась

Ярославе и, она млела от счастья, отдаваясь без преград и запретов пьянящему чувству свободы и радости любви.

Конечно - любви. Спроси ее любой в тот момент и она бы не думая ответила - я люблю Григория!

И не знала, что в тот самый момент, когда она целовалась в Гришей после тусовки в рок-клубе, Лариса пришла в себя и поняла, что лежит голая и распятая в незнакомой квартире, а перед ней стоят трое нагих мужчин в кожаных масках, закрывающих даже волосы. В тот момент, когда Славка кричала от счастья, Лариса кричала от ужаса и боли.

Глава 3

Боксер вставил диск и подал пульт Лешему.

- Все? - спросил тот.

- Да.

Ни одна мышца не дрогнула на лице Виталия, взгляд не выдал ни одной эмоции.

- Где она сейчас?

- Везут из города.

- Убьют?

- Зачем? Выкинут где-нибудь на границе с Белоруссью.

- Кто-нибудь заметил, что вы снимали?

- Нет. Вычислили дом, где все будет происходить, поставили аппаратуру. Когда девчонку вывезли - сняли.

- Флэши?

- Вот, - положил на стол перед шефом.

- Уничтожь... Хотя нет, пусть пока полежат.

Пригодится. Жизнь длинная.

Алекс усмехнулся и нажал кнопку пульта, Боксер прикрыл плотнее двери в залу и замер рядом с ними.

На экране показалась стайка студенток,двигающаяся по тротуару.

Смех, невнятный разговор, звон трамваев, гудки машин.

- Что это? - спросил охранника, не оборачиваясь.

- Начало.

Взгляд Лешего приковали двое, что отделились от толпы - светловолосая, которую выбрал Игорь и та самая "породистая" девушка, что зацепила его. Девушки двигались по аллейке и о чем-то говорили, светловолосая курила.

- Они подруги? - этот факт чуть удивил Лешего.

- Да.

"Судьба, не иначе".

- Как ее зовут? - скорее себя спросил Александр и, услышав:

- Ярослава.

Обернулся, пытливо уставился в глаза Виталия:

- Понравилась?

- Представилась. Искала подругу, я сидел на лавке, обстановку изучал.

Леший отвернулся: Ярослава... Имя-то и то неординарное, редкое.

Девушки на экране разошлись - одна в кафе, другая к ларьку.

Притормозил джип и пока "светловолоска" стучала в закрытое оконце к ней с двух сторон подошли двое мужчин, один прижал что-то к лицу девушки, второй подхватил ее и не прошло пары секунд, как хлопнули дверцы, уехала машина и не осталось даже памяти от того, что здесь что-то было. Опять идиллия пустоты - ларек, неспешное движение единичных прохожих, шелест листьев и стук чьих-то каблучков по асфальту.

Как просто, как быстро.

- Слаженно сработали.

- Опыт.

- Смотрел уже?
- Часть. Монтировал.
- Кто еще видел?
- Только я.

На экране появилась убогая обстановка комнаты без окон. К постели подтащили бесчувственную девушку, кинули, как тюк. Аккуратно раздели и сцепили руки наручниками над головой. Ключи оставили на столике.

Леший смотрел на спящую, на ее ладное, стройное тело и понимал, что скоро его сомнут, испятнают, искалечат. Было что-то странное, щемящее в понимании этого, что-то необычное в осознании, что он, по сути, заглядывает в замочную скважину, но видит не часть с одной плоскости, а объемно и всю картину. И чувствовал себя ясновидцем, немного творцом и разрушителем. Ведь он мог все остановить, как может остановить сейчас, нажав кнопку "стоп". Он знал предысторию и может узнать послесловие, может повернуть как ему угодно, что угодно, и разыграть свой спектакль, повлиять как Бог на жизнь людей, близких этой девчонке. Перед ним ключ к многим душам, жизням, перед ним заготовка и только во его воле оставить ее таковой или пустить в ход, срежессировать свой "фильм".

Это было приятное чувство, чувство во истину огромной значимости, ощущение действительно властителя и творца, Бога.

Леший протянул руку и взял бокал вина, разбавил трепет сладостью предвкушения. Задержал рвущиеся эмоции, что проснулись и наделили его полнокровностью, расшевелили холод в крови.

- Я урезал запись. До ночи ничего не происходило - она спала.

Леший кивнул и вновь глотнул терпкого напитка, бросил в рот орешек в шоколаде.

Девушка на экране начала просыпаться, шевелиться. Растерянность в глазах сменилась паникой. Наручники брэнчали о железо поручней кровати - глупая пыталась вырваться. На столике появились фрукты, вино, фужеры, упаковка таблеток возбуждающих потенцию, кальян.

А дальше, как в дурной сказке стиля хоррор - явились трое в масках.

Леший смотрел, как девушку начинают ласкать, исследовать, не обращая внимание на ее крики и мольбу, на слезы. Он видел ужас в ее глазах, видел похоть и дурман власти в их глазах и, воспринимая каждую сторону, будто раздвоился - был там и тут, прошел путь ощущений девушки - отчаянья, леденящей душу паники, надежды, что рушилась, воли, что ломалась, ощущений мужчин - безграничной власти, безнаказанности, игры с живой игрушкой себе на радость, и улыбался, потягивая вино. Забавно это, очень забавно - остро, живо, бесценно.

Вот они, настоящие живые эмоции - на их лицах, на ее лице. Вот она настоящая боль и настоящий ужас, спрутом сжимающий сердце, как руки незнакомцев, тискающие грудь. Вот она песня победы и власти над распятым телом, что предназначено тебе, не отдано - взято как ты того захотел. Вот он, настоящий крик ужаса, крик боли, крик смерти личности, которую топчут и гнут под себя, раздирают как тело.

Леший наблюдал, как гаснут глаза девушки, как слезы высыхают, а губы, уже искушенные в кровь ее хозяевами, опухли и не закрываются.

И дают мужчинам больше власти, больше желаний. Удовлетворяют уже не себя - их. Она вся стала инструментом удовлетворения, бесконечной дороги через ломку по чужой прихоти.

Она уже не кричала - не могла - рот был забит и только освобождался, в него входили. Было ясно что мужчины накачаны и не выпустят жертву пока не закончится действие стимуляторов, пока самые вольные их фантазии не получат удовлетворения.

Девчонка уже не рвалась, не плакала, зажата, как в тиски тремя разгоряченными самцами, дергалась в такт их движениям, отдавалась, не мечтая выжить. Ее отцепили от кровати, но наручники не сняли - ее руки были им не нужны, они не ждали ласк, она требовали подчинения и только. Ее крутили, распинали и наполняли. Менялись местами, отходили, чтобы перекусить и выпить и снова брали. Жаркая и совершенно животная сцена, брутальная и тем естественная, открывающая истинные лица человеческие, хоть и скрытые масками.

Номинально здесь было трое в масках. Натурально - без. Вот они истинные лица - одного, что заставляет давиться своим фаллосом, вдавливая голову жертвы в пах, и пьет вино, посмеивается, второго, что хлопает по ягодицам и таранит их, третьего, с урчанием грызет соски и, придерживая девушку в неестественной позе.

Оргия животных, соло трех на одном теле, уже измятом, в синяках и засосах.

Ночь была бесконечной. Когда наскучило просто трахать, девчонку положили на стол, начали играть в карты на ее спине, поить вином и извращаться в кураже. Так и оставили на столе раздавленную, оглушенную, полумертвую.

Пришли двое, утащили ее видимо в ванную, потом кинули на кровать, поставили укол и, пристегнув наручник к кровати, ушли.

Она пришла в себя, свернулась, сжалась и плакала навзрыд, выла.

Потом затихла, попыталась встать, потом билась, опять затихла, то ли заснула, то ли в забытьи провалилась. Успокоилась и принялась вполне осмысленным взглядом оглядывать комнату, пыталась освободить руку, оторвать железку, что сдерживает наручник. И тут опять вошли те трое. Крик девчонки ударил по ушам, крик в глазах был подобен грохоту обвала в горах.

Она рванула, грозя остаться без руки и, была поймана, с хохотом кинута на постель, вжата в нее телами и распята. Один брал, второй сосал ей губы, зажав голову, третий отстегнул наручник и помог ее перевернуть, вошел сзади.

Игривая музыка смешивалась с воем девчонки, похотливыми вскриками и стонами мужчин, жаркими, издевательскими подначками.

Леший смотрел и видел, что девчонка сломалась. Это был самый откровенный момент, самый беспрецедентный.

- Парень-то у тебя херня был. Вот мы трахаем это да. Да? Ну?

- Да...

Она ответил - "да". Лицо исказилось, слезы в глазах и ужас, а с губ слетело - "да".

- Нравится? Ну?

И опять "да".

Ее брали, сжали грудь, так что она взвыла и заметалась, но зажата лишь доставила наслаждение своими метаниями, а не вырвалась.

И вбирала, вбирала, вбирала, уже не пытаюсь вырваться. Отдавалась на волю чужой прихоти, как тряпка, безвольно, бездумно.

Все, от психики только пшик - девчонка слом, развалина, игрушка, готовая принять и вытерпеть все что угодно. И приняла, вытерпела. Ей предлагали и она безропотно подчинялась. Ей намекали и она делала.

Ею помыкали и она слушалась.

Последний кадр был особенно потрясающе, если сравнить его с начальными кадрами. Здесь уже была тень от человека, постаревшая уродина с серым лицом, синими кругами под пустыми, бессмысленным взглядом, вспухшими, окровавленными губами, истерзанным телом, в синяках, укусах, царапинах и засосах, вызывающим лишь брезгливость.

Леший отключил запись и задумался: интересно, что будет дальше?

Мужчина покрутился в кресле обдумывая: а ведь та "породистая" тоже засветилась у Хелен, значит рано или поздно приглянется ее клиенту и пойдет за подружкой. Интересно, как себя чувствует человек, над головой которого занесен "меч" и вся жизнь вот-вот пойдет к чертям?

А что будет с этой, что так виртуозно удовлетворила троих очень избирательных мужчин?

- Она жива?

- Да. Наркотой по уши накачана.

Интересно.

Алекс потер пультом подбородок: зачем ему Хелен? Это его партия, его приключение и развлечение.

- Найди мне адрес подружки этой, - ткнул пультом в погасший экран. - Собери досье.

Виталий помолчал и ответил:

- Сделаю.

Враги пришли в родную хату. Дверь выносили с таким усердием, что Ярослава всерьез подумала, что началась третья мировая.

- Что это за фигня? - сонно просипел Гриша.

- Понятия не имею, - протирая глаза, заверила девушка.

- Откроешь?

- По-моему они раньше дверь вынесут, - выбралась из постели, натянула джинсы, футболку и пошлепала открывать. Гриша, принялся лениво одеваться, на всякий случай - больно уж яро громяют.

- Подожди, я сам! - крикнул подруге. - Воскресенье, блина, - и глянув на часы, присвистнул - восемь вечера! Ничего себе зажгли!

Девушка рыкнула через дверь, чтоб перестали ее выносить с косяком, и не услышав предупреждения парня, открыла. В квартиру как вихрь влетел Дима и, сходу схватив девушку, вжал в стену, заорал в лицо:

- Где Лариса, сука?!!!

Ярослава обалдело смотрела на его перекошенную физиономию и не знала что делать - то ли на помощь звать, то ли тянуться к чему увесистому, то ли поорать в ответ. Решить не успела - Гриша в пару скачков преодолев расстояние и забив на толстовку, рванул Диму на себя за шиворот и откинул в комнату:

- Ты кто такой, козел?!! Ты какого хрена к Славке лезешь?!! Я те сейчас все клешни пообрубаю, сученок!!

- Тихо!! - закричала девушка и, стало так тихо, что ей показалось, что у нее заложило уши. - Вы чего творите? - прошептала, неуверенно ступая в комнату. - Дима, скажи внятно, что случилось? Гриш, это друг моей подружки, Дмитрий.

Григорий насупился, но немного успокоился, подтянул к себе

Ярославу, давая понять постороннему, что он здесь, и она его, так что шалить поостерегись, кем бы ты там не был.

Дима сник, глаза полные слез, что вовсе ввело Суздалеву в ступор, смотрели на нее как на вражину, самого последнего предателя. Парень осел прямо на пол, протер лицо и глухо сказал:

- Ларка пропала.

- То есть?

Весть была непонятной, неудобоваримой, какой-то надуманной, нереальной.

- Ты последняя ее видела, больше никто... Куда ты ее дела, сука?!! - заорал вдруг снова.

Слава отпрянула и вжалась в стену, лихорадочно соображая, когда видела Ларису. Она вовсе выпала из ее памяти за эти дни, что полностью и безраздельно были отданы Григорию, их отношениям, полету и любви.

- Я... ничего не понимаю... Почему?... Погоди...

Гриша шагнул к парню, подхватил с пола как щенка и бросил безапелляционным тоном:

- Пошли! Слава, водка есть?

- Нет... Кажется... Не-не знаю...

- Перепугал девочку! - встряхнул парня, что упираться начал и толкнул в сторону кухни.

- Сесть!! - пронеслось по квартире эхом.

Ярославу заколотило. Дима растерянно моргнув бухнулся на табурет.

- Вот так, - придавил взглядом Гриша, залез в холодильник.

Вытащил нехитрую снедь и полбутылки давно забытой девушки водки, которой она еще по весне ватные шарики смачивала, уколы от низкого давления себе ставя.

Бухнул все это на стол и крикнул девушке:

- Сигареты принеси.

Поставил стаканы на стол, блюдце под пепельницу, щелкнул чайником. Разлил водку и кивнул парню:

- Двигайся.

Ярослава бочком просочившись на кухню, на стол с краю осторожно положила пачку Winstona. Гриша вытащил три сигареты, подкурил, не глядя на девушку и, раздал сигареты парню и ей, третью себе.

- Выпей, - приказал, сунув ему стакан, свою порцию в рот закинул и затянулся, щурясь от дыма на гостя. Тот сморщился, уткнулся носом в ладошку, дух перевел и хлопнул стакан на стол.

Затянулся нервно, руки дрожали.

- Рассказывай, - приказал Гриша, ногой двинув табурет сначала

Ярославе, потом себе.

- Ларки нет.

- Слышал. Кто такая?

- Моя подруга, мы учимся вместе, - робко встряла девушка. Гриша бровью не повел - на парня смотрел. Тот на Ярославу глянул и вовсе - туча грозовая сделался.

- Подруга, да? Где тогда твоя подруга?!

- Не ори, - осадил его Гриша.

- Она последняя Ларису видела! Она с ней была!

Суздалева ничего не понимала. Не складывалось, не понималось, не принималось,

всем существом отталкивалось, что могло что-то случиться с Лысовой. Загуляла, - билось в виски, встретила с кем-нибудь, и загуляла. Другого, быть не может. Не с ней, не с ними.

- По порядку, - потребовал Григорий. - Не истерии как баба.

Четко и внятно скажи, тогда разговор будет, а орать на улицу иди.

Еще рявкнешь, выкину нахрен!

- Мы должны были с ней встретиться - она не пришла. К ночи всех обзвонил - родители на ухах - дочери нет, с института не приходила.

Девчонка звонил, они сказали, Лариса с Ярославой пошли в кафе перекусить. Все. Девчонки на остановку и домой, Славка тоже дома, а

Ларки нет. И вчера не было, и сегодня - нет. Нет!

- И причем тут Славка? На нее чего накинуся?

- Она последняя ее видела!

Гриша развернулся к подруге, так как приведение выглядела - белая под цвет футболки и будто замороженная:

- Я?... - моргнула. - Она за сигаретами пошла, ларек по пути.

Я в кафе, должны были там встретиться, я ей заказала салат там... кофе... А ее не было. Она не пришла.

- Куда делась? - нахмурился Гриша.

- Откуда я знаю?... Я откуда знаю?!!

- Тихо! - хлопнул по столу. - Что вы истерики такие? Звонил ей? - спросил парня.

- Не отвечала сначала, сейчас "абонент вне зоны доступа".

- Может, повстречала гарного хлопца и рванула за звездой? - усмехнулся.

Диму перекосило, кулаки сжал, раздавил тлеющую сигаретку и даже не заметил того.

- Ладно, пошутил я.

Дима сник, выкинул сигаретку и поморщился - боль в руке дошла до сознания.

- В ментуру ходил?

- Родители обращались сегодня с утра. Послали их. Сказали, через месяц не будет, тогда и приходите. Меня тоже послали... то же что и ты сказали, только в лоб - кинула, а ты сопли мотаешь. Девки, что ветер - куда дунешь, туда летят.

- Все? - улыбнулся, на Ярославу покосился. Та сигаретку взяла, закурила вкуса не чувствуя - ком в горле и пустота внутри.

- Вполне возможно.

- Что возможно?! - вскинулся Дима.

- Что... что ушла... - проблеяла, пряча глаза. Парень долго смотрел на нее не веря, не желая прислушиваться, но яд трижды от разных людей услышанного проникал в душу и мутил разум.

- Сука... - прошептал потерянно. Встал. - И ты сука - ты, поди, ее и свела. Где она?! С кем?!!

- Мужик, у тебя с ушами проблемы или со всей головой? - скривился Гриша. И вытащил упирающегося, орущего на Ярославу парня на площадку, выкинул с лестницы. - Появишься, рожу разобью!! - заверил.

Хлопнула дверь, будто душу девушке оборвала. А за ней крики:

"сука!! Тварь ты, Суздалева!!" И вина укутала, хотя откуда ей взяться?

Гриш к девушке, обниматься, с поцелуем полез - оттолкнула не заметив, пошла в комнату, начала телефон искать.

- Не понял? - двинулся за ней парень. - Пошлем вечер к чертям из-за трагедии Ромео, потерявшего свою Джульетту?

- Ты не понимаешь.

- Не понимаю и не хочу. Меня ты интересуешь, мы, а не какая-то ветреная Ларка со своим чокнутым Оттелой.

Девушка не слышала - она металась по квартире в поисках долбанного телефона и готова была завывать из-за его пропажи.

- Эй, алло?! Что мы ищем?!

- Телефон!!

- На хрена?!!

- Позвонить девочкам!!

- Здорово! - передернуло Гришу. - Может и мне пацанам позвонить?! Устроим слет добровольной службы доверия и спасения на дому!!

- А если с ней действительно что-то случилось?! Ты не допускаешь этой мысли?!

- Но ты-то причем?! При чем тут я?! При чем тут мы?!

- Я ее подруга! Я видела ее последней! Я!

- Будем в ответе за всех, прости господи?! С головой как?! Да укатила твоя подружка на какую-нибудь базу, зажигает, так что листья с дубов опадают! Выходные, дура!! Не думала, что люди просто отрываются?!!

- Я дура?!... Ты.. ты сам дурак! Эгоист, рокер хренов!! Пошел вон отсюда!!

Гриш опешил. Обиделся. Схватил куртку и рванул к дверям, пытаясь вымучить что-нибудь едкое, обидное, такое, чтоб под дых и в аут. Не получилось - пошлятина всякая в голову лезла. Вылетел и только смог на двери злость выместить - хлопнул так, что штукатурка у косяка полетела.

- Ну и катись!!...

И всхлипнула, сползла по стене, обняла голову, готовая завывать.

Взгляд упал на валяющийся у тумбочки мобильник - мимо ночью положила, вот и найти потому не могла. Подползла, взяла, а что делать дальше - не знает. Звонить? Кому? Даже Любе - страшно. А если услышит тоже что от Димы, что она Ларису подставила, свела с кем-то.

А если с Ларкой правда, беда, выйдет вообще ужасное - что она виновата, она не усмотрела. Она же рядом была, она!

Да не может быть. Не с ними, не с Ларисой. Что плохого с ней может быть? Действительно укатила со знакомыми на базу, забив на один день учебы. Бывает. И Димку понять можно. И что та не отвечает

- тоже. Но почему ей не позвонила, почему матери с отцом не сказала?

Телефон разрядился?

Да. Да! Точно.

А в душе пурга - не дай Бог, не дай Бог!

Набрала номер Любы и робея, боясь крик и обвинения услышать, зажмурилась, ожидая когда подруга возьмет трубку.

- Привет! Как дела? - нормальный бодрый голос.

- Люб, про Ларису слышала?

- А, слышала. Я думала, и ты в курсе, что свалила Лысова в неизвестность. Ты ж с ней была. Я думала вы вместе познакомились, вместе отрывались. Ты приползла в институт, а та

наплевала.

- Нет, я сама по себе была.

- Серьезно?

- Да. Димка сейчас приходил, орал. Говорит Ларисы так и нет.

Родители в милицию ходили - она с пятницы дома не появлялась.

На том конце связи притихли.

- Люб?

- Ну чего? Думаю я, что случиться могло. А вы когда в пятницу расстались?

- У кафе. Она к ларьку за сигаретами пошла, я в кафе. Больше не вделись.

- В смысле она ушла за сигаретами и не вернулась?

- Выходит так.

- А ты где была?

- В кафе!

- Ну, чего кричишь-то? Я же просто спросила.

- Я... боюсь, - осела Ярослава. - А если с ней, что-то случилось?

- Может, и нет. Чего с ней может кроме любви случиться?

Втрескалась поди, как ты в своего. Голова улетела и ринулась Лариса в тупик. Завтра явиться, родители ее урюют, а Димка добавит.

- А если... если нет? - еле слышно спросила девушка.

- Ну-уу... тогда не знаю. Если завтра не объявится, тогда точно... пипец.

- Как это?

- Ну, как, как! Убили!... - и дошло, что сказала, затихла на полминуты. - Да нет!... Фу, ты!

Тяпун мне на язык. Ничего с ней не будет, кому нужна? Кто? Среди дня?...

Слава застыла, сообразив, что в тот момент когда она пила кофе и нелестно отзывалась о своей подруге, ее возможно убивали. Она возможно кричал и звала на помощь, Ярослава в это время... Она...

Нет!!

Сжала трубку и зажмурилась: нет, нет, нет, кыш плохие мысли! С

Ларой все хорошо, с ней все отлично. А Димка? Ну, что Димка? Мало ли бывает?

А что ей-то делать?!

- Эй, подруга? Ты чего притихла? Слав, выкини фигню из головы.

Завтра Лысова явиться как ни в чем не бывало. Вот увидишь. Чего вы раньше времени панихиду заказываете?

А правда - чего?

- Ты права, ага. Извини. Ладно. Пока, - отключила телефон.

Взгляд на городской ушел - родителям Ларисы позвонить? И что услышит? Нет, надо подождать до завтра. Правильно Люба сказала - может явится завтра Лариса, как ни в чем не бывало, а ты тут с ума сходи. Это все Димка, нагнал истерики. Из-за него с Гришей поссорилась. Ой, еее!!

ТЬфу!

"Только явись Лысова, я тебя сама грохну!"

Леший принял душ после трех сэтов с Расмусом и сел за стол:

- Ну, рассказывай, как оно?

- Класс! Высший класс! - поведал тот, смакуя вино. - Девочка - вишенка, ягодка,

персик!

- Доволен.

- Еще бы, - передернулся и расплылся в улыбке. - Как она билась, ты бы видел. Это тебе не театр для двух, не искусство эротики - жизнь. Натура. Кстати, немного заснял, как ты просил.

Смотреть будешь?

Алекс поморщился, выказывая сомнения:

- Нет, наверное. Лучше расскажи свои впечатления.

- Оо, - покачал пальцем Игорь, лукаво улыбаясь. - Что рассказ

- нужно самому вкусить запретного плода, чтобы понять его вкус.

Поверь, оно того стоит. Знаешь, - развалился в кресле, поджег сигару. - Я подумываю повторить. Купить на неделю или месяц. На две ночи - мало. Правда, правда.

- Дорого.

- Ай, деньги для того и нужны, чтобы их тратить и не стеснять себя в желаниях. Я тут подумал - дела идут отлично, жизнь катит - должно же в ней быть что-то и для души, чтобы потом было о чем вспомнить?

- А это для души? - хитро усмехнулся Леший, отодвигая тарелку с уткой.

- Не то слово! Но не объяснить - нет. Сам попробуешь - поймешь.

Вот он, настоящий наркотик! Сплошной чистый адреналин.

- Я прыгал с парашюта - тоже адреналин вырабатывается, будь здоров. Плохо, что на третий, четвертый раз острота восприятия притупляется. Куража уже нет.

- Вот! - ткнул в его сторону зажженной сигарой. - А тут одни воспоминания - выплеск "будь здоров". Жаль, искренне жаль, что все закончилось. На самом интересном месте, между прочим. Она сломалась, стала мягкой как воск. Этакая живая кукла. Спорю, многие вещи она проделывала впервые. Это было очень любопытно, остренько, неизбито.

Н-да, заманчиво до головокружения. Но. Я только вошел во вкус и - конец контракта. Н-да, жаль, - глотнул вина. - Ты как, надумал связаться с Хелен?

- Куда торопиться?

- Зря, старик, такого себя лишаешь, я тебе доложу.

- У нас разные вкусы.

- Не скажи, это всем нравится. Инстинкты, куда от них денешься?

- Может быть. Но я не люблю кукол. Мне нравится дрессировать, но не нравятся дрессированные. Они уже не интересны, теряется изюминка. Все становится предсказуемым, понятным, отлаженным.

Серость. Скука.

- Да? Как же Ирма? - уставился на него с поволокой во взгляде.

- Эта кошечка предсказуема не больше любого хищника.

- Ничуть. Как раз в этом ее тонкое место. Я знаю, чего она хочет, знаю, чем купить ее поведение, отношение, знаю, как и чем направить в нужное мне русло.

- Слышал, она уже приехала.

- Может быть. Мне неинтересно.

- Но она строит планы в отношении тебя.

- Разве это мои трудности?

Мужчины переглянулись и рассмеялись. В окна, словно возмущившись их поведением, дунул ветер.

- Кажется, осень вступает в свои права, - заметил Игорь.

- Давно пора. Я уже соскучился по ливням.

- В такую погоду хорошо сидеть у камина... и держать на поводке вместо суки породистую рабыню.

Алекс покосился на друга: забавно. Однако если речь идет о той, что он превратил в игрушку - неинтересно. Потому что быстро и, послевкусе бледно оттого, ощущения неполные, урезанные.

Такие вещи нужно смаковать, как хорошее вино, а иначе вкус теряется.

- Между хозяином и его питомцем должна быть крепкая связь, иначе теряется очень многое. Пропадает смысл.

Расмусов задумчиво посмотрел на него, затянулся и кивнул:

- Ты прав, в этом что-то есть.

- В этом есть извращенность, - засмеялся Александр.

- Оо, это самая "вкусная" часть личности. Мы все, так или иначе, извращены. Лично я согласен с Фрейдом - все держится на сексе, влечении, удовлетворении сексуальных инстинктов. Мир делиться на рабов и хозяев, как бы это не скрывалось и чем бы не прикрывалось.

Высший пик наслаждения, наверное, найти хозяину своего раба, а рабу

- хозяина. И в этом высшее извращение, переходящее уже в норму, - засмеялся.

- Любопытная теория.

- Отнюдь. Правда жизни. И радость в том, чтобы понять кто ты: раб или хозяин.

- Про себя понял?

- Хозяин, однозначно! В этом понимании я благодарен маленькой шлюшке, что презентовала Хелен. Уверен, что девица не останется в накладе - она стала прекрасной рабыней, и теперь точно будет знать свое место, и свое назначение. Кстати, тебе не хочется понять, кто ты? - качнулся к другу.

- Я знаю.

"Но что хозяйева, что рабы - бывают разными, и порой, одно другому не мешает", - спрятал улыбку.

Ночью гроыхало и было ветрено. Порывами ветер бился в окна и хлопал форточкой.

Ярослава лежала и слушала его вой, пытаюсь заснуть, но сон бежал.

В голову лезли всякие гадости, воспоминания, и было страшно вставать с постели, чтоб закрыть форточку или одеться пойти в институт. А надо.

Да и чего она боится? Все будет хорошо, все точно будет хорошо. И с Гришей они помирятся, и с Лара с Димой. Только бы заснуть и проснуться уже, когда это "хорошо" наступит, попасть туда сразу, как в другое измерение.

Глава 4

Ярослава все время оглядывалась по сторонам, двигаясь к институту. Она ожидала увидеть Ларису и Григория, но ни того, ни другого не было. С Гришей ясно - обиделся парень, так ей и надо. Но отсутствие Ларисы навевало дрожь, боязнь глубинную, того худшего, что прорицала Люба, что сама она гнала как могла, но оно то и дело выползло на свет.

Тучи заволокли небо, ветер буянил в сквере, на остановках, но впервые Ярослава не радовалась наступлению холодов. Она попросту не замечала перемен.

Зашла в аудиторию, плюхнулась за стол и бросив подругам:

- Привет, - стянула шарф с горла, скинула куртку. - Лариса не появлялась?

Девушки дружно уставились на нее:

- Говорят, наглухо пропала, - поведала Света, вздохнув. - Понять не могу, что могло случиться?

- Мало придурков по свету бродит? - грубо бросила Марина, отворачиваясь.

Ярослава сникла.

- Другое мне непонятно, если Лариса пропала, то почему ты на месте? Вы же вместе ушли, вместе пошли, - покосилась на нее Инна.

- Что-то в этом неправильное.

- Что может быть правильного в пропаже человека среди бела дня?

- пожала плечами Марина. - Но вопрос по существу, - уставилась на

Суздаеву. - Ты ее бросила, что ли? Напал кто и ты испугалась, убежала?

- Чего?... Вы что, совсем что ли?! - возмутилась девушка, сердце сжалось от горечи - началось, теперь ее винить все и во всем будут. Докажи что-нибудь! - Никто к нам не приставал, никто не нападал! Блин, я сотню раз уже рассказывала, как было, у меня уже мозоль на языке! Я пошла в кафе, а Лара пошла за сигаретами! И больше не появилась! Я что, должна была ее и в ларек сопровождать?!

- Слав, ну чего горячишься?...

- Че кричишь-то? - обиделась Марина. - Правда глаза колет?

Сейчас конечно, что хочешь можно сказать, иди, проверь, как там было.

- Да что вы на нее напали, девочки? - занервничала Света. - Слава причем, правда? Ларка всегда бесшабашная была...

- Почему была?!

- Ну, есть! Конечно, есть!

- Точно, сейчас заявится, вот посмотрите. И хоть бы хны будет,

- проворчала Люба. - Я вообще не понимаю этого упадничества и кипиша. Ну, зависла наша очаровашка до окончания любовного экстаза, обкурилась наверное, о времени не соображая. А мы тут гадаем, фигню какую-то городим.

- Согласна, - кивнула Инна. - Лариса может такое выкинуть, спокойно.

- Все, девочки, тихо, а то Воропаев нам устроит дискуссию! - одернула всех Света.

Все притихли. Ярославу саму гнуло до столешницы. В голове ни мысли о Риме - только произошедшее, Лариса, она, Дима. Даже Гриша не вспомнился.

Она всю пару ждала - сейчас дверь распахнется и войдет Лысова, улыбающаяся, сияющая, жизнерадостная как обычно. Но мечты оставались мечтами.

На перемене в коридор выйти, а тем более пойти в кафе, покушать - сил не было. Настроение не то что в минор - в подпол укатило и там осталось.

- Есть пошли! - потянула ее за собой Света.

- Не хочу, - буркнула. Реветь хотелось, жуть. А еще Ларису придушить за выкрутасы.

- Кто тебя спрашивает? Разлеглась в печали! - подхватила ее силком Марина. Девочки шарф накинули и куртку в руки впихнули, потянули за собой.

- Ну, чего как неживая?

- С ложечки что ли кормить, как младенца? - поддакнула Люба.

- Девочки, а если с Ларкой, что-то?... - протянула Суздалева, решительно отодвигая пончики.

- Тьфу! - отвернулась Инна.

- Больше говорить не о чем? - поморщилась Марина, что в отличие от остальных выглядела самой озабоченной.

- Точно. Расскажи лучше где байкера подцепила, - двинулась к подруге Люба. - Я обалдела! Такой мальчишечка!

- Нет байкера, поссорились. И не байкер он, - отмахнулась. - Эгоист.

- Чего поссорились? - деловито спросила Света, смакуя мороженное с шоколадным сиропом.

- Димка в поисках Ларисы вломился...

- А вы там и?... - округлила глаза Люба.

- Спали! - Ярослава решительно поднялась. - Я домой. Все, не могу. Не отсидеть мне еще две пары, скончаюсь. Прикройте. Если

Лысова появиться от меня огромный кирпич подарите. И позвоните тут же! - потопал к выходу.

Домой не поехала - пошла пешком, чтобы мысли в порядок привести.

Шла и все думала - что могло произойти, виновата она или нет, помирятся ли они с Гришей. Видеть его хотелось, прощения просить - нет. Поступил он как свинья и, девушка твердо решила на том стоять, даже если ее упрямство будет стоять их встреч.

На скамейке у подъезда нахохлившись под порывами ветра сидел

Григорий, держа букет цветов как факел Олимпиады и тараясь на него, видно удивляясь самому себе.

- Привет, - бросил девушке. Та хотела фыркнуть и пройти мимо, но вопреки самолюбию плюхнулась рядом.

- Привет.

- А это тебе, - протянул букет и носом шмыгнул. - Как оно?...

Ну... В институте?

Ярослава покрутила цветы и положила на скамейку:

- Нормально.

- Пойдем куда-нибудь?

- Настроения нет.

- Совсем?

- Совсем.

- Что так?

- Все не так.

Парень задумался, чтобы еще такое сказать, девушка нахохлилась, руки в карманы куртки спрятала, ожидая, когда же он извинится, в конце концов. Так и сидели не близкие, ни далекие.

- Может, к тебе? - несмело предложил Гриша.

- С какой радости?

- Холодно. Ну, не дуйся, а? - пихнул ее легонько. - Чего, правда?

- Ты был не прав, - бросила подумав.

- Ну.. не прав, - признал нехотя.

Теперь Ярослава носом шмыгнула и, вдруг, улыбнулась.

- Ну, ладно.

Гриша заулыбался, обнял:

- Пошли, а? Замерзла же.

- Не-а, я холод люблю, а от жары дурею.

- Везет, я наоборот, терпеть не могу когда холодно. Замерзаю быстро.

- Пошли тогда, пока не замерз и насморк не заработал.

Парень потянулся к ее губам, накрыл их нежно, еле касаясь.

Соскучился. Кто б сказал, что он по этой пигалице скучать будет - на смех бы того поднял. А надо же - случилось!

- Больше не соримся, - постановил.

- Живем мирно, - кивнула, довольная. - Но прежде чем домой идти - двигаемся в магазин. У меня в холодильнике - сам видел, мышь повесилась.

- Никаких проблем. Набираем всего и побольше и...

- Завтра в институт.

- Так и мне на работу. Ну и что? Завтра на магазины время тратить не придется.

- Ты не переехать ли ко мне решил? Не спешишь?

Парень плечами пожал:

- Вообще-то я только о завтра, а не о всей жизни.

- А на всю не готов?

- Слав, ну чего ты начинаешь? Что у вас у девчонок за привычка, пару дней повстречаются и, давай пытаться, чего и как. А как оно если еще толком о себе не поняли, не то, что о другом? Ну, чего вперед батьки бежать? Чего форсировать? Если дано - ясно будет, а нет, ничем тут не помочь.

- Но ведь тянет.

- Я спорю? - пожал плечами. - Но это же не значит, что сразу кольцеваться надо, ребенка заводить, с родителями знакомиться, о чем-то серьезном думать. Ну, пойми ты, рано. Не обижайся, Слав, я тебе честно говорю, потому как уважаю и нравишься. Могу, конечно, лапши кило на ухо навесить, но ведь не честно это, так я думаю. Если по-человечьи - то так только и надо - в лоб, прямо.

- Болит он уже у меня, от вашего "в лоб, прямо", - вздохнул.

Поплакаться, что ли? Да вряд ли легче станет. - Ладно, пошли в магазин. Не будем форсировать - будем просто жить.

В венском ресторанчике былолюдно и почти все посетители - знакомые Алекса и Ирмы, свой круг, давно наевший оскомину.

Ирма чудила - отрывалась - застоялась в своей элитной клинике по правке интерфейса. Леший же скучал, заранее зная какую арию споет ему его пассия.

Менять надо, однозначно. К чему он согласился с ней поужинать?

Еще и в постель? О, нет, только не с ней.

- Доррогоой? Только не спи, - качнулась к нему.

- Я задумался.

- Понравилась новая грудь Свачковой? - улыбнулась ехидно женщина и стала похожа на ее самую - ехидну, и мех на плече в тон.

- Что это за шкурка, дорогая? Не ехидна часом?

- Фи, - изогнула накрашенные, блестящие губки Ирма. - За кого ты меня принимаешь?

Это шиншилла, боа под заказ.

- А жемчуга на вынос, - протянул, поглядывая на окружающих и кивая с наклепленной на губы улыбкой знакомым, получая те же искусственные авансы в ответ. - Тебя с души от здешнего общества не воротит?

- Оно забавно, - улыбнулась женщина, подняв фужер. - Посмотри на Клару и ее "Карла" - шапито, - передернула плечиком и послала воздушный поцелуй тому самому "Карлу" - боссу сети ювелирных салонов, что сидел за столиком с любовницей министра энергетики.

- Славная парочка.

- Сладкая. Ах, какой ты бука. Я вернулась в надежде, что ты ждешь меня, а ты словно и не заметил моего отсутствия.

- Ну, что ты, - "приклеил" очередную улыбку на губы.

"Так и есть, Ирма - даже не вспоминал".

- Что я? - выгнула бровку. - Я здесь, а где ты? То Добочинскую изучаешь, то грудь Свачковой, то зубы Кваскова.

- Фирма. Его улыбка - его бренд. Надо отдать ему должное - так искренне улыбаться и скрывать за улыбкой: " а не пойти бы вам всем?"

- может только он.

- Артист. Как Свачкова - надо уметь носить такую грудь гордо.

Как ее не заносит?

"Уж не ревнуешь ли ты меня к этому грудастому монстру? Только не это "дорогая", иначе я точно умру от скуки".

- Порода.

- У нее? - скривилась и стала похожа лицом на высушенный лимон.

- Вся ее порода в элитном пластическом хирурге.

- Не твоим ли? По-моему на этот раз ты слегка переборщила с подтяжкой.

- Решил обидеть или оскорбить? - сощурила глаза.

- Простейшее любопытство.

- А воспринимается как простейшее хамство, - отпрянула к спинке венского стула. - Как тебе идея сходить в оперу?

- Хороша. Позвони Грецову, он сделает тебе билет.

Женщина оглядела его едко и зло, но улыбка даже не дрогнула на губах ни у него, ни у нее. Школа.

- Может мне еще в кассе постоять?

- Это было бы неплохо. Развеелась бы.

- Нет, я решительно не могу понять, почему я тебя до сих пор не бросила? - задумчиво выгнула бровку Ирма и, сложив ручки в перчатках, подперла подбородок. Милый жест, подобранный где-то как имиджмейкер, гардероб, и весь ее лоск. Сколько плебея не учи, сколько не чисти его мышление и манеры - он все равно останется плебеем.

Леший аккуратно разрезал банан и съел кусочек.

- Невозможно бросить то, чего нет.

- Что ты хочешь этим сказать? - голос приобрел ледяные нотки.

- То, что ты знаешь сама, - второй кусочек банана ушел за вторым. - Нас нет, есть - ты, есть я, но нас - нет.

Женщина отвернулась, покачала туфелькой, отпила вина и только тогда лениво высказалась:

- Все-таки ты редкостный хам.

- Дело вкуса и мнений.

- Это значит, что после ужин мы...

- Мы? Вряд ли. Но ты и я - да.

Ирма улыбнулась почти соблазнительно, и он заранее понял, что она сейчас скажет:

- Я совсем отвыкла носить белье.

И он ответил, то, что ожидала она:

- Тигровая шкура по-прежнему лежит на заднем сиденье машины.

Она приняла, она поняла. Но поняла свое, потому что не могла представить, что знаковая фраза, как тайный шифр, означающая всегда одно - мы займемся с тобой сексом хоть прямо в машине, на этот раз поменяла свое значение и ничего тайного не прятала. Алекс сказал лишь то, что сказал. Не больше.

На сегодня, как и на дальнейшую жизнь, Ирме придется искать другого любовника. Леший убедился, что у него все кончено с этой женщиной и ничего кроме жутчайшей скуки ее образ не вызывает. И больше не желал тратить на нее ни часа, ни цента, ни слова.

А шкуру тигра он подарит ей на память.

Они квиты.

Гриша щедро сгреб деликатесы и удивил приготовлением ужина.

- Ты умеешь готовить?

- Представь. Это, например, называется - утка в яблоках, - прорекламирив румяную тушку утки, что разносила по квартире изысканный и аппетитный запах. Но не она понравилась Ярославе - вид

Гриши: подвязанные банданой волосы, фартук на толстовке с черепом, и варежка на руке, сжимающая нож. - "Жрать подано, садитесь кушать, пожалуйста", - изрек, улыбнувшись в ответ на теплый, ласковый взгляд девушки.

- Ты неотразим.

- Знаю.

Начал резать утку, а Ярослава подставляла тарелки.

- Все спросить тебя хотел, ты сама откуда?

- Из Новосибирска.

- А чего там не поступала?

- Свободы захотелось, самостоятельности. Мама у меня знаешь какая? Приди в девять - тут же за ремень и в крик. Потом за валериану и валокордин. Ей ничего, а у меня потом

стресс. Состояние будто камнем по голове пригрели. Она-то играет, а я всерьез воспринимаю.

- Я бы застрелился с такой мамой, - согласился парень. - Как она тебя одну-то отпустила?

- Она и не отпускала. Сама уехала. Сняла квартиру, поступила.

- Деньги откуда на съём?

- Папка обеспечил. Эта квартира его знакомых.

- Бахлыковых.

- Да. Они зарубеж уехали на три года.

- Слышал. Потому и удивился, что ты здесь появилась. Я думала ты их дочка.

- Нет, - сунула в рот кусочек утки и зажмурилась от удовольствия. - Класс. Ты просто чудо-повар.

- А я и есть повар, - пожал плечами, разделявая свой кусочек.

- В смысле?

- Только не смейся, ладно? Я закончил кулинарный техникум...

Ярослава все же не сдержалась, прыснула со смеха.

- Ну-у, так и знал! Между прочим, готовка - это целое искусство.

Я еще ресторанное дело закончил, бабло подкатит, открою свой ресторан.

- Аффигеть! - засмеялась. - Ты как этот, из "Не родись красивой!"

- Да ну тебя, - надулся Гриша.

- Ну, не обижайся. Договорились же жить мирно.

- Угу, а ты дразнишься. Я что на того хлюпика похож?

- Не-а, - заверила, хотя Гриша был худощавым.

Он заулыбался, довольный:

- Добавки надо?

- Спасибо, это бы впихать.

- Невкусно, что ли? - насторожился.

- Аппетита нет целый день.

- Перемена погоды, - изрек глубокомысленно.

- Это откуда? - засмеялась Слава.

- Мама у меня любит недомогания на перемену погоды относить.

Чуть кольнет или занует - предрекает смену.

- Понятно. А моей на погоду все равно. Она только телефон уважает - новости, сплетни - все по нему узнает.

- Тесная связь с подругами.

- Ага.

- Тебе-то звонит?

- Звонит, но хорошо, что редко. Обиделась она на меня за побег, так все дуется и дуется.

- Н-да, выкинула ты мамаше фортель, - хмыкнул.

- Суть не в том - отъезд бы она простила, она отца простить не может, считает что раз я у него помощи попросила и приняла, значит ее предала.

- Так они не живут вместе?

- Давно, - отмахнулась. - Отец у меня какой-то хитрый инженер, командировки постоянные были. Потом выяснилось, что и женщины в этих командировках присутствовали.

А мать гордая, она же баронесса бывшая, или княжна ли, фиг ее знает, я в ее чудачества не вдавалась.

- Понятно.

- Матери - нет. Она же у нас элита, какого-то крестьянина понимаешь, пригрела, подняла, а он вот так с ней. Не оценил, не понял. Вещички собрала и выкинула. Думала проситься будет, умолять.

Он просился, умолял. А она стояла на своем, все наказать его хотела, фырчала. Дофырчалась. Ушел с концами. В Москве живет. Правда, видимся с ним тоже, раз в три-четыре месяца. У него семья, работа.

Детей, правда, нет. Жена ничего, Ксюша. Иногда мы с ней шопинг устраиваем. Ей всего двадцать девять.

- А отцу?

- На десять лет больше.

- Это нормально. Мать-то у тебя кто?

- Учитель истории.

- Ааа, так ты по ее стопам, значит? - сложил руки на столе, хитро поглядывая на девушку.

- А ты по чьим стопам?

- По своим. Мать у меня портниха, очень хорошая, отец водитель.

Дальнобойщик. Брат - тренер в фитнес клубе. Я тебя с ним как-нибудь познакомлю. Вот такой мужик, - выставил большой палец. - Чай-то будешь?

- Буду. Ты же торт купил, надо есть.

- Надо. Сладкое полезно для мозгов и характера.

Ярослава заулыбалась: как хорошо вот так просто сидеть на кухне и болтать обо всем на свете с человеком, что само обаяние.

- Поэтому у тебя характер такой?

- Какой? - насторожился.

- Замечательный.

Гриша расцвел и хмыкнул, скрывая смущение.

- Не перехвали.

Разлил кипяток по чашкам, кинул заварку и пошел посуду мыть:

- Что там с подружкой твоей, разрешилось?

Ярослава затихла, макая "мышку" в чай.

- Чего молчишь? - обернулся, увидел задумчивость девушки и выключил воду, начхав на посуду. Зря он с вопросами полез. Вот дурак.

Присел перед Ярославной, обнял ноги:

- Эй, посмотри на меня? Образуется.

- Ее нет нигде, никто не видел. Сегодня в институт не пришла.

Дима меня тогда обвинил, а сегодня девочки.

- Забей.

- Они правы...

- В чем?! - начал сердиться парень - опять двадцать пять! Ну, почему между ними постоянно встает какая-то Ларка?! Да чтоб ее черти побрали!

- Они правы! Я была с ней, а потом она исчезла, испарилась! Это могло случиться под самым моим носом!

- И что?! Нет, и что?! Ты кто? Рембо, служба охраны или ревнитель нравственности?

Сколько лет твоей Ларке?

- Двадцать, как и мне.

- Большая девочка! Пусть сама о себе и заботится. В конце концов, у нее есть парень, есть родители. Это их дело, их долг, обязанность и все остальное!

- Я ее подруга!

- Это что клеймо рабыни?!

- Да как ты понять не можешь?! - вскочила. - /Она моя подруга/!

- Ой, ее!! Как трудно-то! - взвел глаза к потолку, присвистнув.

- И что теперь? Ну, подруга. Дальше? Может нянчиться с ней начнешь, свечку держать, когда трахается?

Ярослава не думая, влепила ему пощечину и замерла, сообразив, что сделала.

- Тааак, - прошипел Гриша. Глаза стали злыми, колючими. - Нет, так дело не пойдет.

Знаешь, что, ты подумай сначала, кто тебе важней

- я или твоя гребанная Ларка. Как решишь - позвони. Я ни с кем конкурировать не привык и привыкать не собираюсь! А тем более по фейсу за это получать!

И пошел в коридор, начал шнуровать кроссовки.

- Гриш, ты не прав...

- Я все сказал! - отрезал. Схватил куртку и вышел, хлопнув дверью.

Ярослава заплакала: ну почему она такая невезучая?

Лариса, ну, где ты, Лариса?!

Что же это творится?!

Как Лешинский и предполагал, Ирма кинула шкуру ему в грудь, метясь в лицо.

Выражение ее физиономии очень позабавило Алекса и маленький инцидент разбавил скуку, став достойной точкой в отношениях с женщиной.

Он улыбался всю дорогу до дома, вспоминая ее ярость, полные злости глаза, перекошенный рот.

Приятный финал отношений. Он, наконец, увидел истинное лицо этой женщины. Оно не удивило - натура ведьмы проступала в каждом взгляде и манере и до того.

Глава 5

Ярослава вышла из подъезда, уверяя себя, что на лавке сидит

Гриша. Но ничего подобного - парня не было. Он не появился ночью, не пришел утром, не позвонил. И девочки не звонили, значит Лариса тоже не появилась.

Какой-то непроходящий кошмар, полоса неприятностей.

Сколько она будет длиться?

На остановке у института стояла Люба и крутилась, выискивая кого-то.

Суздалева помахала ей рукой:

- Привет. Кого ждем?

Девушка была бледна и явно испуганна. Она взяла подругу за руку и без слов увлекла прочь из толпы, но в обратном от учебного заведения направлении.

- Люб, ты куда? Опоздаем на занятия.

Девушка села на низкую ограду вокруг церковки и глухо попросила:

- Сигаретку дай.

Ярослава поняла, что что-то случилось и у Любы, но сил спросить не нашла. Села рядом, чувствуя себя уже не человеком, каким-то подобием - червяком, причем, раздавленным. Достала сигареты.

Протянула подруге, закурила сама, впадая в уныние.

- Ларка нашлась, - еле слышно то ли сказала, то ли всхлипнула девушка. У Ярославы сигаретка из рук выпала. Глаза вспыхнули и, улыбка сама до ушей растянулась:

- Ларка?! - вскочила. - Ура!!

- Тихо ты, дура! - прикрикнула на нее. Лицо такое, что можно подумать, Ларису мертвой нашли...

Суздалева мигом потеряла улыбку, почувствовала дурноту, рванула шарфик с шеи:

- Только не говори, слышишь, не говори...

- В больнице она.

Фу! - Ярослава выдохнула и осела на перила. Дрожащей рукой достала другую сигаретку и жадно затянулась.

- Господи!... Откуда знаешь? Что с ней? Что случилось?

- Не знаю. Знаю, что что-то очень плохое. Мать рыдает. Отец говорит, как рубит. Я звонила ее родителям вчера. Вестей не было, их самих не было. А утром... Утром Маринка звонила, конспекты хотела забрать. Сегодня опрос, а они у Ларисы остались... Потом мне перезвонила вся никакая - сказала, что случилось что-то.

- Машина сбила? Нет. Я бы следы увидела, я бы услышала крики.

Ничего не было.

- Надо в больницу ехать. Сейчас Марина подойдет. Света и Инна нас прикроют.

- Почему в больнице-то?

- А я знаю?! Что мне сказали - я тебе говорю. Знаю только что родители ее на "скорой" из Смоленска привезли.

- Откуда? Как она там оказалась?

- Не знаю!

- Не кричи, поняла. А Маринка где?

- Должна подъехать. Блин, меня колотит, Слава. Понять ничего не могу и страшно до одури. Ну, ясно же что не сама она в Смоленск рванула, значит?... Значит?...

- Ничего не значит, - отрезала. - Не гадай. Съездим, узнаем.

Вон Марина! Марина!

Девушка, завидев подруг, подбежала к ним и сходу предложила:

- Скидываемся и берем такси. Передачу я нарыла, холодильник опустошила, - сунула в руки Ярославе пакет, но даже не посмотрела на нее.

Девушке нехорошо стало - обвиняет?

- Что стоим? - и рванула к дороге, руку подняла.

В машине молчали. Люба хмурилась, поглядывая в окно. Марина замкнулась и будто окаменела, а Ярослава чувствовала себя уродом каким-то, прокаженной. Слово сказать боялась, на девочек посмотреть, и Ларису видеть - тоже боялась, а ее родителей - просто до паники.

И молила - пусть их не будет, пусть не пустят посетителей.

Не повезло.

Во-первых, их пустили в отделение хоть и одарили недовольными взглядами.

Во-вторых, Лариса лежала в двенадцатой палате - платной, и рядом с ней были родители.

Девушки приготовили дежурные улыбки, постучались и толкнули дверь, услышав глухое: "да?" И замерли на пороге, улыбки сползли сами.

На кровати лежала нечто отдаленное и смутно похожее на знакомую им Ларису. Лицо синее -серое, синяки под глазами, губы в красных трещинах, пустой взгляд в потолок. Руки безвольно лежащие поверх простыни были похожи на анатомическое пособие верхних конечностей для студентов медиков.

- Девочки? - выдавила улыбку мама Лысовой. Склонилась над дочерью. - Ларочка, к тебе подруги пришли, - проворковала очень тихо, почти жалобно.

Ярослава невольно попятилась, ей показалось, что приблизиться и костлявая рука подруги, со всего маху ударит ее по лицу.

Лариса безжизненно посмотрела на подруг и вновь уставилась в потолок. Девушки несмело прошли в палату, а Ярослава не смогла - ком в горле встал, хотелось закричать и заплакать. Она шагнула назад и рванула по коридору на выход, не видя дороги из-за слез.

Осела на скамейку у главного входа, сжалась, пытаюсь успокоиться.

Закурила. Слезы капали и капали, совесть ела и ела - виновата. А разобраться - в чем? Но ведь виновата хотя бы в том, что вместо того, чтобы тревогу при исчезновении подруги объявить, ударилась в любовное randevu, напроць забыв о Ларисе. По сути, бросила. Факт.

Уйти совсем бы из больницы - но не могла, ведь это значило сбежать, значило, что она вновь бросает. Остаться? По-человечески, так вовсе в палату вернуться, а не сидеть на скамейке в ожидании неизвестно чего. Но страшно - обвинят, найдут в ней крайнюю.

Что же там было, что случилось, куда пропала Лариса и как оказалась в Смоленске?

Может прав Гриша, нет вины Славы? Ну, что она действительно, могла сделать? Как могла знать, что за своим *Vog* Лариса уйдет на край света?

Она подкурила вторую сигаретку от первой и почувствовала чей-то взгляд. По спине холодок пошел.

Огляделась и ничего настораживающего не заметила. Показалось?

Станешь тут мнительной!

Господи, да что же могло случиться?!

Почему у Ларисы такой вид, будто сушили ее как белье на веревке?

Почему губы в крови, почему синяки под глазами и лицо осунувшиеся, словно Лысова месяц голодала? Что могло превратить ее в /это/?

Машина сбила? Были бы переломы, гипс там, бинты виднелись бы.

Избили? Похоже. Но какого черта она в Смоленске оказалась?!

В раздумьях, загадках и разгадках ушло не меньше часа и почти вся пачка сигарет.

Марина села слева, молча забрала сигареты и закурила. Следом

Люба. Так и молчали, глядя куда угодно, только не друг на друга. Что

- то скользкое, опасное было в этой тишине и молчании. Как финал, конец прошлому, когда позади неизвестно что, а впереди ничего.

- Что с ней? - решила нарушить тишину Ярослава.

- Пипец, - тихо ответила Люба, глядя перед собой.

- А подробности?

- Надо было остаться и узнать! - зло бросила Марина и носом шмыгнула.

- Изнасиловали ее, - выдохнула девушка.

- Что? - может, ослышалась?

- Что слышала! Трахали до смерти! А ты в это время пончики ела!

Ярослава зажмурилась: "Господи, если ты есть, сделай так, чтоб все это было неправдой. Чтоб это был сон и я проснулась. И все было как прежде".

- Ну, что ты на нее? Кто знал-то? Ужас в другом, Марина.

Получается, что среди белого дня, прямо у института какие-то упыри могут хватать и увозить людей. И никто не застрахован.

- Застрахованы. Если вдвоем! Если одна за другую, а не так, что одна в кусты, а вторая!...

Ярослава вскочила и рванула прочь.

- Беги, беги!! Твое любимое занятие!!

Суздалева остановилась и пошла обратно, встала над подругой:

- В чем ты меня винишь? Ну, в чем?! Что я сделала?! Что ты мне нервы мотаешь?! Тебе плохо, а мне?! А если б ты на моем месте оказалась?! Ты ясновидящая что ли?!

- Я бы сразу всех подняла, а не на "харлее" каталась!! Ты ночь по собственной воле с рокером своим забавлялась, а Ларису насиловали! Тебе хорошо было, а ей вон как! - махнула в сторону больничного корпуса рукой. - Знаешь, что нам ее мама рассказала?!

- Ой, не надо, Мариночка, - схватила ее за руку Люба, умоляя.

- Зачем?

- Пусть знает, сколько стоило ее счастье подруге! Ее как могли!

На теле места живого нет! И ни один, а группой! Она сдвинулась!

Говорить не может, мычит и плачет! Ее несколько дней имели, а потом наркотой накачали и выкинули у помойки! Там еще бомжи подсуетились!

Весь букет - здравствуй! А институт - прощай! И Дима, и нормальное будущее! Нет ничего! Сходили в кафе с верной подругой!

Ярослава уши зажала, отступила и побежала, куда глаза глядят, с единственным

желанием удавиться.

Словно в солидарность с Мариной, с неба грянул дождь, забил по голове и плечам девушки, не оставляя ей и доли надежды на спасение от чувства вины.

Лешинский решил развлечься. Переоделся в "спецовку" - джинсы не первой свежести, рубашку, неприметную куртку. Сел за руль старенькой "ауди" и направился в город покататься.

Он кружил по улицам, стоял в пробках, поглядывая на людей, водителей, и улыбался. Ему нравилось быть неприметным, нравилось спокойно воспринимать пробки и слушать, как ругаются, нервно гудят водители слева и справа, спеша по своим очень важным делам.

Нравилось, что небо заволкло тучами, нравилось, что в машине немного пахнет соляжкой и пылью. Это все было настоящим, не выдуманным и, он прикасался к этому тоже по-настоящему, без посредников, напрямую. Ощущал себя частью толпы, что говорят

"безлика" лишь те, кто не бывает в ней или спешит по жизни. Нет, толпа, как человек, имеет индивидуальность. Свое настроение, свой смысл, свою манеру. У нее разные лица, разные взгляды и цели.

Если внимательней присмотреться, в ней легко отличить празднующего от спешащего и озабоченного делами, летящего на свидание и бегущего на работу. Толпа не только сливает разное в одно, она еще сличает, заводит и обличает. В ней нет фальши и это главная ценность.

Алекс ехал не спеша, поглядывая на прохожих, ждал, когда кто-нибудь проголосует, и он, "подбросит" пассажира, приобщится к его жизни, обычной, нормальной, такой неприятной для обывателя, такой суетной. Они всегда недовольны своей жизнью - это он уже заметил и принял. Иначе не бывает. Иерархия общества, иерархия социума - была есть и будет. Одни лезут "наверх" и мечтают о кренделях небесных, думают, что живут в самом "низу" поэтому плохо, серо, уныло, но стоит вылезти, все тут же изменится. Ерунда, он-то точно знал - полная ерунда. Другие мечтают, как Леший хоть на день спуститься "вниз" - пожить вот так серо и уныло, на деле полнокровно, цельно, ярко. И тоже - ерунда. Потому что спроси Алекса

- остался бы он здесь, он бы сказал "нет".

На каждом месте, в каждой нише, на каждой ступени социальной лестницы есть свои плюсы и минусы, и счастлив тот, кто умеет их использовать по назначению и своему усмотрению.

В этом плане Лешинский считал себя счастливым, а остальное всего лишь приложением к своей жизни, как перегар к дыханию алкаголика. Он прекрасно понимал, что спустись он насовсем, очень быстро вернется обратно, поднимется, как взлетит - иначе не умеет. Так устроен, так устроена жизнь. Ее не обойдешь.

Грянувший дождь смыл прохожих с улиц и Алекс понял, что вряд ли найдет "попутчика". Он решил остановиться и пообедать. Забегаловки типа Кафе -Хаус его тоже забавляли. Лощеные, сверкающие, усиленно маскирующиеся как иная маска на лице человека, под элитное заведение, оставались всего лишь плебейскими и очень дурными копиями действительно хороших мест отдыха. Все дело в сервисе, а не антураже. Можно украсить зал ресторана, пригласив дизайнера интерьеров европейского класса, но впусти в обслуживающий персонал пару украинок и молдаванок, тетю из очень средней Азии и все пойдет насмарку. Знающий посетитель просто не поймет "прикола". И заглянув раз, больше

не появится.

Впрочем, данные заведения приносят хорошую прибыль, заманивая и обслуживая молодежь, обывателей средней руки, и того довольно. Для них и созданы.

Алекс вылез из машины, припарковав ее с края тротуара, закрыл, и, нахохлившись от попадающего за ворот дождя, развернулся к Кафе-Хаус.

И то ли сбил сам, то ли его сбילה девушка. Она шла как таран, и даже не заметила, что оттолкнула прохожего.

В первый момент мужчина не узнал ее. Посмотрел в след мокрой фигурке и спокойно спросил, не надеясь на ответ:

- Девушка, извиниться не хотите?

На удивление она остановилась. Постояла и повернулась:

- Вы мне?

Алекс молчал. Смотрел в пустые, больные глаза и думал, что дурак.

Судьба сама снова и снова к чему-то сводит его с этой девчонкой, а он только сейчас это понял. Он только готовился, составлял план, а судьба не стала ждать - столкнула просто и нелепо, без всяких планов.

Зачем?

Лицо девушки было серым, сама мокрая, жалкая, такая, про которых говорят "на краю". Ярослава явно испытала потрясение, явно была не в себе, в ступоре ли, шоке - он не знал, но одно понял ясно - она в том состоянии, в котором не то что, прохожих - поезда не замечают.

- Вам плохо?

- Что?

- Простите, мне кажется, вам нехорошо.

Ярослава смотрела на мужчину и не видела его, не слышала. Она вообще ничего не соображала и будто умерла.

Постояла и пошла дальше.

- Постойте! - шагнул к ней Лешинский и взял за руку. Девушка с недоумением смотрела на его пальцы, потом перевела взгляд на мужчину:

- Что вам надо?

- Мне? Ничего. Но, по-моему, очень нужно вам.

- Мне ничего не нужно, - ответила лениво.

- Вы не в себе. Что-то случилось? Я могу помочь?

Суздалева долго молчала, не столько переваривая вопрос, сколько пытаюсь очнуться, выйти из оцепенения.

- Оставьте меня в покое, - попросила, глядя как дождь бьет по асфальту и брызги летят в стороны.

- Не могу.

Ярослава хмуро посмотрела на него: кто он такой? Что ему надо?

Стряхнула руку и пошла. Но сделала лишь пару шагов - мужчина преградил ей дорогу:

- Предлагаю зайти в кафе, переждать дождь и прийти в себя.

- Вы кто?

- Человек.

- Тогда отойдите в сторону.

Голос был безжизненным и странным образом волновал Александра.

Нет - тревожил.

- Не могу, - заверил тихо. - Я вижу, вы не в порядке, у вас явно что-то случилось. Если я вас отпущу, вы в таком состоянии легко можете попасть под машину, не заметив ее, наплевав на себя. А как же я?

- Что - вы?

- Как я? Ведь я видел, что вы неадекватны и не задержал. Значит это моя вина, если вы попадете под машину, и мне придется с этим жить. Я не хочу. Вот вы бы захотели?

- Нет, - прошептала Ярослава и подставила лицо дождю, чтобы он смыл невольные слезы, что выступили от слов мужчины. Она прекрасно понимала его, потому что сама, по сути, оказалась в том же положении.

- Тогда идемте скорее в кафе, а то еще простудитесь. Вы совсем мокрая, - взял ее за руку как-то особенно - просто, невзначай, и не оттолкнешь, не вырвешься - неудобно, неприлично.

Мужчина не смотрел на нее - спешил забежать под крышу и избавить себя и девушку от дождя, холода и сырости. Ничего больше. Наверное, поэтому Ярослава дала себя увлечь в кафе.

- Ну, вот и хорошо, - поежился, потер ладони, войдя в теплое помещение. - Давайте сядем у окна? - предложил, проходя, помог сесть и потянул за ворот куртки. - Снимайте. Повесим на спинку стула и она чуть-чуть подсохнет пока кушаем и пьем чай.

Повесил ее куртку, что она дала снять, тоже самое проделал со своей, уселся и получив книжечку меню, улыбнулся девушке:

- Вы что любите: кофе, чай?

Она пожала плечами. И подумав, чего бы хотела, сказала:

- Сигареты.

- Курите? - он не осуждал, не любопытничал, а будто отдавал дань вежливости.

- Много. Мечтаю умереть от лошадиной дозы никотина.

Мужчина выгнул брови и уткнулся в меню:

- Предпочтения в пище?

- Никаких.

- Прекрасно, - захлопнул книжечку и подозвал официантку. - Девушка? Нам пепельницу, сигареты - легкие, любые. Кофе со сливками, чай, лучше черный, классический. Два салата из языка, малину со сливками, мороженое, фруктовое ассорти и... пожалуй, все.

- Я не буду, - сказала Ярослава.

- Хорошо, посидите со мной. Не люблю обедать в одиночестве, - выдал смущенную улыбку. Улыбался он почти как Григорий - задорно, располагающе, и девушка не нашла сил противиться.

- Я буду чай.

- Замечательно.

- Что? - нахмурилась. Странный тип - все-то ему хорошо, прекрасно и замечательно.

- Все, - пожал плечами улыбаясь. - Дождь, город, это кафе, люди, запах ванили и свежесваренного кофе. Чувствуете? Этот аромат ни с чем не сравним. Он уникален и тем прекрасен. И этот день. Наша встреча, эта минута, час. Они тоже уникальны, потому что не повторяются. И тем прекрасны. Ну, разве все это не замечательно?

- Вы оптимист?

- А вы пессимистка?

С чего он решил разговаривать ее? Прощупать, понять - ясно, непонятно - отчего он не заставлял себя это делать. Интерес?

Пожалуй. В этой особе было нечто любопытное, это он еще на экране заметил в первый раз. А сейчас, встретившись "вживую", естественно захотел взять от встречи все по максимуму. Но не торопясь. Возможно, девушка сможет завлечь его не на час, а на день или, кто его знает - на месяц. Ничего нельзя сказать определенно, пока дичь не видна.

- Вы кто? - попыталась понять Ярослава.

- Ах, мы же не представились: Александр. Вас зовут?

- Ярослава.

- Ярослава? Удивительное имя, - сыграл долю восхищения и удивления.

- Обычное. Правда, чаще зовут Славой, сокращают Ярославу.

- Привычка. Меня тоже "сокращают", - улыбнулся. - Алексом зовут. А еще "Лешим".

- Почему? - девушка немного ожила - удивилась.

- По фамилии - Лешинский.

Она слабо улыбнулась и, мужчина поздравил себя - это уже успех, маленький шаг к внутреннему миру девушки, к ее тайнам и секретам, к тому, что скрыто как клад Стеньки Разина, но есть у всех - к самой душе, истинной натуре человека.

Принесли заказанное. Алекс подвинул девушке салат и малину:

- Попробуйте, неплохо.

- Я не смогу оплатить.

- Кто-то просит оплату?

- Вы занимаетесь благотворительностью?

- Нет, - пожал плечами, выказывая удивление. - Почему?

- Почему решили платить за незнакомку?

- Ну, во-первых уже "знакомку", во-вторых, я крайне консервативно воспитан и не считаю, что это плохо. Мое воспитание предполагает определенные нормы поведения. Если мужчина приглашает девушку в кафе, то естественным образом оплачивает обед. Иные отношения, пардон, моветон. И Бога ради, не смущайтесь, я могу себе позволить чашку кофе и сливки с малиной для вымокшей девочки.

Он сказал это так искренне и тепло, что у Ярославы в глазах защипало. Что-то изменилось в ней за эти дни, а может часы, настолько, что нормальное проявление человечности, благожелательности она восприняла очень остро, как подарок свыше, незаслуженную награду, о которой тосковала, но которую не надеялась получить.

- Что с вами? - забеспокоился Алекс. Блеснувшие в ее глазах слезы были для него неожиданностью и ставили в тупик. Он сталкивался с фальшивыми рыданиями и истериками, вымогательством через подобные сцены, но вот так, от простого слова удариться в слезы и жалко улыбаться, смущаться и ничего не просить - это было непонятно для него.

- Ничего, извините, - отвернулась девушка и поспешно схватилась за сигареты. - У меня выдалась тяжелые дни. Вы тут не причем, дело во мне. Извините.

- Нет, нет, мне хотелось бы понять, что с вами. У вас что-то случилось, какое-то горе. Я могу помочь?

- Чем? - усмехнулась горько, шмыгнув носом. Слезы, будь они прокляты, душили ее и она боялась разрыдаться к своему стыду и смущению доброго Саши.

- Ой, смотрите, заяц! - указал на окно рукой мужчина.

- Кто? - глянула. - Где?

- Нигде, - засмеялся и приложил ладонь к груди. - Извините. Я хотел вас отвлечь.

Кажется, получилось.

Ярослава невольно улыбнулась, качнув головой:

- Вы странный. Вы случайно не психотерапевт?

- Психолог, - солгал смело.

- Серьезно?

- Абсолютно.

- Где работаете?

"А где?"

- Неподалеку, - нашелся.

- Много нуждающихся?

- Вы бы только знали, - сообщил доверительно.

- Помогаете?

- Не жалуются.

- Хороший специалист?

Алекс замялся, изображая скромность:

- Трудно судить о себе самом. Но нареканий и претензий нет, значит неплох.

Девушка внимательно, доверчиво смотрела на него и, мужчина сам верил в то, что говорил - вот она правда, смотрит вполне осмысленно, а всего каких-то пять минут была далеко и неизвестно где. Значит он действительно психолог, и точно - хороший.

Ярослава схватилась за кофе, как утопающий за соломинку:

- Скромный. Симпатичный, веселый оптимист. Щедрый, человечный...

- Это все я, - засмеялся Леший. Ему все больше нравилась девушка, все больше увлекала выбранная абсолютно случайно себе самому роль. Действительно, в благородного рыцаря он еще не играл. А роль - весьма. - Вы тоже психолог? Здравствуйте, коллега! - поклонился картинно, но легко и без насмешки.

Ярослава улыбнулась, затушила сигарету и хлебнула кофе.

Странно, но ей стало чуть легче, чуть спокойнее. Наверное, всего лишь не хватало непринужденного, ни к чему не обязывающего общения, тепла и понимания.

- Я студентка. Знаете, слышала, что незнакомым людям проще исповедоваться. Никогда не верила в это, а с вами поверила и поняла почему.

- Не обязывает. Встретились - разбежались и нет опасности наступить на те "грабли" что передали, как вымпел собеседнику.

- Примерно.

- О, тут нужно быть предельно осторожной, - принялся за салат.

- Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Сегодняшний незнакомец может оказаться завтра очень близким человеком, и наоборот: близкий сегодня, завтра может оказаться настолько далеким и чужим завтра, что вы диву даваться станете... Пробуйте салат - весьма. Рекомендую.

- Аппетита нет.

- Кушайте без аппетита. Желудку все равно, ему нужно работать, как любому механизму, а для механизмов нужна смазка.

Ярослава улыбнулась и взялась за ложку. Вскоре сама не заметила, как креманка

опустела.

- Совсем другое дело. Но, кофе остыл. Закажем горячее?

- Нет, меня устраивает теплое.

- А меня нет, - щедро улыбнулся ей в лицо, и, подозвав официантку, отдал чашку и попросил принести горячее кофе. Пока та ходила, налил себе чай. - Так что вы изучаете, милая студентка?

- Историю.

- Ах? Прекрасно. Галлы, Этруски, Урарту и Великий Шумер.

Занимательно. А расстроились вы, получив незачет по экономике Древнего Египта?

Улыбка не сползала с его губ и смягчала любой вопрос, переворачивая его подтекст.

Ярослава растерялась:

- Смеетесь?

- Нет. Сам, в бытность свою, получив неуд, весьма огорчился.

Однако было это настолько редко, что думается мне, получал бы чаще - привык и не воспринимал так остро.

- Зачем расстраиваться из-за того, что полностью в твоих руках?

- Вот как? - отвел взгляд.

Ответ ему понравился, он говорил о многом и радовал хотя бы тем, что девушка, несмотря на молодость, способна была поставить его в тупик непредсказуемостью и зрелостью суждений.

- Пять.

- Что?

- Пять баллов за ответ. Вы абсолютно правы. Но напрашивается вывод: если вы не огорчаетесь тому, что сами привнесли в свою жизнь, значит, огорчились тому, что вошло неожиданно само или было привнесено вашим окружением.

Ярослава подумала и сказала:

- Да. Видите ли, одна моя подруга... две. Одна попала в неприятное положение, другая в ужасное, и первая виновата в том, что случилось со второй. Вернее, тут неясно кто в чем виноват. Вроде никто и ни в чем, а вроде полностью виновата.

- Стоп, стоп, - выставил ладонь. - Простите, Ярослава, но я запутался. Вернемся? У вас есть две подруги, так?

- У меня их больше... Но так, да.

- Да. Одна попала в неприятность, другая считает себя в том виновной.

- Нет.. Да. В общем - одни ее считают виновной, другие нет.

- А она сама?

- Она не знает.

- То есть?

"Интересно. Неужели эта девочка решила взвалить на себя вину за произошедшее с ее подругой? Уж не той ли светловолосой, что Расмус заказал? Та уже нашлась? Где, давно ли?"

- Они вместе пошли в кафе. Одна отошла и пропала, и другие начали винить вторую в том, что пропала первая. И она сама считает, что в обвинениях есть доля правды и правоты. Она очень сильно виновата... Но с другой стороны - чтобы она сделала?

- Вы не пытались начать рассуждение именно с этого вопроса?

Жизнь не приносит нам лишь праздники и радость, в ней полно случайностей, очень неприятных событий. Кого в том винить?

- Но вы же обвинили себя в том, что я могла попасть под машину.

- Это не вина. Это долг человека. Я видел, что вам плохо и с высоты своего опыта понимал, чем может кончиться. И предпринял попытку предотвратить несчастье.

- Но его могло не быть.

- Правильно. Но я этого не знал наверняка и сделал, что посчитал нужным. Я выполнял свой человеческий долг и выполнил. Если бы не получилось... Конечно мучился вопросами, но.. забыл. Да, так устроена человеческая память, она не хранит много - запоминает лишь самое яркое.

- То есть, вы бы не считали себя виноватым, если бы я не пошла в кафе, а просто ушла?

Алекс помялся и качнул головой:

- Нет. Я сделал что мог, дальше дело человека и его кураторов -

Высшей инстанции - Бога, ангела или его прототипа.

- Хотите сказать, что они решают за человека?

- Да, если хотите. Фатум - судьба. У каждого она своя. Может, мне было дано остановить вас, а вам было дано усугубить свои неприятности. Вашей подруге пройти, через то, что прошла. Нам только кажется, что кто-то в чем-то виноват, на самом деле, и это мое глубокое убеждение, в жизни срабатывает система закономерности.

Можно долго обдумывать свой тот или иной шаг, поступок, винить себя за него или не винить, но вернись - случится тоже самое, потому как, запрограммировано для высшей цели, о которой вы можете и не узнать, прожив всю жизнь. Может именно для чувства вины какая-то ситуация и моделируется фатумом. Да, именно судьбой, а не людьми. Мы пешки на ее доске.

- В чем-то вы правы, но, как это объяснить себе и другим?

"Зачем?"

- Хотите выглядеть пристойно в глазах так называемой общественности или в своих глазах?

Ярослава вздохнула:

- Желательно и там, и там. Только не запихая поглубже свою вину, а осознавая ее степень или полное отсутствие.

- Хотите найти оправдание?

- Скорее понимание.

- Виновны, в принципе, или нет? Сложный вопрос. Начнем с того, что вина понятие субъективное. Это инструмент воздействия на человека. Тут нужно смотреть с другой стороны. Даже Христа обвиняли, но был ли он виновен? То-то. Но понятно, вопрос это индивидуальный.

Он взял на себя грехи всего человечества, а вы способны на подобный подвиг? Он не кажется вам слишком, хм, надуманно героическим? Нужно четко определить какую тяжесть вины в сумме вы способны вынести.

Например, пожары в Калифорнии - отчего бы вам не обвинить в них себя.

- А причем тут я?

- Ну, как же, "эффект бабочки".

- А! "Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется".

"Хм!" - мужчина замер на пару секунд, складывая одно с другим и, с усмешкой над

собой отметил, что его второй раз загоняют в тупик.

Девочка мало знала о эффекте бабочки, она еще и интерпретировала его и выдала в более доступном варианте.

Надо же, какая "продвинутая" молодежь пошла.

- Бис, - признал вполне искренне. - В таком случае, не стоит брать на себя больше, чем можете "унести".

Перед ним поставили кофе и Ярослава, обдумывая его слова, заметила, что он очень аккуратно, даже деликатно, держит чашку и пьет кофе. В его манере было нечто несуразное, не вяжущееся с внешностью. Вернее, как раз манера соответствовала стрижке, еле уловимому и тонкому аромату парфюма, гладковыбритой коже, ухоженности, аристократичности внешнего облика, но одежде - нет.

- Вы похожи на принца, решившего тайно прогуляться в толпе своих будущих подданных, - брякнула.

Леший чуть не подавился, уставился на нее с неподдельным удивлением и восхищением: третий гол? Ай, да Ярослава.

А, пожалуй, девочка стоит игры.

Да, определенно он ею займется плотно и всерьез.

Решено.

- И фамилия моя Флоризель, - улыбнулся лукаво и приложил палец к губам, подмигнув.

- Но тсс-с, чур вы не выдадите меня.

Ярослава рассмеялся - забавный мужчина.

- Обещаю. И спасибо.

- То есть?

"Четыре - ноль? Уже?"

- Мне пора и вам тоже. Было очень приятно познакомиться с вами.

"А где флирт, кокетство? Она что, не восприняла меня как объект охоты? Стоп - кто из нас дурак? Зачем я здесь распинался?"

- Спешите?

- Нет, но вас наверняка ждут клиенты.

- Мой рабочий день на сегодня закончен. А хотите, я вас подвезу?

Дождь по-прежнему льет, до метро далековато.

- По пробкам еще дальше и дольше.

- Прорвемся! - вложил весь запас обаяния в улыбку. Ярославу проняло, наконец-то ее глаза заблестели.

- Ну-у, - помялась для вида. - Если вам нетрудно.

- Абсолютно, - и не глядя, качнул рукой в сторону официанта, подзывая.

Жест насторожил девушку - слишком вальяжный, надменный, какой-то картинный и одновременно естественный. Это была не случайность - манера, привычка.

- Часто бываете в ресторанах?

- Я? - удивиться, отнекаться или признаться? А с чего она спрашивает? И взгляд настороженный. Что ее напрягло? - Бываю.

Клиенты разные попадают, - решил выбрать нейтральный вариант и порадовался правильности выбора - девушка расслабилась, взгляд опять стал безмятежным и спокойным.

Н-даа, интересный экземпляр. С ней ухо остро держать нужно.

Очень и очень хорошо! Партия обещает быть беспрецедентной.

Ах, Расмус, какой же ты глупец - вот он адреналин, вот он - драйв, живое, настоящее - сама жизнь.

Леший был в восторге. Он почувствовал даже влечение к девушке, желание поцеловать и обнять, заявить свои права на нее. Это было не ново, но впервые остро и долго. Обычно подобное желание накатывало на него как волна на песок и отходило. А тут пришло и осталось, причем, не теряя остроты.

"А девочка не проста", - подумал, открывая перед ней дверцу машины: "надо поторопить Виталия с досье. Что-то он затягивает".

Дорога к дому девушки к его сожалению заняла не больше двадцати минут, за которые они успели обсудить тему Меровингов и выяснить свои позиции взглядов на этот вопрос, но он ждал других тем, ближе к делу - телу, и начал терять терпение.

- Можно задать вопрос? Сколько вам лет?

Наконец-то, - порадовался: нормальный интерес нормальной девушки к нормальному мужчине, а не исторической парадигме и своду исторических казусов.

- Не за горами сорокалетие. А что? - игриво глянул на нее.

- Так. Ваш возраст совсем не ощущается.

"Не сомневаюсь. Пошли комплименты? Замечательно. Следующий вопрос о семейном положении?"

- Я рад.

- Вы женаты?

Леший сдержал смешок - как он угадал-то?

- Нет.

- Разведены?

- Нет. Не был женат.

- Что так?

- Да как-то так.

Можно было ответить пошлостью, но отчего-то не захотелось.

- Вон мой дом. Да, налево. Можно здесь остановить, дождь уже закончился, добегу.

- Нет уж, доставка до подъезда.

- Тогда третий, посередине. Ага, этот. Ну, спасибо, - подала руку. Выглядело это комично, но Леший смолчал. Он ждал продолжения банальных вопросов. Обычно за выводыванием семейного положения, разговор плавно перетекал в тему взаимоотношений мужчины и женщины вообще и в частности, и заканчивался намеком на желание повторить рандеву в более тесном общении и обязательно ближайшем будущем. Но тут - ничего. Спасибо и рука.

- "Дай Джим на счастье руку мне", - усмехнулся.

- "Такую руку не видал я сроду. Давай с тобой полаем при луне на тихую безлюдную дорогу".

- "Погоду", - поправил и кивнул. - Давай.

Ярослава недоуменно глянула на него и хотела вылезти из машины.

Леший понял, что никаких намеков на продолжение с ее стороны не было и не будет, и решил сказать сам:

- Мне было приятно с вами познакомиться.

- Взаимно, - заверила девушка.

- Но.

- Но?

- Я был бы не прочь продолжить наше знакомство.

- Зачем? - брякнула Ярослава. Алекс растерялся и озадачился:

"Это шесть - ноль, что ли? Нет, девочка, мы так не договаривались".

- Вы приятный собеседник, надеюсь я тоже... Давайте сходим куда-нибудь? Мне кажется, вам сейчас необходимо общество, развлечение в виде отвлечения.

Суздалева была согласна, да и мужчина ей понравился:

- Давайте дружить?

Это было совсем не то, что ожидал Алекс, но хоть что-то.

- Давайте. Если что-то понадобится, зонтик в виде машины или ужин в уютном ресторанчике, звоните вот по этому номеру, - вытащил из бардачка блокнот с ручкой и написал номер. - Хорошо?

- Спасибо.

- Не стесняйтесь, я люблю поболтать - звоните.

- Обязательно, - поспешила вылезти из машины девушка. Помахала ему рукой и забежала в подъезд.

И все? Всерьез все? - удивился, выжидательно поглядывая в окно.

Но Ярослава не вернулась, не забыла что-то в машине.

"Да, Леший, кажется, тебя сделала какая-то студентка", - усмехнулся, глядя на себя в зеркало обзора: "Не произвел приятного впечатления? В какой момент прокололся, в чем?"

И завел мотор.

Ничего, девушка сама позвонит ему в ближайшее время и он еще отыграется. Спонтанная встреча - спонтанный результат. Он будет считать, что ее не было вовсе, и перейдет к спланированным встречам, а значит результатам по плану. Его плану, естественно.

Вечером Лешинский раскладывал пасьянс, в ожидании досье на

Суздалеву, а та в это время неприкаянно бродила по квартире и пыталась понять, как ей жить дальше. Из головы не выходила Лариса и чувство вины, что притупившись после разговора с Алексом, обострилось вновь, а вместе с ним выросла обида на Гришу. Ей сейчас как никогда нужен был кто-то кто смог бы поддержать и направить, помочь "выплыть". Но никто даже не звонил и, девушке казалось, что от нее все отвернулись, как от чумной.

Глава 6

В институт не хотелось.

Травля, которую вольно или невольно устроила Марина, давила на психику, портила настроение.

Нужно справляться с трудностями, а не пасовать перед ними, - уверила себя девушка и шагнула в аудиторию.

Все "кучковались" и обсуждали одну новость - происшествие с

Лысовой. На Суздавлеву обратили внимания не больше чем на парту, даже подруги.

Она села и бросив в никуда:

- Привет, - уткнулась в конспекты.

К ней под села Люба и больше никто:

- Привет, - сказала вяло. - Сегодня опять к Ларисе пойдём. Ты идёшь?

- Нет, - мотнула головой.

Идти к Ларисе было страшно. Ярослава не знала, как себя вести с ней, что говорить, и хоть понимала - надо, не могла пересилить себя.

- Как же? Ты же самая близкая подруга?

- Какая она подруга?! - услышав Любу, тут же взвилась Марина.

- Трусиха и предатель!

- Кого я предала?! - вскинулась Слава.

- Ой, девочки, ну чего вы опять? Ну, хватит, а? - поморщилась

Люба.

- Seriously, девчонки, не лайтесь и так паршиво. Смотрите, что делается? Среди бела дня хватают, увозят, - сказала Инна.

- Откуда знаешь, что увозят? - поинтересовалась Суздалева.

- Милиция. Тебя не вызывали?

- Еще вызовут! - с угрозой, будто она преступница, кинула

Васнецова.

- Что ты ко мне привязалась?! Я что ли Ларису увезла и искалечила?!

- Ты дала ее искалечить! Подруга называется!

- Ну, девочки, - сморщилась Люба плаксиво. - Сил нет вас слушать!

- Марин, правда, чего ты как с цепи сорвалась? Причем тут

Славка? Что ты на нее кидаешься? - спросила Света.

- Потому что она виноват, она ее оставила! Это ясно, ясно!

- Ладно, я в туалет пойду, а ты нет, я там утоплюсь - ты виновата будешь, - проворчала

Гнездович. - Нашла крайнюю.

- Суть-то страшнее, девочки, - поежилась Инна. - Я вчера со следователем беседовала.

Выяснилось, что третий случай у них такой за год. Был человек и нет - исчез. Потом находятся черт знает где, ничего сказать не могут, улики никаких, свидетелей тоже, а картина преступления одна.

- Это что, маньяки, что ли объявились?

- Бог его знает.

- Рядом с институтом?

- Жуть!

- А куда милиция смотрит?

- Куда придется.

- Говорит же - свидетелей ноль и потерпевшие молчат. Значит "глухарь".

- Но это же не правильно!

- У меня предложение, давайте свое расследование проведем, - влезла Люба.

- Как? - сердито глянула на нее Марина. - У нас один свидетель

- вон, - кивнула на Ярославу.

- Да не видела я ничего!! - закричала девушка, сорвавшись.

- А чего тогда истеришь? Чего нервничаешь? С Ларкой даже видеться не захотела - убежала. Значит, чуешь свою вину!

- Да пошла ты, Васнецова, знаешь куда?!

- Сама туда иди, а еще лучше, куда Ларису отправила!

- Ну, что вы делаете?! - всхлипнула Люба. - Это же невыносимо!

Ярослава схватила сумку, конспекты и ушла наверх, села за пустующий стол.

Подругам это очень не понравилось и они не подошли к ней до конца занятий, и в кафе, как обычно не потянули.

В цель Люба попала - невыносимо.

Ярослава все больше хотела просто скончаться.

Домой вернулась, надеясь, что появится Гриша, но его будто вовсе в ее жизни не было.

Она посидела на скамейке, вспоминая прошедшие дни, те злосчастные выходные, и все сильнее понимала Марину. Все больше сживалась с виной и ненавистью к себе. Она ведь поняла, что что-то не так сразу, еще в кафе тогда, но отмахнулась. И вечером - отмахнулась, ночью забыла, в субботу не вспомнила, внимания даже не обратила, что

Лариса на занятия не пришла.

А если бы тогда, у "Робинзона" она забила тревогу? Если бы позвонила в милицию? Если бы подняла подруг, Диму, родителей Ларисы?

Наверное, нет, наверняка, она бы был спасена. Ее бы нашли, объявили бы операцию "перехват" и взяли маньяков с поличным.

Нет, ерунда. Кого бы милиция ловила? Они в воскресенье, через два дня после пропажи заявление от родителей не приняли, а Ярославу в пятницу просто бы послали.

А если бы нет?

Девушка качнула головой и пошла домой. Закинула конспекты на диван, послонялась, постояла у холодильника и, узрев торт, который так и стоял не открытым, решительно вытащила его. Сунула в пакет, присовокупила бананы и решительно двинулась в больницу к подруге.

Кто бы, что не говорил, чтобы не думал, как бы Ярослава себя не чувствовала, а дружбу никто не отнимал и долг подруги остается долгом подруги.

В больнице, у палаты ее перехватил мужчина в гражданском, с накинутом на плечи халате. Показал корочки, спросил, кто такая и, увлек в какой-то кабинет, где долго и нудно выпрашивал и выпытывал что да как. Ярослав терпеливо отвечала, в тысячный раз пересказывая произошедшее в пятницу.

Расстались они с обоюдным недовольством. В его девушка узрела продолжение

обвинений Марины, а он в ее - неверие в возможности доблестной милиции.

В палату к Ларисе Ярослава попала изрядно вымотанной.

Всучила матери пакет с передачкой и долго сидела у постели подруги, мысленно винясь перед ней за себя и весь род людской.

Тяжело было в палате, тяжело было смотреть на подругу, тяжело было на душе.

Девушка смотрела на руки Ларисы, видела красные полосы на запястьях и все гнала мысль, откуда они могли взяться. И подбирала слова утешения, успокоения, но так и не нашла тех, что могли бы действительно успокоить и утешить.

Лариса же спала. Она не видела ничего, не слышала. В палате говорила лишь ее мама, жалким, жарким шепотом отчаявшейся, испуганной за жизнь ребенка женщины выдавались все страхи, вся боль и беда, что обрушилась на их семью.

- Юрочка-то с валидолом ходит. Сердце прихватило, не отпускает... Ларису оперировали, говорят, выживет, а вот с психикой не знают что будет. Врач сказал, что не исключаются потом акты суицида, ну, что может руки на себя наложить и надо следить за ней, курс психокоррекции провести, найти хорошего психолога. Предлагают в психиатрическую больницу потом отправить на лечение. Курс - месяц.

Что с учебой будет? Да что я, какая учеба?... Господи, Ярослава, что же твориться? Как же это? Что ж вы разошлись тогда? Не надо было тебе уходить, оставлять ее... Прости, я не со зла. Дима на тебя...

Его понять тоже можно. Какого парню узнать, что такое с его девушкой? У них же серьезно было. А теперь что? Не приходит.

- Еще придет, - тихо сказала девушка.

- Думаешь?

- Конечно. В себя придет и появится. Лариса как раз тоже... - вздохнула. - Пойду я.

- Да. Но ты приходи. Вы же с Ларочкой подруги не разлей вода. Ей сейчас важно, чтобы вместе были, чтобы как всегда. Ты не бросай ее.

- Не брошу. До свидания.

И поспешила выйти. Побрела по коридорам, потом по темному городу.

Еще один день прошел. Лариса его не заметила - его будто и не было для нее. Но и для Ярославы тоже. Они словно вместе провалились в какую-то яму и никак не могли выбраться.

С того дня отношения с подругами в институте стали портиться все больше. То ли Марина свою роль сыграла, то ли на Ярославу напавшая апатия дурно повлияла, только не было уже тех откровений и доверия, что были раньше между подругами. Даже этот маленький кружок разбился на мелкие осколки: Инна и Света, Марина и Люба, и Ярослава - одна.

Гриша тоже с того дня, как поссорились ни разу не появился, не позвонил.

Девушка часто брала телефон в желании позвонить самой, но то не знала, что сказать, то была неуверенна - надо ли, то гордость верх брала и телефон возвращался в сумку или на тумбочку.

Жизнь текла, как песок меж пальцев, а куда и зачем было неясно.

Все как-то посерело, потеряло смысл и как Ярослава не барахталась, не пыталась вытащить себя за волосы из трясины депрессии, как барон

Мюнхаузен из болота - не получалось.

Лешинский ждал звонка, но прошла неделя, пошла вторая, и к субботе он понял - не дожидается.

Положенное перед ним Боксером досье на Суздалева было хлипким и мало информативным. Родилась, училась, уехала. Ничего интересного, разве что два приметных факта - первая любовь, бурная и бунтарская, резко вспыхнувшая, потрясшая родителей влюбленных и закончившаяся как большинство подобных увлечений - ничем. Парень мило махнул ручкой своей "любимой", найдя следующую "любимую". У Ярославы сделать тоже самое не получилось.

Второй факт - ее кровь. Леший не ошибся, мать Ярославы была урожденная фон Клейвен, отпрыск обрусевшего и обнищавшего рода некогда близкого к Ганноверской династии.

Алекс захлопнул папочку и уставился на Виталия. Тот как обычно спокойно стоял и ждал дальнейших указания. Одно было не так - взгляд. Он не был бесстрастным и спокойным, в нем что-то пряталось от хозяина.

- Что-то не так?

Боксер изучил монограмму на стене над головой Лешинского и открыл рот:

- Ее подруга вряд ли восстановится.

Тааак, - Леший откинулся на спинку кресла и повертел по столу папку с досье. Уж не решил ли его начальник охраны преподнести ему сюрприз?

- Дальше?

- Еще одну из их компании пасут.

"Мне удивиться? Может он удивляется?" - уставился на мужчину.

- Решил вступить? А ты кто?

- Никто.

"Хорошо хоть это понимает", - одарил его недовольным взглядом. И все же интересно, с чего вдруг Виталий решил подать голос и высказать свое мнение? Уж не намек это на бунт? С чего?

- Что-то новое для тебя?

- Конфликт с совестью.

- Ааа. Я прибавлю тебе жалование. Проблема исчерпана?

Боксер опустил голову.

- Эту - не надо.

Лешинский мысленно присвистнул - вот это новость!

- Почему?

- Она меня видела.

- И?

- Я уже рассказывал.

- Ах, да, вспомнил.

Алекс покрутился в кресле, обдумывая варианты и повернулся к мужчине спиной, уставился на инкрустацию деревянных панелей стены:

- Не в моих интересах, чтобы эту взяли в разработку волкодавы

Хелен. Она интересна мне.

- Это приказ?

- Да. Не пугай их, не мешай, но притормози. Пусть притихнут на время. Примерно на

месяц. Этого мне хватит. Надеюсь, ты не против моего интереса к ней?

Вновь развернулся к мужчине.

Боксер явно смутился, отвел взгляд:

- Нет, - вышло почти жалобно.

"Хорошо хоть так. Значит, кусать руку хозяина не собирается. Он против клубных забав и только".

- Теперь твоя совесть спокойна?

- Да.

- Прекрасно. Где Ярослава может быть сейчас?

Боксер глянул на часы.

- Сегодня суббота, занятия заканчиваются в два.

- Институт.

- Да.

- Хорошо, иди. И позови Штольца.

- Сделаю.

Мужчина пошел из кабинета, чувствуя холодный взгляд хозяина ему в спину.

Лешинский сложил руки на груди и, крутясь в кресле, задумался - нехорошо, если Виталий начал проявлять свою волю, свои мысли вслух озвучивать. И ведь не дурак, знает чего это ему стоить может. Но сработала психологическая мина - познакомься с жертвой ближе и станешь частью ее, а себе больно сделать человек не может.

Ну, и что это, если не судьба? Девчонку подстраховали даже со стороны Боксера, что проколов такого рода за все десять лет службы у

Лешинского не допускал.

Что-то есть в этом. Надо бы его досье почитать, освежить память.

В кабинет осторожно постучали, дверь приоткрылась:

- Александр Адамович? - протиснулся в помещение Адам Штолец.

Алекс поманил его рукой, просканировал взглядом физиономию:

- Присмотри за Боксером. По-моему он устал.

Мужчина понимающе улыбнулся и склонил голову: понял.

- Не люблю проблемы.

- С этой стороны их не будет.

- Ты уж постарайся. Заодно узнай, что с ним происходит. Какой-то он нервный.

- Может в отпуск?

- Нет. Боксер меня вполне устраивает - не устраивает его сегодняшнее настроение.

- Понял.

- И еще, - покрутился в кресле. - Не мешай ему работать, но о всех телодвижениях и контактах докладывай лично мне.

- Понял. Все?

- Все.

- Я свободен?

- Абсолютно, - заверил с улыбкой. - Скажи, чтобы машину приготовили, я в город. И не светитесь за моей спиной!

Ярослава только вышла из института, как была схвачена - Дима потащил ее в сторону сквера. Она вырвалась, возмущившись:

- Одурел?!

- Я?! - развернулся. Взгляд как у акулы, приметившей обед. - Ты Ларису видела, чмошница?

- На себя посмотри, урод.

- Я на нее смотрел и понять не могу, почему ты еще на свободе! Я уверен, это ты во всем виновата, ты подстроила или познакомила ее, а сама слиняла!

- Дим, ты рехнулся, - качнула головой девушка. У нее уже не было ни сил, ни желания оправдываться. Она прекрасно поняла, что люди хотели найти девочку для битья и нашли. Очень удобно. Плохо. А почему плохо? А вот потому что она виновата. И ату, и вперед без ума и разума, чтобы в этом гоне забыть страхи и переживания, отодвинуть проблему и неприятное состояние.

Здорово! А уж "козлом опущения" быть - лучше не придумать.

- Я требую, чтобы ты созналась во всем и дала мне адрес твоих дружков!

Это было слишком. И главное, он всерьез верил в то, что говорил.

- Ты дурак, что ли? Ты меня за кого принимаешь?

- За дрянью последнюю. Ты бросила Лару, ты ее подставила. Если бы не ты!...

- Да причем тут я?! - слезы сами брызнули из глаз. Сколько можно ее обвинять? Они что, все сговорились?! - Что вы на меня навалились?! Что я вам сделала?! Сколько можно?!

- Чего орем? - бодро поинтересовались парни с соседнего курса, окружив пару.

Четверо встали за спиной Ярославы, а двое рядом с

Димой и недобро уставились на него. - Это что за щегол?

- Ты чего к нашей девочке пристаешь?

- Да!

- Малыш, а пристань ко мне, - жеманно выгнувшись, прогнусавил

Олег, солист "Махаона", пихнув Диму.

Парень смерил его злобным взглядом и бросив девушке:

- Еще встретимся, я тебя суку все равно урою! - пошел прочь под свист и улюлюканье ребят.

Олег приобнял Ярославу за плечи:

- Хорош рыдать, царевна Несмеяна.

- Нашла из-за кого, - презрительно сплюнул в сторону его друг.

- Не водись с вальтанутыми, на хз они тебе?

- Приходи сегодня в клуб.

- Опять концерт?

- Бацаем, - заверил.

- Постараюсь, - улыбнулась, вытерев слезы. - Спасибо ребята.

- Да ладно, свои люди - сочтемся!

- Может проводить?

- Нет, сама.

- Смотри. Если чего, знать дай.

- Ага, отпинаем так, что архиватор наглухо сглючит.

- Нет, не надо. У него стресс, неприятности крупные, вот он и ищет на ком бы отыграться.

- А тебе жалко его?

- Это парень Ларисы.

Парни притихли. Олег попинал камешек, поглядывая на Ярославу и, махнул рукой:

- Ладно, до понедельника.

И разошлись - ребята в сторону сквера, тусоваться, а девушка по улице вверх. Хотелось просто пройтись, немного развеяться. Встала на перекрестке, ожидая зеленый свет светофора.

Опять судьба? Даже не по себе, как-то, - подумал Лешинский, увидев девушку в толпе пешеходов, ожидающих остановки потока транспорта.

Тормознул у тротуара и открыл дверцу:

- Ярослава? Здравствуйте!

Она удивилась и заулыбалась:

- Александр?

- Он. Садитесь, а то меня оштрафуют, здесь стоять нельзя.

Девушка юркнула в машину.

- Как тесен мир.

- Удивительно, - поддакнула. - Не ожидала вас увидеть.

- Но хоть вспоминали? - покосился.

- Э-э, да.

Солгала. Леший понял и почувствовал раздражение, улыбка сползла с губ.

Значит, девушка не вспоминала его, вышла из машины и забыла. Он зря тратил время, плохо отыграл свою партию? И как дурак, ждал ее звонка!

Как вообще его можно не запомнить? Нонсенс!

"Хорошо, сейчас все исправим и так, что ты меня вовсе не забудешь".

- Куда направляетесь?

- Не знаю.

- Интересный маршрут.

- Никакой. Домой не хочется, куда-то еще тоже. Решила просто пройтись.

- Представьте, у меня тоже настроение. Есть предложение: раз уж так сошлось, "пройтись" вместе.

- Как же ваша работа?

- Выходные. Я свободен.

- Плохо одному, - с пониманием сказала Ярослава.

"Не замечал".

- Грустно. Так что по плану? Чего желает душа?

- Покоя.

- У? Все те же проблемы? Так долго? Давайте отодвинем их на пару дней. Нет, давайте я стану вашим психотерапевтом на эти два дня?

Только чур, слушаться?

Слава улыбнулась: забавный он, веселый. А почему, правда, не провести в его компании выходные? Почему не отодвинуть хоть на два дня печали и заботы. Начнется понедельник и все снова. Бр-р. Но до понедельника еще есть время.

И что она теряет? Дядя абсолютно вменяем, приятен во всех отношениях, поползновений сексуального характера не делает, а дружеская поддержка, что он предлагает, ей сейчас очень сильно нужна. Может, ангел ей его на спасение послал?

- Согласна, - решила.

- Тогда как вы относитесь к опере?

- Никак, - замахал ладошкой.

- Понятно. Значит опера и оперетта мимо. Театр?

- Эээ...

- Тогда предлагаю мини концерт. Есть очень уютное местечко, где собираются любители авторской песни. Небольшой зал, хорошее обслуживание, концерт. Потом прогулка и крепкий сон. А завтра с утра, можно съездить за город или устроить шопинг.

- О, нет, на шопинг нужны финансы.

- Стоп. Ярослава, мы уже говорили на эту тему - кто предлагает, тот и платит.

- Концерт, кафе - понимаю, но магазины, извините, нет.

Остановимся на первом варианте.

- Нет. Я буду настаивать из чисто психотерапевтических соображений.

- То есть?

- Разве вам неизвестно, что лучше всего женщина снимает стресс выбирая себе новые наряды. Она меняет гардероб и меняет себя, свое отношение к проблемам, окружению. А еще меняют прическу, цвет волос, стиль. Перечеркивают вчера, смелым и дерзким шагом в завтра. Сразу, как в воду с трамплина. Кстати, как вам идея поплавать, сходить в сауну.

- За купальником надо ехать.

- Купим в процессе шопинга! - обезоруживающе улыбнулся ей

Алекс. Ему было безумно интересно посмотреть на нее без этих убогих брюк и столь же безвкусной куртки. Даже немного жарко от мысли стало.

Вообще, странно - сидит рядом никакая, безвкусная и безликая, а у него желание кровь будоражит.

"Прав Расмус - мы все - извращенцы. Один больше, один меньше".

И рассмеялся, потешаясь над собой.

- Вы что?

- Ничего, так. Радуюсь смыслу выходных. Вы его мне подарили, так что не смущайтесь и считайте, что мы проведем время взаимовыгодно.

- В этом и есть прелесть дружбы.

- Да? Не задумывался. В моем возрасте понятие дружба становится более пошлым и вульгарным. Выгода или не выгода, вот и все что за ним стоит.

- Значит, вам невыгодно со мной дружить.

Леший рассмеялся:

- С вами как раз наоборот - вы спасаете меня от скуки.

- Странно. У вас есть время скучать? У меня его хронически не хватает. Просто бывает, как сегодня, что нужно учить, нужно по дому массу дел переделать, а руки не поднимаются, в голову ничего не идет.

- Главное - состояние души, лишь оно стимулирует нас к действию.

О, вижу Пассаж. Останавливаемся.

- Нет!

- Ярослава, это нужно не только вам, но и мне. И потом, вы обещали слушаться.

- Да, но... Мне ничего не надо.

- Хорошо, ничего и не будем покупать, но посмотреть-то можно?

- Какой смысл душу себе травить?

"Она очаровательна в своем откровении. Bravo, детка", - улыбнулся.

- Просто так. Убьем время и развлечемся. А кое-кто - качнулся к ней, проверяя, как она прореагирует на его близость. - Отвлечется от грустных мыслей.

Ярослава чуть отпрянула, и это Лешему не понравилось.

Неужели он ей не нравится? Такое может быть? Вздор! В таком случае она глупа, слепа, и недалёковидна. Но комплекс царапнул душу, вызывая раздражение на девушку. Да, он не красив, но у него есть одно значительное качество, которое перекроет любые недостатки - он богат. Стоит, наверное, на это и давить.

Он припарковался и развернулся к девушке:

- Скажите честно, вы меня боитесь?

- Нет, - покосилась удивленно. - А надо?

- Нет.

- К чему тогда спрашиваете?

- Психологический тест, - покрасил улыбкой неловкость и открыл дверцу машины. - Ну, что, вперед?

Мужчина настораживал ее. Нет, он был само обаяние и вежливость, само остроумие и кладезь знаний, но было в нем что-то неестественное, располагающее и отталкивающее одновременно.

Она никак не могла понять, что ему надо.

Ухаживает? Очень похоже. Но тогда почему не пытается обнять или подвинуть разговор к темам сближающим? Зачем тратит на нее время и готов потратить много денег? Но при этом четко дает понять, что он всего лишь друг. Как его понять? К чему ему дружба с девчонкой почти вдвое младше него? Других знакомых - друзей нет?

Может так и есть, и она выдумывает, чего нет?

Тогда как расценить его взгляды, от которых мурашки по коже, готовность купить все, на что ее взгляд упадет, попытка затащить ее в отдел дамского белья? Ничего себе "дружба"!

Но опять же, он не настаивал, не пытался ее обнять и всучить насильно какую-нибудь шмотку, обязать. Значит у нее "глюки"?

Станный тип.

Одни разговоры чего стоят. Нежно перебирая нитки бус, смотреть на нее жарко и хитро, и говорить о предыстории Французской революции.

Перебирая купальники и оценивая, слишком пристально, будто раздевая и овладевая взглядом, оглядывать ее фигуру и говорить о несовершенстве образовательной программы, а стоя в пробке, с чувством и расстановкой декламировать Сашу Черного, переходя на избранное из Цветаевой.

Пойди его пойми, разбери. Одно ясно - не для нее он, как кавалер, мутный слишком.

Может он ненормальный? Говорят же, что есть профессиональные болезни: у стоматологов - кариес, у психологов - отклонения в поведении.

Но это не отталкивало, наоборот, Ярослава все больше и больше доверялась ему, все больше проникалась. И поняла, чем он ей понравился - он был похож на отца!

Этим все решилось, и она больше не видела подтекстов в его взглядах и словах, воспринимала их спокойно именно с дружеской стороны и как проявление дружбы, вычеркнув мысли о возможном флирте или ухаживании. И слало легко, просто и спокойно.

Друг, он обычный и замечательный друг, не больше. Ему большего не надо, как и ей, -

убедила себя. И не стала отказываться от бассейна, купальника. Смятение и смущение остались позади вместе с мыслями о подругах, Ларисе, институте, Грише. Все это позже, когда останется одна. Сейчас не может и не хочет.

Имеет она право на один хороший день, хороший вечер?

Единственное что ее немного опять насторожило - отсутствие других любителей водных процедур, кроме них в бассейне.

Она несмело ступила на кафель и, оглядевшись, посмотрела на Алекса:

- Почему мы одни?

- Разве плохо? - спросил тот, пожав плечами и сделав кульбит, прыгнул в воду, вошел в нее без брызг, как мастер спорта. Вернулся и, взявшись за поручень, махнул рукой. - Идемте, вода отличная.

Ярослава помялась и решилась - нырнула.

Час в бассейне прошел очень плодотворно. Леший не лез к девушке, хоть и хотелось до зуда в ладонях. Он просто дурачился как ребенок вместе с ней, отвлекая ее, приучая к себе. Именно здесь, увидев ее фигурку во всей красе, услышав смех, он понял точно, что будет делать, что хочет ее и получит.

Зачем ему клуб Хелен? Он получил идею, получил понимание, что эта идея ему по вкусу, вот и исполнение желаний, плавает вокруг и беззаботно смеется. Так к чему посредники? У него уже есть все, что ему пока надо. Эта девочка способна удовлетворить самые его изысканные прихоти и он проведет ее по всем ступеням наслаждения, пройдет их сам. А пока нужно быть терпеливым и сдерживать себя. Это даже интересней, чем сорвать с девушки купальник и взять на сверкающем кафеле или в воде.

Пусть сначала она привыкнет к нему, привяжется. Отдаст ему добровольно не только свое тело, но и сердце, душу. Это будет интересней, выгоднее и приятней. Это будет по-настоящему. И страсть, кипящие эмоции, чувства через край - все это будет для него и без прикрас, как есть, как бывает, а не как надо, чтобы получить то или это. Без расчетов - спонтанно, по воле чувств. А такое бывает? Говорят.

Он исследует девушку, вывернет наружу, заставив показать себя во всяких ситуациях. Постепенно, не спеша сделает ее своей работой. Не денег, не власти - себя. Привяжет тем, что нельзя купить, но можно взрастить.

И был уверен - его ждут любопытные открытия, новизна, которая встряхнет его, надолго развеет скуку. Поэтому не хотелось ускорять события, не хотелось настораживать Ярославу, вспугивать ее неверным жестом и своим желанием. Но все чаще ловил себя на мыслях, что желает ее, как давно никого не желал. Возможно лишь в юности ту самую первую женщину - девушку из параллели. Она, пожалуй, была единственная, на кого он потратил много времени, но добился своего пошло настолько, что после сразу потерял к ней интерес. Он купил ее, как после так или иначе покупал или продавал остальных.

С Ярославой будет по-другому - по-настоящему. Он не купит ее - влюбит, привяжет, опутает, поработит так, что она не догадается.

Ближе к ночи он привез девушку домой и позволил себе галантный поцелуй ее руки, хоть и очень хотел поцеловать в губы.

- Как на счет завтра?

- Не знаю. Нужно учить, много запустила. А за сегодня огромное спасибо.

- Не за что. Но на завтра у нас уже есть уговор, если помните.

Кстати, раз мы уже друзья, и даже очень близкие, - лукаво улыбнулся ей в лицо. -

Учитывая купание в одном бассейне. Предлагаю перейти на "ты".

Ярослава рассмеялась:

- Хорошо Алекс.

- Вот и славно. С тебя телефон. Завтра позвоню и сообразимся.

- Бумаги нет записать.

"Стопка макулатуры в сумке не в счет?" Этот факт он принял, как попытку ускользнуть от него, дистанцироваться, как явное проявление невнимания, отсутствие интереса, что ему не понравилось.

Но улыбка не дрогнула и взгляд остался добрым, ласковым.

- Я запомню.

Ярослава сказала номер телефона и вышла из машины:

- Спасибо и до свидания.

- Приятных снов, - кивнул.

Общество мужчины, этот вечер, навеяли Ярославе грусть и тоску по

Григорию. Ей очень сильно захотелось оказаться в его объятиях, выплакаться, просто полежать на груди и послушать стук его сердца.

Девушка зашла в квартиру и проверила телефон - Гриша не звонил, как не звонил на мобильник. Неужели все?

И разозлилась - пусть дуется! Завтра она найдет бумажку с телефоном Алекса и позвонит, если он не позвонит, сидеть дома не станет!

Но чем больше уверяла себя в этом, тем сильнее хотела позвонить

Грише.

Леший, немного отъехав от дома Ярославы, остановился и вызвал своих. Устал он рулить.

- В казино, - бросил, садясь в "сауенне". Ночь только начинается.

Сначала он спустит немного денег, потом взяв смазливую шлюшку - охладит жар, что раздула Слава.

Первое удалось, а второе расхотелось.

В пять утра Леший лег спать, обдумывая прошедший день и строя планы на грядущий. Планы переросли в фантазии, фантазии убаюкали, но во сне их героиня осталась, что немного позабавило и насторожило

Алекса. Давно ему не снились женщины, тем более объекты планомерной охоты. Это навевало мысль, что охотник грозит стать дичью, что естественным образом не устраивало Лешинского.

Но, обдумав данный факт за завтраком, он успокоился - в конце концов, дичью он еще ни разу не был. Отчего бы не вкусить прелестей и этой роли?

Глава 7

После обеда, когда Алекс собрался звонить Ярославе, появился Штольц.

- Александр Адамович, возникли нюансы.

- Излагай, - бросил милостиво.

- Вы отдали распоряжение придержать людей некой госпожи Перцовой.

- Да. Возникли трудности?

- Скорее угроза конфликта контор.

- И?

- Госпож Перцова здесь и просит ее принять. Виталий

Вениаминович, к сожалению, засветил наших людей. Не думаю, что это было сделано намеренно. Скорее не было выбора. Люди Перцовой слишком плотно взяли под наблюдение вот эту особу, - перед Лешим легла фотография упитанной девушки с ямочкой на подбородке. - Она серьезно интересуется их. Однако под нашим контролем им пришлось отступить, что явно не входит в их планы.

- Это я уже понял. Данные?

- Инна Замятина, двадцать лет, студентка...

- Истфак.

- Да.

- Ясно, - мужчина покрутил в руке фото, вспоминая, что видел эту девушку в толпе остальных, на той самой пленке, что демонстрировалась в клубе ему и Расмусу, и кивнул Адаму. - Пригласи

Перцову в кабинет.

Не прошло и пяти минут, как в кабинет вплыла Хелен с дежурной улыбкой на устах.

- Добрый день, Александр Адамович.

- И вам, Ольга Николаевна, - с милейшей улыбкой уколол настоящим именем женщины в ответ, но даже не привстал, как сидел боком к ней, обозревая парковый пейзаж в окно, так и остался, только взгляд на нее перевел. - Присядете?

- Если позволите, - улыбка ничуть не увяла, хотя по глазам женщины было видно, что знание Алекса ее истинного имени, отчества ей неприятно.

- Как вам нынешняя погода?

- Изрядно давит на нервы.

- Что вы? Такая прелесть: тучи, дождь, ветер. Стихия во всей своей первозданной красе. Любовался бы и любовался.

- Извините, что помешала.

- Ну, что вы, разве мужчине может помешать очаровательная и умная женщина?

- Благодарю. Надеюсь, вы не разочаруетесь.

- Смотря, что вас привело ко мне.

- Увы, всего лишь дело.

- Жаль. А я смел мечтать о более возвышенном.

- Было бы желание. Вам стоит лишь намекнуть и я не просто приду

- прибегу. Но будем откровенны: я вам абсолютно не нужна, более того, не привлекаю вас как женщина, к собственному огорчению. Однако такова жизнь и не стоит

останавливаться на неприятных моментах.

- Перейдем к приятным? - с насмешкой глянул на нее Леший.

- Вот это как раз вопрос. Для вас, скорее всего - да, но для меня - нет. Отдаю должное вашей хватке. Одна встреча и вы поняли суть, идею, систему. И видимо решили сыграть сами. О, впрочем, я не в коем случае не намерена пенять вам или лезть в ваши дела и планы.

Я маленький человечек, которому по счастью достался определенный бизнес. Конфликты с такими акулами как вы, мне не нужны. Но... мне бы хотелось определенности.

- Что значит деловая хватка. С порога и в "яблочко". Что ж, я не против. Вот только не понимаю о чем речь.

- Полно вам, Александр Адамович, - расплылась в томной улыбке женщина. - Вы все прекрасно поняли. И даже предприняли определенные шаги, что нарушают мои планы.

- Как жаль. Не знал. И что же это за планы? - наивный взгляд удавался Алексу особо.

- Да-а, - в раздумьях покачала носком элегантной туфельки

Хелен. - Я еще в первую нашу встречу поняла, что Игорь Валентинович переоценивает себя, беря смелость рекомендовать нас вам. Однако, хороший друг всегда лучше хорошего врага.

- Вы хотите стать моим врагом? - почти искренне удивился Леший.

- Боже упаси меня от подобной глупости, - покачала ладонью

Хелен, кокетливо, но одновременно слишком цепко посмотрев на мужчину. - Я здесь именно с целью уверений в лояльности и попытке уладить миром возникшее недоразумение. Согласитесь это вполне в наших силах.

- Допустим.

- Прекрасно понимая, что мне нечего вам предложить, я прошу об услуге. Обещаю, если у вас возникнет любая надобность в моем содействии или хоть малой услуге в ответ, она будет оказана.

- Смешно.

Хелен и сама это понимала, отвела взгляд и пошла с другой стороны:

- Если бы знали, как тяжело было начинать этот бизнес, сколь хлопотно вести его. Я же всего лишь слабая женщина, которая пытается чего-то добиться в жизни.

Леший качнул рукой: не пойдет

- У меня есть некоторые материалы, что могли бы вас заинтересовать.

- Они уже есть и у меня.

Хелен смолкла и вздохнула. Что остается? Угроза? Мимо, к тому же столь же глупо, как и предлагать отступное.

Можно было уходить и ставить крест на планах, или рискнуть, пойти на конфликт... и зарыть себя сразу.

- Неужели вы хотите уничтожить меня? Какой в этом смысл? Я ничуть вам не мешаю, а моим бизнесом вы пользоваться не станете.

Алекс решил быть благодушным. Встал и лениво прошел к креслу напротив женщины:

- Вы правы, Ольга, ваш бизнес меня не интересует, все что было нужно мне - я взял... Почти все. Ченч есть ченч. У вас есть желание, у меня тоже. Попытаемся договориться?

- Отчего нет? Я буду только рада.

- Тогда будем откровенны. У каждого из нас есть определенные планы, - сел напротив женщины. - Которые имеют право на существование пока не мешают друг другу. Я отдаю

должное вашей жизнестойкости, что способствовала столь широкомасштабному и почти легальному утверждению ваших бизнес-планов. Я более скромнен - мои планы не так глобальны, но так случилось, что косвенно ваши могут помешать моим. Мне бы этого очень не хотелось. Не привык отказываться от задуманного.

- Поверьте, я тоже. Но как тогда быть? Что вы предлагаете?

- Откажитесь. На время.

Хелен с огорчением покачала головой.

- Хорошая прибыль?

- Очень. Если бы вы позволили всего лишь провести этот проект.

Он важен для меня.

- Чем?

- Хотите откровенности? Что ж, карты на стол. И только в благодарность вам, за то что согласились принять меня, не сдали моих людей, а всего лишь вспугнули и намекнули. И как видите, я поняла, и здесь, в надежде все уладить. Если все пройдет, у меня будет выход на Арабский регион, а это, как вы понимаете, очень хорошая перспектива.

- Шейху понравилась студентка Инна Замятина? - как ни в чем не бывало, спросил Алекс - вывод напросился сам.

Хелен замерла. С минуту молчала, глядела на него, буравя взглядом

- что ты еще знаешь? - и отклонилась к спинке кресла, то ли желая стать незаметной, то ли вовсе исчезнуть.

- Н-да, мне говорили, что с вами трудно и опасно вести дела.

- Однако, вы уже совершили невозможное и не раз, - намекнул на ее дело Алекс. - Вести тот бизнес, что у вас, очень хлопотно и опасно, но вы справляетесь.

Перцова восприняла высказывание за комплимент и немного приободрилась:

- Это действительно очень сложно. Риск огромен.

- При ваших-то покровителях? - улыбнулся. И женщина опять насторожилась.

- Перестаньте, Ольга, - махнул он рукой. - Я не юнец, верящий в моральный кодекс - оставьте его толпе. Мораль, всего лишь игрушка прихоти и тут ничего не поделать. Теневой бизнес всегда присутствовал и будет присутствовать и только глупец может идти против системы. Я не отношусь к их числу. Бог с вами, занимайтесь, чем считаете нужным.

- Значит, вы отдаете ее нам?

- Ее?... Позвольте вопрос - отчего вы занялись опасным делом, если рынок полон вполне сговорчивых красоток.

- Мне объяснить это вам? - усмехнулась. - Есть спрос, есть товар. Сейчас растет спрос именно на неразвращенных девушек.

Натуралок. Причем с мозгами и устоями. А опасности никакой.

Ежедневно пропадают, подвергаются насилию миллионы, сравните с раскрываемостью дел и посмейтесь вместе со мной.

Леший улыбнулся, задумчиво потер подбородок:

- На это раз можно обойтись профессионалом.

- Увы, нет. Шейх запал именно на эту девушку. Время поджигает.

Товар должен прибыть по назначению через четырнадцать дней, к этому времени девушка должна быть готова подчиниться новому хозяину.

- Допустим, на обработку у вас уходит от силы три дня.

- Доставка и как ни странно, после обработки девушку нужно еще привести в товарный

вид.

Алекс задумался:

- Когда вы планировали взять ее?
- В понедельник.
- Завтра?
- Да.

В голову Лешинскому пришла интересная идея.

- А если вы возьмете ее по сигналу моих людей?

- Да Бог с вами! Легко! - обрадовалась Хелен. - Я уверяю вас, девушку ждет прекрасное будущее. Она будет жить в гареме и ни в чем не будет нуждаться!

- Меня меньше всего интересует ее будущее.

- Но мы договорились? - забеспокоилась Перцова.

- По сигналу моих людей и с одним условием.

- Внимательно слушаю.

- Вы оставите эту компанию девушек в покое до моего распоряжения.

Хелен насупилась, что могло означать одно - контракты на других девушек уже либо готовы, либо почти готовы.

- Да, но... господин Расмусов уже сделал заказ.

Алекс прошел к столу и достал из папки общий снимок стайки студенток.

- Кого? - положил его на колени Хелен.

- Ах, Александр Адамович, на грех толкаете?

- Ченч есть ченч.

Женщина улыбнулась и ткнула пальчиком в Ярославу.

- Вам невозможно отказать.

Леший взял фото и прошелся по кабинету:

- А ему вы откажите, - заявил твердо.

- Могут быть проблемы.

Мужчина так посмотрел на женщину, что та спрятала глаза под ладонь, сделав вид, что напрягает извилины, массируя виски.

- Хороший заказ?

- Долговременный.

Ясно. Расмус все же решил приобрести рабыню под интерьер своего камина и медвежьей шкуры.

- Откажите раз и навсегда.

- То есть?

- Он больше не является членом вашего клуба. Вам ясно?

- Но?...

- Отправьте его ко мне и я все ему разъясню. Больше вы его не увидите.

Отвернулся к окну и процедил, не скрывая злости, что нахлынула как-то мгновенно, нежданно:

- И не дай вам Бог, еще раз пересечься со мной! Вы свободны!

Смена тона с ласкового на ледяной подбросила Хелен.

- Да. Благодарю. Не смею вас более задерживать. Однако?...

- Нюансы дела вам объяснят дополнительно. Подождете в машине.

- Ко-кон-нечно, - начала заикаться женщина и, потеряв весь лоск, попятилась вон из

кабинета. Нельзя иметь все, нужно уметь довольствоваться немногим. Она умела.

- Штольц! - рыкнул Алекс, кинув фото на стол.

- Слушаю вас, Александр Адамович, - вырос на пороге кабинета мужчина.

- Эта девушка должна охраняться, - ткнул пальцем в Ярославу на снимке. Адам подошел ближе, глянул и кивнул:

- Понял.

- Эту, - ткнул в Инну. - Дайте возможность забрать людям

Перцовой.

- Фиксировать?

- Естественно. Отдадите только по сигналу.

- Какому?

- И та и другая девушка должны остаться вместе, а потом разминуться. В этот момент вторую можно отдать.

- Сыграть на подставе.

- Именно. И работайте чисто. Кто засветится - уволю.

- Понял. Срок?

- Как представиться удобный случай. А Боксера отправьте в отпуск.

- Понял.

- На месяц. Дела примете вы.

Снимок ушел в стол, Штольц за дверь.

Алекс уставился в окно, радуясь, что не видит Расмуса. Ему отчего-то очень хотелось его придушить. Но он быстро справился с эмоциями и взял телефон. Длинные гудки сказали ему, что хозяйки нет дома и вызвали новую волну чувств - уже беспокойных.

Любопытно. Однако настораживает и начинает мешать.

Леший поехал к Ярославе.

Девушка весь день наверстывала упущенное, зубрила, учила, вдабливала себе в мозг ветхую старину. К вечеру поняла, что уже ничего не воспринимает и решила переключиться - сходить в магазин.

Денег было немного, но достаточно, чтобы соорудить сносный ужин.

Возвращаясь, когда уже темнело, она наткнулась на Диму. Он подждал ее на углу дома и таранил взглядом, навевая опасение.

Лучше всего конечно было его обойти. Но как, если дом стоит буквой "Г" и окружен жидкими кустиками потерявшими свою листву, а ее подъезд посередине и как не крадись, какими тропами не бреди, тебя видно издалека.

Да и почему она должна бегать? Сколько можно ее третировать за случившееся с Ларисой?

Ярослава замешкалась на минуту и смело пошла вперед, делая вид, что не видит ненормального. Но тот двинулся наперез и преградил дорогу:

- Стоять, дрянь!

- Да пошел ты, - отмахнулась беззлобно, пытаясь обойти его, но он оттолкнул ее грубо и напористо.

- Мы с тобой не договорили, твои гондольеры помешали, - выругался грязно. - Сейчас никто не помешает. Я выполню свое обещание, если ты мне не расскажешь, кто и где, - вытащил из-за пояса бренок увесистую железку, зажал как нож в руке.

Ярослава не на шутку испугавшись, отступила и огляделась - как назло двор был пуст, ни "банды", ни тусовки пенсионеров или молодых мамаш, будто вымерли все.

- Дима, у тебя шок, стресс, ты не понимаешь, что делаешь. Потом в себя придешь - будешь жалеть. Ну, подумай ты головой - причем тут я? Что я могу знать? Что я, по-твоему, сама ее...

Последнее слово застряло в горле - парень с размаху ударил девушку, откидывая ее на тротуар. Пакет полетел в сторону газона,

Ярослава упала и ударилась головой о поребрик. В голове вспыхнуло, словно петарду взорвали и, яркая карусель всполохов пошла перед глазами, шумя в ушах.

Парень подхватил ее за лацканы куртки и встряхнул, ставя на ноги:

- Я тебя убью, если ты мне не скажешь! Ты меня поняла, дрянь?!

Убью!

- Сядешь, - вдохнула, плохо соображая, где она и что.

- А мне уже плевать, на все плевать, поняла?!

По глазам ударили фары, ослепляя, скрипнули тормоза, хлопнула дверца:

- Молодой человек, вам показать, как нужно обнимать девушку?

- Езжай, куда ехал, без тебя разберемся!

- Вряд ли.

- Проблемы нужны?!

- Вы загородили мне дорогу.

Ярославу затошнило, она попыталась оттолкнуть парня, но одолевшая слабость не дала. Девушка нелепо взмахнула руками и осела - Дима не удержал ее.

- Кажется, вы ошеломили девушку.

Кто-то поднял ее.

Суздалева щурилась, пытаясь сфокусироваться и понять, кто это, но не узнала в первый момент Алекса - не похож он был на себя. Взгляд холодный и чужой, лицо - африканская маска.

Леший, сообразив, что Ярославу пытались избить и, похоже, частично успели, испытал настоящий прилив ярости, неведомы ему прежде. Он смотрел в лицо девушки и видел, что та неадекватна, скорей всего не понимает кто перед ней.

Это лишило его последних преград. Он помог ей сесть на поребрик и развернулся к парню.

- Шел бы ты, дядя. Не в свое дело встречаешь, - качнул железкой

Дима.

- Иди сюда, что скажу? - спокойно поманил его пальцем Алекс и только тот качнулся сдуру, напоролся на мощный удар в челюсть. Зубы склацали, рассыпаясь. Парня отнесло в кусты. Вой, попытка встать и опять удар уже ногой под дых. Диму сложило. Он уже не выл, захрипел, закрутился, пытаясь спастись от боли, ослепляющей мозг. Железка была потеряна вместе с памятью кто он, где, и зачем вообще.

Леший не поленился наклониться и ударить в скулу, отправляя парня в полный аут и прострацию, тем прекращая бесполезные метания. Дима стих, Алекс вытащил сотовый и нажав кнопку бросил:

- Пададь уберите.

Он бы не сдерживал себя - убил, но побоялся это сделать на виду девушки.

Развернулся и подошел к Ярославе, поднял и утащил в машину. Судя по виду девушки,

ей нужна была медицинская помощь - за ней он и направился.

- Ты как? - спросил, почувствовав ее взгляд на своей физиономии. Девушка потрогала голову: мокро, опухло.

- Нормально, - проскрипела, не узнавая собственный голос. Что это вообще было? Трактор, что ли на нее наехал? Голова болела до тошноты и звездочек перед глазами. Но сквозь них она все же увидела профиль мужчины, смогла сообразить, кто это. Только, как и откуда взялся, вспомнить не могла.

- Алекс?

- Угу, - даже головы не повернул. Хмурился, глядя перед собой - чужой какой-то, жесткий.

- А где Дима?

- Так его зовут Дима? Ничего у тебя кавалер, воспитанный.

- Нет... В смысле... - она все пыталась сесть, но ее как белье в запущенной центрифуге откидывало в кресло и размазывало по нему.

- Он не мой друг... Он... Подруги друг.

- Которой совсем не друг.

- Э-э-э...

- Посиди спокойно. С травмами нельзя шутить.

- У меня... я... нормально, - она чувствовала себя пьяной настолько, что пожалуй могла сравниться лишь с героем употребившим ящик водки. - Ты откуда?

- "Северный ветер принес", - голос угрюм и глух, до неузнаваемости.

- Какой?

- "Мери Попинс" в детстве читала?

- А ты откуда? - пропустила фразу, забыв ее, как только услышала. Леший глянул на нее и дал по газам. Машина пролетела на красный свет светофора, чудом не столкнувшись с маршруткой. Ярослава даже не заметила этого. Она перестала сопротивляться, закрыла глаза и попыталась успокоить бьющую в виски, разливающуюся волнами по телу боль.

Только чуть привыкла к ней, как кто-то потревожил, потащил куда-то.

Ярослава попыталась отмахнуться, и очнулась, глотнув влажного стылого воздуха, что ударил в лицо. Перед глазами прояснилось, но сообразить не получилось - Алекс увлек ее на свет горящих окон.

- Куда мы?

- К врачу. Тебя травмировали.

- Чего?

Леший промолчал - смысл ей что-то говорить? Ничего не соображает.

И все из-за какого-то молокососа! Сначала Хелен, потом Расмус, теперь какой-то Дима! А кто они такие?! По какому праву рушат его планы, лезут в его жизнь?! К его женщине!!

Леши открыл дверь в приемный покой и усадив девушку на кушетку у окна, грохнул по столу ресепшена.

- Алло!!

Из дверей слева вынырнула накрашенная девица вульгарной наружности:

- Что вы хотели?

- Помощь! У девушки травма головы!

- Травматология - другой корпус.

- Какая разница? Есть больной, есть врачи!

- Так, мужчина, вы чего шумите? - вышла еще одна потрепанная мадам еще более нелепой наружности, следом появился худощавый парень в форме охранника:

- Вам по-русски сказали - травматология другой корпус! Пройдите на выход! - указал дубинкой.

Здорово! Потрясающе! - взвело Алекса, не привыкшего к хамству и пренебрежению, не ожидавшего подобного отношения. Но разбираться сейчас он не видел смысла - нужно было помочь Ярославе.

Он молча подхватил девушку и вывел на улицу, пошагал к соседнему корпусу. Там сервис оказался еще "любопытнее" - никто попросту не открывал. Леший бил ногами дверь, чувствуя, что еще минута и, он ее взорвет, потом вызовет ребят и те уже сравнивают всю больницу под поле для гольфа.

Но тут выглянул "божий одуванчик" в белом халате и проскрипел старческим голосом:

- Ну, чаво колотишь, чаво? А вот сейчас милицию вызову!

- Вызывай! Давай милицию, полицию, прокуратуру, адвокатуру, и министра здравоохранения не забудь!! - рявкнул неожиданно для себя.

И стих, удивившись - ничего себе - он умеет кричать? Злиться на каких-то неандертальцев? А не много чести?

- Послушайте, бабушка, нам нужен врач.

- Утром приходи.

- А ничего что помереть до утра можно?

- Ну, и чего? Я-то чего?

- У девушки тяжелая травма головы, ей нужна медицинская помощь!...

- Вот в травмапункт и ступай, - захлопнула дверь.

- Куда? - растерялся мужчина. Что это еще за зверь?

Ну и развели филиалов!

"Завтра же Баркину позвоню, скажу про бардак в его епархии!"

- А где этот травмпункт находится?!! - рыкнул в дверь, треснув по ней кулаком.

- По дорожке налево, тама крылечко вверх. Вот он и оно, - буркнула старуха и пошлепала прочь.

- Прекрасно!

"Вот он драйв и адреналин! Завтра же посоветую Расмусу отправиться за приключениями и остротой ощущений в мед учреждение!"

Обнял Ярославу и пошел в указанном направлении.

Девушка чувствовала себя значительно лучше. Пока Леший пытался добиться помощи от людей, ее оказал свежий воздух и сам организм.

Боль локализовалась и притупилась, сознание прояснилось, дурнота отступила.

- Мне уже лучше, - заверила мужчину.

- Угу.

Вид девушки опровергал утверждение, к тому же Леший привык опираться на объективное мнение специалистов, хоть и сомневался, что в этой глухомани найдет оное. Толкнул дверь в травмпункт и чуть не умер от запаха, что ударил нос. Оглядел, морщась, помятого алкаша в крови на кушетке, бабульку сперемотанным и выставленным вверх в стиле "фак ю" пальцем и вздохнул. Усадил Ярославу и двинулся к стойке, за которой, склоняясь к лампе, восседало миловидное существо в белом:

- Девушка, нам нужна медицинская помощь.

- Ваш полис, - проворковала милашка.

- Кто? - не понял Алекс.

- Страховой полис, паспорт.

- А если нет?

Девушка пожалала плечами, развела руками и снова уткнулась в какой-то журналчик.

Лешинский понял, что строительство поля для гольфа на месте этой богодельни начнется сейчас.

- Нееет, так дело не пойдет. Ну-ка, красота писаная, соедини-ка меня быстренько с Геннадием Павловичем.

- С кем? - хлопнула метровыми накрашенными ресничками девица.

- С министром здравоохранения!

Медсестра прыснула:

- А с президентом России не надо?

Алекс постоял, тараня ее взглядом и засмеялся: нет, это нечто с чем-то! Вот он настоящая жизнь. Только вопрос, как обыватели еще не вымерли от нее?

Ярослава, видя состояние мужчины и чувствуя себя неловко за его неловкость, за беспокойство, что ему доставляет, подошла и, потянув за рукав, попросила:

- Пошли, а? У меня все хорошо, правда.

- Я рад, - заверил. - Но пока посиди, где сидела. Минуту, - сжал ее плечи руками и вышел на крыльцо. Набрал номер.

- Геннадий Павлович? Здравствуйте... Узнали? Прекрасно. Я вот тут стою около убогого заведения вашей епархии под цифрой пять и диву даюсь работе ваших подразделений... Меня это волнует меньше всего. Есть конституционные права граждан, по которым... В курсе, да? Травма. Угу. А вот занесло, люблю знаете ли, порой ночной пройтись дорогой рабочей молодежи... Представьте... Не надо мне на дом ваших пугал! Это не больница, это прозекторская!.. Да! Очень недоволен!

Отключил связь и, покачиваясь на носках, уставился на одиноко горящий фонарь, смиряя гнев. Минута, другая и лицо мужчины окрасила привычная спокойная улыбка. Он шагнул обратно, в чад больничных запахов.

Встал над Ярославой, по-хозяйски чуть наклонил ей голову, разглядывая шишку и кровь на теменной части, ближе к затылку.

- До свадьбы заживет, - отмахнулась она и вымучила улыбку. На бледном лице с синевой под глазами выглядела она щемяще жалко и вновь будила ярость. Алекс отвернулся и начал изучать постеры - рекламки клещевого энцефалита и наркомании. Редкостная туфта.

Успел прочесть только пару предложений, как раздался топот, распахнулись двери и, длинное взъерошенное чудо в колпаке до потолка вылетело в коридор. Бегло оглядев больных, уставилось на Алекса:

- Ээ? Вы к нам?

- Нет, к вашей теще, - скривился презрительно.

- Господин Лешинский?

- А вы?

- Эээ, Михайлов, Сергей Иванович, дежурный врач. Проходите, - простер руку в сторону открытой двери, с милейшей улыбкой и прогибом почти до пола.

У алкоголика, травмированной бабушки и Ярославы вытянулись лица.
Такого сервиса они сроду не видели.

В рекордные сроки обалдевшая Суздалева была осмотрена, облучена, обработана, описана и отпущена. Боли уже не было - наступил шок, только от обслуживания, комплиментов, заверений и улыбок, что свалились на нее не хуже удара Димы или запоздавший от травмы - она не поняла. Как в ступор ушла, переступив порог кабинета, так и в машину с ним села.

- Что это было? - спросила Алекса минут через десять, с удивлением ощупывая аккуратно обработанную ранку на голове. Мужчина пожал плечами, включив музыку.

- Теперь в больницу только с тобой, - заверила, приписав его связям заботу о пациентке - о себе.

- Нет. Теперь о больницах забудь вообще, - сказал, как отрезал и тут же на другую тему разговор перевел, не давая задать естественный вопрос и получить пояснения его заявлению. - Кто такой

Дима и почему он посмел тебя ударить?

Ярослава поморщилась и затосковала о сигарете.

- Неприятная тема? - покосился на нее мужчина.

- Больная, - признала. - Можно я покурю?

- Можно. Если расскажешь.

- Ой, - ощупала карманы и сообразила, что сигарет нет, следом пришло запоздалое воспоминание о пакете с продуктами. - Ееее, - сползла по креслу.

- Не понял?

- Да так, - вздохнула. - Сигарет нет, продуктам алес капут.

- Немецкий изучала?

- Угу, - только какое это имеет значение?

Леший открыл бардачок и кинул ей на колени пачку незнакомых пахучих сигарет, пьезозажигалку. Гламурные штучки, - оценила и то, и другое.

- Клиенты дарят?

Мужчина кивнул не глядя.

- Классно.

- Не увиливай, рассказывай, что за Дима и что у него с головой?

- Плохо ему.

- Поэтому он решил поделиться этим "плохо" с тобой.

- Ты не понимаешь.

- Но хочу понять.

- Зачем? Нет, правда, зачем тебе это, зачем со мной весь вечер провозился? Как ты вообще в моем дворе оказался? Случайно? Как-то очень много случайностей, что то и дело сталкивают нас.

- Фатум.

- Ты фаталист?

- Я реалист. Но речь идет о субъекте по имени Дима.

- Ай, - отмахнулась и вздохнула. - Он не самое худшее, - уставилась в окно, затаилась горьковатым дымом. - Понимаешь, мою подругу - его девушку, украли среди дня и увезли в Смоленск и там надругались. Теперь она не в себе, и он. Родителям кошмар. Вся жизнь под

хвост из-за каких-то упырей.

- Так уж жизнь?

- А ты как думаешь? - повернулась к нему. - Насилие - самое страшное, его бояться как мужчины, так и женщины, но с женщинами проще, они слабее, поэтому чаще насилуют.

- Спорно.

- Серьезно?

- Допустим, случилось несчастье, но жизнь разве кончилась?

- Нет, но насилие ломает, оно как рубец на душе, как клеймо прокаженного - вроде не видно, но во взгляде, в речи, поведении проступает. Я не знаю, как будет жить Лариса, мне страшно за нее.

- А как бы жила ты?

- Я бы не жила, - спокойно ответила, глядя в окно. Алекс удивленно покосился на нее - решительно, девочка самое непредсказуемое создание из всех, с кем он сталкивался.

Он мог это объяснить - другие ценности, шкала приоритетов, голова забитая пустой романтикой и иллюзиями, шоры морали на глазах и аромат светлого будущего, что создается бодрыми рекламами и девизами. Только вздор все это. И на той плоскости, на которой жил

Лешинский это было известно, поэтому все было просто, ясно, предсказуемо, без всяких нравственных метаний и романтики. Грязно, но четко. А в грязи и фальши жить и остаться искренним и чистым - нонсенс.

Помести Ярославу на ступень выше, разбей очки иллюзий и пшик от ее светлых идеалов останется.

Наверное.

Леший поймал себя на мысли, что сомневается в этом.

- Один мой клиент сказал, что иерархия общества проста и банальна - есть рабы и хозяева. Все. Тут ничего не поделать, это факт - его можно принимать или отвергать, он останется неизменен.

- Согласна, - подумав, выдала Ярослава, вновь удивив мужчину.

- Почему согласна?

- Потому что это очевидно. Есть, например общественное мнение - и мы его рабы, а есть своя судьба, своя жизнь, и здесь мы хозяева.

- Ты интересная девочка, - протянул Леший помолчав.

- Обычная, - бросила равнодушно. Выкинула окурок в окно.

- Не скажи, - повернул к неону вывески супермаркета.

- Мы куда?

- Возвращать утерянное. И потом, я проголодался, а ресторанчики

- кафе отменяются, ввиду травмы, - сообщил доверительно. - Не погонишь? Чашку чая и дежурный бутерброд предложишь?

- Конечно, - согласилась беззаботно.

- Спасибо. Посидишь или со мной?

- Лучше посижу.

- Хорошо.

Вернулся он быстро и с двумя огромными пакетами. Сел и завел мотор.

Ярослава покосилась на провиант, потом на мужчину и рассмеялась:

- Поесть ты мастак.

- Грешен, - улыбнулся.

Минут через десять они были в квартире. Пока девушка разбирала провизию, Александр знакомился с ее убогим жильем. Заняло это пару минут. Он замер у стены, сложив руки на груди, и смотрел, как Слава раскладывает нарезку на тарелку, перекладывает конфеты в вазу.

Что-то теплое, нежное было в этой картинке. Он стоял и просто смотрел на девушку ни о чем не думая, а чувствовал целый букет эмоций, ощущений. И хотелось лишь одного - стоять вот так и стоять, смотреть и смотреть.

Впрочем, нет, больше всего хотелось отобрать батон и чашки, выкинуть их в окно и стиснуть девушку в объятьях, поцеловать, проникнуть пальцами под кофточку, пройти по атласу кожи вверх, к груди...

- Садись, чай вскипел.

- Чай? - улыбнулся.

- Ну, вода, - пожала плечами. - Набрал ты, между просим, на роту. Я тебе остатки один пакет сложила, заберешь...

- Сейчас! - усмехнулся. - Спешу и падаю.

- А куда?

- В желудок, - с опаской сел на табурет, поерзал и оглядел маленькую кухонку - как можно здесь жить? Тут и лилипуты не развернутся. - Так что Дима?

- Что Дима? - не поняла.

- Мы не договорили - с чего он на тебя набросился? Кстати, в милицию не хочешь обратиться?

- Зачем? Да ну. Ушел ведь.

"Унесли".

- Но это неважно. Суть нападок в чем?

- Да ни в чем. Взбрело в голову, что я виновата.

- В чем?

- В том, что с Ларисой случилось.

- Не понял, - признался честно.

- Что непонятного? Человеку плохо, надо кого-нибудь обвинить, найти крайнего, а я была с Ларисой в тот день, я последняя кто ее видел, значит - крайняя, значит - виновата.

- В чем?

- В том, что с ней произошло! - он смеется или всерьез не понимает?

- С логикой нормально?

- Это не логика, это психология.

- Это не психология, это патология. Мальчик умом повредился.

- Если б только он, - вздохнула Ярослава.

- Массовый психоз?

- Да подруги... Марина тоже так считает, - начала в тяжелых раздумьях водить ложкой по столу. Отвратительная привычка, - нахмурился Леший, забрал ложку и кинул в раковину. Девушка губы поджала и по столу брякнула ладонью. - Они правы. Я понимала, что что-то произошло, но ничего не предприняла, мысль отогнала и дальше пошла. Веселилась спокойно.

"Бред психиатрии", - отмахнулся Леший: "суду все ясно. Расчет оказался верен - друг у тебя больше не будет. Никого не будет - только я".

В этот момент позвонили в дверь. Девушка вздрогнула, испуганно уставившись на мужчину.

- Я открою, - заверил ее и пошел к дверям. Приоткрыл, придерживая и оглядел чудо кожпроизводства: грейдеры, кожаные брюки, косуха, бандана.

- "Ты супер детка", - выдал хмыкнув. Парень моргнул, попытался заглянуть за спину Алекса, но не преуспел и озадачился:

- Ты кто? - голос был глух, но тон не груб.

- Галлюцинация, - заверил. Парень еще на минуту выпал из реальности. Лешему это надоело и он закрыл дверь. Только шаг в сторону сделал - в дверь бухнули.

"Грейндеры апробируем", - понял мужчина, открыл дверь.

- Головой не пытался?

- Славку позови.

- Кого? - изобразил глухого.

- Ярославу.

- Думаю, не стоит.

- Ты ее батя, что ли? - сдвинул брови Григорий, и руку протянул. - Меня Гриша зовут, я ее парень.

Это было слишком для Лешего. Мало его приняли за старика, так еще поставили на одну планку с собой, намекая что по старости ему девушки не нужны, только сестры в доме престарелых. И кто? Какой-то плебей, ноль. "Ее парень"! У нее есть парень? У его женщины?!

- Ты уже ничей.

- Да не, мы всего лишь поссорились. Бывает.

- Алекс, кто там? - спросила девушка и попыталась выглянуть из-за спины, сообразив, что ничего опасного нет. - Ой, Гриша!

Леший уставился на нее, не скрывая раздражения. "Ой, Гриша!" - скажите, пожалуйста! Кому она радуется? Этому дикарю в полувоенных ботинках? Почему он "ой, Гриша" с радостью и придыханием, а он с легким удивлением сродным равнодушию "Алекс?"

- Привет! - разулыбалось кожаное чудо, оттерло мужчину плечом, проникая в квартиру. В этот момент Алексу очень хотелось треснуть дверью по его наглой физиономии - как сдержался загадка. И очень пожалел, что сдержался, когда увидел, как Ярослава расцвела и повисла на его шее, оказавшись в крепких объятьях парня.

- Пришел все-таки!

- Ага. Я погорячился тогда и вообще... - благоухал.

- Да ладно, забыли, - отодвинулась, наконец. - Знакомьтесь.

Это Григорий, мой парень, а это Алекс, мой друг.

Улыбка парня малость поблекла, зато засияла улыбка на лице мужчины.

- Друг?

- Друг. Чудесный человек! - заверила, не видя, как начинают суживаться зрачки Гриши, как вянет улыбка.

- Друг, значит. Давно объявился? - в голосе появился холодок.

- На днях познакомились.

Парень ногой захлопнул дверь, сердито разглядывая девушку, Алекс не считал нужным вмешиваться и занял позицию наблюдателя, прислонившись плечом к стене. Он был уверен

- сейчас все разрешится само - кожаный малыш тому порука. Немая пантомима, разыгрываемая перед Лешим, уже была забавной, а обещала перерасти в занимательный спектакль о двоих для одного.

- Значит, пока меня не было, ты с каким-то хмырем романчик завела? Недолго же ты печалилась.

- Ты дурак, что ли? - потерялась от неожиданного наскока Ярослава.

- Нет, он идиот, - вставил комментарий Алекс.

- А ты помолчи, с тобой я потом поговорю, - заверил его парень.

- Мне начинать бояться? - улыбнуло мужчину.

- Перестаньте! - прикрикнула девушка. - Гриша сейчас же перестань стращать человека и говорить всякие гадости! Он мой друг.

Друг и ничего больше!

- Мужик?

- Да!

- Тебе сколько лет? - уставился на Лешего и оба поняли четко, что являются соперниками и что ни тот, ни другой уступать не собирается. Лобовая атака взглядами прошла незамеченной девушкой. - Тридцать пять? А ей двадцать. И вы дружите! Сказка.

- Уже было, - заверил мужчина. Гришу развернуло к Ярославу:

- Ты дура, что ли?! - затряс перед ней ладонями. - Какие друзья на фишгг?! Ты на его рожу посмотри, на ней крупными буквами - я тебя хочу!

- По себе людей не судят!

- Да не бывает друзей между мужчинами и женщинами!! - постучал себе по голове Гриша. - Дура!

"Ай, да вьюношь. Молодца", - прищурился как сытый кот Алекс: "не глуп, не глуп". Он наслаждался зрелищем и яркостью эмоций, что украшали лица пары.

- Это ты так думаешь!

- Да это все знают! Мужчины не дружат с женщинами, они притворяются друзьями до поры до времени! Тактика такая!

- Сам ты "тактика"! - выкрикнула Слава и пошатнулась - голову обнесло.

С лица Александра сползла хитрая улыбка. Он подхватил девушку и отнес на диван, уложил и посмотрел на Гришу:

- Еще раз голос повысишь - выкину, - сказал тихо, но жестко.

Однако зря угрожал - парень и сам понял, что что-то не ладно, заметил ранку на голове Славы.

- Что с ней? - озаботился.

- Ты же ее парень, вот и скажи.

- Ничего страшного, ударилась, - сказала девушка.

- О бульдозер что ли? - присел перед ней на корточки Григорий.

- Об асфальт.

- Ее ударил некто Дима, - поведал к неудовольствию Ярославы Александр.

- Это тот, что ли? Тааак, - поднялся. - Он где живет?

"Вопрос", - усмехнулся Леший.

- Сходи, поищи - хорошая мысль.

Парень понял, что мужчина его выставляет, и упер руки в бока, свысока разглядывая

его:

- Дядя, тебе чего надо? Ты бы пошел сам, бабушку себе поискал.

- А ты пока "растишку" попьешь и памперсы поменяешь?

Слава села и резко развела руками:

- Все! Хватит! Уходите оба! Оставьте меня в покое!

- Значит этот тебе дороже? - с надменностью обиженного щенка спросил Гриша. Слава зажала уши:

- Уходите! Слышать вас не хочу, видеть!!

Гриша развернулся вместе с Алексом, две минуты на обувь и куртку и хлопнула дверь.

Девушка легла и закрыла глаза: Господи, как я устала. Господи, дай мне покоя.

Гриша остановился у подъезда, закурил и покосился на Александра:

- Поговорим?

Мужчина поднял воротник куртки, поежился и бросив:

- Вряд ли. Не о чем, - пошел к машине.

"Харлей" и "ауди" разъехались в разных направлениях одновременно.

Глава 8

Видимо Господь услышал ее молитву, потому что больше никто ее не тревожил до утра, а утром лишь будильник. В институте тоже обошлось без налетов Марины, косых взглядов девочек. И Димы не было видно на горизонте.

Славе казалось, что жизнь входит в нормальную колею и головную боль, что мучила ее весь день, воспринимала как плату за это.

Вечером позвонила родителям Ларисы, понимая что проведать ее сегодня не сможет, и, узнав, что подруга начала реагировать, говорить, есть, порадовалась и впервые за много дней спокойно заснула, выпалась.

Пролетел вторник, среда хоть и заволокла небо тучами и лила без устали дождем, окончательно успокоила. Головной боли больше не было, с подругами наладились отношения, Лариса начала ходить и не замкнулась, когда ее пришли проведать всей толпой. Только вот все спрашивала: "где Дима". Девочки пожимали плечами, а Ярослава молчала. Не могла же она сказать ей, что видела его и он ее пытался убить, а потом видно испугался, что девушка напишет заявление в милицию и затаится, спрячется где -нибудь. Если вдуматься, выходило, что она опять виновата перед Ларисой и опять видела Диму последней, а это Суздалевой категорически не нравилось. Опять возвращало ее в те жуткие дни, что казалось, уже пережиты. И сейчас, когда все плохое тяжело, но верно начало отходить на задний план, не хотелось ни воспоминаний о нем, ни возвращения.

Леший бродил по залам, часами стоял у окна и смотрел, как кусты роз заливают дождь.

Он тосковал и пытался сжиться с новым для него чувством и состоянием, и то звал его, то гнал, то смаковал.

- Александр Адамович? - протиснулся в его кабинет Штольц, нарушив его единение с собой.

- Что?

- Четверг. Перцова нервничает.

- И что? - развернулся к мужчине. - Кто она такая? Почему я должен слушать вздор о какой-то бабе? Думать, отчего она нервничает?

Да мне плевать на нее и ее нервы! И на то, как день недели сказывается на них!!

- Понял, - отпрянул Штольц и испарился за дверь, а Алекс осел в кресло, сообразив, что срывается как какая-то шавка. И хохотнул - из-за кого? Из-за какой-то студенточки!

"Прикол", - как говорят в ее среде.

- Вас господин Расмусов, - просунулась в дверь рука с телефоном.

- Соедини, - бросил и взял трубку со стола.

- Здравствуй, Леший. Я тут в паре минут езды от тебя. Забегу на огонек?

- Зачем спрашиваешь? Приезжай.

Переключил на Штольца:

- Адам, зайдите.

Полминуты не прошло - мужчина уже стоял перед ним:

- Запись приготовьте. Копию.

- Понял.

Мужчина вышел, Алекс взял нужную папочку из стола и неспеша двинулся в гостиную.

Расмус уже бродил по зале и мял сигариллу в пальцах, когда появился Леший.

- Пару сэтов в теннис? - улыбнулся.

- Нет, уволь, - выдавил ответную улыбку.

- Пообедаешь?

- В другой раз.

- Что так? - сел на диванчик Леший. Игорь постоял и сел напротив, широко улыбнулся:

- Appetit ни к черту. Загадки с утра загадывают такие, что голова кругом.

- Да? А по части ребусов ты не мастак.

- Нет, не мастак... Поможешь?

- Ты мой друг, - развел руками.

- Друг, - внимательно посмотрел на него Расмусов. - Но загадку ты мне загадал.

- Да?

- Девочку перекупил.

- Да?

- А помниться говорил, что клуб не для тебя.

- Сейчас скажу тоже самое.

- Тогда в чем проблема?

- У меня?

Игорь вздохнул. Подумал, подкурил сигариллу и покосился на Алекса:

- Допустим девочку ты у меня перекупил... хотя я первый ее заказал. Но почему мне теперь и в членстве отказано твоими молитвами?

- Так уж и моими?

- Твоими, твоими.

- Хорошо, - рассмеялся. - Я решил, что цивилизованному человеку не место в клубе

Хелен.

- Ты решил?

- Да.

- И освободил меня?

- Да.

Глаз Игоря сузились:

- Вообще-то я большой мальчик и привык решать сам.

- Но мы же друзья. А долг друга помогать другу.

- И ты мне помог.

- Я тебя спас.

- Ааа!... От чего?

- От неприятностей.

- Или от приятностей?

Алексу надоело - настроение паршивое и терпение на нулях.

- Скажи, ты всерьез думаешь, что Хелен тебя не подставит? Что мадам с темным прошлым и очень сомнительной репутацией достойное тебя общество?

- У нее очень серьезные связи. Другие не считают зазорным ее общество.

- Ты - другие?

- Я сам по себе. И попрошу тебя позвонить ей и отменить свое распоряжение, уж не знаю, как ты это устроил, но по-мне выкинул ты форменное свинство.

- Поссориться хочешь?

- Нет, - развел руки. - Но ты выходит - да.

- Ах, Расмус, Расмус, не веришь ты в дружбу. Что ж, я сделаю, как ты хочешь.

Пожалуйста, светись, подставляйся, только ко мне не приходи, когда тебя накроют.

- Интересно кто? - насторожился.

- Сам как думаешь? Дело-то нешуточное. Но если тебе нравится подобный драйв...

Кстати, меня тут видно в связи с геопатагенной обстановкой занесло в одно заведение.

Адреналина, я тебе доложу, в две минуты столько выработалось, что ни один клуб тебе и за

сутки не даст.

- Это что за заведение?

- Больница.

- А? - мужчину перекосило от удивления и недоверия.

- Да.

- Ну, я не настолько гурман, как ты.

- Я понял. Тебе больше нравятся подставы и шантаж, нравится, когда тебя нагибают.

Ты не хозяин, Расмус, ты раб.

- Обидеть хочешь?

- Зачем? Констатирую. А скажи мне, наивный мой друг, ты действительно считаешь мадам Перцову, оную же Хелен, голубкой воплоти, ангелом, исполняющим твои желания безвозмездно.

Игорь задумчиво смотрел на Алекса.

- Ты недоверчив по натуре.

- Наверное, поэтому действительно хозяин. Видишь ли, хозяйское чутье не дает мне вляпываться во всякие сомнительные удовольствия, тем более, якшаться с холопами. А еще у меня есть дурная привычка стоять на защите своих интересов... интересов своих друзей, как в твоём случае.

- Н-да?... - мужчина соображал, высчитывал, складывал, что к чему и ничего не выходило. - Нет. Хелен не выгодно подставлять своих клиентов.

- Ах, Расмус, кому ты поверил? Проститутке? Они надежны не больше, чем чулок бабушки для хранения капитала. Ты явно поддался на очарование предложенной ею сказки. О, подобные ей большие мастера по данной части, так споят, что заслушаешься. Другое дело, что после этой песни с тобой будет?

Игорь потер подбородок, пытаюсь понять, к чему клонит Алекс.

- Что-то я не понимаю.

- Между тем, все предельно ясно.

Мужчина взял пульт и, перемотав немного, нажал play. На экране появилась пикантная сцена с тремя "героями" и одной "героиней". Себя

Расмус узнал без труда и получил минутный шок, заодно сложил, что не складывалось.

- Хватит? - спросил Леший и отключил запись.

Игорь с минуту молчал, бледный и подавленный и выдал:

- Проститутка. Да я же ее в порошок сотру, уничтожу.

- Вряд ли. Пока она нужна тем, кто стоит за ней, ничего ты с ней не сделаешь. Другой вопрос - когда бы выстрелила эта запись в твою сторону?

- Ой, пропасть!... Дурак!

- Согласен.

- Как тебе удалось забрать это?

- Ты мой друг.

- Да-аа, а ведь ты сразу насторожился. Ну, и чутье у тебя Леший.

Виват. Но эта... Ну, сучка.

- Элементарно, просто, дешево. Недешево потом это выкупать.

Игорь застонал, потер лоб:

- Больше я туда ни ногой.

- Да-а. А мог и меня подставить, может, кого уже вот так подставил, принес на блюдечке мадам и ее защитникам.

Игорь закачал головой: кошмар.

- Я твой должник, Леший.

- Перестань. Зачем еще нужны друзья?

- Да-аа.

- Кстати, как там заводик в Якутске? Я слышал вы с Протоповичем договорились?

Расмус обалдело уставился на него.

- А я просил его придержать для меня, - Леший нагнал грусти в голос и печали в глаза.

Расмусов понял, что ему предлагают оплатить услугу и, вздохнул, понимая, что плата невысока, неприятности с Протоповичем полная ерунда, по сравнению с теми неприятностями, что ждали бы его из-за этой пленки.

Приемлемая цена. Действительно по-дружески.

Игорь развел руки, качнув головой:

- Забирай. Когда тебе удобно?

- Если ты не против?

- Что ты? Как я могу отказать другу?

- Да. Великая вещь дружба, - сунул ему в руки папочку. - Только мы друг другу и поможем.

Расмусов глянул на него, полистал документы, плохо соображая, что к чему в них. Подписал и протянул Лешинскому:

- Нюансы завтра?

- Да, я пошлю к тебе Щеглова - он все утрясет.

- Да... Я могу забрать запись?

- Конечно.

- Тогда я... пойду?

- Может, пообедаешь?

- Нет, благодарю, - отрезал, поднимаясь. - Накормил ты меня уже - переварить бы.

Расмус ушел. Леший посидел, довольно улыбаясь, полистал подписанные бумаги и, чувствуя значительный подъем настроения, решил съездить в город. Пора сдвинуться с мертвой точки и в отношении с

Ярославой.

Он минут пятнадцать стоял на ветру у машины, выглядывая девушку, а она его даже не заметила. Выпорхнула с подругами и полетела к остановке. Пришлось окрикнуть, помахать рукой, нацепив дежурную улыбку.

Суздалева напрочь забыла о Лешинском, а уж увидеть его возле института, вовсе не

мечтала. Притормозила, соображая, что он здесь делает и как с ним себя вести. Подходить не хотелось, но с другой стороны - зачем бегать. Он дядька взрослый, с ним и надо повзрослому. Правда, ой, как это сложно.

- Славка, ты пользуешься успехом, - заметила Света, с улыбочкой оглядев мужчину.
- Не красавец, но импозантен, - оценила Инна.
- Да он старик, - вставила свою ремарку Марина.
- Самый сок! Лишь бы не женатый, - поправила волосы Инна, не спуская глаз с Лешего.
- А мне что, замуж за него идти?
- Почему нет?
- Он просто друг...
- Ой, ой, ой...
- И я бы от такого друга не отказалась...
- Где нарыла экземплярчик? - спросила Марина.
- Сам нарылся.
- Познакомь, - попросила Замятина.
- Потом как -нибудь, - и махнув девочкам на прощание пошла к Алексу. Встала у машины рядом, лицом к институту, как и он.
- Здравствуй.
- Здравствуй.
- Не рада видеть?
- Ну, почему?

Алекс усмехнулся: сначала он, как пугало стоит здесь, ждет пока она выйдет из своего треклятого института, потом, пока наговориться с подругами. И все зачем? Чтоб услышать суховатое и равнодушное

"здравствуй". И тут же вспомнилось "ой, Гриша!".

Леший насупился на мгновение и вновь придал лицу выражения мягкой доброжелательности:

- Поедим куда-нибудь?
- Не хочется.
- Тогда домой?
- Транспорт ходит.

Они помолчали.

- Ну, я пойду? Приятно было повидаться.

Леший оглядел ее с ног до головы: все? Где она вычитала эти фальшивые фразы вежливости?

- Обижаешься?
- Нет, что ты.
- Тогда что так холодна?

Ярослава плечами пожала: а чего он хотел? Чтоб на шею кинулась, прыгала от радости? С какого счастья?

- С Гришей помирились?

Девушка невольно вздохнула и качнула головой: нет.

- Может в кафе, пообедаем?

Ярослава поморщилась:

- Не хочется, прости, - постояла, сумку поправила на плече, решая для себя и,

спросила. - Извини, зачем ты вообще приехал?

Алекс усмехнулся: с каждой минутой все лучше и лучше.

- Сама как думаешь?

- Не знаю.

И опять пауза, тягостная, унылая. Ярославе бы уйти, просто послав его в даль светлую, да не красиво - взрослый, очень хороший человек.

Ей столько помог. Может поэтому его общество ее и тяготит? Пока друг был - одно, но как только Гриша мысль о далеких планах Алекса озвучил, все стало совсем другим.

- Если б не приехал - не вспомнила?

Девушка отвернулась, начала водить пальчиком по крылу "ауди".

- Гриша прав, да?

Леший покосился на нее и решил не лгать:

- Да. Это плохо?

- Нет. Я и сама понимать начала.

- Тогда в чем дело? Я свободен, ты свободна. Ты мне нравишься, я тебе... - и смолк, поймав ее недоуменный и огорошенный взгляд.

Значит, не нравится? Он? Ей? А что она понимает? Кто она?...

Помолчал, справляясь с растерянностью, раздражением, спросил:

- Как голова?

- Зажило, все хорошо.

- Поэтому я не нужен?

- Алекс, - поморщилась.

- Я просто пытаюсь понять. Объясни, если не трудно, в чем дело?

- Что?

- Почему не нравлюсь.

- Почему? Нравишься, очень даже.

- Тогда в чем дело?

Ярослава вздохнула - мука. Как же просто с ровесниками и теми, кто чуть постарше. И как трудно с такими, как Александр - взрослыми, опытными, себе на уме.

- Ни в чем.

- Настроение плохое?

- Нормальное.

Игра в пинг-понг словами начала надоедать мужчине. Одно с партнерами перекидываться, другое с девушкой, от которой ждешь жара чувств, страсти, порывов, стремлений.

Ярослава же поняла, что не стоит мяться - нечестно. Нужно прямо объяснить ему и поставить точку. Не зачем манить человека зря, не игрушка, чтобы играть с ним.

И все же ей было жалко терять его, как друга. Однако она уже поняла, что он хочет большего, того, что она дать не сможет да и не хочет. Не привлекает он ее как мужчина, как кавалер или того больше, любовник. Это как с отцом... Бр-рр!

Ярослава достала сигареты, закурила и сказала, с трудом подбирая слова:

- Понимаешь, ты хороший, но... словно не настоящий. Наверное, в возрасте дело. Я молодая, глупая, чего-то не понимаю...

"Вздор. Все - вздор", - уперся взглядом в колонну института

Лешинский.

- ... но что-то не так. Одно в тебе притягивает, другое отталкивает. Нет, не так - сдерживает. Понимаешь, я не знаю, как себя вести с тобой. И вообще... ну, что у нас может быть? Ты взрослый, умный, очень умный - с тобой интересно. Спокойно. Но мало этого оказалось - тебе больше надо...

"Будет. Неужели не поняла?"

- ... мы с тобой из разных плоскостей, как из разных миров. Ты жизнь видел, многое тебе ясно, а мне нет. Ты, как будто на дереве, а я еще под, и мне лезть и лезть до тебя...

"Причем тут это? Все проще: я хочу тебя. Цена вопроса?"

- ... Это здорово, но когда друзья. Есть на кого равняться и так далее. Но тебя не устраивает только дружба, а меня не устраивает больше, чем дружба. Поэтому нет смысла продолжать встречаться, потому что это будет неправильно, фальшиво.

- Все?

- Вроде бы. Невнятно, да?

Алекс скорчил неопределенную мину:

- Слабо понятно. "С дерева", - улыбнулся натянуто. "Эмоций хотел? Настоящих? Получил? Как перчаткой в лицо."

- Вот видишь. Мы говорим на разных языках - возраст.

- Вижу, но не то, что ты. Красивый конечно лепет, но лепет. Из него один вывод напрашивается: ты сама не знаешь, чего хочешь. В этом разница между мальчишкой и мужчиной - первый тебе не поможет, потому что сам слаб и неопытен. А мужчина четко знает, чего хочет, ясно понимает, чего хотят окружающие для себя или от него. Нет метаний - все проще и пошлее. Это женщина может позволить себе быть слабой, наивной. Это ее природа, и она гармонично вплетается в природу мужчины, в котором превалирует инстинкт охотника и защитника.

- Мужчины сильные, женщины слабые.

- Да. Поэтому женщине нужен мужчина, а мужчине женщина. Природа так задумала, для удовлетворения инстинктов.

- Не согласна - сила и слабость относится не к полу, а к личности.

- И меньше всего к нам с тобой. Здесь все просто и ясно без философии и метафизики - ты подходишь мне, я - тебе...

Ярослава испугалась, что он сделает ей предложение и тем загонит ее в тупик. Ей придется долго и нудно объясняться, уверять, и тем возможно обидеть его. Нет, правильно она решила - рвать и скорее!

- Я хочу быть с тобой, вопрос, что ты хочешь, чтобы быть со мной?

Девушка растерялась: он про что? Будто торгуется, покупает. Да нет, ерунда, показалось. Конечно же, он о другом.

- Любить, - ответила.

Алекс моргнул: он дурак или она? Причем тут любовь? Какая любовь?

"Эй, девочка - ты меня, вообще, слышишь?" - качнулся к ней, заглядывая в глаза: "она всерьез?"

Всерьез.

И выпрямился: "тааак, ясно. Нет, так дело не пойдет".

- Гришу любишь? - спросил, давась словами.

- Не знаю. Не думала. Но он свой, понимаешь? Он как я, он понятный, с одной плоскости. Ты не обижайся...

- Характер не смущает?

- То, что он нервный? Нет, - плечами пожала. - Он раздражительный, но отходчивый, это нестрашно. У каждого свои минусы, - вздохнула, мечтая сбежать. - Ты, извини, Алекс, но меня подруги ждут, замерзли наверное уже. Я пойду. До свидания и спасибо за все.

- Я подвезу.

- Нет, у нас еще дела, - отвела взгляд. Леший понял - лжет - никто ее не ждет, она просто ищет повод сбежать. От него! - Спасибо за то, что было. Ну... до свидания.

Развернулась и пошла.

Алекс стоял как оплеванный, чувствуя себя ничтожеством.

"Очаровательно", - уставился в небо, смиряя гнев: "нет, так точно дело не пойдет. Сам виноват - нужно тактику менять".

Может быть, она права, может не права, возможно, зря, а возможно нет - в этом она еще сомневалась, но одно знала точно - она сделала правильно.

Нельзя иначе, не по-человечьи. Конечно, Алексу больно, да что скрывать - и ей немного неуютно, но это мимолетно, пройдет быстро и безвозвратно. Агония расставания всегда болезненна, главное ее не затягивать. А здесь даже говорить не о чем - пара встреч - какая "агония"? Она собеседника в нем видела, опытного старшего товарища, он молодую любовницу. Их желаниям не дано было сбыться - что ж, бывает.

К вечеру в душе Ярославы при воспоминании об Алексее осталась лишь легкая необъяснимая грусть. Она была уверена - больше они не увидятся. Она правильно сделала, он правильно понял. Ей нечего ему дать, ему - ей: разные взгляды, разные плоскости существования, восприятия, разные мнения. Интересный мужчина - не откажешь, но мужчина, а тут уж она пас. Точка.

Гриша другое. Может не ждать его - позвонить самой? Если завтра - послезавтра не проявится, она так и сделает. Съездит проведать

Ларису в субботу и позвонит ему. Жизнь продолжается.

Глава 9

Размечтавшись о Григории, Ярослава забыла выучить заданное и в пятницу засыпалась на опросе. Не одна - но легче от этого не было.

Множить хвосты не хотелось, и сговорившись с Инной, что тоже заработала "баранку" рванули за Костроминой, чтобы пересдать не уходя. С трудом уговорив преподавательницу и с таким же трудом вымучив что-то по теме, они получили зачет и вывалились из аудитории, освобождая место другим бедолагам.

- Уф! - перевели дружно дух.

- Повезло, - констатировала Замятина.

- Не говори. Тьфу, тьфу, тьфу, - постучала кулачком по подоконнику. Куртку надела. Инна в зеркальце на себя посмотрела, губы подкрасила и вздохнула - не понравилась себе в зеркале:

- Господи, как один зачет меняет человека! Я состарюсь, пока диплом получу.

- Не наговаривай.

- Тебе хорошо, у тебя байкер и этот мен - жизнь. У меня кот

Солнышко, мамка с заморочками на работе, сестренка - лоботряска и куча родственников с Украины, мечтающих оккупироваться на нашей территории. Это не жизнь, это сон дурной, не проходящий.

- У всех жизнь не малина. Я вот не знаю, где денег перехватить.

Перевод от папки только через десять дней придет, а у меня пятьсот рублей на все про все. Шиканула. Нет, надо экономить, - достала сигареты и толкнула дверь на улицу.

- На сигаретах экономь.

- Придется.

- Прорвемся.

- Конечно. Некоторым много хуже. Мне вон отец переводы шлет, квартиру оплатил - чего жаловаться? И у тебя мама, сестра, кот есть

- тоже хорошо.

- Хорошо, когда мужчина вместо кота... А я кого-то вижу. Ну-ка, колись, серьезно у тебя с ним, да? - толкнула закурившую Ярославу в бок, взглядом указав на виднеющуюся у машины фигуру Алекса прямо по курсу.

Выглядел он непохожим на себя - ухоженный, аккуратненький, одетый как на рекламных постерах гламурных журналов. Не человек, манекен.

Поэтому, наверное, непонятливый.

- Мефистофель, - вздохнула. Почему она его так назвала - сама не поняла. Инна тем более, но озадачилась и сильно заинтересовалась.

- Слушай, Славка, может у него друг есть неженатый и такой же интеллигентный на вид?

- Может и есть, - продолжала с высоты крыльца рассматривать мужчину девушка, силясь понять, что ей делать: сбежать без затей, подойти и сказать в лоб "отвали", или повторить попытку мягкого объяснения в более внятных выражениях.

И чем больше смотрела, тем больше понимала - не побежит и не станет обижать человека. Если он вырядился так, если упорно не понимает, что надеяться не на что - надо ему помочь понять, мягко.

Жалко его - хороший. Понять тоже можно - сердцу не прикажешь.

И что таить от себя - лестно. Ни разу за Славой так не бегали, а тем более мужчина взрослый, состоявшийся, устоявшийся.

Но якорь то ли себя во спасения, то ли ему, оставить надо:

- Инна, подождешь меня? Я быстро.

- Ага. Судя по его виду - лет примерно пятьдесят - раньше не отпустит. Замуж выйдешь? - покосилась с восторгом, завистью и долей испуга.

- Тяпун тебе на язык. Мне Гриша нравится.

- А этот нет?

- И Алекс нравится, но мы разные с ним, а с Гришей одинаковые.

- Фигню городишь.

Ярослава вздохнула и откинула сигаретку:

- Да, не в этом дело.

- В чем тогда?

- В чутье, наверное, - плечами пожала. - Не то что-то внутри.

- Опасения?

- Что-то в этом роде. Не лежит к нему душа. Просто дружили - все хорошо было, а как пошло - поехало в сторону амуров, тысяча "не" возникло. И как шлагбаум - не хо-чу.

- Значит, точно вам вместе не быть - расстанетесь. Бросит. Вот гад.

- Лучше сейчас точку ставить.

- Потом больнее будет.

- Не будет, потому что ничего не будет. Подождешь?

- А ты со мной потом до ремонта обуви дойдешь?

- Это через сквер?

- За мостом сразу.

- Круг такой давать... Ладно, жди.

- Я на скамейке посижу, ты недолго только.

- Постараюсь. Тем более говорить вроде нечего, вчера все сказала, - и вздохнула: неуютно на душе от того, что опять и более доходчиво человеку понятное, элементарное объяснять придется. Что же он упрямый такой? Вот, мужики! Одного не зазовешь, другого не отринешь! Понять что к чему, можно не мечтать. Интересно, они хоть сами себя понимают?

Алекс занял вчерашнее место и приготовился ждать. На этот раз будет другой разговор. Ярослава дрогнет и сдастся. Она не глупа и понимает, что Григорий ее ноль и ничего кроме проблем дать не сможет. Сложит это с экипировкой Лешего, корзиной роз и безделушкой с изумрудами, и станет милее, нежнее, добрее.

Но чем больше смотрел на девушку, что не спешила подойти, тем меньше в это верил.

Злиться начал. И подумал - ни с одной женщиной проблем не возникало, правда шел он к понравившимся дорогой торной - через шикарные презенты и показательные акции своего могущества, а здесь впервые пошел как среднестатистический человек и сразу "фейсом оф тейбл"! Выходит что как мужчине и человеку ему грош цена, задаром никому не нужен? Как от таких мыслей не разозлиться?

Ярослава откинула сигаретку, пошла к нему наконец-то.

- Здравствуй.

- Привет, - улыбнулся, как ни в чем не бывало. - Чудесно выглядишь.

"Может взять ее, затолкать в машину, отвести к себе и больше не отпускать. Поистерит - перестанет... Нет... Хотя почему нет?... А все же - нет, не так", - смотрел на нее и все ждал чего-то. Она взглядом носки сапожек своих протирала. Глянет на Алекса, опять вниз взгляд уйдет, глянет, опять взгляд отведет.

- Так и будем молчать?

- Вчера все сказали, - посмотрела ему в глаза. - Зачем ты приехал?

- Тебя увидеть захотел. Подарок привез, - отодвинулся, давая девушке возможность узреть розы на заднем сиденье.

Цветы были удивительными, их количество потрясло. Никогда

Ярославе не дарили столько цветов, тем более роз, да еще в корзине с какими-то бантиками, фантиками, золотистой сеточкой, локонами мишуры.

- Мне? - не поверила. Глаза огромные, улыбка до ушей.

- Тебе, - невольно и Алекс заулыбался. - И это, - достал из внутреннего кармана пиджака тисненый футляр с браслетом, открыл и подал девушке. По его плану подарок должен был окончательно сразить

Ярославу, отдать ему на милость. Купить - да, но в тот момент он не думал об этом. Он хотел ее и цена вопроса была уже неважна, как забылось и начальное желание просто развеять скуку. И вот он финал - она видит сверкающие изумрудики на милой безделушке, выказывает радость и отправляется вместе с ним пообедать, потом остается ужинать. Они проводят вместе неделю, он насытится ею и они спокойно расстаются. Потом он поскушает, опять найдет объект охоты и начнет другую партию.

Гладкий план, и сбился бы не было б "задоринки" - Ярославы.

Благодаря ей план перекошило на начальной стадии.

Вместо ожидаемого восторга Леший увидел, как вытянулось лицо девушки, взгляд стал растерянным, подозрительным и вот, жалким и жалеющим:

- Ты с ум сошел, - головой качнула. - Алекс, милый, ну зачем?

Сейчас же верни, если есть возможность. Наверняка это стоит кучу денег.

- Какая разница?

Он искренне недоумевал: "в чем дело?" Она хотела знать, что он может ей дать - он дает, открыто заявляет - могу что угодно. Так отчего столь странная реакция?

- Ой, блиин, - закрутилась. - Ну, куда мне это, - умоляюще уставилась на него. - Посмотри на меня? Куда я это одену, к чему?

Да и зачем? Хотел потрясти своей щедростью? Потряс, спасибо. Но это ничего не меняет.

- Я хочу быть с тобой.

- Я не хочу! - и сникла, сообразив, что грубит и кричит. - Извини. Я просто расстроилась из-за тебя.

Алекс ничего не понимал, поэтому молчал. Впервые он чувствовал себя болваном. Полным и абсолютно тупым. И из-за кого, из-за чего?

Бог мой, как они живут? Это же мозг сломается понять их!

Ничего себе к настоящей жизни прикоснулся - как психлечебницу попал. Сплошной колорит. Одни тупят, другие грубят, кто-то чего-то хочет и куда-то рвется, но не знает куда, не знает чего. Какая-то вина, какая-то война, любовь, слезы, смех и все это на пустом месте и вперемешку.

Захлопнул футляр, протянул:

- Бери.

- Нет.

Мужчина не сдержался - глянул "ласково", кинул коробку на заднее сиденье машины, как фантик от конфеты.

- Алекс, ну, не мой ты, а я не твоя, - скривилась от жалости девушка. - Неужели неясно? Ты же взрослый мужчина, должен это понять.

Мужчина даже отпрянул - она /его/ жалеет? Это убогое, абсолютно ничего не имеющее и ничего не могущее создание, слабое настолько, что чихни - от нее и памяти не останется - жалеет его?! Она что, не понимает, что она никто? Не понимает, что ей шанс дают если не стать кем-то, то прислониться на время к сильному плечу и получить за это обеспечение и тем защиту?! Не понимает, что ей дается возможность возвыситься и пожить как человеку?!

- Ну, что ты так смотришь? Я же не виновата, что так получилось.

- Как? - каркнул, понимая не больше вороны.

- Ну, что запал ты на меня, а я уже с Гришей.

- Где?

- Вообще.

- Стоп, - качнул головой Леший. - Причем тут грейдеры в бандане? Здесь я и ты - больше никого.

- Нет. Визуально - да, а на деле - нет. Мы с ним, он мой парень.

- Который приходит раз в неделю, чтобы покричать на тебя?

Хорррошие отношения.

- Ты не понимаешь...

- Боюсь и не пойму. Объясни, - понял, что сейчас точно взъяриться, сунет ее в машину. Нет, пусть лучше болтает, вздор всякий городит, а он чуть остынет.

- Есть мы, то есть он и я, и пока есть мы, не может быть отдельно он и я. То есть другого быть не может. И другой. Когда закончится - тогда, а пока вместе - нет. Иначе неправильно, ерунда получится.

"Уже", - заверил взглядом. Речь она сказала - "логичнее" не слышал.

- У меня парень был в школе. Расстались тупо. Бросил он меня и я долго думала, что во мне дело, комплексом обзавелась, а парнем нет.

Знакомилась, но только раз в кино сходить и все - испарялись. А тут

Ромка понравился...

"Ромка? Какой еще Ромка?" - нахмурился Алекс, пытаюсь найти зерно истины в нагромождении словесных шлаков.

- ... Ты его не знаешь...

"Слава Богу. И не огорчен, знаешь ли".

- ... Он меня и не замечал, да и сейчас не замечает. А потом как обвал. Лариса с Димой друга привели - тоже Роман...

"Еще один?!" - Алекса перекошило, глаза как-то странно сошлись на переносице. Он даже головой качнул, ставя глаза на место.

- ... Мы с ним совсем не подходим. Потом Лариса исчезла, а я с

Гришей ближе познакомилась, вместе стали. Потом ты. И все сразу: вы, с Ларисой беда, Димка ее с набегами и обвинениями, Гриша. Это что получается - я с тобой и с ним?...

"Если ты с ним, как со мной - пусть живет".

- ... Не хочу я так. Получиться я одного обманываю, себя обманываю и всех мучаю. Я сама через такое прошла и другим не хочу.

Издавательство это. Мой первый парень так же со мной и с другой встречался...

Девушка уже сама с собой разговаривала, вслух рассуждала, втолковывая одно ей ведомое асфальту под ногами.

Алекс давно перестал вникать в ее лепет и смотрел по сторонам, как чувствовал. В глубине аллеики замаячила знакомая фигура в косухе и мужчина, глянув на Ярославу, мысленно усмехнулся: с Гришей? Две минуты - и его не будет в твоей жизни.

Взял девушку за плечи, прижал легонько к себе.

- Ярослава, я все понял. Могу я оставить память о тебе?

- В смысле?

- Поцеловать. Возможно, это что-то решит, возможно, ты не понимаешь разницы между юнцом и женщиной, привязалась к нему, надумала потому что давно никого не было. Один поцелуй. Если скажешь после этого "Гриша лучше", я уйду.

Пока девушка соображала что ответить, Григорий заметил их и начал тормозить. Алекс обнял девушку сильнее, коснулся губ и начал целовать. Суздалева уже хотела сказать - нет, но, почувствовав на своих губах жар губ мужчины, влажных, нежных и властных - замерла.

Действительно было с чем сравнить - Ярослава даже зажмурилась.

Леший целовал, как соблазнял. Нет - голова не кружилась, только трепет внутри, и отодвинуться сил не было, и хотелось, чтобы длилось и длилось это мгновение.

Алекс целовал девушку и смотрел в глаза Гриши: "что скажешь, щенок?" Он смеялся, он положил того на лопатки и парень это понимал.

В какой-то миг Ярослава открыла глаза, увидела, что Александр смотрит куда-то за ее плечо и, отодвинулась, обернулась. Напротив, метрах в десяти от них стоял Гриша, смотрел не зло, а скорее брезгливо, обвиняюще и презирающее. Постоял, глядя на нее, сплюнул демонстративно в сторону, развернулся и пошел обратно.

Ярослава за ним ринулась, сообразив, что он себе напридумывал.

Алекс же улыбнулся им вслед и спокойно сел в машину - смысла оставаться он не видел. Толчок он дал - остальное само собой сложится. Завтра приедет, как раз все уже решено будет.

Парень горячий - не поймет, не простит.

Девушка по расстраивается, попереживает и пристанет к "берегу"

Лешего. Куда теперь денется?

- Гриша?! Гриша стой!! - нагнала его Ярослава, развернула к себе, за рукав потянув.

- Ты не правильно понял!

- Да ты что?! - расплылся в едкой, злобной ухмылке. - А что не так понял?! Может я слепой?! Нет, ты скажи, скажи! Убеди меня!

- Он хотел убедить меня, что лучше тебя!...

- Класс!! И как, убедил?! А трахнуть для убеждения не хотел?!

- Гриш, ну перестань, пожалуйста! Выслушай меня, - девушка с трудом сдерживала слезы. Она чувствовала себя виноватой настолько, что хотелось удавиться. - Ты был прав...

- Я в курсе! - дернулся, стряхивая ее руку со своей.

- Гриша! Мы больше с ним не встретимся! Он мне не нужен! Это был прощальный

поцелуй...

- Прощальный поцелуй?!

- Да!!

Парень развернулся, постоял, глядя куда-то вверх смирив ярость, обиду до слез, и выдал глухо:

- Как вам бабам верить? Я ж к тебе, Славка, всей душой, как дурак. Я ж завис на тебе, как комп глюкануло. А ты?

- Гриша...

- Пошла ты! - бросил презрительно и быстрым шагом двинулся прочь.

- Гриша! - рванула за ним.

- К нему иди, мне чужие подстилки не нужны! - сказал, как по лицу ударил. Девушка отшатнулась. Стояла и смотрела сквозь слезы, как сутулясь удаляется Григорий, и понимала - конец отношениям.

Осела у оградки скверика, сжалась: Гриша? Гришка!

Ну, почему, почему у других все гладко, а у нее через пень колоду?! Почему она невезучая такая? Что за напасть, что за полоса невезения?!

Почему она к Алексу подошла, зачем не сбежала?!

Мефистофель! Он виноват! Он это специально! А она его жалела, объясняла что-то!...

"Сама дура, сама! Он-то причем - она виновата.

Гришка?... Вернись, а? Вернись, пожалуйста?"

Плакала навзрыд Ярослава.

- Ооо, плач Ярославы, - склонилась над ней Инна. - Я думаю, куда ты провалилась, потом смотрю, байкер твой пролетел, как озверина принял. Ну, думаю, все, застучал любимую на свидании с другим. Крындец и ласты в сторону, - вздохнула.

- Он не вернется, - всхлипнула Слава.

- Н-дааа, - вздохнула подруга. - Пошли на скамейке посидим, чего на земле? Люди смотрят.

Слава встала и поплелась с Иной в обнимку к скамейке. Села и достав сигареты, закурила, скрючившись от горя:

- Это я виновата, я какая-то ненормальная. Все не так у меня, - слезы ладошкой вытерла, а они опять капаят.

Инна хмурилась, вздыхала, но чем помочь не знала. Ситуация патовая, ничего не скажешь. И знала бы выход, лазейку хоть маленькую

- подсказала бы, да сама неопытная, в личной жизни одни фантазии и никакой реальности - какие советы она может дать?

И чуть сам не заревела уже от жалости к себе. Двадцать лет, а никого нет!

- Я тебя задерживаю, извини, - всхлипнула Суздалева. Замятина вспомнила про сапоги в мастерской и вскинулась.

- Они же до четырех работают! Время сколько?! - вытащила телефон из кармана, глянула - без десяти четыре. - Еео! Славка, ты посиди, а? Я быстро сбегаю, сапоги из починки заберу и сюда, ага?

- Давай, - равнодушно кивнула.

- Десять минут и я здесь! - заверила уже на бегу и понеслась по дорожке вглубь сквера, к мостику и виднеющемуся за деревьями краю красной девятиэтажки.

Ярослава выплакалась, высморкалась и сидела в прострации, тупо куря одну сигарету за другой. Зачем - не знала, зачем сидит здесь, зачем живет - тоже. Как не смотрела, не вспоминала, выходило, что недоразумение она какое-то, никчемность беспросветная. Одни неприятности у нее и от нее. И ничего она толком не может и никому не нужна, даже себе.

Очнулась, когда полезла в пачку за очередной сигареткой и поняла, что она пуста. Шмыгнула носом, огляделась, опухшие глаза потерла - где Инна? И поежилась - холодно. Еще минут пять посидела, мобильный из сумочки вытащила, глянула и глазам не поверила - без пятнадцати пять. И опять чуть не расплакалась - даже Инна ее бросила. Сказала вернется и не пришла. Правильно, очень надо слушать, как слезливая уродина жалится, время на нее тратить.

Подумала и решила позвонить подруге, убедиться, что сапоги хоть успела забрать, не опоздала из-за нее. Но трубка выдавала лишь гудки, потом высказалась - sorry.

Ярослава поморщилась - как это понимать? Точно, наверное, не успела Инна и на нее обиделась, решила не брать трубку.

Набрала еще раз на удачу, поднимаясь со скамейки. Ноль.

Побрела в сторону остановки, потом вернулась - если Инна придет, а ее нет? Походила, камешки попинала, набрала еще раз номер
Замятиной. Тот же эффект. Значит, точно бросила?

Ярослава задумчиво уставилась в сторону мостика, прислушиваясь к себе - что-то не так. А что?

А то, что не могла ее Инна бросить в таком состоянии!

Марина могла, Света могла, а Люба и Инна - нет. Но даже если - она бы взяла трубку и просто сказала "извини, так получилось". Если б обиделась, не успела - тоже бы вернулась, но не высказала бы сейчас, потом бы уколола, но не кинула, когда ей так паршиво. Инна не обидчивая, но сострадательная. Она не бросает человека, когда ему плохо.

Девушка почувствовала холодок тревоги, подняла воротник, оглядываясь и выискивая признаки подруги, а может кого-то или чего-то еще. В груди стало щемить от предчувствия плохого, а паника подбираться к горлу.

Суздалева двинулась к мостику, сама не зная зачем. Сначала медленно, затем ускоряя шаг и вот уже бежала, набирая на ходу номер телефона Инны.

- Ответь, ну, пожалуйста, Инночка!

Та молчала.

Ярослава пролетела мостик и оказалась на безлюдной дороге между сквером и домами. Огляделась - что слева, что справа - никого. Где же Замятина? Что за чертовщина? Неужели опять, как с Ларисой?...

Нет!!

Ярославу заколотило, она начала лихорадочно тыкать в кнопки и звонить Свете, потом Любе, Марине и кричать в трубку, чтобы они звонили Инне домой и на сотовый, потому что ее нет, она пропала, испарилась, исчезла. Начала звонить ей сама и замерла - где-то в стороне еле слышалась трель знакомой мелодии. Суздалеву паника обуяла, ужас до мурашек на коже, когда она поняла, что звук идет из-под мостика ближе к дороге. Она не знала, что делать, боялась шаг шагнуть. Ей казалось, что сделай она его, загляни под мост и скончается на месте, потому что увидит мертвую Инну, а после этого лучше не жить.

Второго раза, второго круга ада, как после Ларисы, ей не пережить.

Так и стояла, смотрела на край мостика, не решаясь спуститься.

Трель телефона в руке заставила ее подпрыгнуть.

- Да? - то ли шепнула, то ли икнула.

- Славка, Инны дома нет, сотовый не отвечает, - буркнула Света.

- Я... я слышала ее телефон, - всхлипнула.

- Где? - снизился голос до шепота.

- Под мостиком в сквере.

- Еееелкиии...

- Свеет, что делать?

- ...

- Свеет?

- Загляни.

Ярослава на негнущихся ногах пошла вниз по насыпи под мостик над овражком. Не удержалась, скатилась и остановилась как раз, где валялся мобильник Инны. Он лежал на листе один, без хозяйки.

- Ее нет, телефон здесь.

- То есть?

- Инны нет! А телефон тут! Под ногой у меня! Хочешь, я тебе с него позвоню?!!

- Так, сиди там! - рыкнула Гнездевич.

- Где? - спросила Ярослава уже тишину в трубке.

Выбралась с трудом на мост и встала посередине, крепко сжимая сотовый подруги. Голова нещадно разболелась от мыслей и переживаний.

Девушка боялась, что окажется в той же истории, что вроде бы закончилась, но еще больше она боялась, что в истории окажется Инна и предстанет перед ней через несколько дней в том же виде, что и

Лариса.

От ужаса у девушки голова закружилась. Суздалева сползла по ограде мостика на доски и осталась сидеть, понимая одно - она больше не может, не хочет ничего.

Там ее и нашли подруги, прибежав с разных сторон.

Первой появилась Марина. Встала над Славой, сверля подозрительным взглядом, так что та захотела под мост заползти и там остаться, и молчала. Второй Света, цокая каблучками прибежала, врезалась в

Васнецову, выводя из ступора.

- Ну, чего? Славка, чего сидишь?! Где мобильник?!

Ярослава молча протянула Иннин телефон, и удостоилась еще более сурового взгляда Васнецовой.

- Тебе сдохнуть не хочется? - процедила.

- Хочется, - призналась, с трудом поднимаясь. В голове шумело, будто мозг превратился в океан и устроил шторм.

- Ну, чего ты опять, Марина?! - прикрикнула на девушку Света.

- А то! Как Славка с кем-то остается, так считай можно прощаться, больше не увидимся! С Ларисой в кафе пошла - где Ларка теперь знаете, с Инной пересдать решили - вот вам, пожалуйста, от

Инки мобила только и осталась! Прямо иллюзионистка, блин! Я понять не могу, как так получается?! - завелась с пол-оборота. - За тобой смерть, что ли, ходит?! Так сиди дома или застрелись, а людей не подставляй!!

- Заткнись, ты!! - рыкнула на нее Света. - Видишь, на Славке лица нет - совесть где?!

- Найдем Инну, найдем ее совесть!!

У обочины дороги тормознуло такси. Из него вылезла Люба и бегом ринулась к девушкам.

- Ну, чего? Нашлась?

- Щазз!!

Ярославу затошнило. Она отошла в сторону и успокоила желудок.

Видя, что ей плохо притихла даже Марина.

- Здорово, - протянула Света. - Одну в больницу надо, другую... взять бы где-нибудь.

- Не то слово, - прошептала Васнецова и вдруг заплакала.

- Ты чего? - растерялись подруги.

- Что не понятного? - шатаясь и утирая рот, подошла Ярослава.

- Страшно ей, до колик страшно, до сумасшествия. И мне, - призналась, оглядев девочек огромными, больными глазами.

Все притихли. Марина отвернулась от них, слезы вытерла, сигареты достала:

- В Славке дело. Говорю вам - из-за нее девчонки пропадают.

- Опять ты за свое! - рассердилась Света.

- Скажи - не права? - покосилась.

Люба в раздумьях терла лоб и изучала телефон Инны.

- В милицию надо, - выдала. - К тому следователю, который нас по Ларисиному делу спрашивал. Молоденький такой, как его?

Света наморщила носик, вспоминая фамилию - нет, вылетело из головы.

- Ну, ну? Животное что-то?

- Козлов? - предположила.

- Зябликов? - выдала свою версию Марина.

- Зверушкин, - вспомнила Ярослава.

- Точно!

- Ну и что? Пошлет он нас и все.

- Ага. Или Инна объявится.

- А если нет?

- Родителям сказать надо.

- Раньше времени баламутить?

- А если ее правда, как Ларису?... Это же... Это что твориться, девочки? - ужаснулась Люба. - Как жить-то?

- Ходить и оглядываться, - буркнула Марина, глянула зло на Ярославу. - И от нее подальше держаться. Лариска с ней ушла - нет ее. Инка - тоже нет. Кто следующий?

Тимофеева пугливо покосилась на Суздаlevу и та поняла - басни

Васнецовой перерастают во всеобщую манию, дают свои всходы. Даже

Гнезdevич зыркнула насторожено, хотя Света по жизни пофигистка, ни в

Бога, ни в черта не верит, мыслит четко, зрит ясно, судит разумно. И убедить ее в чем-то очень трудно.

Все, конец, ничего у Славы теперь нет - ни подруг, ни друга, ни парня.

- Простите...

И уйти хотела, но Света рявкнула:

- Стоять!... Маринка от страха с ума сходит, так ты хоть не дури!

- Сейчас вообще не о нас речь, - поддакнула Люба.

- План такой: Марина, займись делом, звони матери Ларисы, бери координаты

Зверюгина этого. Мы складываем финансы и ловим такси...

- Я только на такси потратила! - возмутилась Тимофеева.

- А я по-твоему на дельтоплане прилетела?!

- У меня есть деньги, - вяло сказала Ярослава и пошла к дороге.

В это время Марина уже диктовала Свете номер телефона следователя.

Через полчаса троица пробив заслоны и кордоны доблестных служителей закона, вломилась в кабинет следователя. Света грохнула на стол перед его обалдевшей физиономией сотовый пропавшей подруги и хлопнулась на стул:

- Вот!

- Что вот? - насторожился мужчина. Девушки дружно вздохнули, а сослуживец Зверушкина, пожилой лейтенант - мужчина с усами, что сидел за соседним столом, подпер рукой щеку, сонно поглядывая на явившийся к ним "цветник" и видно ждал продолжения "банкета".

- У нас пропала еще одна подруга, - сев рядом с мужчиной, поведала Люба. Марина села прямо перед следователем, гордо вскинув голову и, добавила:

- Все кто с Суздалевой наедине остаются - пропадают и попадают в беду.

- Суздалева у нас?...

Подруги дружно посмотрели на застывшую у стены Ярославу.

Следователь крикнул, не оценив опасность "маньячки", потер висок кончиком ручки:

- По -порядку можно?

- Нужно! - взялась разъяснять Васнецова. - Лариса Лысова пошла с ней в кафе...

Ярослава села у шкафа на стул и закрыла глаза, понимая, что хоть смотри, хоть не смотри, вмешивайся - не вмешивайся - итог один - подруга разукрасит ее - не отмоешься, не докажешь ничего. Ну, и смысл волноваться? Лучше поспать пять минут, дать отдых глазам, голове и нервам, а заодно немного мысли в порядок привести.

И как в бездну провалилась. Очнулась от скрипа над ухом -

"усатый" папки из шкафа достал, на стол свой бухнул.

Встряхнулась и включилась в то, что происходит. Марина уже молчала и судя по виду получила словесную плюху - насупленная сидела. Света ораторию заканчивала:

- ... вы должны. Скорей всего это банда маньяков. Вы понимаете последствия? Мы ведь весь институт поднимем, прессу подключим.

- К чему? - устало глядя на нее, вздохнул Зверушкин.

- К делу о маньяках!

- Все?

- Все!

- А теперь послушайте меня, дорогие мои гражданочки студентки.

Первое: найденный под мостом сотовый не является уликой какого-либо преступления, как не является фактором для утверждений о "а" - похищении гражданки Замятиной, "б" - убийстве оной же, "в" - изнасиловании и других тяжких повреждениях. Потому что: "А" - он не имеет следов повреждения, "б" - крови или других фракций на своем корпусе, "в" - если на нем и были следы пальцев посторонних, вы их давно стерли, обнимаясь с ним, как с

родным. Второе! Гражданка

Замятина могла его элементарно потерять, забыть на перилах означенного моста, откуда он был скинут любым прохожим, выкинуть в порыве чувств. Третье: ваша подруга в данный момент может оказаться где угодно - от дачи академика, до родной кухни, но это не значит, что она попала в беду. Четвертое, - нудно и монотонно вещал

Зверушкин. - Заявление с формулировкой пропажа тире исчезновение, которая на данный момент, учитывая, что последний раз девушку видели эээ, - глянул на часы. - Четыре часа назад максимум, является абсурдной, принимается только от близких родственников, коими являются: "а" - мать пропавшей, "б" - отец, "в" - муж, "г" - дети. И пятое: заявление принимается в установленном законом порядке по истечению установленного срока после пропажи и! И! По месту жительства пропавшей. Вам все ясно? /До свидания. /

Девушки молчали, не зная, что сказать.

- Скажите, вы нашли насильников Ларисы? - тихо спросила Ярослава.

- Ищем! - заверил, опустив взгляд.

- Ясно, - протянула Люба, поднимаясь. Пошла на выход - за ней потянулись остальные.

Вышли на улицу, встали на крыльце.

- Что, так и уйдем?

- Что прикажешь?

- Родителям позвонить.

- Пока ты этому зверьку мистику в жизнь толкла, я им позвонила.

Инны дома нет, с института еще не пришла. И родители ее в наличии имеются только в одном экземпляре, - Света вытащила сигареты, предложила подругам. Ярослава взяла одну:

- Мама у нее.

- Да. Мама, которая имеет ненормированный рабочий день. И сестренка, которая в принципе ровно дышит на сестренку - в файлах девочки только фенички и мальчишки.

- С кем ты тогда говорила?

- С домработницей - теткой ее.

- Девочки, поехали домой? У меня сил уже нет. Такой стресс - я просто с ног валюсь, - жалобно взмолилась Люба. - Ну, что мы сейчас сделаем? До завтра дожить надо, а там посмотрим. Может Инна как ни в чем не бывало придет, а мы сейчас милицию поднимаем, мать пугаем. Ну, зачем?

Подруги повздыхали, по перепирались и согласились с Тимофеевой - поплелись на остановку.

Ярослава не сообразила, как добралась до дома. Зашла в квартиру, хлопнула дверью и рухнула на диван. Так и заснула не раздевшись.

Глава 10

Она лежала и смотрела, как по стене ползет солнечный зайчик. Это все что ее занимало. Апатия придавила - не хотелось не то, что идти в институт - вставать, не то что вставать - дышать.

Но Ярослава прекрасно знала, что стоит дать волю депрессии и безразличию, оно утопит, поглотит тебя. Все в тартарары полетит.

Светлая полоса отступит, темная - затянется.

"Надо собраться", - приказала себе и села. Скинула одежду и прошлепала в ванную, встал под душ. В

Потом высушила волосы, сварила кофе, оделась, выпила кофе, сунула турку в раковину, а в рот кусочек шоколада; посмотрела на часы, причесалась, сложила в сумку учебники и тетради, сунула ноги в ботинки, руки в куртку и пошла в институт - на автомате.

В коридорах гудели сплетни. На Славку косились, кто знал ее и кто не знал. В аудитории - та же история. Марина сидела с Любой, Света - отдельно и все трое угрюмые и осунувшиеся. Гнездевич кивнула

Суздалевой на место рядом с собой и вздохнула, оглядев ее:

- В гроб краше кладут.

- Туда и хочется, - призналась честно.

- Самое простое.

- Поэтому - мимо. Что о Инне слышно?

- Нет ее. Провалилась. Я тебе ночью звонила, мать ее всем звонила - ты трубку не брала. Где была?

- Спала. Ничего не слышала.

- Может не хотела?

- Может и не хотела. Паршииивоо.

- Верю. Маринка совсем свихнулась, такую пургу на тебя гонит - уши вянут. Чокнулась - одно слово.

- Боится.

- А ты нет? А я? Нормальные люди в таком состоянии вместе держаться должны, а мы в разбег. Вот оно как, дружба-то проверяется.

Ты не кисни, выцарапаемся.

- Мы - да... А Инна?

Девушки посмотрели друг на друга и отвернулись - нечего ответить, только страх душу холодит и до слез жалко, что ничего они не знают и не могут.

- Знаешь, Марина наверное права, - тихо сказала Ярослава, клоня голову к конспектам на столе. - Во мне дело. Эти недели, что смерчем по всему прошли и везде я в эпицентре. Ты бы... тоже держалась от меня подальше.

- Ну, мать моя, природа, еще одна крезанулась, - выдохнула.

Притихла, пока препод здоровался и, зашептала подруге:

- Пропадем по одиночке. Запомни, Славка - пропадем. Нельзя сдаваться, никогда и ни за что. Дерись, даже когда, кажется, сил нет

- все равно дерись, не сдавайся. Сдашься - умрешь, не будет личности, значит, тебя не

будет. Бред ты городишь... А может и нет,

- притихла опять, помолчала.

Девушка на нее покосилась: все, отсидела рядом? Уйдешь? Но та видимо не собиралась - сосредоточенно пялилась на преподавателя, будто слушала и вдруг будто очнулась, на Славу уставилась:

- Ну-ка рассказывай все по порядку.

- Зачем?

- Затем, что одна голова хорошо, а две лучше. Боевики смотришь?

Там бойцы спинами друг к другу встают и дерутся. Так они товарища защищают и свою спину, и обзор будто бы на триста шестьдесят градусов получают. Поняла? Выкладывай. Только тихо, чтобы не засекли.

Суздалева долго молчала, обдумывая, что рассказывать, с чего начинать и трудно, путано, сначала равнодушно, потом эмоционально, с покаяниями и уверениями, начала выговариваться. Гнезdevич слушала не глядя, только то и дело нос морщила и косилась то ли с подозрением, то ли с недоверием.

Ярослава рассказала и смолкла. До перемены слова подруги больше не сказали, но только грянул звонок на большую перемену между парами, Света почти силой выгнал ее и двух отколовшихся

"фантазерок", как она их назвала - на улицу, потащила в кафе. И там, в тепле и за пищей да чаем, выдала:

- Короче, девочки, дело, правда, нечисто. Сдается мне, что проблемы нам кто-то нарисовал и досталось больше всех... - вспомнив

Ларису, поморщилась. - Исключая отсутствующих - Славке. Факты: идет с Лысовой - ту крадут и ату. Начинается заваруха - личный фронт летит - раз, здоровье - два - Димка ей по голове двинул, сволочь, три - с деньгами - капец. Теперь нас складываем. Я - норма. Правда есть паранойя - шугаюсь теней, от дорог держусь на километровом расстоянии. В принципе понятно, после случая с Ларисой вообще маскировке под Гульчату научись.

- У меня все нормально, - пожала плечами Люба.

- И у меня, - буркнула Марина. - Потому что я от Ярославы держусь далеко.

- Креза у тебя...

- Инстинкт самосохранения. Ты с ней - жди, прилетит что-нибудь - мало не покажется. Где два - там три будет, старая мудрая народная примета, - процедила и встала, ушла не оглянувшись. Люба помялась и, извиняясь, смущаясь, за ней двинулась. Оставшиеся сникли, задумались.

- Конец дружбы, - расстроилась Света. - А я надеялась, что они за ум возьмутся, что люди.

- Свет, ты бы правда, держалась от меня подальше?

Девушка глянула на нее, как огрела:

- Закружили тему, я не Маринка. Ты главное потерпи, придумаю что-нибудь.

- Да мне-то? Я здесь, а Инна где? Про Ларису молчу.

- Ну, чего в упадничество опять ударилась? Выше нос, сказала. Не в лесу живем - люди кругом - образуются, придумается, наладится.

Держись, не кисни.

В ее голосе и глазах было столько веры, что Ярослава невольно почувствовала стыд за свое настроение, за то, что сдается, поплыла куда беда да тоска погнала. Разобраться -

Ларисе куда хуже, Инне - неизвестно как, но всяко хуже, и не ей, "некчемухе" Суздалевой умирать тут.

К концу последней пары Света видно что-то придумала - залезла под парту, начала звонить, потом засияла, как солнечный зайчик в зеркале.

- После занятий идем в одно место, - сообщила шепотом.

- Куда?

- Здесь недалеко - узнаешь.

Ярослава испугалась. Не за себя - за нее.

- Не пойду. Девчонок бери - вчетвером - пойду, только с тобой - нет.

- Ты чего испугалась?

- Не угляжу я.

- Чего?

- Не знаю чего и знать не хочу.

Гнезdevич пофырчала и притихла, а после пары Любу перехватила, шепнула пару слов, с презрением глянув на Васнецову. Тимофеева помялась и закивала.

Свет подхватила ее и Ярославу под руки и вытащила на улицу, обойдя Марину.

- Нам прямо! - указала путь ладошкой. Кончик пальцев уперся в

"ауди" на обочине, рядом с которой стоял Леший. У Ярославы лицо вспыхнуло - он издевается над ней или идиот?!

- Не пойду прямо, - уперлась.

- Почему?

- Потому что там Алекс.

Девушки дружно уставились на мужчину.

- Ничего, между прочим.

- Зря ты от него бегаешь.

- Из-за него я Гришу потеряла.

- Не факт.

- Этого приобрела. Мужичек весьма: одет, как с картинки, машина.

Чего шугаешься?

Подумать - не объяснить, отчего злость у нее на Алекса, а бурлит и все.

- Пошли. Я ему "здравствуй и прощай" скажу и разойдемся.

- Сломать не проблема, проблема построить. Подумай, - посоветовала Света. - Он пригодиться может.

- Чем?

- Взрослый дядя, значит, жизнь повидал и совет, элементарно, дать может. Плюс поддержка и защита.

- Лучше пусть он ничего не дает. И самого его не будет, - буркнула девушка, спускаясь по ступеням.

Александр смотрел на симпатичных, по-своему красивых девушек и невольно сравнивал их с Ярославой - они проиграли. Он заметил, что сколько не встречал красавиц даже элитных кровей, породистых как кобылки Орловского конезавода, они все казались на одно лицо, с одним макияжем, одними и теми же манерами, запросами, формой одежды, пусть и стильные, пусть яркие, но тем больше похожие на бабочек-однодневок, не

на женщин, с которыми хочется провести больше чем одну ночь, сказать больше, чем избитый комплимент, дежурный, как улыбка на лице.

В этой девушке и женщине одновременно сошлись все противоречия мира: лед и пламень, свет и тень, искусительница и монашка, сила и слабость, опытность и неискушенность. Она даже шла как Венера из пены морской, но смотрела как французская революционерка с баррикад.

Он смотрел на нее во все глаза и понимал - только эта женщина утолит его жажду жизни, только она сможет спасти его от разъедающей скуки и желаний, что мутят его кровь и разум.

- Ничего себе у него взгляд - как спичка, - шепнула Света Ярославе. - По-моему он без ума от тебя.

- Не говори ерунды.

- А я бы не устояла, - вздохнула Люба.

- Здравствуйте, - встретил их приветливой улыбкой Алекс.

- Здравствуйте.

- Это Света, Люба, - представила подруг Ярослава. Мужчина кивал, улыбался, а сам с прищуром поглядывал на девушку, пряча желание за завесу ресниц. Оно рвалось и он это понимал. Будь

Ярослава опытней - сочла бы без труда и могла сыграть уже на струнах природы Лешего. Опытней или внимательней - или заинтересованной в нем. Но ей было все равно, она явно спешила стереть его из памяти и внешнего мира, избавиться как от мешающей соринки в глазу.

"Приятно", что тут говорить?

Он был разочарован, ожидая другого отношения, но сдаваться не собирался. Есть много способов приручить животное, обуздать дикого мустанга и покорить женщину. Кто-то удовлетворяется звездой с неба, а кто-то синицей в руках. Главное понять чего хочет желаемый человек, но тут Алекс "проседал". Он понял, как подавить, как подчинить девушку, но так и не понял, чего ей надо, что она ждет от жизни, хочет лично для себя. Его внутренний мир остался для него столь же загадочным, как улыбка Джоконды для десятка поколений и половины человечества.

Может, поэтому и манил все сильнее и яростнее?

- Вы куда-то собрались? Подвезти? - безошибочно определив

"заводилу" в тройке и ее намерения, предложил Свете свою помощь.

- Не трудно вам?

- Абсолютно, - заверил, распахивая дверцу на заднее сиденье перед ней. Ярослава кинула на подругу недовольный взгляд и хотела залезть следом, но Алекс придержал ее будто невзначай, убрав с волос несуществующую соринку.

Волосы девушки оказались легкими, прохладными и нежными как шелк.

И он дал себе слово, что очень скоро насладиться ими, как и ее телом. Цена его уже просто не интересовала - есть вещи, у которых нет цены и сколько не заплати - мало.

Ярослава видно была из этой категории. А он не против.

- Что-то запуталось, - улыбнулся в ответ на сердитый взгляд, в котором неприязнь соседствовала с беспомощностью и смущением, подхватил под локоть и помог сесть на переднее сиденье. Сел сам. - Куда едем?

- Ломоносова семнадцать.

- Хорошо, - машина влилась в поток транспорта. - Можно полюбопытствовать, что влечет очаровательных девушек по этому адресу?

- Дела скорбные, девичьи. Недолгие.

- Я подожду, - заверил, опять угадав желание Светы, что было нетрудно - оно просачивались через взгляды, слова и интонации, не оставляя сомнений.

- Спасибо, - улыбнулась кокетливо и он рассмеялся мысленно, предугадав следующий вопрос.

- И отвезу домой.

- Даже так?

- Неужели вы подумали, что я брошу вас на полдороги?

- Нет.

Света кокетничала, Люба тарасилась на него как на древний и очень ценный экспонат, и только Ярослава даже не смотрела в его сторону и всю дорогу молчала. Но это его не смущало - ей не зачем было говорить, достаточно того, что она сидит рядом - только руку протяни, положи ладонь на колено, заявляя - моя. Она будет его.

Будет здесь, в машине, в спальне и кабинете, на корте - везде, где он захочет.

Подуется - перестанет и все пойдет, как по маслу.

Как он хочет.

Девушки вылезли из машины и посмотрели на старинный фасад жилого дома.

- Пошли, - подтолкнула их Света и зашептала Ярославе на ухо. - Классный дядечка, чего ты нос воротить? Не жмот, умный, само обаяние. Чего ты такое сокровище отталкиваешь?

Как объяснить подруге, если и себе не можешь? Права Света - все при Алексе, а вот не лежит душа и все. Тот поцелуй, что с Гришей ее развел, как забор меж ними встал, и она там, где парень, сутулясь, уходит от нее, а Алекс далеко за спиной, за забором, пропастью из жутких событий, что перекрутили душу в жгут.

- Мы куда идем? - перевела разговор на другую тему.

- Сейчас узнаешь, - Света остановилась у квартиры на втором этаже и нажала звонок.

Дверь распахнулась, запуская девушек внутрь, в хранилище изысканных вещей и антиквариата, витражных дверей и бархатных портьер. Высокая женщина с острыми чертами лица оглядела посетительниц и жестом пригласила их в комнату, за круглый стол, посередине которого стоял большой хрустальный шар. По стенам были развешаны какие-то знаки в рамках, дипломы, канапе и венские стулья закинута драпировкой с иероглифами.

Гадалка - поняла Ярослава, ожидая, что сейчас появится колода карт.

Нет, женщина сложила руки на столе и еще раз оглядела девушек:

- Ну-с, я вас слушаю, - сказала сухо.

- Мы погадать хотим. Цену знаем, - заверила Света. - Понимаете, у нас пропадают подруги и мы хотим... боимся, - призналась. - Не знаем, что думать.

Женщина усмехнулась и встала. Вышла на минуту и вернулась с картами.

- Будем узнавать про подруг, про вас или про причину и следствие?

- Ааа... все будем узнавать.

- Да, - подтвердила явно заинтригованная Люба.

- У меня денег нет, - честно предупредила Ярослава. - Я пойду.

- Сиди, - одернула ее Света. - У меня есть, я заплачу, - заискивающе улыбнулась женщине, но та смотрела на Суздаlevу, а не на нее, и будто увидела что-то, но промолчала.

Перетасовала колоду и разложила.

- А вас больше, подруг-то. Вот еще одна, змея. Вот другая - светленькая, а черному достанется. Далеко она уже.

- Инна.

- Карты имя не пишут, - зыркнула на Любу женщина и давай дальше смотреть. - Не вернется она.

- Как? Убьют? - ахнула Люба.

- Зачем? - опешила женщина. - Как же убитая тебе дитя родит? А он вот он, мальчонка. Ага, вот еще одна из ваших, вот она точно полуживая, беда с ней. Что есть она, что нету, и ничего у нее нету.

Любимый был - умер, подруги были - забудут, разбегутся, родители...

- Как умер? - дошло до Ярославы, что женщина про Ларису и Диму говорит.

- Так. Был и нет.

- Не может быть.

- Ну, это вы потом обсуждать будите, - недовольно поджала губы женщина. Света стиснула руку Ярославы: помолчи пока, пожалуйста. Та смолчала, но мысль в голове засела, как нелепая. Не верила она, что

Дима умер. Когда бы успел? Как, почему? Не мог. Значит и остальное, что гадалка говорит - туфта.

- А, вот! Ну, что? - спросила гадалка. - Знать хотите, откуда ветер дует? Не скажу, но точно скажу, что закончить все может та, что ближе всех к этой вот, что всего лишилась, стоит. И как оно, чего - от мужчины, что вокруг нее сеть плетет, зависит. Ему поперек не встать - силен очень. Возьмет свое все равно. Неустойчиво все, неопределенно. Тут вам каждой на орехи падает, однако и неявно.

Значит, может сбыться, может нет.

Девушки на Суздаlevу посмотрели, в обрисованном образе ее и

Алекса узнав.

- Ерунда все это, - не стерпела Ярослава их взглядов.

Женщина уставилась на нее:

- Ты вот неверующая, болтаешь много. А скажу я тебе, что года не пройдет, как Бог тебя приберет...

Ярослава отпрянула, побелела.

- ... Но за год этот ты за всю жизнь наживешься. Судьба твоя сбита уже тебя и водой окрестила, да ты того не ведаешь, бьешься еще и что дадено к лучшему - теряешь. А еще скажу, что идешь ты, сама не зная куда, а каждая минуточка твоя, что песочек в часах песочных течет. Каждый шаг твой что-то решить может. Но часа не пройдет, как обратно уже не повернешь. День пройдет - чему цену не знала - узнаешь, неделя пройдет - себя не узнаешь. Цени что дают, глупая, пока возможность есть, успеешь сделать, что тебе предназначено, а то ведь поздно будет. Пожалеешь.

Ярослава сидела парализованная глубинным страхом и как наяву услышала шум дождя, почувствовала толчок в плечо. Взгляд Алекса, улыбка, запах кофе и ванили, мягкий, глуховатый голос и дождь, дождь за окном кафе...

Леший. Все он! Мефистофель!

Как карты в руках гадалки, мелькнули картинки: Алекс - она -

Дима, свет фар. Алекс - Гриша, Алекс - Гриша - она - Инна.

Надо убрать его из своей жизни, вычеркнуть и тогда все будет хорошо. Всем будет хорошо.

Девушка поднялась и, каркнув "до свидания", вышла из квартиры.

Пошла вниз с единственным желанием послать Алекс так, чтобы он в принципе дорогу к ней забыл.

Мужчина сидел в машине и изучал фасад здания, приоткрыв дверцу.

Увидев Ярославу, улыбнулся, будто не заметил ее винящего взгляда:

- Дела закончены?

- Да. Как и наши с тобой отношения. Никогда больше не появляйся.

Никогда!

Леший молча выслушал ее, оценил состояние и лениво вылез из машины, встал рядом.

- Гадость нагадали?

- С чего решил, - вспыхнули удивлением глаза девушки.

- Ясновидящий от психологии. Три девушки едут в Тмутаракань, но благородных кровей - в дом времен примерно Александра третьего. Едут возбужденные, нервничают. Ты угрюмо молчишь, уходишь с ними, возвращаешься одна, но зла, как все трое. Выговариваешь мне, причем без обиняков: "до свидания", сходу, в лоб. Вывод: девушки пошли гадать на суженных, что-то в раскладе выпало не так и не факт что про меня, но ты прониклась, сложил по косвенным, близким к достоверным фактам и ринулась ко мне, чтобы до приход подруг поставить точку. Ты испуганна, неадекватна. Твоим словам грош цена, как вашей гадалке. Хочешь, я погадаю тебе и твоим подругам?

Ярослава задумалась и растерялась. С одной стороны все логично, но Алекс умеет убеждать. С другой стороны, она и до гадалки не хотела, чтобы он появлялся, чтобы напоминал о себе. С третьей...

Черт его знает! - зажмурилась, закрыла ладонями глаза: "запуталась, совсем запуталась".

- Ну, иди сюда, - потянул ее к себе мужчина, обнял и склонился к лицу, ближе губами к ее губам. - Тебе не стоит верить всему, что говорят. Информацию о будущем можно считать, но она меняется ежечасно, если не ежесекундно. Потому что мы меняемся, мы обновляем ее. Это как обновление старых компьютерных программ. Когда Гейтс выпустил первый Windows, он был очень ограничен, но следующий стал шире и оперативней, следующий универсальней. И что нельзя было сделать на первой версии, можно легко осуществить на второй. Будущее нельзя поймать за хвост, как нельзя остановить прогресс, но и то и другое можно как строить, так и использовать на свое усмотрение. Мы строим будущее, не гадалки, и они проводники не в наше будущее, а в нашу психику, в подсознание. Стоп кадр - вот что они видят. Оттиск состояния в данный момент, в данном месте и данном настроении, и логическая дорожка, что приводит из него к тому или иному событию.

Но состояния меняются, меняется отношение к каким-то вещам, с ними меняются матрицы будущего.

Он постепенно снижал голос, гипнотизируя Ярославу как удав кролика и та зачарованно смотрела в его глаза, вникала в услышанное и успокоилась, расслабилась, забылась, словно ушла в полудрему.

Алекс накрыл ее губы поцелуем, прижал к себе, проникая языком в рот, рукой под куртку на спине, под рубашку, и в тот миг, когда его горячие пальцы коснулись ее кожи, Ярослава очнулась, оттолкнула его, отпрянула.

Ей показалось, что она подверглась гипнозу, сознательному подчинению ее ему, подлому применению запретных методик на человеческую психику, и возмутилась. Поняла, что не желает иметь что-то общее с человеком, что не знаком с этикой, что не считает зазорным по воле своей прихоти давить на психику человека. С человеком, что легко и без всяких моральных метаний переступает границы дозволенного.

- Не трогай меня! - вытерла губы. - Я не твоя пациентка.

Никогда больше не появляйся. Не хочу тебя видеть! И знать не хочу!

Развернулась и бегом двинулась в подворотню.

Алекс посмотрел ей в след: "удивительно. Девочка мало поняла, что к ней применили, но еще смогла избавиться от воздействия. А у нее крепкая психика. Приятно".

На самого Лешего гипноз не действовал, и он считал это даром, спасением в столь безнравственный век всяческих номенклатурных методик по подавлению воли человека и влияния на него. И вдвойне приятно было встретить такого же "уникума" как он - знакомого с методами, но не поддающегося воздействию посторонней воли.

Что девушка ушла, сказав, что не хочет его больше видеть - его не беспокоило. Он вообще пропустил это ее заявление мимо ушей. Мало ли что говорит женщина? Слушать ее и воспринимать всерьез сказанное в настроении и без - все равно, что ориентироваться по флюгеру в шторм.

Завтра ветер - настроение сменится и все будет по-другому.

И потом, она все равно его, неважно понимает и принимает она это или нет.

А пока он дождется подружек, узнает, кто там и что кому нагадал, выведает все тайны и тайночки юных простушек, узнает от них то, что не сможет узнать и прослушка.

Информация в любой век самое лучшее оружие и самый безотказный метод в любой сфере достижения целей.

Глава 10

Он приехал к ней на следующий день в самом безмятежном настроении, уверенный, что гнев уже сменен на милость. Но вместо элементарного "здравствуй" - получил дверь по носу. Без слов.

Леший минут пять изучал дверную поверхность, пытаясь понять, что это было и вновь нажал кнопку звонка. Никакой реакции. Это уже походило на откровенное пренебрежение, наплеватьство в самом brutальном стиле, чего Алекс стерпеть не мог. И понял что наигрался.

Сыт.

Этот моветон на постоянной основе, эта "жизнь" похожая на возню хомячков в аквариуме - достала его до печенок. Хватит с него, пришла пора рокировки.

Алекс положил ладонь на звонок и стал ждать.

Прошло минут десять музыкального хрипа звонка, от звука которого начали подвывать собака за соседними дверями.

Наконец Ярослава не выдержала и вылетела на площадку:

- Какого черта тебе надо?! Что ты прилип ко мне?! Я тебе по-русски сказала - видеть тебя не хочу!

- Я ждал, пока ты оповестишь об этом и своих соседей, - усмехнулся Алекс, оглядев девушку, что стоял перед ним в длинной белой футболке, сквозь которую проступали очертания сосков. - Хорошо выглядишь, - отдельно задержал взгляд на босых ногах, стройных, утонченных. - Зачем прятать такой клад в брюки?

Девушка вспыхнула и процедила:

- Пошел вон, - попыталась захлопнуть дверь. Но мужчина придержал ее рукой:

- Пойду вместе с тобой. Одевайся, прокатимся.

- Ты тупой? - возмутилась Ярослава и уже не выбирала выражения.

- Считай, что я глухой, - одарил ее холодным, незнакомым ей взглядом. - Я приглашаю тебя не на свидание, а на деловую беседу. У меня есть к тебе интересное предложение, которое может пролить свет на некоторые недавние события.

- Например? - насторожилась и притихла. Тон Алекса как и взгляд был скорее достоин босса, чем психолога и мысли о возможном флирте с его стороны вымелись прочь.

- Ответы на месте. Одевайся, - приказал и пошел вниз, бросив даже не обернувшись. - Жду в машине.

Ярослава закрыла дверь и в растерянности оглядела комнату.

Раскиданные конспекты, которые она пыталась вбить в свою голову, занятую черти чем, ничем ей не помогли. Не было у древних ответов на вопросы, мучащие потомков. Пришлось решать самой - ехать или не ехать? Конечно она не Гамлет, и вопрос проще, но это с какой стороны смотреть.

Ярослава одевалась, заинтригованная поведением и предложением

Алекса и поймала себя на мысли, что этого Алекса она совсем не знает. От этого у нее мурашки по коже идут и холодком до пят пробирает.

Девушка обулась, накинул куртку, взяла телефон, ключи. Подумала и на всякий случай сунула в карман перочинный нож - маленький, но острый.

Спустилась и не нашла "ауди". Вместо него на углу дома стоял

"Сауеен" с открытой дверцей, выказывая водителя - Алекса.

Девушка вовсе запуталась, не зная как это все расценивать, пошла несмело, то и дело вопрошая себя - не делает ли она глупость?

Мужчина вылез и молча открыл перед ней дверцу. Ярослава глянула на его абсолютно бесстрастную физиономию, получила в ответ пустой, ничего не выражающий взгляд и потеряла всякие сомнения. С таким видом не оболеждают, но гарантии что и не убивают - нет. Однако вряд ли Алекс убийца. Она могла поверить, что он оболститель, что желает ее и может прибегнуть к насилию, но что способен убить - нет.

Дверца хлопнула, машина тронулась в путь. Мужчина нажал кнопку на панели и на экране телевизора появились клипы, из динамиков полилась музыка. Навороты в машине, само авто заставили девушку сжаться. Возникшие вопросы разбивались о каменную физиономию Алекса и оставались при ней. Только на выезде из города она забеспокоилась всерьез, даже запаниковала, но мужчина, не глядя на нее, спокойно и бесстрастно выдал:

- Мы едем за город. Остановка через двадцать минут. Посиди спокойно.

- Я не хочу за город! Останови!

- Если ты беспокоишься за свою жизнь и честь, то зря. На твоём месте я бы беспокоился о другом.

- О чём?

- О своей подруге.

Ярослава притихла, помолчала и спросила:

- О какой?

- Кажется, её зовут Инна.

Девушке стало холодно от страха: неужели Алекс украл Инну? Зачем?

А если он маньяк, садист или сутенер?

- Зачем тебе Инна, что она тебе сделала?

Леший удивленно посмотрел на девушку:

- С чего ты решила, что она мне нужна?

- Но ты же сам сказал!

- Я сказал, что тебе стоит беспокоиться о ней. Согласись это естественно, учитывая, что она исчезла.

- Откуда ты знаешь, что она исчезла?!

- От девушки по имени Света.

Ярослава перевела дух и полезла за сигаретами в карман. Ей нужно было срочно закурить и успокоиться. Она чуть не умерла, услышав от мужчины об Инне!

- Что ты себе придумала?

- Вот именно, - вздохнула. Закурила и приоткрыла окно, подставила лицо ветру, чтобы в чувство прийти. - Я думала, что ты... неважно.

- Что я садист, маньяк и извращенец, - сказал спокойно.

Ярослава покосилась на него: именно это она и подумала. Вопрос, как он догадался?

- Все твои мысли отражаются в твоих глазах. Сейчас ты, например, озадачилась, как я узнал, что ты обо мне подумала.

- Верю, - успокоилась окончательно. - Видимо ты очень хороший психолог. Да. Судя по машине тебя ценят. Это твоя машина?

- Моя.

- Зачем скрывал?

- Если бы сказал, это что-то изменило?

Девушка подумала и качнула головой:

- Нет.

- Так и подумал. Ты не продаешься, - усмехнулся.

- Не покупаюсь, - парировала.

- Все покупается и продается, все! Вопрос лишь в цене.

- Могла бы поспорить, но чувствую бесполезно, - заметила сухо.

Алекс все больше ставил ее в тупик. И она уже не понимала - отталкивает он ее или привлекает. Цинизм она не любила, но трезвую рассудочность считала положительным качеством. Грань же меж тем и другим была призрачна и не всегда четко определялась. В случае

Алекса же вовсе превратилась в ничто. Его слова можно было расценить как, то и другое, и в то же время как ни то, и не другое.

- Правильно. Не стоит спорить о том, чего не знаешь.

- Не "не знаю", а не хочу. Разница. И зачем мы едем куда-то?

Почему нельзя поговорить в городе, в машине?

- Не люблю разговаривать на серьезные темы на ходу или в толпе.

Мы едем туда, где нам никто не помешает обсудить все нюансы предложения.

- Надеюсь не руки и сердца?

- Нет, - рассмеялся настолько беззаботно и откровенно, что

Ярослава даже чуть обиделась. Правда на себя - за глупость, по которой решила, что мужчина в нее влюблен. И даже пожалела его.

Однако, судя по его поведению ему было глубоко наплевать на нее. И слегка озадачивало - чего ж он тогда упорно бегал за ней, если она ему в принципе не нужна.

Но что заморачиваться? Нужно расслабиться и порадоваться. Правда

Ярослава еще и загрустила - быть не нужной печально, а осознавать это, по-настоящему огорчительно.

Дорога ушла направо, в лес, но как ни странно, превратилась не в проселочную, с рытвинами да колдобинами, а в шикарную трассу, на которой, видимо по стечению обстоятельств, не было видно ни одной машины. Зато прямо за поворотом, появился шлагбаум, пост неизвестного назначения с несколькими охранниками в прорезиненных ярких куртках. Алекс просто посмотрел на одного, приоткрыв окно авто, и ему открыли путь.

Вскоре появилась ограда, немного помпезная, высокая, монументальная, бесконечно углубляющаяся в лесную даль, как заборы какого -нибудь завода в неизвестность. Ярослава поглядывала на нее и силилась угадать, что за производство за ней спрятано, что вообще можно строить в лесу и зачем тратить колоссальные деньги на ограду - вычищенную, окрашенную и украшенную.

Машина уперлась в ворота, громоздкие, капитальные, украшенные как ограда, но не только лепниной, а еще и электронными штучками.

Алекс нажал клаксон, поторапливая охрану и ворота беззвучно отъехали в сторону, "сауеен" поехал дальше. Ярослава буквально прилипла к окну, рассматривая местность - ухоженную, разбитую на полянки, клумбы, островки леса; и дом что виднелся впереди, простой и вычурный одновременно, вроде игрушечный - до того аккуратный, но явно огромный. Фонарики по краю дороги, бордюры, скамеечки, и ухоженность, куда не

посмотри.

- Здесь кто-то живет?

Алекс промолчал, а Ярослава не стала переспрашивать - и так ясно

- живет: слева на просторной поляне с ярко-зеленой газонной травой, что резала глаза, диссонировав с осенним окрасом леса, два человека выгуливали стайку собак.

- Русские борзые! - вспомнила девушка, как называется эта изумительная порода и, ткнула в их сторону пальчиком с непосредственностью ребенка, вытянулась, чтобы лучше рассмотреть острые мордочки животных.

Алекс не скрыл снисходительной улыбки.

Машина остановилась у дома. Мужчина вышел, давая понять девушке, что они приехали.

Ярослава робея ступила на дорожку. Куда не посмотри, все говорило об одном, здесь живут очень богатые и влиятельные люди. Ей бы очень хотелось исчезнуть отсюда - неуютно было, непонятно, но Леший шел вперед, поднялся на площадку перед домом слева. Девушка несмело двинулась за ним и ее чуть не сбили борзые, стаей ринувшиеся к

Алексу, окружили его, закружили, стараясь получить милость, как от хозяина.

- Ну, ну, Барон, - потрепал одного по холке, покосился на замершую у ступенек девушку. - Своя, - указал на нее собакам. - Николай, убери их, - крикнул мужчине, что шел к ним с полянки.

Тот засвистел и собаки нехотя потрусил к нему. У Ярославы зародилось подозрение, что Алекс в этом доме очень влиятельная фигура, входящая запросто, как к себе домой. А дом явно принадлежит кому-то из запредельной для простого смертного сферы.

Из дверей вышел худощавый мужчина в строгом костюме и замер, поглядывая на Алекса.

- Адам, - представил тот его девушке. Мужчина выдал улыбку, что видно была знаком вежливости, не больше, потому что глаза оставались холодными и смотрели цепко и оценивающе. Ярослава руки на груди сложила и гордо вздернул подбородок, пытаясь хоть так скрыть убогость своего существа и вида.

- Ярослава, - представил уже девушку и поманил ее, видя, что та не решается двинуться дальше. И вошел внутрь, как к себе домой. Адам придержал за ним дверь, выжидательно поглядывая на Суздадеву. Как не хотелось, пришлось заходить.

Девушка скорее проползла, чем прошла.

За порог ступила и застыла: мрамор, зеркала, позолота, картины, пол блестит как зеркало, потолок с лепниной пялится на нее огромной люстрой, с застывшими каплями хрусталя. Комната уходила в даль к ступеням вниз и круглой зале, расширяющейся за стеной зеркал. Алекс выглянул из-за нее, скидывая куртку:

- Проходи, проходи.

И исчез.

Ярослава оглядывала интерьер, ожидая в любую минуту окрик: "что вы здесь делаете?!" Но шли минуты - никто не вскакивал, не кричал, не гнал. Было тихо, только откуда-то, видимо из следующей комнаты, было слышно тиканье часов. Девушка робея прошла дальше, выглянула и увидела высокие напольные часы из красного дерева. В круглой, даже не комнате - зале, никого не было. Ковер во весь пол, две невысокие лестницы вверх, к аркам и открытые двери друг напротив друга. На маленьком дугообразном диванчике справа валялась небрежно брошенная куртка Алекса. Ярослава

уже хотела ее поднять и постоять с ней, ожидая мужчину, чтобы если кто появился, не было неприятностей за раскиданные вещи, словно у себя дома. Но из дверей вышла опрятная стройная женщина лет пятидесяти, в темном платье и переднике:

- Здравствуйте, - улыбнулась любезно. - Снимайте куртку, давайте. В доме тепло, - протянула руки, желая помочь Ярославе раздеться. Девушка отпрянула, поспешила скинуть куртку. Женщина забрала ее, бережно повесила на руку и, прихватив верхнюю одежду

Лешего, скрылась за теми же дверями, откуда вышла.

Девушка обалдело посмотрела на их узорную поверхность и вздрогнула, услышав голос Алекса:

- Ярослава?

Мужчина стоял на лестнице и своим видом выбивал девушку из реальности. Он явно успел переодеться и явно в домашнее, да еще стоял, как хозяин - одна рука в брюки, другая небрежно оперлась на перила, взгляд свысока. Но если так - Алекс хозяин. Алекс? Всего этого? Здесь?

- Ты кто? - нашла что спросить, не двинувшись с места.

Мужчина усмехнулся и протянул ей руку:

- Идем.

- Ни фиги.

- То есть?

- Это чей дом?

- Мой, не беспокойся.

- Твой?!

Это меняло дело, но и еще больше запутывало. Девушка пошла за мужчиной, теряясь в догадках:

- Точно твой?

- С утра был точно, - рассмеялся.

Распахнул перед ней двери в уютную комнату с круглым столом и окнами от пола до потолка, выходящими в сад.

- Проходи.

Ярослава огляделась - милые картины - натюрморты, мебель с позолотой и лишь в необходимой пропорции, поставлена так, чтобы не захламлять пространство и в тоже время не превращать комнату в аскетическое жилище.

- Располагайся, пообедаем.

Девушка села, усиленно пытаясь справиться со смущением. Изучила поверхность стола, в которой выглядела, как приведение и уставилась на Лешего, что сидел напротив, с хитрецой и снисходительностью поглядывая на нее.

- Значит это все твое?

- Мое.

В который раз девушка удивила его. Ни восхищения, ни блеска в глазах при виде роскоши - робость, смущение и даже мрачность.

Интересно и забавно.

- Что-то смущает?

Ярослава погладила пальцем поверхность стола:

- Непонятно, зачем косил под психолога, если олигарх.

- Плохой психолог?

Она недовольно посмотрела на него и мужчина понял, что девушка продолжит его удивлять. Видимо ей было дано появиться на свет, чтобы расшевелить его холодную и слишком трезвомыслящую натуру, что за свои годы ни разу не встретила подобный экземпляр. Что говорить, он был доволен.

- Зачем скрывал?

- Хотел.

- Зачем?

- Что-то бы изменилось?

Ярослава подумала и кивнула:

- Я бы близко к тебе не подошла.

- Пугает, - повел рукой, намекая на интерьер.

- Отталкивает.

Двери открылись и двое мальчиков вкатили столик, быстро сервировали стол и вышли, пожелав приятного аппетита.

Девушка устала в свою тарелку:

- Это что?

- Мидии.

Она усмехнулась:

- И не в лом тебе было давиться суррогатом в Кафе -Хаус.

- Видишь ли, человек, который питается ржаным хлебом, мечтает о красной икре, вкусив ее, считает изысканным деликатесом. Но представь себе человека, который питается только этой икрой - деликатесом для него покажется ржаной хлеб и, он будет стремиться к нему, к непониманию его владельца. Деликатес - понятие относительное.

- Понятно, - скривилась, не решаясь попробовать предложенные блюда, что больше на картинку походили. - Гурман устал от гурманства. А зачем лапшу на уши вешать?

- Странный вопрос, - пожал плечами. - Захотелось.

- А ты всегда делаешь что хочешь? Верю. Уже верю. Н-да, богатенький сынок богатеньких родителей?

- И это тоже, - сунул в рот тарталетку. - Кушай, не стесняйся.

- Аппетита нет!

"Послать бы тебя", - говорил ее взгляд. Алекс спрятал насмешку под ресницы. У него было отличное настроение. Девушка рядом, его, и предвкушение новой, еще более занимательной игры, даже настроение

Ярославы делало очаровательным. Он поглядывал на нее и представлял финал, долгожданный настолько, что хотелось его ускорить. Взять девушку здесь, сейчас, вот такой - колючей, взъерошенной, но все равно - его.

Но спешить, что объестся, за минуту впихав в себя все, что предложено на столе. А есть надо с толком и расстановкой, чтобы прочувствовать вкус блюд, все оттенки. Не лишать себя прелестей нюансов, а вобрать их смакуя и, насладиться до полного удовлетворения и глубочайшего удовольствия.

- Что ты хотел? - решительно отодвинула тарелку - дома поест, бутерброд. Не барыня.

Алекс широко улыбнулся ей:

- Ты торопишься? Понимаю.

"Если бы ты знала, как я тебя понимаю", - взгляд что патока стал.

- Тогда говори и я пошла домой.

- Далеко идти.

- Не умру.

Девушка была настойчива и мужчина узрел в этом темперамент, способный завести любого. Как тут устоишь?

- Чай?

- Не хочу!

- Злишься? Почему?

- Не люблю, когда врут.

- Разве я лгал?

- Разве нет? Закончим, а? Говори, что хотел, что там с моим окружением? И разбежались.

- Зачем? - не понял и не поверил. Она всерьез? Играет или чего-то не поняла?

- Затем, что встречаться не надо было!

- Для начала успокойся.

- Я спокойна.

- Раздражена.

- Сказала бы иначе - сражена. И не знаю, как все это назвать. Не понимаю я ваших игр и понимать не хочу. У меня своя жизнь, у тебя своя. Встретились, провели пару милых деньков, ты я думаю, не в накладе. Теперь давай точку поставим и разбежимся, чтобы не вспоминать друг о друге. Что там у тебя за предложение?

Алекс ел малину со сливками и полусонно смотрел на Ярославу.

Казалось, он думает о чем-то отстраненном - о полотнах Ван Гога или вспышке сверхновой, и не слышит девушку. Но на деле он смирял свое желание, наслаждался. Нежный вкус сливок и терпкая сладость малины был достойным десертом к виду девушки, прелюдией к обладанию ее телом, душой. Он почти ощущал ее кожу под своими пальцами, трепет и жар, внутреннюю дрожь, что, сотрясая тело, выйдет из него криком наслаждения.

Им будет хорошо вместе. Год. Да, год достаточно. Меньше может лишь раззадорить, но не удовлетворить, больше - наскучит.

- Алекс! Ты меня слышишь?

- Прекрасно, - заверил.

- Замечательно. И?

- Куда ты торопишься?

- Учить надо.

- Зачем? Мне всегда было интересно, зачем женщине учиться, насиловать свою головку абсолютно ненужными ей знаниями?

- Затем, что на свете есть более познавательные и нужные вещи, чем красная икра.

- Например?

- Ты уходишь в сторону. Пообщайся потом на эту тему со своими слугами и охранниками.

- Я хочу пообщаться с тобой.

- А я нет.

- Что не нравится?

- Все нравится. Хорошо живешь, как хочешь - здорово, поздравляю.

Теперь можно я поживу как хочу?

- Как? В убогой халупе, нищей?

- Меня устраивает ржаной хлеб, - завершила.
- Изменить свое существование не хочется? Я могу помочь.
- Верю. Но помоги кому-нибудь другому, а меня просто оставь в покое.
- Почему? Неужели не поняла, что я твой шанс получить "звезду с неба"?
- Сама с руками. Надо будет - достану. Всеу свое время.
"Упрямится. Почему, непонятно".

- Вот как? Значит, есть мечты и планы?
- Я же живой человек - естественно, есть.
- Какие?
- Какая тебе разница?
- Интересно.

Ярослава вздохнула:

- Разговор будет бесконечным? Ладно, я делюсь с тобой своими планами, ты чего там хотел, говоришь и, я потопала.

- Договорились.
- Хочу стать учительницей и уехать в Якутск. Можешь смеяться.

"Шутит? Опять Якутск. Интересный ход судьбы: девушка, мечтающая о Якутске обменена на горнодобывающий заводик с правом на добычу алмазов. В этом что-то есть."

Алекс рассмеялся:

- Бог мой! Какие глобалистические планы!
- Какие есть, - помрачнела, недобро глядя на "буржуя". - Вам, "ваше благородь", все едино не понять.
- Не понять, - согласился. - Почему Якутск?
- Там холодно почти круглый год.
- Не любишь жару?
- Нет.
- У меня кондиционеры. Хочешь Северный Полюс - будет.
- При чем тут ты?
- Это мое предложение.

Ярослава нахмурилась, понимая, что чего-то не понимает. В голову пришла одна реальная и что-то объясняющая мысль:

- У тебя есть дети и ты хочешь, чтобы я стала их гувернанткой?
Не подобрал им кандидатуру няни из своего окружения?

Алекс засмеялся:

- Удивительное мышление. Я все пытаюсь понять, что из чего вытекает в твоей головке?
У меня нет детей, Ярослава. Если бы были, я бы не утруждал себя поисками воспитателя для них в вашей среде.

По-моему это ясно.

- Нет. Было бы, если бы ты не рядился под обычного человека, как Филипп Красивый под простолюдина. Мне непонятен твой маскарад, но это твое дело, в конце концов, каждый развлекается, как хочет.
- Скучно было, - улыбнулся.
- Бывает, - скривилась: ей бы его заботы. - Каждый по-своему сходит с ума. Я на тебя не в обиде, надеюсь, ты тоже.

- Абсолютно.

- Замечательно. Ясно, с остальным тоже - никакого предложения у тебя нет, дурью просто маешься. Делать нечего, решил и меня от дел отвлечь.

- Ошибаешься, я не трачу свое время просто так, даже на развлечения. От всего должна иметься выгода в том или ином коэффициенте.

- Со мной ты явно пролетел, - хмыкнула. - Что с меня взять?

- Ошибаешься. Нам есть, что предложить друг другу. Вопрос цены.

Полный пансион и пятьсот тысяч за год - устроит?

Ярослава растеряно моргнула:

- За что?

- За то, что ты будешь милой, ласковой, послушной, заботливой. Я предлагаю тебе контракт на год.

- Тебе сиделка нужна? - нахмурилась не понимая. Леший фыркнул:

- Я похож на инвалида?

"Умственного", - подумала девушка.

- На мутного налима ты похож. Крутишь что-то, вертишь, нет, чтобы прямо сказать и четко, чего надо. Сиди тут, гадай.

- На налима?

На что намек? На то, что он некрасив и невысок - сер и безынтересен?

Леший отодвинул малину - аппетит пропал, неприятно до раздражения стало.

- Угу, рыба такая есть, в мутной воде водится.

- Оскорбляешь?

- Кого? - искренне удивилась девушка и Алекс следом: он не правильно ее понял? А не могла бы она выражаться точнее, чтобы не задевать его? Невежливо, в конце концов.

- Кого ты назвала налимом?

- Тебя.

- Я, по-твоему, уродлив?

- Причем тут уродство? - искренне недоумевала девушка. - Скользкий ты, вот и все.

Внешность тут причем? Больной, да?

Алекс успокоился и улыбнулся:

- Дело в недопонимании. Это исправимо.

- Стоп! Только не говори мне, что и дальше будешь появляться в моей жизни! - хлопнула ладонью по столу, возмутившись. - Ведь ясно же: мы с разных планет и нам абсолютно нечего ни сказать, ни дать друг другу!

- Не права, это относительно. Я поселюсь в твоей жизни на год,

- заверил. - Вернее - ты.

Ярослава откинулась на спинку стула - до нее стало доходить, что ей предлагает Алекс. Но поверить в это она еще не могла - сомневалась, и причин на то было масса. Главная же в том, что она достаточно четко и даже грубо дала понять, что он ее не интересуется ни как мужчина, ни, уже, как человек. Можно после этого на что-то надеяться?

Да, если он дурак. А если он действительно дурак? Больной, точно, чего-то в его голове явно не хватает.

Может его не литературно послать, тогда поймет?

- Ну-ка, поясни.

- Я предлагаю тебе поселиться здесь, со мной. Нормальный, обоюдовыгодный

контракт. Я тебя содержу, ты потакаешь моим прихотям.

- Ты дурак, что ли? - вырвалось само. Девушка прикрыла рот рукой. - Извини, - поерзала, приходя в себя.

- Почему? Это очень выгодное предложение.

- Чем?

Она издевается?

- Если бы я не знал тебя, подумал, что ты не пробиваемо глупа.

- Будем считать, что так и есть, - встала.

- Ты куда?

- Домой, - что за тупые вопросы? И решила уколоть. - Скучно с тобой.

Девушка явно кладезь непредсказуемостей. Нет, она сама непредсказуемость.

- Сядь! - приказал ледяным тоном. Ярослава плюхнулась обратно, немного испугавшись от неожиданности. - Твой ответ?

"Он не понял, что ли? Точно, тупой".

- Нет!

- Почему?

- Потому! Ежику и то уже ясно, а ты все "твое - мое - не понимай" изображаешь!

- Это не ответ.

- А это не предложение, - проворчала: идиот какой-то! - Из-за какой-то фигни оторвал от учебников, притащил на какую-то фазенду.

Пили теперь полдня домой, - поднялась и двинулась к выходу.

Алекс закаменел, чувствуя, как внутри усиливается раздражение. Он занервничал, а это ощущение он терпеть не мог. Сжал кулак, беря себя в руки: чего он хотел от той, что не в состоянии не то что, извлечь, для начала увидеть выгоду для себя?

Но какова?

- Ты или глупа или...

Дверь закрылась - девушка даже не обратила внимания на него! Она наплевала на него и его предложение! И кто из них дурак?

Алекс рассердился. Им пренебрегли, его бросили без учтивости, не сказав "спасибо" за лестное предложение и внимание, не сказав "до свидания", не бросив даже прощального взгляда в его сторону, будто он пустое место, страх Божий!

"Так, значит? Прекрасно! Ты сама не захотела по-хорошему."

Он вышел из-за стола, нажал кнопку радио связи:

- Штольц?

- Слушаю, Александр Адамович.

- Приведи девушку в малую гостиную.

И не спеша направился туда сам. "Сейчас ты поймешь, что со мной не шутят. Мне не отказывают и не перечат".

"Как бы до дома добраться, не заблудиться. Ну, втянул в историю!

Ай, сама виновата. Куртку бы забрать. Холод -то я люблю, да боюсь он меня не полюбит. Простывать не хочется", - думала девушка, пробираясь к круглой комнате аккуратно, чтоб ничего не задеть и почти на цыпочках, чтоб никого не потревожить, пол не поцарапать.

Мало ли? Неприятностей ей не надо - с лихвой уже. Вот осень выдалась! Какому бы

врагу задарить?

Вот и дверь, куда женщина унесла верхнюю одежду.

Девушка постучала, приоткрыла дверь, думая, что там гардероб или что-то в этом роде. Но вместо небольшой комнатки с вешалками, увидела коридорчик со встроенными шкафами - ровными белыми стенами с позолотой с двух сторон, и выход в огромную залу, похожую на бальную, века так восемнадцатого. Полумрак, элегантные паруса штор, закрывающие огромные окна, красноватый паркет с рисунком, бегущим по кругу и создающим эффект распускающегося цветка.

"Ой, бежать отсюда", - похолодела Ярослава. Отчего-то все это убранство напоминало ей склеп, пусть и шикарный.

- Вы, что-то хотели? - как привидение из полумрака проявилась та самая женщина, с той же самой улыбкой. Как передник надела так ее приклеила, что ли?

- Эээ, куртку.

- Одну минуту.

Открыла дверцу и тут за спиной девушки раздались шаги. Она обернулась.

Адам выдавил улыбку и попросил пройти с ним к Александру Адамовичу.

- Зачем? - испугалась Суздалева. Вид мужчины нравился ей не больше этого дома. А возвращаться в общество Алекса хотелось не больше, чем пройти по углям.

- Мне велено вас проводить и только.

- Не пойду я, - уперлась. Заметила, что женщина уже достала куртку, и попыталась ее забрать. Но Адам щелкнул пальцами, давая понять службе жестом, чтобы не спешила и поманил: сюда одежду давай. Она и передала в обход хозяйки куртки.

- Что вы себе позволяете? - вяло возмутилась девушка. Сильнее возмущаться побоялась.

Мужчина внимания на нее не обратил, обшарил карманы, извлек сотовый и перочинный ножик. Глянул на девушку, как на недоразумение, и забрал все в свой карман.

- Верну, когда будите уходить. А сейчас пройдемте.

- Если не пойду? - начала все больше бояться и тревожиться

Ярослава.

- Применить вариант насильного сопровождения?

На лестнице появились два здоровяка и Суздалева поняла, что лучше не усугублять:

- Не надо, - заверила и поплелась из "гардероба".

Алекс сидел на диванчике, спокойный и такой весь уверенный в себе и одновременно домашний - добрый и расслабленный, что девушка не знала, что вообще думать о нем.

Ярослава встала у дверей и, глянув на него, буркнула:

- Меня не выпускают.

- Мы не договорили.

Девушка прикусила губу, чтобы не сорваться на него и не накричать гадостей и грубостей, за которые ее могут поколотить его охранники.

А что? Вполне станется.

Нет, ну каков наглец! "Буржуин!"

Ей вообще не нравилось происходящее: что человек не может выйти отсюда, когда хочет, что права здесь только у Алекса, и сам Алекс казался напыщенным болваном, самовлюбленным, избалованным дегенератом, и сама себе Ярослава казалась полной

дурой, у которой от нехватки ума вот такие неприятности и случаются. Тревожило ее все и все сильнее и сильнее, даже спокойный, почти равнодушный взгляд

Лешего будил одно желание - испариться.

- Садись, - кивнул на место рядом с собой на диване. Быть рядом с ним не хотелось, но взгляд мужчины пресекал попытку выказать свое мнение и демонстративно выйти. Да и смысл? Остановят, вернут. А сядь она в кресло, а не на диван или не садись вовсе - то же все равно. В одной комнате с Лешим находиться, в одном доме - его. Захочет так достанет из любого угла.

Ярослава вздохнула, справляясь с внутренней дрожью от страха и села на углу, подальше от Алекса, хоть и на один диван с ним.

- Мы договорили - ты предложил, я отказалась. Смысл из пустого в порожнее лить?

- Я допускаю мысль, что ты чего-то не поняла.

"Да вот еще. Все я прекрасно поняла", - поморщилась.

- Хочу пояснить. Ты будешь жить здесь, пользоваться всеми благами. Тебя будут обслуживать - никаких забот о хлебе насущном. Не надо думать есть ли что в холодильнике, чем заплатить за квартиру.

Ты будешь иметь все что захочешь: наряды, украшения, машины. Войдешь в свет, увидишь мир. Год беззаботной, яркой жизни. Он значительно обогатит тебя: расширит кругозор, познакомит с влиятельными людьми, и конечно составит немалый капитал для тебя. Естественно, все что будет приобретено за год, ты заберешь себе. Подумай, какие перспективы откроются тебе через год? Ты сможешь открыть свое дело.

Я даже помогу тебе, если ты правильно поведешь себя. Ты многому научишься за это время, гораздо большему, чем в институте, и более полезному для дальнейшей жизни. Наладишь связи, что в нашей жизни имеют важнейшее значение.

"Гадалка мне год как раз и отмерила", - вспомнила Ярослава и замотала головой:

- Нет!

Алекс уставился на нее:

- Почему? Аргументируй. Не устраивает цена? Но, дорогая моя, полмиллиона в европейской валюте для женщины их низших кругов более, чем колоссальный капитал. Больше ты просто не стоишь, как не стоят твои услуги. Я предлагаю очень хорошую, реальную сумму.

Ярославе грустно стало, даже страх на минуту пропал: докатилась, в проститутки нанимают. Элитные, да, а разница?

- Я же сказала: нет, Алекс. Сколько можно повторять?

- Хорошо, - начал злиться мужчина. - Объясни внятно причину отказа.

- Не понятно? - начала раздражаться и Ярослава. Обидно, черт возьми, когда тебя за какую-то прости Господи принимают, и все только потому что она не живет в таком доме! А человек без антуража роли уже не играет? - Я не проститутка! Нужна женщина - найди сговорчивых, думаю, проблем тебе это не составит.

Алекс моргнул и фыркнул:

- Каков вывод! С подобными особами контракты не заключают. Тебе предлагают содержание, не проституцию. Мне нужна ты. Только мне и только ты.

Суздалева поморщилась: "до чего неприятный разговор. Послать бы этого Алекса... не пошлешь, раз в его берлоге сидишь".

- За это содержание мне придется платить, и как - обоим понятно.

- Но это адекватно. Ты будешь послушна, не станешь совать нос, куда не просят, как это делают жены. У тебя свое место и свои обязанности: твое дело удовлетворять мои прихоти, скрашивать мою жизнь. Отвлекать от проблем, избавлять от скуки и усталости. За это ты и получишь содержание и фиксированную сумму.

Да что он ей объясняет очевидное?! Любя девица ее ниши прыгала бы от радости, получи такое предложение! Любая пуританка, закостенелая ханжа и светская львица - ухватились бы за него руками и ногами!

Позвони он Ирме, она была бы уже здесь и мило ворковала у его ног!

А эта? Эта!...

- Не молчи.

- А что говорить? Тебя заклинило на мне? Смысл что-то объяснять тому, у кого появилась мания?

- Попробуй.

- Алекс, сколько тебе лет? Много, а вопросы задаешь детские. Ну, не судьба нам с тобой, не судьба. Не подходим.

- Я не нравлюсь тебе? - удивился своей догадке. Посмотрел на девушку внимательно и, встретившись с ее взглядом, понял - зря спросил. И что ему взбрело вообще интересоваться подобной мелочью?

Да плевать ему, нравится он ей или нет!

- Издеваешься? Нет, не нравишься. Психолог был симпатичным дядькой, хоть странным и навязчивым. А этот Алекс просто отвратителен в своих рассуждениях. Омерзителен, если хочешь.

Что она понимает?

Попытался улыбнуться, но губы свело. Ярость поднялась, обида и уязвленное самолюбие напомнило ему, что он слишком заигрался с девушкой, слишком много ей позволяет. Видимо она не понимает ни кто он, ни что ей сулит связь с ним.

Леший отвернулся и заговорил. Голос был холоден до озноба, и звук его пошел мурашками по телу Ярославы:

- Так случилось, что я хочу тебя. Другая меня не устраивает. И ты будешь моей. Будешь делать, как я захочу, а свое нравится - не нравится оставишь для кого-нибудь другого на отдаленное будущее.

После меня. И ты сама придешь ко мне, сама будешь умолять взять тебя. Я всегда получаю что хочу. Или - кого.

- Ты больной, - прошептала, потерявшая голос девушка. Страх в ней смешался со смехом из-за сериальной картонности ситуации и неверия, что это вообще может происходить с ней, в ее жизни.

Алекс кивнул с каменной физиономией и взял пульт от телевизора, занимающего полстены напротив:

- Я даю тебе пять дней. Через пять дней твой круг уменьшится еще на одну подругу...

Ярослава побелела, сердце сжалось и во рту стало сухо. От смеха и тени не осталось.

- ... Я не имею к этой истории ни какого отношения, но я знаю кто за этим стоит и в моей власти сдержать желания этих людей или дать им волю. Одна твоя подруга перешла в руки шейха и будет жить в гареме, другая была прекрасной игрушкой в руках трех горячих самцов.

Что будет с третьей, четвертой - не знаю. Если ты согласишься на контракт, у меня

будет смысл хлопотать за них, а если нет - пальцем не пошевелю. Каждый развлекается, как может. У вас интересная компания. Приятные девушки: смазливые мордашки, красивые фигурки, сами чистенькие, умненькие. Таких приятно ломать. Вы пользуетесь заслуженным спросом. Правда, предложений, что я сделал тебе - им не поступит. Кто они такие? Обычный товар, на который есть спрос. Сырье для бизнеса - только.

Ты хотела знать, что происходит? Сейчас я тебе покажу - ты поймешь сама. После подумай - кто же будет следующей? Гадалка здесь вряд ли поможет. Я не стану тебя держать. Как только ты согласишься, ты будешь вольна уйти. Тебя отвезут домой и больше не потревожат. Но если ты не придешь сюда - тебе пришлют фильм, подобный тому, что ты сейчас согласишься, правда главная героиня весьма интригующего сюжета, будет другой, но отлично знакомой тебе. И ты сама решишь, стоило ли платить твоим подружкам за мое желание и твое пренебрежение им. Пять дней Ярослава и уже ничего не изменишь.

Никто, ничего не изменит. Однако пока срок не истек, в твоей власти спасти своих подруг - прийти ко мне и подписать контракт. И пойми, каждый день из этих пяти будет все дальше уносить желание от действительности. Может случиться так, что уже через день ты будешь мне не нужна и тем более, если сейчас мне плевать что будет с твоими подружками, то тогда я о них и на секунду не задумаюсь, даже не вспомню. Тебе придется очень постараться, чтобы я захотел что-то сделать для них. Все зависит от тебя. Посчитаешь, что гордость дороже - живи, как пожелаешь. И как сможешь. А теперь наслаждайся.

Мужчина нажал кнопку на пульте и вспыхнувший экран показал из без того парализованной страхом Ярославе распятую на кровати Ларису.

Девушка схватилась за горло, скрючилась, пытаясь закричать, но лишь хватала ртом воздух.

- Шикарные кадры.

Ларису насиловали трое. Ее лицо крупным планом, достоинства насильников, входящие в нее. Крик и мольба Лысовой, скарабезности, смешки и сладкие стоны насильников, скрип кровати, хлюпанье.

Ярослава потерялась.

Уставилась на Алекса, что спокойно, будто шедевр мировой классики смотрел, как совершается преступление и, силилась сказать. Но что - не знала. Не было слов, не было мыслей - только ужас, пробирающий от макушки до пят, парализующий не то, что тело - личность.

- Света смотрелась бы лучше, не находишь? - посмотрел на нее

Леший. Взгляд - нега, лицо - мистер спокойствие.

Ярослава размахнулась, желая ударить его, избить. Он перехватил ее кулачек, зажал ей руки и повалил на диван, придавил собой. Его близость, ощущение беспомощности и крики Ларисы с довольным смехом насильников, слышные из телевизора, ослепляли, лишали ума. Она забилась, как сумасшедшая и была спелената мужчиной так, что дышать свободно не могла. Алекс оказался много сильнее, чем она могла предположить.

- Ты темпераментна, - прошептал ей в лицо и накрыл губы поцелуем. Девушка заплакала от бессилия и, Алекс выпустил ее.

Встал, выключил запись и отошел к окну, пока Ярослава лежала и пыталась взять себя в руки, успокоиться хоть немного. Она была в шоке и расплывалась, не находя сил собраться.

Леший смотрел в окно, слушал, как тихо, беспомощно плачет девушка и к собственному

раздражению и удивлению, испытывал острое, щемящее чувство жалости. Паршивое чувство давило на сердце и мешало планы

Алекса. Он не выдержал. Вместо того, чтобы как обычно наплевать на все, он плеснул в бокал коньяка и подошел к Ярославе. Усадил силой и заставил выпить.

Только тогда взял себя в руки и отогнал не нужное чувство - вызвал Адама.

- Сопроводи домой и оставь координаты.

- Понял.

Хотел подхватить девушку за плечи и вытолкать, но краем заметил взгляд Лешего и передумал. Указал Ярославе жестом на дверь:

- Прошу.

Та еле поднялась. Постояла, качаясь, слезы вытерла и посмотрела на Лешинского:

- Сволочь.

- Пять дней, - парировал он.

- Думаешь, управы на тебя упыря нет?

- Твоей подружке это без разницы. И другим через пять дней будет все равно, - выдал дежурную улыбку. - Все просто, Ярослава - или ты моя, или они - чьи угодно.

Девушка сжала зубы и пошла к дверям. Остановилась:

- Лучше под поезд, чем под тебя, уroda, - обернувшись, процедила ему в лицо, и будто под дых дала. Свернуло Лешинского, даже лицо исказилось от ярости - схватил ее за грудки, к себе подтянул и хотел сказать: "сейчас я тебя отдам мальчикам и посмотрю, кого ты уродом назовешь", но передумал отчего-то, в глаз ее взглянув. Впился в губы, причиняя боль и зажав так, что не вырваться, как не рвись, выместил злость жадным и больным поцелуем и оттолкнул из дверей вон.

- Я передумал! Три дня! - выставил ей три пальца. - У тебя только три дня - решай!

Ярослава оскалилась и уже приготовилась ринуться на него, чтобы не избить, но хоть исцарапать его рожу, но он выставил в ее сторону палец и бросил:

- Еще слово, один жест - у тебя не будет и суток на раздумья! А теперь - вон!

Девушку заколотило от ярости, страха и ненависти к этому ублюдку.

Не слезы - злость от бессилия проявилась в глазах, атакуя

Лешинского. Он отвернулся и скрылся в глубине залы, уступая место

Адаму.

Тот молча подхватил девушку под руку и поволок на выход.

Ее впихнули в машину на заднее сиденье, кинули куртку на колени и, заклинив дверцы, чтобы она не выпрыгнула, поехали прочь.

Ярослава уткнулась лицом в колени и боялась даже дышать, чтобы не разрыдаться, не раскричаться. Она лихорадочно соображала что делать, но мысли вязли и скатывали ее в нервозную неразбериху. Ей просто хотелось выть и ничего больше. Выть так, чтобы ослепнуть, оглохнуть и умереть.

Лешинский стоял на балкончике вне себя от злости и, потягивая вино, смотрел вслед удаляющейся машине.

"Придет, куда денется. У нее нет другого выхода и она это понимает", - уверял себя. Но на сердце было тревожно.

Но почему?

Что за пределами он пожелал? Разве не четко и ясно сказал, что готов заплатить ей за свою прихоть?!

С чего вдруг его крутит от какой-то несуразной девчонки?!

Алекс со злости запустил ей вслед бокал с вином. И ушел с балкона, хлопнув дверью так, что стекла посыпались.

Уже сегодня она могла быть его! Уже сегодня, в этот самый момент!!

Черт бы ее побрал!

Они бы чудесно провели время...

Но вместо этого она заставила его пойти на крайние меры, довела себя и его до белого каления!

Ну, почему на свет рождаются такие идиотки?!!

Ярославу высадили у подъезда, сунули в руки ее вещи и визитку с автографом Лешинского, и уехали. Девушка постояла, в прострации глядя на удаляющуюся машину и, осела на скамейку.

Ей нужно было что-то решать, что-то срочно предпринимать, она не могла даже дойти до квартиры - ни сил, не желания.

Странное это состояние, все понимаешь и одновременно ничего не понимаешь. Разрозненные фрагменты, один ужасней другого, плавают в тумане, как кошмары, и ты понимаешь, что можешь проснуться - есть выход, есть, но не знаешь, как проснуться - не видишь где он, этот выход.

Позвонить девочкам?

Ярослава закрыла лицо ладонями: Господи, как она может? Что она им скажет? Они и так живут в кошмаре, а она им добавит. Лучше одной, тонуть, так одной.

Значит, согласиться, отдаться этому упырю и быть его игрушкой?

Ярославу передернуло и затошнило. Если б тот Алекс, что с улыбкой рассказывал ей в кафе занимательные истории - она бы подумала. Но этот, монстр бесчувственный, калека моральный стал для нее прообразом самого Сатаны. И добровольно шагнуть в топку, отдаться ему? Лучше умереть.

Девушка уставилась перед собой: мысль. Возможно, единственно здравая. Слезы покатались сами - кому хочется умирать в двадцать лет?

Но это выход, решение. Убрать себя из расклада и тем не видеть, не слышать, не знать. Мертвым все равно, мертвые - это мертвые, им не больно, не страшно, не противно, ни совестно.

Ярослава сгребла с колен выданное Адамом и, сунув в карман сотовый вместе с визиткой, сжала в руке ножик, пошла домой, грея его рукоять.

Постояла посреди коридора, оглядывая квартиру, прощаясь с ней и со всем, что наполняло ее, наполняло жизнь Ярославы, и очнулась.

Брякнула нож на тумбочку, осела у стены: как можно лишиться себя жизни? А как же планы? Как история, ученики, что будут заслушиваться на уроках Суздалевой? Как же теплая уютная квартирка на краю света, из окон которой видны снежные торосы и пургу? Как папка? Как мама?

Как Гришка? Они так и не помирятся?

А где он? Где он был, когда Димка на нее напал? Где он был, когда она с ума сходила из-за Ларисы? Где он был, когда пропала Инна?

Почему он появляется, когда надо ему, а не ей? Разве это любовь? И в чем он ее обвинил, из-за чего бросил? Если бы он был настоящим, если б у них было по-настоящему, он бы был здесь, с ней, и помог, снял хоть часть груза с ее плеч! А он может только винить!

Да если бы не он, не появился бы этот паук -богатеи, не стал бы тягать ее в сети!

А вот никому! Ни Грише, ни себе, ни ему!

Поднялась и решительно разделась, прошла в ванную, прихватив с собой нож. Постояла перед зеркалом, прикидывая как лучше это сделать? И прочь страх, прочь все! Пусть они, сволочи, умоются, пусть узнают! Надо еще записку написать и изложить суть дела, рассказать, кто замешан в похищении девушек. Точно!

Ярослава кинула нож в раковину и пошла в комнату. Пока искала чистый лист бумаги и ручку, нашла сигареты. Закурила и расположилась за столом, принялась раздумывать над посмертной запиской.

Слова не шли, фразы входили корявыми, пустыми, тупыми. Один лист был порван, второй, третий, но хоть плач, ничего не выходило.

Ярослава раздраженно начеркала банальность: "в моей смерти прошу винить Александра Лешинского"! Посмотрела и перечеркнула "в моей".

Вместо нее подписала "в изнасиловании Ларисы Лысовой, пропаже Инны

Замятиной". Посмотрела и откинула ручку. Тупо, но хоть так. С другой стороны, кто такой Лешинский? Может он вовсе какой-нибудь Варфоломей

Истопник, и паспортов у него, как мест жительства - миллионы и километры. И где доказательства? Попадется такой следователь, как

Зверушкин и замрет все на его столе. Лешинские будут продолжать

"скучать", насильники радовать себя, девушки пропадать.

Нет, нужна четкость формулировки, нужны улики, а где они?

Ярослава сжала кулачки, застонав от бессилия, смяла ненужный уже клочок бумаги. Взгляд упал на телефон и пришла мысль позвонить кому-нибудь, какому-нибудь мужчине. Папе? Он с ума сойдет. Нет, нельзя его впутывать, как и подруг. Хватит бед им. Тогда кому?

Грише. Если он настоящий, он поймет, а нет... тогда ей действительно лучше умереть.

Да, сейчас она может позвонить, имеет права как смертник на исполнение последнего желания, как утопающий на соломинку, как умирающий на исповедь и отпущение грехов.

Девушка взяла телефон и набрала номер Григория.

- Да? - слышалось бодрое сквозь смех и музыку. Рок гремел так, что можно было подпевать, четко повторяя текст.

- Нам нужно поговорить, Гриша, - голос Ярославы дрогнул и она смолкла, глубоко вздохнула, смиряя нахлынувшие слезы. Обида, отчаянье, страх, гордость, все что крутит и мает - все потом.

В трубке с минуту молчали.

- О чем? - спросил, наконец, глухо и сухо.

- Мне нужна помощь...

- Так звони своему Алексу! - рыкнул парень и бросил трубку.

Все.

Ярослава сникла, закрыла глаз и выпустила телефон из рук. Он глухо брякнулся об пол и занял.

Девушка долго сидела в спустившейся в квартиру темноте, слушала его нытье и невидяще смотрела в ночь за окном.

Самоубийство это грех.

Самоубийство это слабость.

Самоубийство это трусость.

Простое решение самых сложных проблем и выход из тупиковых ситуаций. Ярослава это всегда понимала и в то же время отвергала.

Такое ли это простое решение, такие тяжелые и безвыходные ситуации подталкивают к подобному решению, и трусость ли лежит в основе столь серьезного и рокового шага?

Слабость ли проявляется в решении человека покинуть мир до срока?

С одной стороны бесспорно да, но с другой... Сможет ли слабый человек молча приготовится к уходу, сможет ли облачиться в новое и чистое совершая своеобразный ритуал подготовки и обдуманно ступить по ту сторону грани телесной жизни? Сколько сил нужно человеку, чтобы пилить себе вены далеко не острым лезвием? Крови нет, но есть боль. Дрожащая рука неумело, но упрямо водит лезвием по кожному покрову, калеча запястье, но нет того бесконечного, уносящего в небытие тихо, быстро и безболезненно, ручья, о котором словно в насмешку над самоубийцей часто можно услышать по телевидению или прочесть в газетках. До него нужно добраться через прочный кожный покров, жировой слой, мышечное мясо, преодолевая боль и сопротивление организма, который жаждет жить. Многие ли смогут это сделать, пилить себя по живому? Хватит ли слабому человеку на это сил и решимости?

Не стоит брать в расчет истериков, тех, что готовы протестовать вот таким незаметным способом против любого "косяка" в их сторону, как не стоит брать в расчет неврастеников-шантажистов, воистину слабых людей, не желающих смотреть правде в лицо, и принять себя не очень хорошим, не очень удачливым человеком, а жену, подругу, друга человеком равным, а не рабским. Одни кидаются на амбразуру самоубийства, как восходят на Голгофу, с мученической маской на лице и обязательно показав ее во всех ракурсах всем кому можно, нужно, не нужно и нельзя, объявив в "рупор" о своем негасимом желании покинуть не понявших, оскорбивших или задевших его. Для таких это не прощание с жизнью, а лицедейство, афиша, личная постановка с не профессиональными актерами, которые загоняются рукой доведенного их

"черствостью" режиссера до апокалипсиса нервной системы и психики.

"Милая мстя" стоящая порой жизни совсем не того, кто желал с ней расстаться.

Другие, искусно изображая жертву, как на струнах гитары играют на нервах декой угрозы залезть в петлю, исторгая нужные ноты из настоящей жертвы, надев на нее маску палача. И сыплются упреки и претензии, укрепляется чувство вины и зависимости, опутывается как муха паутиной, надуманной виной несчастная жертва. Сродняется с комплексами и страхами, и каков бы не был исход подобной интерлюдии в физическом плане, в моральном страдают две личности и умирают вместе, в связке, один накиннув "лассо" специально, другой, не подозревая о том, что его тянут в пропасть, увлекая на гиблую дорогу против воли. Он уже смирен виной и долгом, страхом, вечным обязательством пред тем, кто не желая умирать, кричит о смерти, но убивает не себя.

Речь не о них - о тех, кто потерялся в жизни, кто места не нашел себе, не видит смысла, запутался и сник, не видя выхода, не понимая к чему рожден на свет. Он чувствует себя ненужным, неуместным, но не сдается - борется, ищет, терпит, но словно бредет в темноте наугад по кругу, натывается на одну и ту же стену из года в год. И вот решает - хватит.

Он не кричит "помогите", не угрожает, не делится той тяжестью, что накопилась на душе с другим, не посвящает в планы. Он терпит раз и два и десять, но каждый раз желание уйти лишь крепнет. Наступает миг, когда сходятся все факторы и как плитой придавливают, отбирают силы на шаг следующий, оставляя только крупицу воли, чтобы закончить бег по кругу.

Видно сейчас пришло ее время записаться в самоубийцы, потому что сил осталось ровно на роковой шаг.

Она встала и пошла в ванную. Зажала нож в руке и не думая, полоснула лезвием по запястью левой руки. Боль, тонкая красноватая полоска и ничего.

Суздалева разозлилась и, вдавив острие в кожу, морщась от боли, повела им вниз. Ранка получилась чуть больше, боли тоже, но крови чуть. А вот решимости меньше и меньше.

Девушка собралась с духом и предприняла еще одну попытку, рванула сильнее по коже и вспорола ее. Края разошлись и, получилось какая-то несуразица, от которой боли больше, чем толку. Слава смотрела на рану, впервые узнав, что под кожей есть еще масса крепких покровов, и до вен добраться очень трудно, и не понимала как так? Ведь пишут "вскрыл вены" - как, чем? Почему у одних получается, у нее нет?

Впрочем, римские патриции вскрывали себе вены в ванне с горячей водой.

Девушка открыла кран с водой, сунула руку под поток и начала пилить по коже, пытаясь углубиться. От боли уши заложило, из горла невольно вырвался вой. Но кровь закапала, окрашивая ванну, воду в розовый цвет.

Ярослава вытащила руку, боясь смотреть на рваные края ран и села на ванну, ожидая финала. Но ничего что сказало бы о нем, не произошло. Кровь посочилась и перестала, свернулась, спеклась, оставляя саднящее пощипывание внутри под корочкой.

Девушка вовсе расстроилась - что за неумеха, что за неччехуха такая?! Даже вены вскрыть и то не может!

Осела на пол и заплакала от бессилия. На второй раунд суицидной попытки ее просто не хватит.

Вечером Лешинский решив избавиться от неприятного осадка на душе, взявшегося неизвестно откуда и непонятно по кому поводу, позвонил подружке Ирмы, не менее элитной, но столь же сговорчивой стервочке, чем та. За браслетик с изумрудами и поход на тусовку, она весь вечер ластилась к Алексу и ласкала самолюбие своим мурчанием. Вот только легче Лешинскому не становилось. Он все больше мрачнел, ворчал, колол насмешками, чувствуя, что не может ее больше слышать, не хочет и на йоту. Она терпела, ничем не выказав недовольства или осуждения.

Вроде радуйся, а он взорвался. Наговорил кучу гадостей и выгнал ее к чертям.

Ночью не спал, ворочался и гонял злобу с обидой, тревогу и нелепые страхи. И умилялся сам себе - эк его скрутило.

А из-за чего, собственно?!

Да пошла она!! - выкинул подушку с постели, как Ярославу из головы.

Но во сне девушка вернулась.

Глава 11

Трель будильника застала Ярославу в ванне, где она забылась ночью, убаюкивая руку и пытаясь справиться с отчаяньем. Девушка слушала привычную для утра трель и понимала, идти ей теперь не куда, потому что незачем. У нее осталось два дня, а потом за ее никчемность и бессилие будут расплачиваться подруги. Она не может тратить драгоценное время на учебу, болтовню, завтрак, поездку в транспорте. Нет у нее теперь лишнего времени, нет лишней минуты для себя, потому что платить за это будут другие.

И горько усмехнулась - сбылись слова гадалки - она, наконец, поняла, чего стоит время, поняла как важно в жизни каждая минута, которую так бездумно тратят на всякую ерунду.

Девушка умылась, прошла в кухню и, поставив чайник, достала из "заначки" последнюю пачку сигарет, что уже месяца три пылилась на кухонном шкафу вот на такой "пожарный" случай. Закурила и уставилась в окно, морщась от боли в руке.

"Надо бы перевязать", - мелькнуло в голове и угасло. Взгляд выхватил стайку курсантов - милиционеров, что шагали через двор. То ли слет у них где-то рядом, то ли дело - не это было важно. Она смотрела на их лица, фигуры - неодинаковые, несмотря на одинаковую форму одежды, и подумала, что они все вроде бы похожи и все же абсолютно разные, как люди в толпе - масса однородная, но состоит из разных индивидуальностей. Вроде общий поток, все же состоит из единиц. И что в толпе полно проходимцев, уродцев, добряков, умниц, так и в милиции люди разные, а значит разные следователи, разный подход к обратившимся за помощью. Одни отправят восвояси, а другие посоветуют, третьи прислушаются, помогут.

Решение созрело само. Суздалева поискала бинт, перевязала неуклюже руку, натянула футболку с длинным рукавом, сунула визитку

Лешинского в сумочку, и, накинув куртку, ринулась из дома на поиски местного отделения милиции.

Путь вышел кривой и кривой. Прохожие видимо привыкли надеяться на себя и, не могли толком сказать где находится отделение, есть ли такое вообще и отправляли ее то налево, то направо. Время шло, а толку не было. Наконец ближе к десяти утра, Ярослава нашла злосчастное отделение и вломилась внутрь. Привязалась к дежурному с просьбой отправить ее к самому доброму и внимательному следователю, потому что у нее очень срочное и важное дело. Дежурный попался сговорчивый: помялся, поулыбался и направил ее в двенадцатый кабинет, к Сечкину Валентину Петровичу, заверив, что тот мужик мировой.

Алекс встал ни свет ни заря. Сидел за столом и, размешивая сахар в чае, брякал ложкой о края чашки, пытаясь в монотонности звука найти здравую мысль и прийти в себя. Но мысли вновь и вновь уходили в сторону девушки.

Он кинул ложку на стол и бросил парню из охраны:
- Позови Штольца.

Тот явился чуть помятым - видно с постели поднялся, замер напротив шефа в ожидании указаний.

- Что она делает? - спросил.

Адам растерялся, долго молчал, не зная, что сказать и признался:

- Не знаю.

- Так узнай! - рявкнул Леший, и добавил спокойнее. - Достань ее документы и привези сюда.

- Хорошо.

- Поторопись.

- Понял, - кивнул робея. Вышел из столовой и ринулся поднимать спящих служащих.

Ярослава постояла у дверей с номером двенадцать и табличкой с данными хозяина кабинета, собралась с духом и постучала.

- Да! - рыкнуло неласково.

Но она все равно не отступила - протиснулась в кабинет и замерла на пороге. В помещении было двое мужчин. Один, средних лет, сутулый и долговязый, сидел за столом у окна, нещадно дымил папиросой и яростно бил по клавишам леп-топа. Второй, помоложе, сидел слева у стены за столом и, что-то писал. Глянул вскользь на не прошенную посетительницу, спросил равнодушно:

- Вы к кому?

- Мне нужен Сечкин Валентин Петрович, - встала перед столом мужчины, решив, что это он и есть.

- Очень нужен? - хмыкнул тот, что курил. - Ну, проходите, садитесь, - указал на стул возле своего стола.

Ярослава немного растерялась, но лишь на секунду. Выбора у нее все равно не было, поэтому личное пристрастие роли не играло. Она села у стола следователя и задумалась: с чего же начать?

Мужчина, затушил окуроч, брякнул сложенными в замок руками о стол и качнулся к девушке, напоминая, что у него, в отличие от нее, время нормировано, а ждать он в принципе не привык, и вообще, никого не приглашал на аудиенцию:

- Слушаю!

- Понимаете, - потянула, потирая пальцем царапинку на столе. - Меня преследуют.

- Так.

- Склоняют к сожигательству, - высказалась, давась словом.

- Угу?

Второй мужчина оторвал взгляд от бумаг и окинул девушку оценивающим взглядом. Нашел видимо не стоящей внимания, плечами передернул и опять в протокол уткнулся.

- Ну и? - достал новую сигарету Сечкин.

- Что "и"? Вот и пришла за помощью.

- Угу? - подкурил, махнул спичкой, туша огонек. - Так, девушка, дорогая, это к участковому вам надо.

Ярослава сжала зубы: начинается! Сейчас ее пошлют к участковому, тот к еще одному участковому, третий к следователю, четвертый куда подальше. Так пройдет день и толку не будет.

Нет у нее возможности и нет времени с законом системы соглашаться. Прошли те дни, когда она безропотно сносила "пинг-понг" по кабинетам. Поэтому смирив злость и робость и твердо попросила:

- Я прошу помощи у вас, как у мужчины. Понимаете? - уставилась ему в глаза, умоляя. -

Мне некому помочь.

Валентин Петрович нахмурился, задумался, и, вздохнув, сдался:

- Ладно, - полез в стол за бумагой. Хлопнул лист и ручку перед девушкой. - Пишите заявление и все подробности без прикрас: кто, когда, каким образом.

- То есть?

- Каким образом домогается, склоняет. Пристает там, угрожает, письма пишет, звонит. Как? - брови выгнул.

- А! Поняла.

- Кто хоть пристаёт: сосед, начальник? - поинтересовался второй следователь.

- Нет, знакомый.

- Ха! - отвернулся тот.

- То есть "знакомый"? - спросил Сечкин.

- Понимаете, мою подругу украли... там изнасилование было, следствие ведётся...

Мужчины дружно воззрились на нее.

- Так вот как раз в те дни я и познакомилась с Лешинским. Он показался очень... интеллигентным. Я в шоке была из-за подруги, он психологом представился. Помог. Я думала, это просто дружба...

Молодой усмехнулся.

- ... а оказалось... кошмар оказался. У него запись с тем, что с

Ларисой творили есть.

- Сами видели? - поинтересовался Сечкин. Молодой же от любопытства бумаги свои бросил к окну подошел, закурил на девушку уже с вниманием поглядывая.

- Видела. Он меня к себе привез...

- Зачем поехала-то? Не боялась?

- Я не думала о нем плохо. Ну, навязчив - да. Ему "до свидания", он "здравствуй", но ведь это не повод его к извращенцам причислять?

Не хам, не пошляк, руки не распускал. И потом сказал, предложение деловое есть. Я плохого и не подумала.

Смолкла.

- Ну? - поторопил Сечкин.

- Предложение сделал?

Девушка кивнула:

- Какое?

- Содержанкой его стать, - выдала глухо: стыдно до одури в таком признаваться посторонним.

- Ясно, - переглянулись. - Чем закончилось?

- Ничем. Показал запись где... с Ларисой... Сказал: не приду, моих подруг так же будут. Дал три дня на раздумья, осталось два.

- Ничего сюжетик, - присвистнул молодой. Сечкин шею потер, за третью сигаретку взялся.

- Адресок этого умника пишите, - кивнул на листок.

- У меня его визитка есть!

- Давайте, - обрадовался Валентин Петрович.

- Много хоть обещал за сожителство? - полюбопытствовал молодой, пока Ярослава визитку в сумке искала.

- Пятьсот.
- Рублей?
- Тысяч. Евро, - буркнула.

Мужчины переглянулись, не веря. Молодой пристальней девушку оглядел, чуть не в сапожки к ней заглядывая, но дельного все едино ничего не нашел, и присвистнул с намеком Петровичу: смотри, как бы клиентка из "дурки" не оказалась.

- Сколько? Еще раз, пожалуйста? - попросил Сечкин: может ослышались или девушка оговорилась? Суздалева визитку как раз нашла и порадовалась:

- Пятьсот тысяч евро, - повторила, хлопнув на стол перед мужчиной кусок картона.

Валентин Петрович с минуту Ярославу рассматривал, как разгадывал.

Взял визитку к свету поднес, прочитал, на девушку покосился и вздохнул тяжело, не глядя товарищу картонку передав.

- Н-даа, - потер ладони, запечалившись. - Знаете что... как вас?

- Ярослава Суздалева.

- Ага. Вот что, гражданка Суздалева, все это...

- Тьфу ты! - выдал молодой, ознакомившись с визиткой, кинул ее на стол и пошел на свое место, потеряв интерес.

Ярослава ничего не поняла, посмотрела на него удивленно, на

Сечкина уставилась. У того лицо как яблоко печеное сморщилось:

- Печально, конечно. Поверьте, я очень сочувствую вам, но... - потянул лист из-под ее руки, что сам же выдал. - Помочь ничем не могу.

- Испугались? - поняла по-своему его отказ девушка. Взгляд обвиняющим стал.

- Нет, - заверил проникновенно, глядя на нее ласково, как на больную. - Просто вам к другим специалистам надо. Я понимаю желание выделиться, понимаю желание по-легкому деньжат срубить, но милка вы моя дорогая, надо ж головой малость соображать, что вы делаете и что из этого выйдет.

- Вы о чем? Вы мне не верите?

- Верим! - кивнул молодой, всем видом показывая обратное. И по стопке бумаг слева от себя хлопнул ладонью. - У меня тут, таких как вы потерпевших, вон сколько. Одну Зверев изнасиловал, другой

Деребаско каждый день звонит, терроризирует, третьей сам Черномырдин фугас под кровать заложил... Вы б шли, а? - скривился умоляюще. - Пока по шее не получили.

- Но я правду говорю.

- Верим! - встал Сечкин, подняться ей помог и повел почти обнимая из кабинета. - Я вам совет дам, по-дружески, по-мужски.

Идите вы сейчас прямиком в больничку, запишитесь на прием...

- А мы были! - вспомнила. - С ним и были! В пятом травмункте!

Вы спросите, они подтвердят!

- С Лешинским были?

- Да!

- В пятой?

- Да!

- Замечательно! По поводу?

- Я головой ударилась, - и сникла, увидев во взгляде мужчину нескрываемую издевку.

- Понимаю. Сочувствую. Так может, подлечитесь, потом к нам.

- У вас после травмы галлюцинации, фантазии обострились видать,

- выдал с презрением молодой.

Сечкин открыл дверь перед девушкой и заботливо подтолкнул посетительницу в коридор:

- О здоровье заботиться надо. Не хворайте. Всех благ, - и бухнул дверью перед носом.

Ярослава чувствовала себя клоунессой, облитой грязью. Ее опять оставили один на один с жизненноважной проблемой. Понимание, что помощи ждать не от кого, сил не прибавило.

Она постояла, набираясь терпения, толкнула дверь в кабинет, и без слов забрав визитку со стола Сечкина, пошла на улицу, не взглянув на милиционеров. Ее разочарование в правоохранительных органах стало обширным и глубоким. А презрение - безразмерным.

Она шла, не зная куда и все силилась, что-нибудь придумать.

- Александр Адамович? - постучав, заглянул в кабинет Лешинского Штольц. Тот оторвался от бумаг, кивнул - пройди.

- Паспорт, - положил перед ним книжечку.

- Почему один?

- Загран не нашли. Возможно, его совсем нет.

- Так узнай точнее. Нет - сделай. Где она, узнал?

- В седьмом отделении милиции.

- Где? - Алекс подумал, что ослышался.

- В седьмом отделении милиции.

- Тааак, - откинулся к спинке кресла. - Сюрприз-ииз. Интересно, что она там делает?

- Сидит у следователя.

- Угу, - Алекс покрутился в кресле, обдумывая столь неожиданную новость и, хохотнул.

- Я очарован! Кому еще могла прийти в голову подобная мысль? Милиция! Бог мой, как все запущенно!... Идите, Адам, и узнайте там, по возможности, сильно ли смеялся следователь.

- Понял.

- Машину приготовь, через час мне нужно быть в Слободке.

- Уже, Александр Адамович. Карельский отзвонился - вас уже ждут.

- Хорошо. Иди.

Мужчина ушел, а Алекс все улыбался, смакуя новость.

Нет, Ярослава решительно эталон наивности. Пришло же в голову!

Настроение Лешего немного поднялось, и он с большим рвением углубился в работу.

Однако меж строк документов ему то и дело мерещился образ глупой девчонки.

Муха запуталась в паутине, но так и не поняла этого.

И встал: ладно. Сегодня дела - завтра забавы.

Сгреб просмотренные договора и двинулся на выход.

Ярослава бродила по улицам, надеясь что-нибудь придумать. Ей до слез было жаль убегающих безвозвратно минут, себя, девочек, жизнь, что канула так быстро и бездарно.

Ей звонили подруги, видимо испугавшись, что она пропала, как Инна и Лариса, но она не брала трубку. Ей нечего было сказать им - слезы душили.

День постепенно клонился к закату, а она так ничего и не придумала. Ей до коликов не хотелось становиться содержанкой и год потратить на усладу Лешего, которого

возненавидела всеми фибрами души. Целый год видеть его рожу, год жить как на вулкане, переживая за подруг, потерять год учебы, себя, окружение, привычный круг и оказаться в лапах маньяка, превратиться из студентки в игрушку - даже думать об этом было невыносимо!

Но оставить все как есть, "просто жить", как сказал Леший и знать точно, что подруг, как Ларису отдадут группе извращенцев или продадут как Инну - она тоже не сможет. Лучше не жить, чем жить с этим.

Ноги принесли ее к больнице, где все еще лежала Лариса. Часа два

Ярослава провела с ней, мысленно прощаясь и извиняясь. Лысова была не в себе - говорила мало, невпопад, то про Диму, то про яблоки, и большую часть времени сидела, смотря в одну точку.

Глядя на нее, Ярослава поняла лишь одно - лучше она сама достанется этому уроду, умрет, но ни одна из ее подруг не превратится в существо с безжизненным взглядом и восковым лицом.

Она пришла к дому, когда уже темнело. Увидела у подъезда Костю и села рядом.

- Что, умаяли науки девочку? - улыбнулся он хитро и озадачился, получив в ответ тусклый взгляд вместо привычного жизнерадостного. - Чего квелая?

- Курить есть?

Парень подал, помог прикурить, поглядывая в отсвете огонька зажигалки в лицо девушки.

- Не нравишься ты мне, мать.

- Я сама себе не нравлюсь, - заверила равнодушно. - А скажи мне, Костя, если бы твоим друзьям серьезно угрожали, чтобы ты сделал?

- Убил бы нафиг, - слетело с губ легко.

Ярослава покосилась на него и чуть приободрилась: а ведь это мысль! Надо убить Лешинского и тем спасти девочек, отомстить за

Ларису и Инну. А если не получится - ее убьют охранники Лешего, совершив то, что она сама сделать не смогла.

- Как бы убил? - пристала к Косте, чем обеспокоила его.

- Странная ты сегодня, на себя непохожая.

- Проблемы у меня. Так как убил бы?

- Да чего пристала?! Пошутил я. Нельзя никого убивать, проблем это не решает.

- Решает.

- Не-а. Только хуже будет.

- Мне уже нет.

- Ты из-за Гришки, что ли? Помирись, ерундой не занимайся.

Ярослава, обдумывая как лучше и чем вернее убить Алекса, поймала себя на мысли что дошла до точки, свихнулась. Разве могла она когда-нибудь представить, что всерьез и совершенно спокойно будет думать об убийстве?

И улыбнулась: смешно. Когда-то она еще и о морали думала, жалость имела, мечты, надежды. Только что теперь по ним страдать - канули, как снег прошлогодний. Не беда. Ерунда все. Только бы реквием спеть

Лешему - тогда действительно ерунда, потому что не зря выйдет она жила - хоть одно хорошее дело совершить смогла.

- Костя, у тебя оружие есть?
- Зачем? У меня руки есть и голова на плечах.
- А если полезут?
- Еще ноги подключу и друзей.
- Друзья - это хорошо. А если нет?
- Лезет кто-то, что ли? Покажи - потолкуем.
- Самой надо. Не хочу никого впутывать. Не тот случай.
- Тогда пугни.
- Нечем.
- Нож, Господи, что взять трудно? Оскал. Рожу пострашнее и "ааа"
- ату!
- Мимо.
- Ну-у... Пугач купи. Оружейный магазин на проспекте. Дешево, сердито, неопасно.

Потом пригодится, по темноте вон, ходить.

- Что за пугач?
- Обычный, резиновые пули. Удар ощутим, но не смертелен. То, что надо.
- А убить им можно?
- Если ты Робин Гуд и сможешь попасть в глаз. Чей-то кровожадная ты какая-то, - покосился на нее.

- Сколько оружие стоит?

- Смотря какое. Хорошее - не потянешь, да и не дадут сразу, а фигня в районе трех тысяч.

- А не фигня?

- Ты не снайперскую винтовку покупать собралась? - хохотнул. - Представляю, как тебя с ней занесет.

- Тяжелая?

- Ха!... Всякие есть. Но силу по-любому надо иметь. Слушай, о чем мы с тобой болтаем?

- дошло. - Обалдеть! Сижу с симпатичной девчонкой на лавке и обсуждаю оружие!

- Извини, про тряпки, выпивку и рок-группы, мне сегодня недосуг болтать, - набрала номер Светы. - Пока, Костя, спасибо.

Девушка пошла обратно к остановке, слушая гудки в трубке. Наконец их сменило злое:

- Ну, знаешь, Суздалева! Так ведь последние нервы на свалку отправятся! Ты бы совесть имела, если загуляла! Нам бы сказала, трубку бы хоть взяла!...

- Извини. Мне нужны деньги.

Свет помолчала.

- Нет, ну ничего себе! Мы ее уже... а она!... - и как очнулась

- дошло. - Много?

- Пять тысяч, минимум.

- Зачем?

- Надо.

- Это не пять копеек.

- Знаю, но очень надо. Дашь?

- Что-то мне здесь не нравится, - протянула притихшая Светлана.

- Мне тоже. Но проверь - все это полная ерунда... Я еду к тебе.

Мне нужны деньги сейчас. Я знаю, у тебя есть.

- Ой, Славка, что-то ты темнишь, что-то голос у тебя чужой.
- Плевать. Через час я буду у тебя. Речь о жизни и смерти.
- Нееет, так дело не пойдет. Давай-ка ты возьмешь такси, я тебя встречу и расплачусь.
- Хорошо.

Через полчаса Ярослава вышла из такси у подъезда Гнездевич. Та расплатилась с водителем и, силком затащил подругу в квартиру, заставила выпить чай и съесть бутерброд, а потом постановила:

- Рассказывай.
- Нечего. Не пытай Свет.
- Просто деньги дай, да?
- Не сердись. И еще, я вернуть не смогу скорей всего. Извини.

Девушка задумчиво оглядела подругу:

- Вид у тебя тусклый, смотреть жутко. Неужели словам гадалки поверила? Из-за нее все?

- Нет.
- Из-за чего? Из-за Александра?

Ярославу невольно перекосило от одного имени мужчины, что не укрылось от подруги:

- Он сделал тебе что-нибудь?

Девушка вскочила, чтобы удержаться от слез и истерики:

- Не спрашивай, я прошу тебя!
- Все, все, - испугалась та. - Сейчас деньги принесу. Ой, девочки, это что за осень такая, аномальная?

Пока ходила, Суздалева уже в коридоре одетая стояла.

- Ты будто сбегаешь, - вздохнула Света, подавая ей пять бумажек номиналом в тысячу каждая. - Потом хоть скажешь, что произошло?

Слава сунула деньги поглубже в карман куртки, посмотрела на подругу и вдруг обняла:

- Не ходите по одной, пожалуйста.
- Чего ты? - отдвинулась та.
- Так, - носом шмыгнула. - Прости, если что.

- Да ладно. В институт завтра не опаздывай, Воропаев засек тебя сегодня - отрабатывать замучаешься, еще раз занятия пропустишь.

Девушка грустно улыбнулась: как странно это звучит - как из прошлой, чужой жизни.

- Не приду я, Света. Кончилась моя история.

Открыла дверь и ушла.

Света долго стояла в коридоре, обдумывая слова подруги, ее вид, поведение, и, понимая, что Славе нужна помощь, пошла устраивать

"совет в Филях" - звонить Любе и Марине.

Она ехала домой, смотрела в окно маршрутки и будто впервые видела город, впервые воспринимала всерьез огни, пробки, губящий спешащий транспорт, пытающийся чуть не партизанскими тропами пробраться к нужному месту, стайки молодежи, в которых она еще вчера вот так же беззаботно смеялась, пила "фанту", курила, прикалывалась. Сегодня она как будто постарела на полсотни лет и могла лишь с грустью смотреть на то, что было, но никогда не вернется.

Она вылезла из машины за пять остановок от дома, решив пройтись и надышаться стылым воздухом, в котором уже чувствовалось приближение зимы. Ее она уже не дождется. И было так жаль даже этой незаметной раньше мелочи, что глаза немилосердно щипало.

Если б можно было заснуть и во сне вернуться назад, на месяц, на полмесяца - сколько бы она успела, сколько бы могла изменить? Она бы иначе прожила эти дни, иначе вела себя с подругами, Гришей, иначе тратила время. Да все было бы по-другому!...

Как жаль, что осознание приходит лишь за час до расплаты.

Глава 12

Она не спала - жалко было время на это тратить. Навела порядок в квартире, чтобы после отец не стыдился своей неряхи дочери. Сложил все вещи. Приготовила новые брючки и кофту, чтобы по старому обычаю, как самураев, так и русских витязей, умереть в чистом.

В семь утра встала под душ, искупалась и попыталась сделать себе перевязку. Рука тревожила ее все больше, хоть Ярослава старательно отмахивалась от боли - не до этого. Переоделась, посидела с чашкой чая за столом, прощаясь с уютной кухней. Ровно в восемь вышла из квартиры. Закрыла дверь, погладила ее, извиняясь, что часто хлопала без нужды. Спустилась вниз и долго простояла напротив почтового ящика, не желая расставаться с ключами. Это была последняя возможность, что-то изменить, последние минуты, что могли еще что-то решить. Стоило оставить ключи, как возможность вернуться обратно, стоило позвонить отцу, подругам, рассказать им...

Ярослава тряхнула волосами и кинула связку в почтовый ящик.

Возврата не может быть.

Она уже была в милиции - тот же эффект будет, даже если она расскажет близким, что произошло и они пойдут все вместе. Ничего не изменится, никто не спасется. Только больнее будет всем.

Не стоит делиться горем - делиться надо счастьем.

Девушка вышла на улицу, оглядела двор и посмотрела в небо, серое от туч и все же прекрасное, как никогда.

Прощай.

Каблучки сапожек застучали по асфальту. Путь Ярославы лежал в оружейные магазины, на рынки.

Алекс приехал с деловых встреч очень поздно, а встал рано.

"Сегодня" - само пришло во сне и подняло, как громыхание грозы над ухом.

Прошел в ванную настроил воду в душевой и встал перед зеркалом во всю стену, придирчиво разглядывая себя.

"Сегодня", - подумал опять и, улыбка сама проявилась на лице.

Развязал пояс халата, откинул его в кресло и оглядел свою фигуру.

"Сегодня", - напомнила плоть.

- Да, сегодня, - заверил свое отражение. И представил, что рядом с ним стоит нагая Ярослава, прикрывая своей изумительной фигуркой корявости его телосложения. В том, воображаемом зеркале он себе очень понравился.

Леший ослепительно улыбнулся себе, включил Шопена и встал под душ.

Ей не везло, часы бежали, а настоящее стрелковое оружие она купить не могла. Стоило оно больше, чем она имела в год переводами от родителей, да еще продавалось по лицензиям.

"Мухобойки", как называли продавцы, оружие самозащиты с резиновыми пульками, тоже было недосыгаемо для нее - оно продавались после заполнения кучи документов или со справкой из милиции. В нескольких магазинах травматическое оружие выдавалось без этой бюрократии, но стоило в два раза больше, чем было у Ярославы.

"Воздушки" же - газовые пистолеты, что можно было взять сразу и недорого, ее абсолютно не устраивали. Она пока понятия не имела о том, как вообще пронесет оружие на территорию дома Алекса, но если уж рисковать, то по-крупному - другого выхода у нее просто не было.

В этом случае "воздушки" ни на что не годились. Она не пугать собиралась, а убивать.

Один шустрый мальчик - продавец осторожно намекнул ей, что есть

"черный" рынок и если ее интерес серьезен, то лучше сходить туда.

Выпытав адрес, Слава двинулась по нему и к трем часам дня, наконец, стала обладательницей "мухобойки" с полной обоймой, что обошлось ей в почти всю имеющуюся в наличии сумму. Осталась мелочь - впритык на сигареты и проезд в один конец - до поворота к особняку "Дракулы" -

Лешего.

Она восприняла это как дополнительное подтверждение - обратной дороги у нее нет.

Леший ждал.

Бродил по дому, выглядывая в окна и дергая Штольца, садился за документы, чтобы убить время, и опять начинал бесцельно бродить от окна к окну. К обеду потерял терпение и аппетит. Заперся в кабинете и заставил себя успокоиться, заняться делами.

Ярослава вышла на остановке перед поворотом к лесу и дому

Лешинского.

Посидела на скамейке, покурила, обдумывая, куда спрятать пистолет. Сунула его за пояс брюк под футболку и, глубоко вздохнув, двинулась к пункту назначения, по дороге настраивая себя, что стрелять нужно только в голову, выпустить всю обойму и тогда Леший умрет. Как она это сделает, учитывая, что впервые вообще пистолет в руки взяла - понятия не имела, но точно знала - должна, а значит, сможет, сделает.

И бубнила упорно "в голову, только в голову".

В этом аутотренинге терялись мысли о возможных последствиях в случае неудачи. Это было самое болезненное для нее, самое подлое, что можно представить, и даже слабый намек на эту тему лишал ее сил, уверенности. Шаги начинали гложуть, вязнуть, будто она шла не по трассе, а по болоту, и хотелось развернуться и бежать, уехать, куда глаза глядят.

Она даже обернулась, мечтая это сделать, но заставила себя прогнать предательскую мысль и шагать дальше. На Ярославе, как на крючке висели три жизни, и она не имела права быть слабой, не могла, спасая себя, подставить подруг. Где бы она не жила, убежав - она бы всю равно не жила после этого.

Девушка прошла шлагбаум, покосившись на охранников, что проводили взглядами, но на странность - не остановили, не окрикнули.

У начала забора проклятого дома, она закурила, понимая, что возможно это последняя сигаретка, и впервые ощутила, насколько противен вкус табака, омерзителен дым. Откинула не сожалея, как прошлую жизнь и вдохнула запах осени, леса, пожухлой травы. Вот она истинная прелесть - чистый воздух и запах засыпающей природы.

Но стой - не стой, а идти надо - время уже шестой час вечера.

Леший смотрел в документы, а видел меньше, чем смотрел бы в неработающий телевизор. Взгляд то и дело ускользал в сторону часов.

Стрелки почти не шевелились, ничего не менялось - тишина и покой.

Склеп! - с треском захлопнул папку с документами по заводу

Расмуса и со злостью кинул ее в стену. Не долетела. Плюхнулась посередине кабинета на ковровое покрытие.

Тьфу!

И где Ярослава? А нет ее! Начхала на все угрозы и предложения.

Урод он для нее! Квазимодо! На себя бы посмотрела, uroda!

Леший начал обдумывать жесткий план мести, чувствуя, что внутри все кипит от злости и обиды. И плюнь - ну, кто она такая? А нет!

Никто от него не уходил, она тем более не уйдет. Он ее силой возьмет, а потом мальчишкам отдаст, на поводок, на шкуру и к камину, вместо Барона!...

Но не могла же она сорваться с его "крючка"? Какой там крючок - якорь!...

Неужели Леший настолько ей противен?

Мужчина передернулся и глубоко вздохнул, вспомнив поцелуй. Она не сопротивилась, ей явно нравилось. Нет, он загнал ее в угол, вот она чисто по-женски и защищается - норовит оскорбить, обозвать, унижить.

Упрямится, упирается всеми четырьмя конечностями, еще и пятую подключает - голову. Женский менталитет, черт его дери!

Нет, дело не в нем. Он не урод для нее. Она придет.

Придет! Он еще не просчитывался. Правда, она слишком непонятна и непредсказуема - таких сложно просчитывать. Но в каждой прелести есть свои "мины". Это нормально.

Главное чтобы пришла - здесь уж он ее "сучки - задоринки" обломает. А не придет...

Лешинский нажал кнопку связи:

- Штольц?

- Да, Александр Адамович.

- Если к шести ее не будет - привезешь.

- Понял.

Алекс отключил связь и подошел к окну: что она ему? И признался себе - жизнь в ней,

все ее многообразия от комедии до трагедии, от смерти до воскрешения. Она будто самой кожей чувствует, впитывает и передает. За один час общения с ней можно понять и получить больше, чем за год развлечений и приключений.

Щелкнула кнопка связи:

- Александр Адамович, она у ворот.

У Лешего в горле пересохло - сработало! Он даже качнулся - от вести резко схлынули все тревоги, а кровь на миг замерла в жилах.

- Пропусти и проводи, - приказал глухо. Отключил и открыл леп-топ, скинул приготовленный контракт на принтер, радуясь, что оказался прав в который раз, не стал заранее документ готовить, до последней минуты отложил, чтобы время было успокоиться, не торопиться, не бежать, как щенку навстречу.

Принтер выплюнул документ, бумаги ушли в папочку.

Ярославу потряхивало. Дрожь внутри началась, когда начался забор дома Лешинского, и усиливалась с каждым шагом. К воротам девушка подошла, слабо что-то соображая от нервозности, страха и глубинного чувства паники, что никак не подавлялось усмирению, ширилось и топило разум.

Охрана в воротах пропустила ее сразу, ничего не спросив, не обыскав. Но даже этот факт ее не порадовал - она увидела Штольца, что вылез из машины, широко распахнул дверцу на заднее сиденье.

Девушка подумала, что сейчас появиться Леший, пора стрелять в него и умирать.

Ярославу мотнуло, дернуло как припадочную, рука к поясу брюк пошла, но тут Адам сказал:

- Садитесь.

Девушка отпрянула и чуть не рухнула. Мужчина подозрительно оглядел ее, заметил странный жест и нервозность, но, не имея приказ хозяина, обыскивать не посмел. Помог сесть ей в машину, захлопнул дверцу. Машина двинулась к дому, а Штолец предупредив охрану, чтобы были начеку, позвонил Лешему.

- Она явно не пустая.

Неожиданность.

Алекс в задумчивости отстукал по столу пальцами: ничего себе простая российская студенточка. Сюрприз за сюрпризом.

Ай, да, Ярослава, ай, да он.

Нравятся те же игры, что и ему?

"Что ж, потягаемся".

- Пропусти и не лезь, - приказал.

- Понял. Но возможна опасность.

- Не трогай, сказал. Что она может прятать?

- Оружие.

- Ясно не бублик. Только где бы ей пистолет взять?

- Она была на рынке.

Леший помолчал: неужели она решил его убить? Вздор!

За что? За "манну небесную", что он ей предложил? За нее не убивают, за нее боготворят. Но видно не Ярослава.

Н-дааа, девочка - сюрприз.

- Пропусти. Она все равно не умеет стрелять.

- Понял, - протянул Штольц и отключил связь.

Алекс постоял, обдумывая услышанное и улыбнулся: ай, молодец! Он знал, что с ней не будет скучно. Зачем ему теперь драйв, походы за новизной и адреналином? Все это теперь у него на дому будет жить целый год.

Мужчина мысленно поздравил себя с еще одной победой и ценным приобретением, и не спеша, спокойно и даже чуть лениво, пошел из кабинета.

Ярослава зашла в дом и огляделась - никого. Откинула сумку - теперь она не нужна. Куртку туда же - в сторону, чтоб не мешалась.

Руку на пояс, так чтобы было удобно выхватывать пистолет. Теперь вперед.

Прошла, трясясь от возбуждения в круглую комнату, завертелась - где он?

Алекс появился из арки и, Ярослава попыталась выхватить пистолет.

В кино у всех героев это получалось виртуозно, а здесь никакого мастерства - она запуталась в подоле толстовки, не сразу смогла взять оружие, вытащить его. За это время Алекс успел спуститься по лестнице. Встал на последней ступени, папкой упираясь в перила и с насмешкой смотрел на девушку, что выставила пистолет и тряслась вместе с ним как в приступе Паркинсона.

Выглянувшие из дверей за ее спиной охранники могли спокойно разоружить "Никиту", но Леший чуть заметно качнул головой: нет. И те остались стоять, где стояли.

Оружие ходило ходуном и грозило выпасть из рук. Ярослава еле удерживала его и пыталась сквозь неизвестно откуда взявшуюся плену перед глазами сфокусироваться на лице Алекса, прицелиться. Мужчина шагнул к ней и, она нажала на курок. От отдачи ее чуть откинуло и занесло влево, а Лешему хоть бы что - идет к ней медленно, лениво и хоть бы дрогнул - спокоен абсолютно. Он не боится, - поняла девушка и перепугалась окончательно сама. Начала палить в панике, пытаясь остановить мужчину. Пули вылетали, но отчего-то ни одна не попал в цель.

Алекс остановился в паре метров от нее и усмехнулся:

- Плохо тренировалась? Или думала, что убить в реальности так же просто, как в воображении?

Ярослава жала на курок и еще не понимала, что обойма пуста, подумала, что-то заело.

Клац, клац, клац.

- Новую обойму принести? - выгнул бровь Алекс.

И тут девушка сообразила - конец. Она столько сделала, потратила, нервов, сил положила... и опять ничего не смогла. Она "никчемуха" - правильно мама говорила.

Никчемуха, - осела на пол на колени и свесила голову. Почему ее не застрелили, ведь она напала, охранники должны были!...

Она проиграла даже в этом.

Охранник подошел к ней и без труда забрал пистолет, показал хозяину. Леший только хмыкнул и спросил у Ярославы:

- Почему не с рогаткой?

Девушка подняла голову, посмотрела на него снизу вверх и поняла, что уже не уйдет отсюда, что достанется ему. Зря бегала, зря мечтала его победить.

На пол у колен девушки шлепнулась папка:

- Ручка внутри.

Суздалева тупо смотрела на коричневую кожу и не могла найти в себе силы взять, подписать свою добровольную сдачу в рабство монстру. Но выхода не было - это было единственное, что могло спасти подруг, единственное, что она могла сделать для них. "Каждый сам за себя, сам за себя!" - пискнуло внутри и, Ярослава взяла папку назло подленькой мысли. Поздно.

Листы бумаги, буквы, слова сливающиеся в одну строчки, из которых она не смогла прочесть ни одной, корявый, нервный росчерк на одном листе, на втором, третьем.

Вот и все.

Ручка выпала и покатилась.

Девушка закрыла папку и посмотрела на Алекса. На его лице ни одна мышца не дрогнула, взгляд безмятежен.

Леший ждал. Леший знал. Он сплел свою паутину и загнал ее в нее.

И теперь она его? И будет безропотной рабыней?...

Сейчас!

Ярослава поднялась с пола, сжимая покрепче папку и, въехала ею по физиономии мужчины. Леший успел отклониться, хоть удар был нанесен неожиданно. Но по щеке все же вжикнуло, вскрывая кожу острыми уголками папки. Та отлетела в сторону, не удержавшись в руках девушки, а на коже мужчины выступила кровь.

Алекс опешил на секунду и, сообразив, что его поранили, что теперь он будет ходить с царапиной, взвился. Схватил Ярославу, впечатал в стену и распял за руки, прижав их с силой над ее головой.

Он бы взял ее сейчас, прямо здесь, сорвав одежду и проучив, но Ярослава ослепнув от боли закричала, как раненный зверек, забилась и Лешинский испуганно отпрянул.

Девушка осела на пол, хватая ртом воздух и прижимая левую руку к себе. Стало ясно, что у нее что-то с предплечьем, запястьем и вряд ли Алекс повредил его. Поранилась сама?

- Бог мой, как же ты живешь? - вздохнул, потеряв злость. - Идем, - кивнул.

Но Ярослава не могла встать - сил не было.

Он понял, поднял ее и, обнимая, повел куда-то. Она не видела дороги, не соображала. В голове шумело от пустоты, звенело в ушах, перед глазами плавали круги и звездочки. Напряжение предыдущих дней схлынуло, стресс придавил ее, превратил в зомби. Последнее, что она запомнила - мраморная ступенька и край мужской домашней туфли.

Алекс был в шоке.

Он не ожидал, что она будет стрелять в него. Одно грозить, другое

- стрелять, неважно из какого оружия, неважно какими пулями. Факт в том, что для этого нужны определенные качества, серьезный стимул. И он у нее нашелся - ненависть к нему. А почему, за что? За прямое и весьма выгодное, даже лестное предложение содержать ее! За то, что он хотел изменить ее жизнь, превратить серую мышку в ослепительного белого лебедя!

С этим еще можно было как-то свыкнуться, зная неадекватность мировосприятия Ярославы, найти какой - никакой аргумент, если б не еще один факт, совершенно неожиданный, не укладывающийся в голове при любых аргументах - она пыталась покончить с собой.

Это невозможно было понять, невозможно принять, это выходила за все мыслимые границы.

Это как надо было его ненавидеть? Как относиться, каким уродом считать, если она предпочла умереть, но не стать его содержанкой?

Что мнить о себе? Какими категориями мыслить, если между сытой и безмятежной жизнью с ним и смертью, выбрать последнее?!

До какой степени нужно ненавидеть, презирать его, чтобы лишать жизни себя?

Лучше в гроб, чем под него? Лучше на кладбище, чем на веселые рауты и в бутики?

Он был обижен, он был унижен, оскорблен без слов. Никогда он испытывал подобного пренебрежения, ненависти, брезгливости к себе.

Да, он не красавец, но не до такой же степени малосимпатичен, что на него и смотреть нельзя, думать о сексе с ним! А выходит так.

Ему сделали шах и мат, подрезали на корню, раздавили. И все, какая-то глупая, несдержанная, невоспитанная, экспрессивная девчонка!

Первым желанием было выставить ее вон. Но это желание было слабым, мимолетным. Только явилось, как уже пропало. Однако кормить свои комплексы в ее обществе желания было мало.

Лешинский через плечо покосился на спящую Ярославу - во сне она выглядела сущим ангелом. Но какова фурия в жизни!

- Что скажите, Андрей Федорович?

Врач убрал шприц, использованные ампулы в салфетку на лотке, чтобы унести потом и выбросить, и, помявшись, сказал:

- Трудно судить, голубчик, Александр Адамович. Результат поверхностных анализов будет ясен утром, а вот более углубленное обследование нужно бы провести. Эээ, понимаете, люди-то в уме и здоровой памяти с жизнью своей так не шутят. Н-да-с, без обид, голубчик, Александр Адамович, но Ярослава Робре..Робетр...

- Ярослава.

- Да, пардон. Так вот стресс, дас-с, сильнейшее потрясение психики на лицо. Ээээ, знаете ли, всякое видал, но чтоб самостийно тупым предметом самому себе увечья наносить, это из ряда вон, доложу вам. Тут нервишки шалят нешуточно. Отдых, отдых, еще раз отдых и минимум волнений. Витаминчики, прогулки, эээ, и все-таки детальное

обследование. Молодежь нынче хилая пошла, нервишки слабые, а поступки-то ого-го. Ничего бы не исключал, да-с, ничего.

- Долго она спать будет?

- Ну-у, что мог, я сделал, остальное молодой организм совершит.

Это время, Александр Адамович, тут уж ни я, ни вы невластные.

Природа, да. Не надо мешать ей, она нас мудрее. Могу идти?

- Да.

Доктор забрал лоток и осторожно вышел из спальни.

Алекс постоял над спящей девушкой и тоже ушел. Он не любил, когда его планы рушатся, а выходило, что они рухнули. Вместо приятного вечера, наслаждения и радости, ему предложили горькую пилюлю разочарования, врезав по самолюбию так, что дай Бог оправиться. И смотреть на виновницу отвратного настроения, он не хотел.

Завтра она придет в себя, он немного оправиться от потрясения, тогда будет видно, что делать дальше. Ненормальные ему не нужны. Он любит непредсказуемости, но не такого размаха и типа, что ему преподнесли.

Ярослава отлично выспалась. Протерла глаза и осмотрелась - не ее спальня, не ее постель, шелковая пижама, чуть большеватая. Чье все это? Ах...

Сползла глубже под одеяло, не зная, что дальше делать. Бежать - некуда, встречаться с Алексом - Боже упаси. Опять же лежать - придет он сюда и... А если уже "и"? Прислушалась к себе - вроде нет, чуть рука болит и все. Если б он с ней, как с Ларисой, ощущения и состояние другими бы были. Выходит, не тронул?

Тьфу! Да что она себе выдумывает?!

А почему нет? Что хорошего о маньяке думать можно?

Девушка осторожно встала, крадучись пошла к дверям, прислушалась, приоткрыла и заглянула в щелочку. Фуу, ты! Это ванная комната, идиотка!

Но тоже кстати. Ярослава нырнула в помещение, что было больше ее комнаты в городе. Привела себя в порядок, умылась и задумалась - чего дальше? Прятаться здесь? Где? Под кафелем в банкирском стиле, под зеркалами или широкой кроватью в спальне? И долго прятаться?

Волнение, страхи отошедшие во время сна, вернулись вновь. Может забиться в каком-нибудь самом дальнем углу этого мавзолея? Поможет?

Суздалева к другим дверям спальни пошла, крадучись, как вор, и тут они распахнулись. На пороге вырос Алекс и замер, хмуро и недовольно разглядывая девушку. Та сжалась и даже чуть присела, надеясь стать маленькой и незаметной, а может вовсе показаться ему страшной и непривлекательной, чтобы никаких желаний у него в помине не возникало.

- Идем завтракать, - кинул хмуро и вышел в коридор. Ярослава бы не пошла - страшно, но мужчина явно был не в духе, а это ее страшило еще больше. Поэтому перечить не стала, потащилась за ним, держась на приличном расстоянии.

Сели за накрытый стол друг напротив друга. Она, сторожась на него зыркает, он в газету положенную возле тарелки смотрит, будто ничего больше не интересуется. Дикая ситуация. Вроде радуйся, а Ярослава нервничает, даже вилка в руке ходуном ходит. Аппетита, естественно, вовсе нет.

Он газету развернул, девушка отпрянула, словно по тревоге.

Алекс глянул на нее так, что мороз по коже от страха пошел, опять в прессу уткнулся.

Зол он был и обижен до глубины души. Он не газету читал - девушку видеть не мог. Оскорбила она его, настолько сильно унизила, что он мыслить о подобном не мог, представления раньше не имел. И вроде - выгони, чтобы не напоминала об этом, а как подумает - стена внутри встает - не перешагнуть. Не объяснить самому, почему вытолкать не может. Сердился, дулся, но терпел.

Лешинский в эти минуты по-настоящему понял выражение "нервы вытрепала", и понял тех, кто так говорит. Состояние в точку - растрепанное. Вся палитра чувств по крови бродит, самые противоречивые желания возникают. К чему это показывать? Лучше успокоиться, сделать вид, что увлечен утренними новостями.

Ярослава есть не могла. Ковырялась в пище, косилась на Лешего, на сервировку стола, интерьер, и чувствовала себя бегемотом, втиснутым в сейф. Мало неуютно, неудобно, тесно душе, так еще не вырвешься, и неизвестно когда и за какой надобностью за тобой придут.

Тарелку отодвинула.

- Кушай! - приказал Алекс, взгляд - кошмар из детства. Ярослава про себя много мужчине сказала, а вслух остереглась, обратно тарелку к себе подвинула.

- Витамины, - кивнул на разноцветные горошинки в вазочке перед ней. Девушка поколебалась - не отравил ли? Решила, что даже если так, все лучше отравиться, чем с Алексом общаться. Выпила, дальше что делать - не знает. Сидит дурочкой замороженной, то шелк пижамных брюк оглаживает, то рисунок сервиза рассматривает. Надоело до чертиков и душно стало. На улицу бы, подальше отсюда.

- Ты не покушала, - он не удивился - он обвинил, да еще взглядом придавил.

- Неее... - "не твоё дело", - хотела сказать, но дурнота накатила - смолкла. Встать хотела - голову обнесло, закружилось все перед глазами.

"Сейчас упадет", - понял Алекс: "и пусть", - отодвинулся к спинке стула. Но не выдержал и все же вскочил, перехватил девушку у пола.

Ярослава лежала на постели и прислушивалась к голосам за спиной, что доносились до нее вместе с ветерком - видимо с балкона, дверь на который была открыта. Один голос был скрипучим и тягучим, с дефектом речи - незнаком ей, второй принадлежал Алексу:

- Долго это будет продолжаться?

- Организм серьезно ослаблен. Судя по всему, девушка не владеет и никогда не владела богатырским здоровьем. Видите ли, голубчик,

Александр Адамович, конституция у всех разная. Есть слабые, есть сильные организмы.

- У нее слабый.

- Подорванный, я бы сказал. И все от нервов. Да-с, Александр

Адамович, нервы причина всех болезней. Не знаю уж, какой стресс пришлось пережить даме, но что он плачевно сказался на ее здоровье, это точно. Кстати, не исключая травму головы. Возможно в детстве, раннем юношеском возрасте...

- Травма была.

- Ах?... Ну-уу... Что ж. Лечилась-то в муниципальном учреждении?

- Лучше не спрашивайте.

- Да-с, - слышался смешок. - Чему ж тут удивляться, в таком случае? Молодость, Александр Адамович, она беспечна. Мудрость с годами приходит, но здоровью, увы, это уже не помогает. Чтобы я посоветовал в данном случае? Красное море, да-с, Кипр, Мальту -

смену климата, впечатлений. Оч-чень полезно. Ну, и морской воздух, процедуры.

- Пока отправить не смогу - у меня дела.

- Пока и не советовал бы. Месяц на восстановление нужен, да.

Тишина, покой. Потом уже теплые страны, приятный климат, смена декораций.

Солнышко, песочек, море.

- Ярослава жару не любит.

- Н-да?... Странно. Насколько мне ведомо, молодежь нынче очень положительно к солнышку, вплоть до злоупотребления... А скажите,

Александр Адамович, уважаемая Ярослава /не любит/ или /не переносит/ жару?

- Есть разница?

- Даа. Тут наследственность нельзя исключить, возможно, скрытые патологии врожденного типа. Случайностей-то, да, не бывает. Организм наш, голубчик, Александр Адамович, уникальная, доложу вам, система.

Саморегуляция, особенно в молодом возрасте, работает отлично.

Защитная реакция - как часы. Тут любые нюансы ключевыми могут быть.

Подсознательно, так скажем, настрой идет, абы работает самосохранение организма, оно исключает те аспекты, что отрицательно могут сказаться на системе жизнеобеспечения. Организм-то, он сам знает, что ему надо, это мы порой не в курсе каких-то событий внутри клеточных систем.

- Можно более вульгарным языком?

- Да, пожалуйста! Если есть в системе скрытая угроза сбоя, она будет подавляться, пока включена система самозащиты. Подавление пойдет на физическом и психическом уровне - подсознательно пациент исключает из рациона определенные продукты питания, заявляя, что он не любит, например, соленое или сладкое. На самом же деле, подобные продукты могут вызвать аллергическую реакцию и организм их исключает. Или пройдет реакция на определенные вещи - боязнь воды, например... Хотя... Хотя тут нужно еще исключать глубинную память, так называемую память прошлого. Если пациент, например, в прошлой жизни утоп, простите, то в этой...

- Бог с ним, с прошлыми жизнями, Андрей Федорович, давайте с этими разберемся.

- Да, простите, Александр Адамович, увлекся. Так вот по Ярославе

Роборне...Робре..

- Робертовне.

- Ну, да. Возвращаясь к теме самозащиты, я бы не стал игнорировать потребности организма избегать солнечных ванн. Тут может крыться толчок к серьезной патологии. Опять же, не исключая отключения системы саморегуляции. Стресс, да, способен запустить те самые скрытые угрозы организму, переключив его с самосохранения на самоуничтожение. Чем и чреваты нагрузки на нервы и психику, особенно, если организм ослаблен. Травмы любого рода способны устроить встряску и сменить направления работы органов, систем.

Оч-чень тонкая структура у человеческого организма. Очень. Да, да. В данном же случае мы имеем полный букет: тут вам травма головы, травма психического плана, что привела к явному смешению директорий понятий о жизни и смерти, стресс, нервное потрясение, ослабление организма в следствии нагрузок. Неприятно. Да-с. Опасно я бы даже сказал.

- Ваши рекомендации?

- Препараты общеукрепляющего свойства. Я бы понаблюдал в принципе, сделал бы дополнительные анализы, чтобы судить о картине в целом, имея развернутую карту истории болезни. Ну, и... свежий воздух, фрукты, положительные эмоции, покой...

Он не говорил, он пел.

Ярослава слушала его и засыпала.

Она проснулась, когда мужчины ушли. Долго крутилась в постели, не желая больше лежать, но и страшась встать. Потом все-таки заставила себя вылезти из-под одеяла - не век же под ним прятаться, как таракану за печкой? Да и чувствовала она себя отлично - пора было мозг подключать и что-то придумывать.

Уйти, конечно - не уйти, через подруг она как на кукане рыба у

Алекса. Но придумать, что-то надо, а то он сегодня такой, а завтра - другой. Сегодня стороной обходит - завтра пристанет.

Ярославу передернуло - одна мысль, что он к ней полезет, в дрожь бросала. А если убить его ножом, как Далила? И поднялась, головой качнула: "прав тот "скрипучий" не слабо тебя стрессануло, в аккурат по голове основная часть удара пришлась. Видно она у тебя самое слабое место".

По спальне побродила, балкон обследовала и решила телефон поискать, девочкам позвонить, сообщить о себе, чтобы не теряли, не переживали, заодно, как у них дела узнать.

Выглянула в коридор - никого.

Лестница винтом вниз, пролеты влево и право в глубину особняка уходящие, за перилами справа двери - видимо комната. Может там телефон есть?

Ярослава крадучись, чтобы не шуметь и себя не обнаружить, лишнее внимание не привлечь, пошла к дверям.

Алекс злой и расстроенный шел в кабинет, думая о происходящем, но тут заметил странную картину и потерял все мысли, остановился на пол пути. К его кабинету, горбясь и крючась, ступая на цыпочках, кралась

Ярослава.

Сначала Леший растерялся, недоумевая над маневрами девушки и, всерьез подумал о психических отклонениях. Потом с трудом сдержал смех. Маленькая "шпионка" уже пыталась сунуть нос в его кабинет, причем открывая дверь по миллиметру и протискивая физиономию примерно на уровне роста лилипута. Выглядело это настолько комично, что мужчина разом потерял злость и обиду на столь непосредственную лазутчицу, а заодно все подозрения в ее неадекватности. Все проще - непосредственность ребенка была в ней слишком жива, она цвела и плодоносила, выдавая пируэты непредсказуемых для Алекса поступков.

Подошел к ней со спины и встал, глядя сверху вниз уже не сдерживая улыбки:

- Помочь?

Ярослава дернулась и въехала лбом в косяк, отпрянула, выпрямилась и застыла, тарашась в испуге на Алекса. Она была так мила и беззащитна в своем смущении и детском страхе перед наказанием, что в груди мужчины дрогнуло. Медленно, словно как приливная волна через преграды и препятствия, начало накатывать осознание, что она уже его, вся какая есть, что он ее хозяин и может взять ее хоть сейчас.

Желание разлилось по венам и ударило в голову, выметая ненужные мысли.

- Иди сюда, - дрогнул голос, подзывая. Девушка огляделась - не сбежать ли и неуверенно шагнула к мужчине.

Руку протяни и возьми - чего он медлил? Он хотел, чтобы она почувствовала его, чтобы понимала, что происходит. Ее метания, стрессы - обмороки не давали ему такой возможности. Но сейчас она выглядит вполне здоровой. Или он уговаривал себя, искал оправдания своему желанию, обоснование к его исполнению?

Да к чертям! Он больше не может и не хочет ждать! Он должен насытиться и успокоиться, должен не просто понимать - прочувствовать, что она его.

Леший подтянул девушку к себе и обнял.

Ярослава потерялась. Его плоть упиралась ей в живот, руки гладили и обнимали. Еще немного и он полезет с поцелуями, пойдет дальше.

Противиться нельзя - подруги. Он итак злой сегодня, а скажи, пойдешь против - неизвестно что с ней и с ними натворит. Но она не сможет с ним! Она умрет!

Может в обморок упасть?

Он накрыл ее губы поцелуем, жадно, властно, как голодный.

Ярослава замычала, начала отталкивать его, даже ударила. Алекс выпустил ее - играть в насильника не хотелось. Но почему он должен мучиться от желания? Она подписала контракт, она пришла и осталась - добровольно. Стоит напомнить.

- Ты можешь уйти, мне не нужна жертва для изнасилования, дикая кошка и бедная родственница... Как видимо тебе не нужны твои подруги.

Ярослава исподлобья уставилась на него - гад!

Значит, вот тебе выбор, но выбор не твой - мой. И выход один - терпи и не мешай.

Сволочь!

- Ты подписала контракт, а условия не соблюдаешь. За неустойку, пожалуй, не только подружки твои пойдут...

- Это шантаж!

- Это бизнес. Ченч есть ченч.

- Но... я же здесь.

- Этого мало. Я хочу, чтоб ты была послушной, это прописано в контракте. У меня нет желания драться с тобой.

Ярослава дрожала внутри, сглотнула ком в горле:

- А там прописано, что ты обязуешься, что моих подруг не тронут?

- Я свои слова держу. Можешь позвонить им и узнать. Иди сюда.

Девушка дрогнула, отвернулась, но подошла, и оказалась в его объятьях.

- Будь милой и послушной, и им ничего не будет угрожать, - прошептал ей на ухо, нервируя даже касаясь дыханием.

Сволочь! - сжалась и зубы стиснула, чтобы перетерпеть его тисканье.

- Год, а потом...

- Год большой срок для женщины. За год можно родить ребенка, миллион раз выйти замуж и развестись, заболеть, потерять товарный вид, уехать. Мне не интересно это.

Алекс впился ей в губы, прижал к себе за спину и ягодицы. Она дрожала, пыталась выкрутиться, но несмело, как стыдливая девственница, не женщина, не желающая мужчину. Лешему понравился ее трепет, понравилось вздрагивание от каждого прикосновения. В этом была новизна, вернее нечто давно забытое, но очень дорогое.

Рука мужчины легла на грудь девушки и она взвыла, взбрыкнула и тут же затихла, трясась как листок на ветру в его руках. У него возникло ощущение возвращения в юность, в пору робких объятий и поцелуев, когда хочется быть опытным, а девочкам раскрепощенными, но стоит чуть перейти грань запретов и начинается тайная зона, где фальшь слетает и оголяет истинные чувства. Стыдливость, страх и трепет, желание до головокружения и звона в ушах. И ничего не надо, ничего не ведешь кроме блаженства ее трепета в твоих руках, своей власти над женщиной, что сдается тебе, как неприступная казальсь бы, крепость. Сладость обладания, сладость победы - миг, что рвет душу и сердце в крик, и помниться, сколько б не пало потом "крепостей" на твоей дороге.

- Ярослава, - прошептал в искаженное лицо девушки. Она отворачивалась, было видно, мечтает уйти, избавиться от него. Но это до срока, это потому что она еще не знала мужчины - мальчики не в счет. Он первый, и он научит ее слушать свое тело, его желания. Он.

Руки проникли под рубашку, пальцы наслаждались нежной кожей, а губы пили всхлипы.

Немил? Неправда.

Ярослава дрожала от ненависти и брезгливости, от ужасающего ее унижительного положения, в котором она должна терпеть ласки Алекса, его поцелуи, требования. Но вместе с яростью и негодованием рождалось что-то еще, подспудное, робкое, но приятное и тем смущающее девушку. Она боялась того, что будет дальше, бунтовала, не желая быть рабыней, а телу было все равно на мораль хозяйки.

Рука Алекса проникла под брюки, трусики, легла на лоно, и

Ярослава вздрогнула, взметнулась с фырканием сквозь сжатые зубы. Она рвалась, мечтая избавиться от его рук, но внутренний запрет сдерживал ее и разрешал лишь шипеть как кошке, заставляя терпеть.

Леший упивался ее взбудораженностью, нервными плясками на одном месте и попытками уйти и вернуться, странными, забавными и очаровательными звуками, что она издавала явно вне себя, оттого, что вынуждена подчиняться. Ярослава не то взывала сквозь зубы, не то утробно урчала, как угрожающая сопернику кошка. И ему безумно нравилась такая реакция.

- Пойдем в спальню.

Потянул ее в комнату. Завел и начал раздеваться, глядя на девушку, впитывая ее эмоции. Ярослава каменела, бледнела, вспыхивала, шла пятнами, взгляд ненавидел и убивал, потом терялся, таял, удивлялся, пугался и восхищался. И застыл в недоумении и испуге.

Единственным своим телесным достоинством Леший считал фаллос.

Алекс не смирялся, но все же отдавал себе отчет, что не красив, не изыскан фигурой. Но он точно знал, что в отношениях меж мужчиной и женщиной большую роль играют сексуальные отношения, и чем лучше, крепче и чаще женщину удовлетворяет ее мужчина, тем меньше у нее нервных всплесков, глупостей в голове, меньше ссор и недоразумений, и меньше внимания она уделяет внешности партнера. Хороший секс компенсирует любые недостатки.

Леший не даром не знал отказа женщин. Правда, дело он имел с теми, кто знал толк в чувственных удовольствиях. Эти хоть и надоели ему до чертиков, но были готовы прибежать на его свист в любое время. Благодаря им ни одна светская красотка не кривила свою

мордочку при виде некрасивого мужчины, что больше за внешность и характер и был прозван Лешим, а наоборот, заинтересованно оглядывали его, кокетничали, льстили и ластились.

Он по привычке намерянно выставил на обозрение Ярославы свои возможности, чтобы и она поняла, что не так он уродлив, как он считает, в нем есть свои плюсы.

Однако ее зрачки расширились от испуга и девушка попятилась, вжавшись в стену.

Алекс дернулся от этого, как от пощечины и разозлился:

- Раздевайся, - процедил. Она закивала, но не двинулась.

Алекс подошел к ней и, видя, как огромны стали зрачки Ярославы, потянулся к ее губам, сообразив, что она испугалась его достоинства, потому что неопытна. Нужно немного успокоить ее.

Поцелуй был ласковым, нежным, но губы девушки были ледяными. Она чувствовала как слишком уж большой, неожиданно для комплекции

Лешего, фаллос упирается ей в живот и, примерзла к месту, боясь даже вздохнуть. Она понятия не имела, как можно выжить после Лешего.

Наверняка кто-то умирает под ним, а кто-то потом попадает в больницу. Наверное, поэтому он вынужден искать девушек в другой среде, чтобы не иметь скандалов в своей.

Алекс расстегнул пижамную рубашку и скинул ее на пол, приник груди Ярославы. Она зажмурилась, задрожала, чувствуя, что близится ее конец. Ощутила странную смесь жалости к себе, панику, наводняющее разум безмолвие и... слабость, истому внутри, внизу живота.

Леший глянул на нее, увидел в глазах тень неги и улыбнулся, потянул, предлагая лечь. Снял с нее остатки одежды и лег рядом, прижав к себе. Он не спешил, ему безумно нравилось, что девушка настолько многообразна и выдает в пять минут разные реакции. То рвется, шипит, то лежит холодной статуей, упершись взглядом в потолок, только чтобы его не видеть, а глаза с блюдца и в них ни грамма холода или пустоты. В них все, что она чувствует, все ее мысли.

Он улыбался, легонько и невинно поглаживая пальцем кожу между грудью, не давая "ледяной деве" растаять, но был готов заключить пари с собой на миллион, что пойдя он ниже и коснись лона, лед тронется.

Так и сделал: навис над ней и, накрыв губы, проник языком в рот, а пальцами внутрь лона. Ярослава тут же очнулась, выгнулась, повторив тот очаровательный вой недовольной кошки. Он упивался, он наслаждался, чувствовал себя властителем сказочного королевства, кривым фавном, которому отдается легкокрылая фея, запутавшаяся в его ловко расставленных сетях. Незабываемое чувство, острое, щемящее, непередаваемо обворожительное. Он чувствовал как входят в него ее возмущенные, стыдливо испуганные вскрики, как ее мирок переходит к нему, сопротивляется и подчиняется, бунтует и все же смиряется.

Скоро она сдастся, скоро. Сейчас.

Леший раздвинул ей ноги, ломая ее желание сжаться сильнее, придавил, чтобы не противилась и начал медленно, осторожно входить в нее, глядя в огромные от ужаса глаза, на грудь, что трепеща вздымалась и опускалась.

Ярослава заметалась, мечтая сбежать, но Алекс придерживал ее, а его фаллос входил в тесное пространство, заполняя так, что девушка задохнулась, притихла, боясь шевельнуться, и протяжно закричала, неожиданно для себя. Это был не крик боли, а

возмущение тела, волна безумия, что нахлынула к горлу сладкой и острой пульсацией, и словно цунами сорвала преграду, вырвалась наружу.

Девушка, не понимая посмотрела на мужчину. Он улыбался, нависнув над ней, склонился к губам:

- Еще раз? - шепнул и начал двигаться. Ярослава опять закричала, выгнулась, боясь, что сейчас взорвется от тесноты внутри, от палящего чувства, что волнами расходится по телу, от каждого движения Алекса.

- Мммонстр! - выдохнула, раздавленная происходящим, предательством собственного тела.

Это было забавно. Алекс улыбнулся, замерев:

- Да?

И начал двигаться быстрее. Ярослава опять закричала. Алекс почувствовал, как опять внутри нее сжалось как пружина и вот выпустило наружу пульсирующей негой волну наслаждения. И не сдержался, застонал вместе с ней, жмурясь от удовольствия.

Ярослава ненавидела себя, ненавидела его. Тело плыло в невесомости и смеялось над хозяйкой, как только что посмеялся

"Мефистофель". Она посмотрела на расслабленного, млеющего, словно парящего в мечтах Лешего, что лежал, щурясь от довольства и пялился в потолок, и встала, пошла в ванную.

- Ты куда? - тут же перехватил ее за руку мужчина.

- В ванную.

- Зачем? - насторожился.

- Ты не пользовался презервативом! - процедила зло. Что он дебила изображает?! Может еще скажет, что не знает, как дети получаются?! Ей только деточки от этого ур-рода и не хватает, для полного "счастья"!

Алекс задумчиво оглядел Ярославу и решил, что стоит вновь положиться на судьбу. Она уже свела его с девушкой, она знала, что ему надо, что для него лучше, и с детьми пусть решит она. Будут, так будут, а нет, значит, нет.

Качнул головой в сторону места на постели рядом с собой:

- Ложись.

- Мне надо!...

- Ляг, я сказал! - баталии продолжаются?

Слава насупилась: "может он бесплодный, поэтому не беспокоиться?"

Может быть. Почти сорок, а неженат, детей нет. А если просто не хотел?"

Леший силой потянул ее в постель, намекая, что не шутит.

Обычно женщины убирали свои коготки и прятали острые язычки сразу после первого же "венчания". Но Ярослава и в этом была на них не похожа. Одарила взглядом голодной тигрицы, плюхнулась на постель спиной к нему и укрылась до ушей одеялом.

Алекс рассмеялся: вот это темперамент, вот это он понимает.

- К твоему сведению, дремучесть непроглядная, существуют средства контрацепции!

- Нам они не понадобятся, - отмахнулся беспечно. Сел нехотя - надо кое-какие дела утрясти, а так не хочется.

- Ты бесплодный, что ли? - села девушка, вопрошая. Алекс с удивлением глянул на нее через плечо: еще, что в голову придет?

- Отдыхай, детка, - встал и начал брюки натягивать.

- Я тебе не детка! - тут же озлобилась Ярослава. Но его вообще ничего не трогало - он был в полном пике после девушки, мягок, доступен и не способен к сопротивлению.

Засмеялся:

- Ты была великолепна, детка.

- Урррод! - процедила Ярослава.

Это вовсе его развеселило. Как он мог злиться на ее высказывание раньше? Глупо. Ярослава же просто не понимает, что говорит. Она явно путает определения, или имеет ввиду, что-то только ей ведомое:

- Ты только что кричала под этим уродом, детка. Значит, тебе нравятся уроды или ты извращенка. Разве не так? - засмеялся.

"Чтоб ты сдох!", - прикусила губу от ярости девушка.

- Не скучай, - помахал ей ладошкой. - Бааай, - и вышел.

- Тьфу на тебя!

Ярослава оделась и решила все-таки добраться до телефона. С

Алексом нужно держать "ушки на макушке", верить нельзя. Это не человек, а действительно монстр какой-то - с нормальной головой его не поймешь. Поэтому лучше проверять, чем доверять. Спасибо, уже доверялась, подставляла уши для "лапши", теперь терпи и живи как древнеримская рабыня.

Может яда ему подсыпать? Яд - не пистолет, его достать проще. В вотчине Лешинского леса, поля, а где флора там и фауна, всякие зверюшки лесные, мышки полевые. Значит, отравы для них имеется.

Девушка пошла гулять по особняку, обдумывая вариант с ядом и выискивая телефон. Нашлось их даже пять, но ни один не работал. Она в сердцах грохнула трубку и наткнулась взглядом на фигуру охранника, что вырос как из-под земли.

- Мне позвонить надо, - буркнула, не зная, что еще сказать.

- Распоряжений на счет звонков не было, - сказал мужчина.

Ей звонить нельзя?

Может найти Алекса и спросить, с какой такой стати?

Нет, не надо "демона" искать, он сам тебя найдет. Лучше без звонков и без Лешего, чем с тем и другим, - рассудила и с глаз охранника поспешила скрыться. Только за угол завернула - на следующего наткнулась и голоса с лестницы вверху услышала, шаги.

Алекс и трое незнакомых мужчин спустились вниз, что-то бурно обсуждая. Все одеты с иголки, лица строгие. Прошагали мимо нее, как мимо фонарного столба, даже Лешинский бровью в ее сторону не повел, пронесся впереди всех гордо, деловой, отчужденный.

"Скатертью дорога", - пожелала ему вяло в спину. Противно было, оттого, что осознала со всей ясностью, в каком положении находится.

Когда нужна - "иди сюда" и попробуй воспротивься, нет - взгляда не достойна. Кто такая? Содержанка. Игрушка. Поиграл, - на полочке полежи.

Вот от этого она и бежала, да не убежала.

До ночи Ярослава шаталась по особняку, неприкаянная, ненужная.

Никто о ней не вспомнил. Ни одежды нет, ни поесть. Как была в пижаме так и бродила, а ела фрукты с ваз, печенье, конфеты. От сладкого ее к ночи тошнило. Дом полностью она

так и не исследовала. Где-то были заперты двери, куда-то побоялась сунуться, куда-то не успела - устала.

Не привыкла она без дела шататься. И странно было, горько даже, что в огромном доме, где людей много - прислуги, охраны, ее никто не замечал. Пробегали мимо, проходили. Где-то тихо, как в склепе, где-то разговоры слышны - своя компания собралась. А ей места нигде нет. И никого у нее нет - одна, хоть кричи - никто не услышит.

Насмотрелась она за день и вечер на жизнь здесь и поняла - у нее не жизнь, а здесь тем более. Одни бегают, другие ползают, и у каждого словно своя сота, особняк же - огромный улей. Женщины в строгих платьях и белых передниках - уборщицы, мальчики в белых рубашках - тоже "подай - принеси" услуга, а выше женщин себя считают, охрана вовсе - элита. Накричать и построить всех - было бы желание. На нее же - ноль внимания. Никто она для них, привидение - ни услуга, ни охрана - что-то из самого низкого класса.

Ярослава забрела в малую библиотеку, забралась в кресло и приобщила к классике. Граф Толстой не скрасил настроение, но время скоротать помог. В двенадцать ночи бухнули напольные часы внизу, оповещая окружающих - полночь. Девушка прослушала их бой и заснула с томом "Война и мир" в обнимку.

Около трех ночи ее растолкал охранник с бульдожьей физиономией:

- Хозяин зовет.

- Кого зовет, тот пусть и идет, - отмахнулась.

- Тебя зовет.

- Я не собака, хозяина у меня нет, - процедила.

- Вот ему и скажешь. Вставай, пошли.

- Никуда я не пойду!

- Мне че силком тебя тащить? Неприятностей хочешь?

Ярослава положила роман Толстого на столик и пошла за мужчиной: неприятностей она никому не хотела. Но чтобы сделать, чтобы и ей их никто не хотел?

Охранник повел ее по коридору:

- Меня Никита зовут, - бросил. - Сильно не нарывайся, а то пропнут, как Жанку. Будешь тихо сидеть, будешь, что тебе нужно иметь. Хозяин не жадный, но жесткий. Ему перечить остерегись. Это я тебе так, для общего образования, а то, смотрю, молодая совсем, зеленая.

- Кто такая Жанна?

- Ты только не сболтни, не подставь, - зыркнул.

- Обещаю.

- Была тут больше года назад. Выезживаться начала. Месяц прожила и ту-ту.

- Куда? Убили, что ли?

- Ага. И в землю закопали, - хрюкнул.

- А куда?

- Куда надо. Сиди тихо и вопросы не задавай.

Ярослава притихла, озадаченная словами Никиты и судьбой неизвестной ей "Жанки". Они поднялись на третий этаж, где девушка еще не была, и, пройдя бильярдную, пару зал в зеркалах и красном дереве, оказались в огромной спальне.

- В ванне он, - кивнул Никита на дверь слева. - Иди.

Вышел и плотно за собой двери прикрыл.

Ярослава постояла, понимая, зачем ее Алекс позвал, и шагнула как на эшафот в ванную комнату. Мужчина стоял под душем и млел, слушая, что-то из классики. Девушка мешать не стала, притулилась у косяка, косясь на кресла. Зачем они в ванной? Нет, удобно, конечно, но...

- Иди сюда, потри мне спину, - попросил мужчина.

- Не знаю где губка, - отрезала.

- В шкафчике, - уставился на нее Алекс, взглядом намекая: поторопись, и не начинай опять свои капризы.

Ярослава зубы сжала и взяла губку, гель какой-то заморский, на который он указал. Правда спину не терла - сдирала.

- Ласковой, - спокойно сказал Леший.

Суздалева легче тереть начала, ненавидя его так сильно, что был бы у нее нож, без раздумий убила.

Алекс губку отобрал, откинул, а девушку к себе притянул. На голову вода хлынула, пижама в миг вымокла:

- Не надоело в одном ходить? - прижимая ее за бедра к себе.

- Где другое взять?

- Понятно, - улыбнулся. - Решим.

Раздевать ее начал, мыть, медленно гель по коже разглаживать, в пену кутать, целовать.

Ему нравились ее губы: плотные, ровные, нежные. Порода даже в такой мелочи видна.

Нравилась грудь: спелая, полная. Нравилась покатые плечики и изящные руки, что норовили оттолкнуть его, но даже таким пустячным касанием будили страсть.

Ему нравилось все, но особенно, что она не сдалась и он получил возможность покорить ее вновь. Она опять билась, ненавидела, но не смела оттолкнуть открыто, ударить. Гордость боролась с необходимостью, и когда побеждала последняя, первая все равно оставалась непобежденной. Она проступала во взгляде, в утробных рыках злости и безысходности, в непокорности расправленных плеч и вскинутой головы.

Порода. Этот алмаз никогда не увидит Якутска, он уже у хозяина.

Алекс прижал Ярославу к стене, зажав поднятые руки ей над головой, впился в губы и начал входить в нее. С гелем проще - слишком узкая она, как девственница. Все равно девушка взывала.

- Потерпи, - прошептал, отпуская ей руки и заставляя обнять себя за шею. - Редко сексом занималась?

- Я занималась любовью, - скривилась девушка, ненавидя его, ненавидя себя, ненавидя то, что происходит.

Подумать только, совсем недавно она любила Гришу, была с ним и летала всю ночь. Была счастлива, была нужна и почти любима. Если бы не Алекс, если бы не его желание - они бы были вместе, у них все было бы хорошо.

Зачем она Лешему, какого черта они столкнулись? Почему она?!

Почему она должна терпеть его похоть, за что ей такое?

- Быстрее бы ты закончил! - вырвалось. Алекс остановился, тяжело дыша, уставился на нее.

- Еще раз так скажешь, я тебя накажу, - сказал спокойно и тихо, убирая мокрую прядку волос с ее щеки.

Ярослава опустила взгляд, притихнув: ей стало страшно. Думать о том, какое ей может придумать наказание этот ненормальный, она не хотела.

Мужчина опять начал движение, влез в рот языком, сжал грудь.

Девушка больше не сопротивлялась, только глаза закрыла, чтобы его не видеть.

Когда все закончилось, Алекс постоял под душем, смывая жар, выключил воду и прошел за халатом. Кинул один Ярославе:

- Спать пошли.

И двинулся в спальню.

Ни слов, ни мыслей у Суздалевой не было. Вышла следом, с тоской на постель посмотрела, на которой ей вместе с эти спать придется. И легла с самого края.

- Сюда иди, - услышала тут же. Пришлось двигаться.

Алекс глянул на нее, как плетью хлестанул:

- В ботинках спать не пыталась?

Стянул халат, откинул и прижал ее к своему телу, заставляя лечь на грудь.

- Зачем я тебе? - спросила тихо. Алекс плечами пожал: глупый вопрос.

- Зачем ко мне привязался, мало женщин?

- Тебя захотел.

- А ничего, что я тебя не хочу?

- Ничего, - отмахнулся беспечно.

Все равно ему, у него свое желание, своя прихоть и плевать на желания других. Один вывод напрашивался и не ужасал - куда после всего? Но убивал:

- С Гришей ты специально тогда? Мешался?

- Не люблю соперников.

Ярослава возмутилась, приподнялась, заглядывая ему в лицо:

- А ничего, что мы нравились друг другу? Ничего, что ты сделал больно ему и мне, сломал отношения, возможно судьбы, выставил меня, как шлюху? Ради своей прихоти!

- Это было интересно.

- Интересно?! - ужаснулась. - Наблюдать мучения?

- Нормальная жизнь. Дети играют куклами, взрослые играют людьми.

- Значит люди - игрушки?... А девочки? Зачем все это вообще, что это было, почему?

Тоже - поиграть?!

Леший с минуту рассматривал ее лицо в полумраке спальни и улыбнулся:

- Скучно.

Девушка подумала, что ослышалась.

- Что?

- Скучно, - повторил. В глазах невинность и покой.

У Ярославы лицо вытянулось и в груди что-то оборвалось. Может душа?

Вдуматься - зачем она? У таких как он ее точно нет. Живут, как инопланетяне. На одной земле с людьми, а нелюди.

Насиловать, ломать жизнь другим - из-за скуки? Это не укладывалось в голове.

"Я попала на другую планету?" - смотрела на мужчину, будто впервые видела. Впрочем, так и было - она увидела его настоящим только сейчас.

- Тебя мать рожала?

- Представь, - рассмеялся, умиляясь ее наивной вере в моральный кодекс, каждый пункт которого должен быть строго соблюден, иначе все

- не человек. Можно подумать, с ним - человек. - Не забивай свою голову ерундой. Спи. Прижал к себе.

Ярослава молчала минут пять, потрясенная циничной натурой Лешинского. И прошептала, как клятву дала:

- Я убью тебя.

Алекс хмыкнул.

- Тоже ничего. Кто-то питонов заводит, кто-то аллигаторов, а у меня киллер на содержании. Круто.

"Сволочь", - зажмурилась Ярослава: "как же такие на свет рождаются?"

- Перед тем как убить, подумай, что от моей смерти измениться?

Пойми, Ярослава, я не нонсенс - я часть системы, как и ты. Система - механизм без всяких иллюзорных метаний. Двигай нужные фигуры, нажимай на нужные рычажки и обрящешь. Все просто, пошло, предсказуемо и без всякой морали. А заповедь одна - сними "розовые очки", отдай наивность врагу и прими жизнь, какая она есть. В конце концов, посмотри на это с другой стороны - жизнь сама - игра, и все мы играем в нее, в себя. Один играет в профессора, другой в доктора, третий в генерала. Один солдатами, другой пациентами, третий умами.

Прими жизнь, какая она есть - меньше вопросов, метаний и не нужных неприятностей будет.

- Это не правильно.

- Это есть. Это система, и ее не изменишь. Поэтому не стоит тратить время на борьбу с "ветряными мельницами". Прими как данность и пользуйся моментом, извлекай пользу. Тебе повезло - я тебя захотел, - одно упоминание, воспоминание и Алекс возбудился.

Повернулся к Ярославе, навис над ней. - Кстати, и сейчас хочу, - положил ладонь на грудь, потянулся к губам. Девушка отодвинулась, попросила:

- Не надо.

Невинное движение в сторону, но какое изящное, естественное в своей грации. "Не надо", но так жарко, жалко - соблазнительно, что слышится "надо, хочу".

Леший за талию притянул ее обратно:

- Ты очень сексуальна, очень соблазнительна, но не знаешь этого, не умеешь пользоваться - в этом особое очарование, неповторимое. Я не смог бы тебя пропустить. Я везунчик, - рассмеялся. - Мне всегда достается лучшее.

И накрыл ее губы своими губами, требуя открыть их и впустить его.

Глава 14

Алекс кинул ей на постель пакеты, заставляя проснуться. Увидел, что она открыла глаза и, повернулся к зеркалу. Застегнул запонки на рубашке, придирчиво оглядывая себя:

- Вставай, одевайся, - промежду прочим сказал Ярославе. - Завтрак накрыт в соседней комнате. Позавтракаешь, - повернулся к ней. - Тебя отвезут в больницу, потом привезут обратно.

- Зачем?

- Восстанавливать, что ты натворила. Сделают пластику. Перевязки уже Андрей Федорович будет делать.

- Если все равно в город ехать, можно я с девочками повидаюсь?

- Нет, - отмахнулся.

- Почему?

- Потому. Позвонить можешь. Отсюда.

- Не дают.

- Кто? - глянул на нее удивленно. - Как звонила?

- Никак. Трубку беру - там тишина.

- Ой, темнота, - усмехнулся. - Это местная связь. Тон нажми - будет городская и междугородняя.

И ушел.

День не прошел - пробежал.

Ярослава переоделась в то, что ей дал Алекс, дивясь наряду.

Посмотрела на себя в зеркало, покрутилась на высоких каблуках, изучая себя, почти как Леший. И заулыбалась - надо же, она может выглядеть как дама: элегантно и эффектно. Правда прическа к брючному костюму шла, как кроссовки к вечернему платью, но да ладно.

Позавтракала и поехала в клинику. Ее приняли, словно ждали, впрочем, может, так и было. Охрана подождала, привезла обратно.

Потом появилась миловидная женщина со стандартной улыбкой, которые здесь Ярослава на каждом лице видела, и принялась колдовать над ее волосами. Потом ей сделали маску лица, маникюр, педикюр, массаж тела.

Ярослава чувствовала себя вновь рожденной. Настроение стало вполне сносным, если не думать об Алексее. Она решила позвонить

Свете. Та не ожидала, обрадовалась:

- Мы думали, ты как Инна сгинула! Фу, Суздалева! Нельзя так людей пугать.

- У меня все хорошо, просто так получилось, что пришлось уехать срочно. Через год вернусь. Вы как?

- Нормально. Ты куда уехала-то?

- Неважно, Света. У вас точно все хорошо?

- Да точно! Инна, правда, так и не нашлась, потом ты пропала. Мы вообще в панике были. Совести у тебя нет.

- Ну, извини. Я звонить буду, ладно?

- Попробуй не позвонить! Слушай, а как институт? - озадачилась.

- Не знаю, - вздохнула Ярослава. - Ничего пока не знаю.

- Ну, ты даешь, подруга. Любовь, что ли, образовалась, поэтому все бросила? Хотя выглядела ты, когда мы последний раз виделись, больше мертвой Офелией, чем живой Джульеттой.

- Никой любви, Света.

- Звучит уныло. Ты сама-то в порядке?

- В полном. Как Лариса? Ходили?

- Без перемен. По Инне следователь всех на уши поставил, а все равно, ни слуху - ни духу. Пропала.

Ярослава помолчала, вздохнула: не помочь тут. И ведь не скажешь, что скучали некоторые, поэтому с подружками такое творится.

- Девочкам привет передавай, - свернула разговор. - Я часто звонить буду. Держитесь. И будьте осторожней, хорошо? Пока.

- Пока.

Суздалева положила трубку на стол. Грустно стало, лучше б не звонила. Но опять это / надо /влезло. И придется - Алексу нельзя поддаваться, нельзя верить. Вот перехитрить бы, переиграть.

Отомстить. Да потянет ли?

Как назло, вечером Алекс был само обаяние, вел себя настолько галантно, что Ярослава теряла неприязнь к нему и вновь подумала, что совсем не знает его.

Они просидели у камина до ночи, обсуждая правление династии

Романовых, и в жарком споре девушка теряла плохие мысли, совсем по-другому смотрела на мужчину.

Леший внимательно следил за ней, задавал каверзные вопросы, проверяя эрудицию и в который раз поздравил себя с хорошим приобретением. Ярослава шикарно смотрелась с новой прической в новой

"шмотке". Лицо в жаркой дискуссии оживило, глаза засияли. Речь была правильной, плавной, манеры не вызывали нареканий. Она была сама женственность и элегантность. Есть чем похвастаться.

- Есть предложение, - взял ее за подбородок, с вождением поглядывая на манящие губы. - Поедем завтра в город, устроим шопинг.

- Уже устраивали, - убрала его руку.

- И ты выбрала лишь купальник.

- Я не знала, что ты "скучаешь".

- Оставим. Тебе все равно нужны наряды, так что едем.

- Тогда заедем в институт. Мне нужно утрясти этот вопрос.

- Это не вопрос. По окончании контракта получишь диплом об окончании института.

- Что я с ним буду делать, если ничего не знаю?

- Со мной ты научишься большему.

- Ты против образования?

- Нет, но в твоем случае - да. Учись, пожалуйста, но так, чтобы твоё желание не мешало моему.

- Ты сам говорил: "нужно думать о завтра".

- "Завтра" тебе обеспечу я, поэтому думай обо мне.

Вот так: просто и самонадеянно. Я пуп земли - крутитесь. Я всех и все куплю - кланяйтесь.

Ярослава отвернулась, спросила тихо:

- Могу я попросить тебя, использовать те деньги, что ты мне обещал через год - сейчас.
- На что интересно?
- Можно выкупить Инну, - посмотрела на него. Алекс скорчил неопределенную мину:
- Нельзя.
- Почему?
- Иногда твои вопросы вызывают оскомины от их глупости. Нельзя - потому что нельзя.

Потому что много факторов против, "за" только твое желание.

- Но это мое желание. Это мои деньги...
- Ты их еще не отработала.

Ярославу покорило его высказывание, но она решила не обострять:

- Я подписала документы.
- Это ничего не значит.
- Хорошо. Тогда то, что ты хочешь потратить на меня, просто отдай мне.
- Хочешь накопить выкуп за Инну? - прищурился недобро.
- Да.
- Ты альтруистка?
- Инна моя подруга. У каждого человека есть долг: долг перед родителями, семьей,

Родиной, друзьями. Мой долг помочь Инне.

- Любым способом, даже в ущерб себе?
- Иначе грош цена дружбе.
- Дружбе, - кивнул: придется лечить девочку от чреватых заблуждений. - Хорошо. Я даже не буду задавать тебе вопрос: уверена ли ты, что Инна хочет спасения, что ее вообще нужно спасать.

Опустим. У тебя есть желание и ты просишь меня помочь тебе его осуществить, правильно?

- Да.
- Ты хочешь заработать сейчас, а не через год?
- Да.
- Прекрасно. Встает вопрос: чем или как ты можешь заработать?

Что ты умеешь? Ничего. Продать? Тоже нечего. Кроме одного - твоих данных. С них и начнем. У меня достаточно влиятельных друзей, которые могут заинтересоваться тобой. За ночь ты будешь иметь максимум тысяч двадцать, и то, если о-очень активно поработаешь...

Ярослава отпрянула, сообразив, о чем он.

- Я не про это!
- А я про это и про то. Ты готова подставить себя за подругу.

Это не просто глупость, это нечто невероятное. Ты абсолютно неадекватна в этом вопросе. У меня даже закрадываются сомнения в твоих умственных способностях. Еще одно слово на эту тему, я выполню твою просьбу и отдам тебя тем, кто занимался устройством досуга твоих подруг.

- Если ты знаешь этих людей, почему ты...
- Хватит! - Алекс обрезал ее довольно грубо. Помолчал и уже спокойно сказал. - Ты привлекательна в своей своеобразности, но и она должна иметь границы. Мне не нужны

твои романтические иллюзии, мне нужно твое внимание и послушание. Если ты хочешь чего-то добиться в жизни, научись для начала понимать желания людей, которые могут тебе что-то дать, и потакать им. Начни с меня, - мужчина взял ее руку и провел ладонью по щеке, шее, прижал к груди, что виднелась в расстегнутый ворот рубашки. - Сегодня я хочу, чтобы ты погладила меня. Смелее, - подтянул к себе.

Ярослава начала гладить, обдумывая его слова, пробираясь пальцами под рубашку, не чувствуя отвращения. Тело Лешего было приятно: строгая форма мышц, гладкая чистая кожа, широкие плечи, да сам он был симпатичным. Если бы его совершенно несимпатичная натура, его легко можно было назвать привлекательным.

Но вот вопрос: к чему ему, состоявшемуся и во всех аспектах успешному, возиться с ней? Чему-то учить, что-то требовать, просить и ломать под себя?

Леший расстегнул ее кофточку, добрался до груди, но девушка придержала его руку:
- Зачем я? Почему ты объясняешь что-то мне, если есть женщины, которым понятно, что ты хочешь и они легко это дадут за твое положение?

- Неинтересно, - прошептал, склоняясь к ее губам. - Я хочу настоящего, а они могут дать только фальшь. И стоять она будет много дороже естественности.

- Выгода? - ей стало до одури грустно - как же цинично и пошло устроен его мирок! - Но я тебя ненавижу, а они бы любили.

"Любопытное признание", - улыбнулся мужчина.

- За выгоду, за деньги. А ты за них ненавидишь. По настоящему?

- Да.

- Ну, вот видишь? У тебя все настоящее, живое: ненависть, эмоции, тело, переживания. Поэтому я хочу тебя, - накрыл ее губы, не дав задать другие вопросы.

Ее слова взбудоражили кровь. Брать ту, что ненавидит, смотреть как она смиряется и принимает его, все равно что покорить саму ненависть, подчинить себе то, что не всегда возможно контролировать и в себе - это что-то.

Обычно Леший быстро уставал от женщины и длительные отношения складывались лишь по взаимовыгодности, как с Ирмой - прекрасной ширмой для его личных дел, входным билетом в определенные круги, способ наладить отношения с кем ему надо. Она знала, как себя вести в грязном омуте бомонда, он - в пустом, но сверкающем обществе аристократической элиты. Она развлекала его своими друзьями и рекламировала его "фишки", он оплачивал ей эту возможность. Все четко и понятно.

Здесь же другое, нечто, до чего невозможно дотянуться через связи и финансы. Пройдет год, Ярослава заматереет и станет второй Ирмой, тогда они спокойно расстанутся. Но даже тогда он будет помнить ее живую, вот такую колючую и нежную, открытую, откровенную со всеми мыслями и смешными суждениями - на распашку. По настоящему ненавидящую, гордящуюся, переживающую, рассуждающую, отдающуюся ему со всеми своими достоинствами и достижениями, со всем своим мирком глупых иллюзий, в который опять же, верит по-настоящему. Нет, это действительно - нечто. Владеть ею, все равно, что завладеть душой, держать ее в своей ладони и по желанию исторгать нужные ноты эмоций.

Это круче чем просто владеть телом, чем двигать "пешки". Это все равно, что покорять Бога в своем проявлении - душе человеческой. Все равно, что быть Сатаной, заполучить душу и владеть ею на свое усмотрение. Оказаться на месте того и другого, поиграть в библейских персонажей, прочувствовав их жизнь, их отношения.

Это пик, недостижимая вершина возможностей даже для круга Лешего.

А он смог, он покори́л эту вершину и, став Богом, поиграет в Дьявола, став Дьяволом, будет Богом, пусть в одном маленьком мирке маленького человечка. Этого довольно. В конце концов, все получить нельзя. Но ему и об этом хватит памяти до конца жизни.

Леший стащил с Ярославы остатки одежды и поставил на колени, начал входить сзади, придерживая зашипевшую девушку за шею. Он не торопился, он хотел, чтобы она прочувствовала его, поняла, что она и кто он.

Алекс смотрел на снежно белую спину, тонкий стан, лицо прижатое щекой к дивану, видел как извиваясь девушка пытается ускользнуть от него, не понимая что зажата, что не уйти, и чувствовал себя Богом что смотрит на метания людей со своей высоты, чувствовал себя настоящим покорителем вершины, что стоя на пике, оглядывает снег под ногами, лежащие пред ним просторы, изгибы гор, маленьких вершин внизу, что локотки, что руки Ярославы, пытающиеся зацепиться за что-нибудь, дотянуться до него, оттолкнуться, чтобы оттолкнуться, но тем лишь сильнее покоряются.

Он брал ее не спеша, оглаживая и любуясь, как Кощей свое злато.

Растягивал удовольствие, давая ей притихнуть, а, после, вновь заставляя трепетать, биться, мечтать увернуться и... отдаться наслаждению. Он ждал капитуляции, ждал, когда она затихнет, окончательно подчинившись. И дождался - девушка вскрикнула, содрогнувшись, заби́лась уже не гоня, а принимая, не от ненависти - от удовольствия.

И ему было настолько хорошо, что все остальное бледнело перед этим ощущением, уходило прочь как бедняк с котомкой, которому нечего делать на барском дворе.

Потребность Алекса в обществе Ярославы то росла, то исчезала.

Ломать себя и гнуться под его капризы, девушке было все трудней. Она надеялась хоть как-то свыкнуться, затаиться и пережить этот год, но чем большей дней проходило, тем меньше было терпения и желания терпеть. Порой девушке очень хотелось опустить на голову Лешинского тяжелый предмет или задушить подушкой ночью, пока он сладко посапывает рядом.

Нервное напряжение в свою очередь сказывалось головными болями и перепадами настроения: Ярослава то впадала в апатию, то оживала и начинала на что-то надеяться, то строила планы как сбежать из особняка, не навредив подругам, то оказывалась во власти тоски и ненависти от безысходности.

Она уже не пыталась привыкнуть к Лешинскому и хоть как-то пережить его общество, но еще надеялась как-то свыкнуться с жизнью в его доме, но один день здесь походил на другой и вызывал раздражение своей монотонностью.

День здесь начинался с обеда и заканчивался под утро. Все сновали, создавали видимость, что они что-то делают, но Ярославе не доставалось и этого. Она в прямом смысле пинала воздух, не зная чем заняться.

Несколько дней Леший возил ее по бутикам и наряжал как куклу, причем не спрашивал ее мнения, нравиться ей эта вещь или та или нет.

Ее мнения вообще никто не спрашивал, как не интересовался пристрастиями в пище, одежде, даже в выборе цвета лака для ногтей слово оставалось за той, которая делала маникюр.

Девушка чувствовала себя бессловесной игрушкой, девочкой по вызову. Помочь на кухне - нельзя, сделать что-то по дому - нельзя, пойти прогуляться - тоже нельзя, потому что Алекс дома и может в любой момент позвать ее. И звал. Если не являлся сам, то приходил охранник и провожал ее до бассейна или кабинета. И только за одним.

Неутомимость Алекса уже пугала Ярославу, фантазии убивали. Он мог пригласить ее лишь для того чтобы взять на бильярдном столе, обнять в бассейне, огладить усадив на столе кабинета или всего лишь поцеловать на балконе.

Ей всерьез показалось, что собственное удовлетворение - единственное ради чего он живет. И презирала его за это, себя за то, что стала объектом удовлетворения, сосудом, что наполняется по прихоти, а потом отодвигается.

Говорят, ко всему можно привыкнуть, но видно Ярослава стала исключением из правила. Она никак не могла привыкнуть ни к бездействию, ни к манере Лешего и его привычкам, не к укладу в доме, ни к пренебрежению, как со стороны хозяина, так и со стороны его подчиненных, ни к гостям, что посещали особняк - надменными, насупленными как индюки. Они напоминали ей персонажей спектакля или карнавальные маски - по разному разряженные и разные по телосложению, внешнему виду женщины, имели одну и ту же холодную и неприступно гордую осанку, выражение лица. Мужчины, улыбчивые и хмурые, худые и полные, брюнеты и блондины, были, как один одеты с иголки, вальяжны и хитроглазы. И все надменны. Они были похожи на кукол из отдела игрушек, пластмассовых "Кенов" и "барби".

Внутри Ярославы рос бунт, но мозг еще не находил выхода для него.

Зато она четко поняла - Алекс - маньяк, инопланетянин. Легче, конечно не стало, но стало ясно, что не стоит заморачивать себе голову над его пристрастиями, словами, взглядами на жизнь. Он больной и психика у него "вывернутая", а что с такого возьмешь?

Но ведь и маньяку должна когда-нибудь наскучить жертва? И была уверена, так и случится, но вот уже второй месяц, как она в особняке, а ничего не менялось.

У Ярославы появилось любопытство: как же было с другими его женщинами, например с той же Жанной, о которой говорил Никита. Этот вопрос Лешинскому не задашь, не подставив охранника, поэтому девушка решила испытать его самого. Набралась смелости и подошла к охраннику в холле.

- Мне нужен Никита. Вы не могли бы его позвать?

Мужчина с минуту рассматривал ее как все в доме - сверху вниз, и недовольно поджав губы, поднес рацию к губам:

- Макс, тут Никиту спрашивают... Да, /эта/... Ага. Жди, - бросил и замер, рассматривая вензеля герба Лешинского над зеркалом холла.

Ярослава склонила голову - /эта.///

В пренебрежительном прозвище было суть отношения к ней: отношения, как к очередной, проходящее - уходящей вещи, именно - вещи, а не человеку. Вещи, которую здесь терпят лишь потому, что того желает хозяин, но им все равно на нее, что с ней, как, кто она

- тоже не волнует. Много чести утруждать себя, узнавая ее имя, и относиться как к равной - тоже. Кто она такая?

Жутко. А главное не знаешь, что с этим делать, понимаешь, что в чем-то они правы.

Двери с улицы открылись, но вместо Никиты в холл вплыла высокая, элегантная женщина с яркой внешностью.

Она мазнула взглядом по Ярославе и уставилась на охранника.

- Алекс у себя?

- Да, - заверил мужчина.

Женщина чему-то улыбнулась неестественно пухлыми, словно вспухшими, но ровно подведенными помадой губами, стянула перчатки, скинула легкую короткую шубку... на руки Ярославе:

- Мне "Леди Грей" и не переборщите с лимоном, милочка, - бросила не глядя, поднимаясь по лестнице, как королевская особа, чуть покачивая обтянутыми длинной шелковой юбкой бедрами.

- "На заднице этой стервы, можно воду морозить", - ляпнула девушка, вспомнив фразу из фильма "Красотка".

Охранник фыркнул, подарив Ярославе понимающий и снисходительный взгляд, и опять закаменел. Женщина остановилась и медленно повернулась, выгнула бровку:

- Вы что-то сказали, милочка? - выдала улыбку гурзы, а взгляд действительно мог заморозить и отравить ядом не хуже укуса змеи. В этот момент женщина уже не казалась девушке красавицей.

- Ничего, - заверила и демонстративно опустила руки, скидывая на пол верхнюю одежду женщины. Улыбка той не померкла, но стала вовсе как у мертвеца:

- Можешь собирать свои вещи. Ты уволена, - сообщила ледяным сладковатым в своей ядовитости голосом.

- Ура!! - расцвела Ярослава. Подпрыгнула с вытянутым вверх кулаком, шокируя

женщину. И притихла - наверху появился Алекс, замер, небрежно облокотившись на перила и, уставился сначала на

Ярославу, потом на Ирму.

- На каком огороде ты нашел это пугало? - мило проворковала женщина.

- Что происходит? - пропустил ее вопрос мимо ушей мужчина.

- Отвратительные манеры прислуги. Советую убрать ее, пока не опозорила, - подплыла к нему Ирма и, положив руку на плечо, потянулась к щеке. - Здравствуй, милый.

Алекс прикрыл ресницами глаза, не спуская взгляда с Ярославы. Он специально позволил Ирме появиться в доме, желая узнать реакцию девушки.

Суздалева посмотрела на них: идеальная пара. Зачем Лешему она, если такие мадам на шею вешаются? Вот брал бы и трахал эту "воблу".

Парочка бы была - на зависть их округе.

Но какова она! Лед в вечернем платье!

Алекс понял, что просчитался - девушка презрительно посмотрела на них и отвернулась. Интересы, ревности и прочей, ожидаемой мужчиной прелести, в ее глазах не было - только дерзость, гордость и ненависть, от которой Лешинский уже начал уставать, но никак не мог с ней справиться. Антипатия Ярославы была столь же неистребима как сопротивление ему. Это рождало раздражение, оно накапливалось, отравляло настроение и грозило вылиться в вспышку гнева. Однако подобное состояние так же было в новинку Алексу, поэтому он терпел, изучая себя как бы со стороны и пытаясь понять происходящее с ним, с

Ярославой, проанализировать их отношения и его отношение к ней.

Выходило, что он не готов выкинуть девушку, просто отодвинуть, как не пытался. Она по-прежнему заводил его и удивляла, дарила ощущение жизни и остроту восприятия, но в том и дело, ее очарование даже в

"колючках" становилось все более глубоким и пронизывающим, одуряющим

- привязывающим его, а не ее. Доводящим до безрассудства, когда отодвигается важная встреча, ради того, чтобы удостовериться в своей власти над ней, удовлетворить свое желание просто увидеть ее, ощутить тепло кожи под пальцами, насладиться видом ее: глазами, устами, упрямыми прядками волос, падающих на лоб.

Просто увидеть ее! Всего лишь!

Нонсенс. Но он происходил с ним!

Лешинский распалялся - она холодела и тем распаляла еще больше.

Чем-то это напоминало ему бег по кругу вокруг столба - Ярославы. Его бег. А бегать он не привык и решил сделать еще одну рокировку, поменяться с ней местами - пусть теперь она побегает за ним.

- Что ты так смотришь на прислугу? Пытаешься вспомнить, откуда она взялась?

- Она моя любовница, - улыбнулся Ирме Алекс. Женщина выгнула бровку, недоверчиво глянула на девушку, пылливо посмотрела на мужчину, и рассмеялась:

- Ах, Алекс, Алекс! Ты решил шокировать меня или общество?

Забавная шутка.

- Отчего? Это правда.

Женщина смолкла, взгляд стал жестким и чуть злым:

- Чем же я тебя не устраиваю?

Лешинский с улыбкой посмотрел на женщину, взял за подбородок и ласково шепнул ей

в ее разукрашенное личико:

- Не люблю змей, а искусственных не переношу вовсе.

Ирма скривилась в оскале и хотела его ударить, но передумала. Миг слабости и лицо вновь стало безмятежным, взгляд томным и ласковым, губы окрасила улыбка:

- Шалости Лешинского? Бог с тобой, развлекайся. На что она еще годна?

И деловито добавила, двинувшись в гостиную:

- Я по делу.

- Весь во внимании, - пропел мужчина, не глядя поманив девушку: поднимайся.

Жест стал как последняя капля в чаше терпения Ярославы, она вызверилась:

- Щаз! Только туфли поглажу! - развернулась и ушла на улицу, громыхнув дверью.

Ирма повернулась к Лешему, остановившись на минуту - ну, еще бы, пропустить маленький скандальчик не в ее стиле.

- Какая очаровательная особь, - проворковала с милейшей улыбкой и нескрываемой насмешкой во взгляде. - Не знала, что ты любишь неандерталок. Что она там, промышала? Ах, впрочем, о чем я? Ее ротик создан совсем для другого. Главное, чтобы она хоть это-то умела.

И поцокала дальше, гордая осанка, грациозная походка.

- Не боишься, что откусит? - рассмеялась.

Алекс кивнул охраннику: верни Ярославу, и пошел за женщиной.

- Ты все так же остра на язычок.

- Ну, милый мой, - развернулась к нему и потянулась, жмурясь, как кошечка, но явно в желании не обнять, а уязвить. - Мой язычок не так опасен для тебя, - обвила все-таки его шею руками, провела ладонью по волосам. - Забыл уже? Напомнить? - игриво вздернула бровку. Одна рука скользнула вниз, накрыла пах. - Я скучала.

- Вернись, - перехватил ее на дорожке мужчина.

- Отстань!

- Хозяин велел...

- Ааааа хыф, пыф!! - вырвалось само. Лицо перекошилось от злости, пальцы в кулаки сжались и Ярослава даже взвизгнула от ярости, топнула ногой. - Ненавижу!! - процедила.

Охранник равнодушно глянул на нее:

- Да, пожалуйста. Но сейчас вернись и поднимись в гостиную. Или мне силой тебя привести? Лешему это не понравится. У него гостя.

- Лешему! - уставилась перед собой, пытаюсь смирить гнев. - Леший и кикимора. Классная пара! - выставила большой палец лесу. - Вот и миловались бы меж собой!!

- Может они втроем хотят? - спокойно заметил мужчина.

У Ярославы не то, что гнев, слова пропали:

- Чего? - развернулась.

- Того! - рявкнул и, схватив ее за руку, повел обратно.

"Если только он это сделает, я точно его убью!" - подумала

Ярослав, поднимаясь наверх.

Алекс и "ведьма" целовались, причем настолько интимно, что девушку перевернуло. Хотя подумать, какое ей дело?

Ярослава насуплено замерла у дверей.

- Аа, вот и твой домашний питомец! - воскликнула Ирма с милой улыбкой. - Взъерошенный котенок с помойки. Ах, Алекс, все бы тебе гадость всякую в дом вести.

Если бы она перестала обнимать мужчину, если бы отошла, и он перестал улыбаться, приобнимая ее, Ярослава бы промолчала. Но нынче у нее что-то случилось с благоразумием, слова сами с языка слетали:

- На себя посмотри, вобла сушеная, - буркнула.

Женщина выгнула бровку и рассмеялась, изгибаясь в руках Алекса:

- Какая прелесть! Теперь я тебя понимаю, мой дорогой: ты приобрел не котенка, а милую, домашнюю собачку. Сказалась любовь к остренькому. Мало своры борзых, да, милый? Их нельзя трахать за лай.

"Кикимора!" - глянула на нее Ярослава, прошла в гостиную и шлепнулась на диван, плюхнула ноги прямо на журнальный столик, сложила руки на груди и вызывающе уставилась на мужчину.

Ирма оглядела нахалку и тоже уставилась на Алекса: выжидательно.

Он понял, что намечается скандал и, спокойно улыбался.

- Рад, что вы понравились друг другу. Прошу, дорогая, - помог

Ирме сесть напротив Ярославы, а сам сел с ней и погладил вытянутые ножки. Девушка тут же убрала их со стола и от его рук. Вот и прекрасно.

- Как на счет чая? - спросил у Ирмы.

- Да, - натянула опять улыбку. - Милочка, я же просила вас принести "Леди Грей".

Ярослава прищурилась на нее: ну, стерва!... И подумала, что неплохо было бы принести ей чай, предварительно сыпнув туда перца, соли и слабительного.

- "Леди Грей"? - улыбнулась, скопировав ее улыбку. - Сейчас.

Не возражаешь? - повернулась к Алексу, и как черт ее за ум дернул: обхватила его лицо ладонями, поцеловала со стоном в губы. Встала и пошла вниз за порцией гадости для гостыи. Настроение чуть приподнялось оттого, что Ирме было явно неприятно наблюдать за этой сценой.

Пусть знает, кто собачка!

Алекс рассмеялся, забавляясь происходящим. Он был рад, что

Ярослава так бурно и эпатажно реагировала на его бывшую пассию - это о многом ему говорило, а что ей явно ни о чем - ерунда. И был уверен

- начало. Наверняка малышка, что-нибудь еще учудит. Ревность, которая не опознана, обуздать сложно, она и узанная порой не управляема.

Приятно.

- Ужас, - передернулась Ирма, когда девушка скрылась с глаз. - Как ты ее терпишь? Фи.

- Она оригинальна.

- Даже через чур.

- Ты пришла познакомиться с ней?

- Вот еще, - сбавила тон, сменив резкость на томность. - Я пришла увидеться с тобой и пригласить тебя на открытие выставки

Субиркова.

- Какая по счету за этот сезон?

- Какая разница?

- Никакой. Для меня.

- Будут интересные люди. Ты же знаешь, кто к нему приходит.

- Те, кто неинтересен мне.

- Давно? Одичал в обществе маленькой сучки? А я все думала, куда ты пропал? Месяц уже невидно.

- Меня устраивает ее общество.

- Ах, Алекс, не обманывай и не обманывайся, - отмахнулась. - Еще месяц и от нее следа не останется. Это сейчас тебя еще забавляет ее вульгарность и невоспитанность, но вскоре наскучит и отвратит.

- Все может быть. Как только это случится... я обязательно появлюсь у Субиркова.

- Теряешь время, Алекс.

- Как все мы.

- Я имею ввиду, твое новое увлечение. Конечно, в свет ее не выведешь, ну, и пусть сидит дома, развлекает своим лаем охрану. Я всегда готова сопровождать тебя на рауты.

- Меня обычно охрана сопровождает, - улыбнулся.

- Они нам не помешают, - со значением посмотрела на него женщина, томно повела плечиком. - Слово за тобой.

- Я еду в Альпы, там свой раут собирается, - отмахнулся, выдав эскиз плана за реальность.

- Что ж, рада буду тебя сопровождать.

- Да? - мужчина изобразил нешуточный интерес, чем приободрил женщину. - А сколько ты можешь унести?

- Э-ээ? - лицо Ирмы на пару секунд вытянулось.

- Видишь ли, мы собрались устроить драйв на внедорожниках, потом пешком залезть на Монблан. Ты с нами?

- Там холодно?

- Безумно, - заверил с самыми честными глазами. Женщина задумалась, веря и не веря ему.

- Дикость.

- Наоборот. Говорят - весьма увлекательно.

- Опасно.

- Не больше чем жить.

Ирма передернулась:

- Ну, нет, предавайся подобному безумию без меня.

- Жаль. Мне будет у-очень тебя не хватать.

- Так и подумала. Идея этой чокнутой в голову пришла?

- Расмусу.

- Оо! - женщина отпрянула. - Тогда я буду мысленно с тобой, оберегать от его тлетворного влияния.

Ярослава, появившись на пороге с подносом. Плюхнула на стол и расставила чашки:

- Могли бы проворнее работать, милочка, - заметила холодно женщина, получив свою чашку. Ярослава выдала ей мстительную улыбку:

"извини, соль для ванн долго не растворялась" Села рядом с Алексом, но в стороне.

- Тебе налить?

Мужчина понял по ее насмешливому тону и блеску в глазах, что она что-то придумала, и на всякий случай отрицательно качнул головой. В этот момент Ирма принюхалась и

подозрительно посмотрела на парочку:

- Станный аромат.

- С лимоном, как вы и просили, - заверила девушка: "он, наверное, и не растворился".

Женщина настороженно пригубила из чашки и скривилась, превратившись в настоящую ведьму. Острые черты лица в скрученно искривленном состоянии оголяли ее истинное лицо, выдавая вместе с сутью еще и возраст без прикрас пластических хирургов и косметической ретуши.

- Не нравится? - нежно мяукнула Ярослава. Алекс понял, что она что-то подсыпала гостю и, широко улыбнулся, покосившись на нее.

Взгляд был насмешлив и не ругал - поощрял. Настроение Ярославы от этого прыгнуло вверх.

Ирма высунула язык: бее. Отставила чашку и поднялась, всем видом показывая, что оскорблена.

- Убери это, пока она тебя не отравила, - ткнула пальчиком в девушку, проплывая к выходу.

- Я не пью "Леди Грей", - заверил мужчина, не шевельнувшись.

Цокот каблучков Ирмы стих. Ярослава покосившись на мужчину, не нашла недовольства и улыбнулась. Алекс же с тех пор как женщина ушла, улыбался, рассматривая девушку с довольством и любопытством, и взгляд его мог не нравиться лишь неодушевленному предмету.

- Что ты ей подсыпала? - спросил спокойно, словно речь шла о чем-то невинном. Если он так считает, значит, не так ему эта Ирма важна, - подумала девушка, и призналась:

- Соль для ванн.

У Лешего бровь к челке ушла на секунду: надо же додуматься! И рассмеялся, расхохотался:

- Бог мой! - качнулся к ней, потянул к себе и лег, заставляя

Ярославу лечь на себя. Взгляд оглядывал лицо девушки и будто любовался. - С тобой страшно приглашать в дом гостей. Не взбрдет ли тебе в следующий раз использовать зубную пасту или гель для душа?

- А нечего цепляться.

- Солидарен, - рассмеялся. - Ирма удивительно надоедливая и ехидная особа.

- Твоя любовница.

- Бывшая.

- А ведет себя, как настоящая.

- Ревнуешь?

Алекс глаз с нее не спускал и увидел, как она растерялась.

Глупышка так и не поняла, что банально ревнует.

- Вот еще! У тебя Ирм этих да Жанн, считать замучаешься, а уж ревновать...

Взгляд мужчины стал холодным, а Ярослава прикусила язык, сообразив, что проговорила. Хотела отодвинуться, но Алекс сильнее ее к себе прижал:

- Кто про нее вспомнил?

- Никто. Ляпнула первое попавшееся имя.

Леший не поверил. Завел ей руки за спину и зажал. Девушка испугалась:

- Ты что?

- Пытать буду.

Взгляд был серьезен, Ярослава поверила, дернулась:

- Не знаю я ничего!

- Проверим?

Одно движение и кофта от шеи затрещала по швам, спала с плеч, оголяя торс. Девушки рванула прочь и была прихвачена, зажата. Юбка полетела прочь вместе с трусиками, оголяя ягодицы. Остатки кофты спутали руки за спиной. Ярослава стояла на полу на коленях, лицом в диван и не видела что происходит, прижатая через талию навалившимся

Алексом. Она лишь чувствовала, как он гладит ей ягодицы и, боялась того, что он может удумать.

- Ты в садистов играла когда-нибудь?

- Я ничего не знаю!! - взвилась Слава.

- Так и подумал.

Затрещала материя и темный волан юбки закрыл глаз девушки. Леший завязал оторванную ленту, вторую пристроил через рот, и зашептал на ухо:

- Я пойду, а ты полежи и подумай, освежи память воспоминаниями.

Его немного забавлял, немного вызывал досаду страх ее перед ним, те мысли, что проявлялись во взглядах. Девочка явно придумала себе на счет него, чего и желтая пресса выдумать не смогла - фантазии не хватило. Переубедить словами? Глупо и бесперспективно.

Другой дорогой пойдет. Более увлекательной для обоих.

Скрипнуло, раздался шорох шагов, удаляющихся в сторону, стало тихо. Ярослава прислушалась, не надеясь, что ненормальный ушел, но ни звука, ни признака присутствия не определила и попыталась подняться. Оказалось, что со спеленатыми за спину руками это сделать трудно, получилось лишь сесть на колени.

Сердце из груди выскакивало, было страшно, что вернется Алекс, еще страшнее, что придет охрана. Оказаться голой, связанной, слепой и немой, хуже некуда. Беспомощность и незащитность будили животный страх и обостряли другие чувства. Любой отдаленный шорох, дуновение ветерка, запах вызывали дрожь и мурашки. Надо было куда-то двигаться, но куда в таком виде? Появиться, что пригласить, остаться

- тоже самое. И тут послышался звук осторожных шагов. Ярослава замычала, попыталась освободить руки и оцепенела от касания чужой руки. Пальцы пробежали от шеи вниз к ягодицам, теплые ладони накрыли грудь и девушка, вздрогнула всем телом, неожиданно для себя почувствовав вместе с возмущением слабость и дрожь внутри. Ей было страшно, стыдно и одновременно приятно. Тепло на прохладной коже рождало тепло внизу живота и дурманное волнение, от которого хочется вскрикивать, но не кричать, бежать, но не убегать.

Она понятия не имела, кто посмел воспользоваться ее беспомощностью, но поняла, что ей все равно не уйти от чьих-то фантазий. К тому же мужчина был очень нежен и явно не мог быть

Лешим. Но так же не мог быть кем-то еще, кроме него.

Теплые ладони ласкали и грели ее кожу, гладили плечи и грудь, живот и ягодицы и Ярослава сама не заметила, как забылась, рвалась и гнулась от ласк, но не хотела их избегать.

Мужчина осмелел, заставил ее раздвинуть ноги. Ярослава застонала и была оставлена. Она не сразу поняла, что ее никто не трогает и, только тогда сообразила, ужаснулась тому,

что разочарованна. Но тут до нее донесся аромат чего-то терпкого, горячего. Лона коснулась влажная и скользкая рука, погладила, внедряясь пальцем внутрь и заставляя изогнуться, застонать. И вновь оставила.

Внутри стало тепло, потом горячо.

Ярослава чувствовала чье-то присутствие за спиной и кляла его за бездействие. В голове начало стучать, как в барабан и до колик захотелось утолить тот жар внутри, что начал перерастать в пожар.

Одно неожиданное касание к ней и девушка сама поддалась к руке.

Мужчина обхватил ее грудь и прижал спиной к своей обнаженной груди.

Ничего приятнее и прекраснее девушка не испытывала. Ушел страх и испарились запреты. Она млела от умелых ласк и мысленно молила о их бесконечности. Когда мужчина вошел в нее, она закричала протяжно и громко, томно и радостно. И поплыла, не представляя, что такое возможно. Она сама шла ему на встречу, постанывая от наслаждения.

Потеряла себя, потеряла понимание, где находится с кем, все это было не важно - ей было слишком хорошо, чтобы думать об этом, отравлять наслаждение чем-то огорчительным. Провалилась, пропала, вся ушла в те волны, что оглушая разум разливались по телу, корежа его в конвульсиях экстаза.

Девушка терлась спиной о грудь мужчины, подставляла его ладоням грудь и сама шла на сближение, помогая ему наполнять ее. Страстная, горячая, открытая, смелая.

Она открылась Алексу совсем с другой, опять с неожиданной стороны и, он словно впервые брал ее, не знал до этого момента. Он даже не хотел отпускать ее, когда все закончилось, и крепко обнимал, чувствуя, как эхо наслаждения еще бродит по ее телу, заставляя его вздрагивать.

- Ты прекрасна, - признался.

Шепот, коснувшийся ее слуха, показался ей знакомым.

Алекс снял повязку с ее глаз и увидел огромные зрачки, еще полные неги и безумного наслаждения. Разгоряченное лицо и мокрые волосы, прядка прилипшая к щеке, словно начертали ее образ в совсем иных красках. И он понял, что сейчас они с ней занимались далеко не сексом - чем-то большим.

Эта минута потрясла обоих.

- Ты? - прошептала, не веря, но, понимая, что именно этого и ждала. Неужели он может быть таким? Если так, то где прячется этот

Алекс? Среди множества других Алексов этот был самым привлекательным, но столь же возмущающим, как и другие. Коварным, но нежным и близким до одури.

- Я. Ожидала кого-то другого?

Ярослава расслабленно опиралась на его плечо и грудь, смотрела в лицо, глаза и понимала, что видит впервые. Ненависть исчезла, ушли заботы и печали, ушла горечь одиночества, страхи, обиды, забылись его возмутительные поступки, хоть она и понимала, что этот не менее возмутителен. Но в свете пережитого, что еще стойко хранило тело, казалось прекрасным, не отвратным.

Алекс развязал ей руки и она прижалась к нему:

- Почему ты не всегда такой? - прошептала.

- Какой?

- Близкий, понятный. Красивый.

Мужчина улыбнулся, чувствуя блаженство и гордость. И действительно почувствовал себя красивым, хотя ни разу не удостоивался подобной лести.

- Потому что ты прошла барьер страха и ненависти, - прошептал.

- Страх искажает людей и поступки, твой страх - не их. Ты придумала про меня то, чего нет и твердо уверилась в собственной фантазии.

Разочарована, что действительность иная?

Ярослава потерлась щекой о его плечо, обвив руками за шею:

- Нет, наоборот. Ты не отдашь меня, как Ларису?

- Нет, - прозвучало просто и немного удивленно. - Что же ты себе надумала?

- Сам виноват... Даже когда сюда позвал... Мне сказали, что вы втроем хотите.

Алекс отодвинул ее, чтобы посмотреть в лицо и улыбнулся на ее смущение:

- Не знаю, кто тебе сказал подобную несурезицу. Больше слушай всякий вздор. Имей в виду, я жуткий собственник, и брезглив до чертиков.

Ярослава сразу поверила, погладила его по лицу, и Леший невольно потерялся на минуту от неожиданной ласки - особенной, не от желания

- от нежности. И словно в благодарность за это, а может от напавшего волнения, брякнул:

- У каждого свои игры, тут ничего не изменишь. Но я привык играть лишь вдвоем.

- Скука?

- Скука. Сама поняла за месяц.

- Еще немного и застрелилась бы. Сытая жизнь развращает, в ней деградируешь.

- Поэтому каждый избавляет себя от этого, как видит и как хочет.

- Ты выкупишь Инну?

Алекс вздохнул: надо же так бездарно все испортить.

- Нет, - отодвинул ее.

- Почему?

- Объяснить еще раз? Потому что есть система, а я не идиот идти против нее.

Алекс встал, натянул брюки, накинул на плечи рубашку, сел на диван и, достав зеленую сигарету из коробки, с нижней полки столика, расслабленно закурил, уставившись в потолок. Ярослава попробовала тоже - приятный мятно травный вкус.

Мужчина смотрел на нее из-под полуопущенных ресниц:

- У каждого свои пристрастия, с этим ничего не сделать, потому что они в природе человеческой. Стремление к комфорту в нашей крови, его диктует инстинкт самосохранения. Но стоит удовлетворить этот, начинают бродить другие, и самый острый - сексуальный. Потребность в удовлетворении, в получении власти и наслаждения. Одному нравится брать и ломать. Другому приручать и изучать. Разность в типе, характере, воспитании.

- Приручать и изучать - как со мной? А с подругами - всего лишь шантаж? Часть плана, - начала догадываться Ярослава. - Случайность, что ты использовал для себя... Как к тебе попала запись?

- Какая разница? Не задавай глупых вопросов. Эта часть другой игры, о которой тебе знать не надо.

Ярослава в раздумьях пересела на диван, обняв себя за плечи и поджав ноги.

- Но ты дал слово, гарантию.

- Да.

- Мне, что с девочками...

- Ярослава! Я же просил оставлять своих подруг в своем уме.

- Извини... А что будет через год со мной?

Алекс пожал плечами:

- У тебя очень много несущественных переживаний. С теми деньгами, что ты получишь, легко устроиться где угодно. Будешь жить не печалься. Даже ребенку это ясно.

- Я не о деньгах - о нас.

- О нас? - покосился: что она имеет ввиду?

- О привязанности, что неизбежно возникает при постоянном и близком общении.

- Вместе с ней возникает и усталость, ощущение однообразности.

Поэтому я и поставил в контракте год. Достаточный срок, чтобы насладиться друг другом и разойтись не сожалея.

- Ты никого не любил, - понял. Алекс рассмеялся.

- Девочка, любовь одна из "морковок" что развешивают для идиотов. Не смей меня. Есть желание, есть выгода, есть секс, есть утонченность восприятия, есть привычка. А любовь всего лишь пристрастие, что смешивает несколько понятий.

- Несчастный ты человек, - искренне посочувствовала ему девушка, чем заслужила озадаченный взгляд. - Бог серьезно наказал тебя.

Леший затушил сигару и встал:

- Оденься, - бросил и ушел.

Ярослава одевалась, глядя на себя в зеркало и, казалась себе повзрослевшей, более зрелой и совсем другой, чем та, которая упрямо желала убить Лешего. Эта захотела его приручить, сыграть с ним на равных и хоть что-то изменить не в системе, так в одном доме, в одной голове, и действовать не напором, криком и упрямством, а совсем иначе.

Для этого ей предстояло научиться справляться с собой, теми эмоциями, что порой топили разум. И много чему еще другому, в частности вниманию.

Глава 16

- После ужина, ложись спать, - почти приказал ей Леший за столом вечером следующего дня.

- Почему?

- Потому что я так хочу.

Его лицо, как всегда ничего не выражало. Спокойствие и отстраненность - думай что хочешь. И будто не было вчера, не было того Алекса - привиделось.

- Я хотела посидеть в библиотеке, почитать.

- Почитай в постели.

- Дурно влияет на зрение, - выдала с улыбкой. Алекс внимательно посмотрел на нее: что-то новенькое.

- Какой слог, - улыбнулся. - Хорошо, но будь любезна не попадаться на глаза моим гостям.

- Жалко соли для ванн? Могу предложить гель.

Леший хохотнул и только.

- Не хочешь познакомить меня со своими гостями?

- Ни малейшего желанья, - заверил серьезно и уткнулся в газеты у тарелки.

"Он стыдиться меня, не желает попасть впросак со мной или за его приказом прячется нечто другое?"

- Кто-то обещал познакомить меня с "нужными" людьми. Гости не входят в их число?

- Познакомлю к истечению контракта.

- За неделю или за день?

Алекс оторвался от статьи, посмотрел на девушку холодно и внимательно: ему почудилось, что она не желает выполнять его указание, как не желает сидеть взаперти, когда внизу будут веселиться. Созрела для флирта, показа себя - выставки своих достоинств на аукционе чужих прихотей и амбиций?

Однако ее пытливый взгляд в ответ, сказал ему, что Ярослава всего лишь любопытствует, пытаюсь понять причину заявления Лешего, чем успокоил, смягчил:

- Я сообщу заранее, когда придет время, - подарил улыбку и опять начал просматривать прессу.

Ярослава не стала больше расспрашивать, ушла, как он просил в спальню, провела час за чтением, а после пошла на разведку.

В левом крыле первого этажа явно шла какая-то вечеринка - оттуда доносилась музыка и смех. Девушка затаилась у перил и смотрела, как прибывают импозантные мужчины со стройными, высокими, блестящими женщинами. Однотипно стройными, украшенными и увешанными. Вечеринка скорей всего была в узком кругу, потому что прибыло всего две пары и один мужчина без сопровождения, но возможно Ярослав пропустила главный наплыв гостей. Она ждала до девяти и решила тайными тропами пробраться вниз и хоть краешком глянуть, что же там за веселье.

Она сняла туфельки и, прижимая их груди, пошла на цыпочках по коврам в конец коридора, чтобы спуститься через лестницу для прислуги. И наткнулась на выходящего из гостиной залы мужчину с сигарой. Он замер удивленно разглядывая ее, но при этом смотрел как на старую знакомую, которую не ожидал здесь увидеть. Однако

Ярослава, точно его не встречала раньше, ни здесь, ни тем более в своей прошлой жизни, где просто не было места подобным красавцам с обложки гламурных журналов, и растерлась, недоумевая. Самое лучшее было выдать приветливую улыбку, поздороваться и продефилировать дальше, но мужчина прислонился плечом к стене, мешая ей это сделать:

- Здравствуй, - поздоровался тихо и проникновенно, как с давно и близко знакомой.

- Эээ... Здравствуйте.

- Давно здесь?

Ярослава моргнула: он о чем? Она невольно нарушила его уединение или могла услышать какую-то архиважную тайну и он беспокоится, насколько много она успел услышать и понять?

- Час. Но не здесь - там, - махнула себе за спину, немного сторонясь мужчины из-за странного взгляда его выразительных карих глаз. Чем-то он напоминал ей принца из сказки: стройный, высокий, пышные, светловатые волосы почти до плеч, и эти глаза, в которых нега и нечто затаенное, как желание или любовь.

- Почему "там"? - чуть улыбнулся. - Леший украл русалочку и скрывает ее от наших глаз?

- Я была занята.

- Серьезно? И чем, посмею полюбопытствовать?

- Читала.

- Вы знаете буквы?

Вышло смешно, но не насмешливо и Ярослава невольно улыбнулась:

- Нашла пару знакомых.

- Поздравляю, - засмеялся. - Не хотите присоединиться ко мне и просветить, а то я сколько не ищу знакомые буквы, никак найти не могу. Прячутся.

- Как вы?

- Ну, что вы. Надоел шум и пустой смех красоток, только и всего.

Пошло. Утомительно. Поговорить не с кем. Видно вас мне на спасение послал домовый этого дома.

- Как же я вас спасу?

- Расскажите что прочитали. Надеюсь это не свежайшие новости с первых полос нашей прессы и не котировка валюты?

Девушка заулыбалась:

- Нет, я этим не интересуюсь.

- Да что вы?! Замечательно! А то, как раз разговоры на эти темы и наскучили мне до замшелости. Так что же вы читали?

- Классена.

- Ах! Новый модный писатель?

Ярослава прыснула:

- Историк девятнадцатого века.

- Seriously?

- Честное слово.

- И не умерли со скуки, читая его труд?

- Это бестселлер.

- Н-да? Поверю на слово. Пройдемте к камину - не будем же мы обсуждать великие теории уважаемого историка в коридоре? Кстати, мы не познакомились - меня зовут Игорь,

- жестом приглашая пройти в гостиную, представился Расмусов.

- Ярослава.

- Мама вычитала ваше имя в трудах означенного ученого?

- Нет, просто захотела и назвала. А вы друг Алекса? - села в кресло, кинув туфельки у ног.

- Друг, - затушил сигару и сел в кресло напротив. - А вы?...

- оглядел и не нашел пространно - корректного определения.

- Содержанка, - не стала мучить его в догадках и назвала вещь своим именем.

- Еще одно слово из лексикона классика - Классена?

- Как мне сказали - это жизнь, укладываемая в систему, которую не переделать.

- Вот и неправда.

- Вы так думаете?

- Уверен. Любая система - это люди, поменяйте людей, поменяется система. А вы против быть... подругой Лешего?

- Он своеобразен, - ушла от ответа Ярослава, не зная уже и для себя против она или нет.

- Размыто, - улыбнулся мужчина. - Но в точку. Леший типичный продукт высшего общества, так что даже тараканы в его голове относятся к элите. А все что относится к элите покрыто золотом и пылью: ползает вяло, мыслит стереотипно.

Ярослава рассмеялась: мужчина все больше нравился ей - импонировало, что он не лез в карман за словом и не боялся сказать лишнее.

- Что? - выгнул бровь.

- Чудный образ нарисовали.

- Его родители нарисовали. Они у Лешего тоже из высших слоев.

Это я из грязи в князи, а он из князей - не до грязи.

- Огорчены?

Мужчина помялся и улыбнулся:

- Сейчас модно выискивать в своей родословной именитого родственника. Увы, сколько не искал - не находится. Наверное, очень глубоко в веках закопан.

- Главное ведь не титул, ни родство с благородными дворянскими домами.

Игорь сел, как лорд Байрон, приложив ладонь ко лбу, и стал действительно похож на писателя - философа и слегка циника.

- Что же, по-вашему?

- Личность, ее качества.

Мужчина явно развеселился:

- Романтика молодости? Шарман.

- Посудите сами, к чему нужен титул?

- Хорошая фишка, на которой можно сыграть.

- Вы игрок?

- Еще какой! Грешен - азартен. Увлекателен не итог, а сам процесс. Вы были в казино, видели игроков? Какая страсть, экспрессия написана на их лицах? Ставка, ожидание на грани истерики и вот отчаянье на уровне готовности к самоубийству, или экстаз выигрыша, окрыляющий и толкающий на безрассудство. Следующая ставка. Так по кругу: от отчаянья к опьянению от счастья. Вся жизнь человеческая в этих лицах и мгновеньях. Подобную страсть можно увидеть, пожалуй, лишь у сраженных любовной лихорадкой. Кстати, вам уже

довелось испытать головокружительную страсть, влечение, которое невозможно обуздать?

"Не слишком много он хочет знать?" - подумала девушка. Вспомнила вчерашнее и отвернулась.

- Нет, конечно, вы слишком молоды, в вас кипят совсем иные страсти - бунтарства, например, да? А еще хочется обнять весь мир и объявить о себе во всеуслышание.

- Не думала.

- Как? Вы не самолюбивы, не тщеславны, не амбициозны?

- Нет.

- Другие планы? Вам нет дела до звезд, нужна одна маленькая снежинка? Любимый, семья, дети и неплохая работа?

- Что-то в этом роде.

Мужчина с улыбкой покачал головой:

- Нет, не обманывайтесь. Вы будите плохо смотреться в домашнем интерьере, поверьте, испортите свои данные, упустите возможности.

- Некоторые нужно упускать.

- Я иного мнения. Вы сами кто по профессии?

- Никто. Была студенткой.

- Мама, папа?

- В разводе.

- Печально. Что думаете делать дальше? Есть какие-то реальные планы?

- Да - жить.

- Вот так просто?

- Да, почему нет?

- А как?

- Солнечно.

Расмусов хмыкнул:

- Всего лишь?

- Мне достаточно.

- Зря. Нужно уметь выгодно продавать товар, что вы имеете, пока на него есть спрос, пока товар не завял и не испортился, пока на него есть предложение. А вам есть что предложить, достало бы ума это сделать. Примите мои поздравления. Я кстати был уверен, что с бедными не о чем говорить, но вы несколько пошатнули это мнение.

Ведь вы из низшей среды, я прав? Конечно. Не обижайтесь. Вы прекрасно держитесь, антураж - весьма, но вот рассуждения, некоторые постулаты, выдают вас с головой. Надеюсь, я вас не оскорбил?

Молчите? Да будет вам. Я выразил свое восхищение, поверьте. Кстати, опять же не примите за дерзость или желание оскорбить вас... Будем говорить как деловые люди: мне по нраву ваш товар, если мой вас не отталкивает, а поверьте я могу не меньше Лешего, то я буду рад помочь вам после того, как ваши отношения с Алексом закончатся.

Можете ничего не отвечать мне сейчас, я даже прошу об этом. Просто запомните мое предложение, а решение придет само в нужный момент.

Бывают такие минуты, когда очень четко и ясно складывается то, что не дается порой годами, вязнет то ли в пустоте определений, не находя оптимально выражающего и подходящего слова, мысли. То ли не хватает этому "чему-то" какой-то крупинки, чтобы

укорениться, из разрозненных почти неосозаемых порой ощущений, собраться воедино.

Это непонятное, неясное мучает мозг, портит настроение, сидит как заноза, но стоит попытаться ее вытащить - ускользает, утопает в тумане непонимания, как силуэт человека в тумане превращается в образ неясной тени, которую ты не можешь ухватить, понять, кто за нею скрыт.

И вдруг что-то еще более неясное, что-то наверное принадлежащее совсем иной сфере, касается тебя как ангел крылом. Ты не видишь его, ты даже можешь не верить в это, но ощущение, понимание образуется само и не стоит блеклым образом необъяснимого, шаткого, наоборот - встает четко и безапелляционно. Это нечто может не касаться и близко той плоскости, в которой лежит твоя "заноза", оно может соприкоснуться с ней лишь номинально, на уровне подсознания, ощущения, но в миг ставит все на свои места. Ты просто точно знаешь

- так, а не иначе. Вот так правильно, вот он ответ, вот она суть, вот он путь.

Ярослава смотрела на Игоря и будто озарение ее посетило, то самое четкое понимание, которое никак ей не давалось. Она осознала, насколько при всей своей несхожести, похожи меж собой Алекс и его друг. Все из их круга, похожи один на другого и друг на друга, хоть и разные. Одно мышление, взгляды и эта скука, живущая на лицах, разъедающая их, толкающая в те плоскости, в которых человеческого уже не остается. И если это элита, то Бог мой, куда идет общество, куда движется государство? И ответ очевиден - к новой Октябрьской революции, по-новой, но по старому маршруту.

О какой морали может идти речь? Что им до нее, что до "маленьких" людей, которых они замечают, лишь вовлекая в свои игры и то, от скуки или выгоды. Они развлекаются, они увлекаются и всерьез воспринимают мир "детской комнатой", в которой полно игрушек - заводных мишек, милых куколок, которым можно сломать ногу или надеть шикарное платье, положить в постель с кеном или выкинуть за окно.

Вот вам паровозики, вот машинки, вот кубики из которых что-то строится, когда хочется, а потом ломается, тоже потому что хочется или разонравилось.

Все действительно просто, без эмоций, ненужных метаний, действительно пошло и грязно.

Но можно ли говорить, что ничего нельзя изменить лишь потому что, одним не хочется, а другим страшно, непонятно, многое и неизвестно, да и не надо. Барахтаются в болоте и сетуют на сушу. Не хочется тратить время, силы, утруждать мозг. Проще когда идет как идет.

Проще привыкнуть к этому и ругаться от безысходности, выпуская пар, потом снова брести, куда и как сказали руки "мальчика", который и двигает своих оловянных "солдатики". Все просто до мерзости - многоликая толпа однотипных игрушек, каждая из которых думает, что ничего не может, уверена, что одна такая умная. Но ведь стоит повернуть голову и можно увидеть себе подобного, стоит протянуть руку, стоит подать голос. Стоит сделать, что-то самому, забыв, вычеркнув тезисы из серии "не могу, нет смысла".

Смысл есть, и пусть даже этот смысл ясен только тебе, но шагни, посмотри, скажи, протяни руку - начнется цепная реакция и, потянутся руки уже к тебе. Но даже если нет, даже если в попусту и никто не встанет рядом, но для себя самого ты будешь знать - ты что-то сделал

- не рассуждал. Не ворчал, не трещал, промывая косточки системе - пусть только

пытался, но делал.

Что она может изменить, содержанка, с которой одной страховкой контракта связаны три судьбы? Быть послушной, бессловесной игрушкой и тупо отсидеть положенный год в этом особняке как в тюрьме? А потом всю жизнь корить себя за него, вернуться и узнать, что подруги стали жертвами игр не одних, так других, что прожила она зря и, ничего не изменила, никому не помогла?

А она пыталась? Да. Но смириться, измениться самой, подстроиться, а не изменить.

Ярослава не была уверена, что права, но решила для себя четко - она не смирится и все же попытается пошатнуть эту систему пусть и в малейшем ее проявлении - в этом доме, в окружении Алекса и в нем самом. Пусть они называют это недальновидностью, глупостью, наивностью, романтизмом - как угодно, пусть даже смеются, но она это сделает. Еще не знает, как, но узнает, главное понять цель.

Ярослава подобралась и убрала эмоции - потом она даст им волю, потом прокрутит как киноленту этот вечер, как прошедший месяц назад и проанализирует - сейчас ей нужно другое: понять с чего начинать, понять этих людей, понять саму систему их отношений.

- Алекс ваш друг.

- И что?

Ей вспомнился разговор с Лешим и его смех насчет дружбы - "выгода и только. Ченч есть ченч".

- Ченч есть ченч.

- Оп-па! - Игорь заинтересованно уставился на нее, даже развернулся в кресле, чтобы лучше видеть девушку. - А вы действительно не глупы. Браво.

- Я быстро учусь.

- Похвально.

- Хороший учитель.

- Алекс? Сам бы напросился в ученики.

- Раз так, давайте вернемся к деловому разговору. Я вам понравилась и вы не прочь заключить со мной контракт на половые услуги, правильно?

Расмусов поморщился, но улыбнулся:

- Вы слишком прямолинейны, дорогая. К тому же не правильно поняли. Обычные половые, как изволили высказаться, услуги, никому здесь не нужны.

- Хорошо, нужны необычные. Суть дел не меняется - вы хотите меня. Как сильно и что вы можете предложить мне, а так же своему другу, чтобы в случае разрыва контракта с ним, все остались довольны?

Игорь не ожидал подобной хватки, задумался, потирая губы и поглядывая на девушку: сколько она с Алексом? За какой срок невзрачная, невинно-наивная студенточка переняла хватку Лешего?

Стоит ли вообще связываться с пираньей? Он хотел обычную "гупешку", а под ее "шкуркой" оказывается скрывалась довольно хищная рыбка.

Он был готов платить за серость, что он превратит в достопримечательность своей каминной залы, посадит на поводок. Но удастся ли посадить на цепь эту? Да более элитную и элегантную... да, даже интереснее. Но и ставка выше, цена больше.

Надо покрутить Алекса, с чего вдруг она появилась в его доме, куда и в гости свои же порой попасть не могут. Он ничего просто так не делает. Может быть, он даже развел Расмусова с Хелен из-за этой девчонки. Если так, то ситуация вовсе становится

занимательной.

Значит, есть за что платить, есть зачем встречать.

- Я подумаю. А пока... - и качнулся к ней, желая дать аванс то ли объятьями, то ли поцелуем, но девушка выставила ладонь, упреждая его действия.

- А пока помните, что я принадлежу вашему другу.

- Ох-хо-хо! - рассмеялся, но вернулся на место. - Но мне хотелось бы оценить товар, прежде чем затевать сделку.

- Вы вправе ее не затевать, - беспечно пожала плечами Слава, бесхитростно глянув на него. Она видела его интерес, понимала, что чем-то зацепила, иначе в первый час знакомства не получила бы вполне ясное предложение. Отношения "дружбы" можно было опустить и не озадачиваться на тему дружеских "проверок" Ярославы на стойкость - здесь не действовала этика, а тем более нравственные категории. Это она уже поняла.

Все действительно оказалось просто: хочу - цена вопроса.

Захотел, предложил и никаких этических, моральных норм.

Ну, и дружки у Алекса. Как тут в одинокого зверя не превратишься?

- Но вы не против сделки?

"Если Алекс правда, согласится? Что тогда?" - подумала девушка: не далеко ли она зашла?

- Все зависит от вашей цены, - нашлась что ответить. Принятый в их круге язык ченча корбил ее, но был единственно понятен таким как

Игорь.

Леший решил пригласить девушку на тусовку. Охрана сказала ему, что она с Расмусом сидит в гостиной - это вызвало раздражение мужчины и он пошел наверх уже слегка взъерошенный. В его планы не входила встреча Игоря и Ярославы, она бы не состоялась, если бы девушка слушалась Александра, но случилось, как случилось, и заставляло мужчину пожалеть о затеянной вечеринке в принципе. Хотя ему нужно было утрясти некоторые дела, что с помощью раута было проще и дешевле. И утряслось, но с другом и девушкой пошло наперекосья. Он поспешил к ним и, подходя, услышал странный диалог:

"-... вашему другу.

- Ох-хо-хо! Но мне хотелось бы оценить товар, прежде чем затевать сделку.

- Вы вправе ее не затевать.

- Но вы не против сделки?

- Все зависит от вашей цены".

Алекс сначала не поверил своим ушам - Ярослава ли это говорит?

Потом рассердился - как же быстро она переняла товарно - денежные отношения, научилась фальши. Ему одно говорит, с ним так ведет себя, с другими иначе.

Ярослава решила пошпионить в пользу Расмуса? Решила "срубить" по легкому еще денег на себя или свою подружку? Ей мало - вот и вся проза, никакой поэзии наивности! За какие документы или информацию она готова подсуетиться?

Так, значит, да? Теперь такой сюрприз решила преподнести?

Быстро же она научилась жизни. Ай да студенточка.

Алекс смирил гнев и нарисовал на лице улыбку. Шагнул в залу и спокойно сел на диван, проигнорировав девушку:

- Что уединился? - спросил Расмуса. - Сидишь без вина, как не родной.

- Пьян твоей очаровательной знакомой.

- Рад, что тебя развлекла моя содержанка, - Алекс позволил себе посмотреть на Ярославу и качнул ей головой в сторону выхода. - Ушла в спальню и чтобы больше не появлялась.

Сказано было с улыбкой, но сопровождается ледяным тоном и колючим взглядом. "Ревнует", - подумала Ярослава, чтобы легче было пережить унижительное: пошла вон, шлюшка. Молча встала и вышла. Устроилась на балконе спальни, чтобы сверху посмотреть на тусовку: гуляющих под светом фонарей и музыку в парке, официантов, спящих с подносами, заодно сложить произошедшее и определить свою тактику и стратегию.

И пореветь, чтобы никто не увидел.

Алекс плеснул вина в бокалы, хлебнул и вопросительно посмотрел на Расмуса:

- Почему один?

- Так получилось.

- Поэтому заскучал? В бассейне уже ведут переговоры наши "путаны".

- Бомбят козырей, - рассмеялся. И Алекс в ответ, хитро поглядывая на друга:

- Присоединиться не хочешь?

- Нет, охладел с некоторых пор, - так же хитро и понимающе глянул на Лешинского. Он знал, тот зря собирать в своем особняке гостей не станет даже по великому празднику - если только не придумает его сам, когда ему захочется. Стоит за этим выгода, работают камеры, тусуются нужные люди рядом с нужными Лешему людьми, да и сам уже кого надо обработал, а раутом этим нужный шлиф устроил, лишние "занозки" смел. Теперь может пить вино и ждать когда гости разъедутся. Лис он, а не Леший.

- Я где-то уже видел эту девочку, - небрежно махнул рукой в сторону дверей.

"Издадала начал", - оценил Леший.

- У Хелен на пленке, когда игрушку выбирал.

- Ааа, да, да, - изобразил озарение. - Как же вас судьба свела? Или имя ей Хелен?

- Не поверишь - судьба именно и свела, без всяких хлопот элитных путан.

- Она мимо особняка шла? - рассмеялся - хорошая шутка: какая-то девчонка из низов случайно оказывается на пути того, кто ходит только по верхам.

- Зря смеешься. Столкнулись в городе, я ее вспомнил. Ты же знаешь, что иногда мне доставляет удовольствие прокатиться в город под видом обывателя.

- И так сразу решил взять на содержание?

- Смотрю, она тоже вызвала в тебе нешуточный интерес. А ведь не больше десяти минут общались.

- В ней что-то есть, - уклонился Расмус от прямого ответа.

- Породы, - не стал скрывать один из фактов Алекс.

"Ах, вот в чем дело. Тогда все понятно", - посмотрел на него Игорь.

- Аристократка? Есть титул?

- Она отпрыск довольно известной в Европе фамилии.

"Размыто, но понятно - так он и открыл карты! Ну, Леший, как обскакал!" - раздраженно подумал Расмус: "Дворянка да еще известного европейского дома! Она бы изумительно смотрелась в интерьере моего дома, но досталась ему. Не везет. Впрочем, девочка сговорчива".

- Не надоела? Давно ты с ней?

- Давно. Но не надоела.

"Еще бы! Мне бы герб лишний тоже не жал", - насупился мужчина.

- Продать не хочешь?

- Ты же знаешь, что есть товар, в котором нуждаешься сам и потому, он не продается.

- Пока?

- Пока.

- Но как только, шепнешь мне?

- Эээ, - покрутил бокал, разглядывая вино, и Расмус понял: что я с этого буду иметь?

- Сочтемся.

- Вопрос.

- Обсудим под Новый год, идет? Ты же едешь в Альпы, не передумал? Обещают хороший драйв.

- Смотрю, ты переключился на здоровый образ жизни.

- Чистый адреналин. Где его еще можно получить, как не через экстрим. После Хелен, другое мне не подходит. Девочку с собой возьмешь?

- Еще не решил.

- Она бы нас развлекла, - со значением покосился на Лешего.

- Я не любитель столь утонченных развлечений, - ответил тем же взглядом.

- Жаль, - не скрыл разочарования Игорь. - Умеешь ты женщин выбирать.

- Не всех, - почти ласково глянул на него Алекс.

- Намек? Считай: один - один.

- Переведи.

- Я заказал Хелен Ярославу, но сделка сорвалась по известным тебе причинам. Теперь у тебя девушка, а у меня... манящие вершины снежных Альп, - хохотнул. - Квиты.

- Не знал.

"Не думаю", - глянул на него Расмусов, но понятно, промолчал.

- Скажи, сам прикинул ее для интерьера? У меня бы она смотрелась лучше. Ошейник прекрасно бы подошел к ее титулованной шейке, а уж взять аристократическую сучку, не отказался бы ни один гость. Она бы у меня не сидела истуканом, рассуждая о всякой ерунде.

- Найди другую, если эта фантазия не дает тебе покоя.

- Эта с титулом, что придало бы особой пикантности и остроты, - протянул, облизав губы.

- Не возможно иметь все.

- Кому-то, - добавил, не скрыв зависти и раздражения. - Тебе и заводик и породистая сучка, а мне мечты.

- В заводик, как и в Ярославу, придется делать немало вложений.

Так что ты ничего не потерял.

- Но и не приобрел. Н-да, селяви. Как ты, говоришь, ее взял?

- Просто. Сработал под банального психолога, не хватающего звезд с неба, поиграл и привел сюда. Классическая схема - опусти, потом подними. Чем ниже опускаешь, тем меньше затрат на "подъем". Не поверишь, хватает протянутой руки. С женщинами еще проще. Главное очаровать ее на начальном этапе.

- Н-даа? - Игорь задумался: неплохая идея. - А ты изобретатель, - хохотнул. - Мне бы в

голову не пришло маскироваться... под кого ты там, говоришь?

- Под обывателя из ее круга.

- Ой, гурман. Ха... Н-да.

Алекс понял, что засеял в его голову зерно и мысли Расмуса надолго оставят Ярославу. Что они с ним затеяли против него, выпытывать у приятеля не стал - для вопросов и ответов есть девушка.

С нее он и спросит, но сначала присмотрит.

"Сучка?" Возможно. Если так - к чертям контракт, к чертям она сама. Ирма два ему не нужна. Как и Жанна.

Продаст Ярославу Расмусу, придет потом и посмотрит, чего она хотела и чего достигла.

Он для нее все, а ей мало? Ладно, жадность наказуема. А кто этого не понимает - того и проблемы.

Глава 17

Ярославе хотелось с ним поговорить, но Леший не пришел ночью, не появился утром, его не было за завтраком и за обедом. Девушка решила найти его сама и для начала направилась в кабинет.

Охранник преградил ей путь:

- Куда?

Раньше бы она отступила, но сегодня уже нашла в себе смелость наплевать на двухметровое препятствие:

- К Алексу, попробуй, задержи, - и обошла мужчину. У того не было приказа ее останавливать, поэтому он промолчал и пропустил.

Девушка заглянула в кабинет, увидела Лешинского и вошла.

"Подумай о чертовке, она и явится", - подумал Алекс, узрев

Ярославу. Закрыв папку с бумагами, откинулся на спинку кресла и начал изучать девушку. К разговору с ней он был не готов, поэтому не спешил что-то говорить. Вчера он хотел вытрясти, выпытать у нее суть разговора с Расмусом, но понял, что может не сдержаться и, решил сначала остыть, потом спрашивать. Сегодня же был еще слишком расстроен, чтобы затевать разговоры, однако и выгнать девушку отчего-то не мог - сидел и смотрел на нее, ожидая первый шаг с ее стороны, пытался угадать, какую сказку она ему расскажет.

Девушка медленно прошла по кабинету, поглядывая на мужчину, подошла к нему и села на стол с краю, выказывая свои стройные ножки.

- Здравствуй?

Алекс чуть заметно кивнул, прошелся взглядом по ее ногам, мысленно вздохнул и вопросительно уставился в лицо.

- Приступ немоты? - улыбнулась Ярослава. Отстраненность, некоторая насупленность Лешего ее не пугала. Она понимала, что он дуется на нее за что-то, возможно продолжает лелеять глупую ревность к своему другу, но все это не имело значения, потому что она многое поняла, и казалась себе повзрослевшей лет на пять. Опять.

"Так и буду взрослеть скачками", - посмеялась над собой мысленно.

- Я хотела с тобой поговорить.

Леший развел руками, приглашая к разговору и, отвернулся, давая понять, что не очень он ему интересен.

Ярослава рассмеялась: Алекс был сейчас похож на обиженного, капризного ребенка.

- Ты как дитя, которому не дали сунуть пальцы в электророзетку,

- взъерошила его волосы. Он отстранился и девушка не стала лезть.

- Ладно. Тогда давай я скажу, а ты меня внимательно выслушаешь, молча. Потом я уйду, не стану тебе мешать. Хорошо? Мне немного трудно начинать разговор, поэтому даже хорошо, что ты молчишь, изображаешь насупленного истукана, - взяла позолоченную ручку из подставки, тоже с позолотой и инкрустацией, гербом Лешинских. - Красивая вещица. Видишь? - качнула ручкой. - Золото, - положила на папку, рядом поставила маленькие тоже позолоченные часики в виде глобуса. - Золото, - обвела рукой письменные принадлежности. - Везде золото. А где ты? Где твои друзья, где родители, девушка? Где те, кому важен ты, а не этот антураж? Их нет.

"Что ей надо?" - озадачился мужчина.

- Ченч есть ченч, да? Нет, все понятно, - сунула ручку обратно, и, сложив руки на коленях, качнулась к Алексу. - А где ты сам,

Саша? Ты думаешь, тебя мучает скука? Нет - одиночество. Тебе не к кому прислониться, нет рядом никого, кто бы понял тебя, поддержал, не предал. Да, у тебя есть друзья - влиятельные мешки с деньгами, в которых ты не уверен и прекрасно понимаешь, что дружба ваша держится на взаимовыгоде. Не будет ее, не будет дружбы. Тебя пошлют, на тебя не обратят внимания. Родители? Я уверена, что они считают тебя взрослым мальчиком и занимаются своими светскими мероприятиями, забыв, что у них есть сын. Девушка? Ты покупаешь удовлетворение, но не отношения, потому что их, как раз, купить невозможно, можно лишь заставить опять из-за выгоды, выказывать те или иные знаки расположения. Но они настолько же фальшивы, насколько фальшиво все в твоём мире, ты не дурак и прекрасно это понимаешь.

Девушка встала, прошла по кабинету и остановилась у окна, спиной к мужчине:

- Вчера случилось что-то странное. Этот твой "друг", Игорь...

Сначала он показался мне очень привлекательным, почти принцем. Потом я посчитала его твоим близнецом: схожесть взглядов, манер. Но потом поняла - он другой, совсем другой - неприятный, некрасивый. Ты можешь сердиться, можешь быть холоден как лед, можешь быть возмутительным в своих высказываниях, поступках, но ты... красивый.

У Алекса зрачки расширились: она всерьез? Да, причем искренне, в чем он ошибиться не мог. Но к чему она все это говорит, к чему гладит его самолюбие? Разгадала комплекс? Решила на нем поиграть?

- Что тебе нужно? - спросил прямо.

Девушка развернулась к нему, постояла разглядывая с легкой печалью, подошла и села на стол прямо перед ним:

- Я предлагаю тебе свой контракт.

"Уже интересно", - губы Лешинского чуть дрогнули в улыбке и

Суздалева ее заметила, поняла:

- Думаешь, мне нечего тебе предложить, потому что все, что тебе нужно и так твое?

- Как это не странно, - усмехнулся.

- Нет, Саша, ты можешь купить тело, но все остальное купить нельзя. Считаю меня наивностью, глупой идеалисткой, но твоя жизнь сама доказывает, что я права. Ты очень одинок, ты покупаешь тело.

Усладу для прихоти, в надежде, что твое одиночество перестанет тебя глотать, но оно остается. Я предлагаю тебе другое: не деньги, ни интимные удовольствия, ни что-то материальное. Я не буду послушной, бессловесной куклой, которая выполняет твои желания. Я предлагаю тебе дружбу на равных, верность, понимание. Помощь. Я буду твоей женщиной не по контракту, а по собственному желанию, без денег. Мне нужно лишь уважительное отношение и доверие. Понятно, что и то и другое нужно заслужить, и проще послать меня... в постель, но...

- девушка качнулась к нему и ласково улыбнулась. - Ты не сторонник насилия, да и просто тело тебя не интересует, ты не твой дружок

Игорь, - Ярослава отстранилась. - Он знал меня от силы час, тебя много дольше, вы считаете друг друга друзьями, но при этом вас не связывает ничего, кроме выгоды и деловых отношений. Я покажу тебе другие отношения, /нормальные/ для друзей, без

подлянок.

- Что он тебе предложил? - прищурился Леший. Красивая речь, только впечатления не производит.

- Себя. Он был галантен и витееват в рассуждениях, но свел их к одному - я тебя хочу. Но самое потрясающе, в том, что он не считал зазорным клеить подругу друга в его доме. Один жест с моей стороны, одно движение, слово - он бы взял меня прямо в гостиной, ничуть не мучаясь моральными и этическими нормами. По-моему их у него вовсе нет. Возможно, это правильно, возможно и у тебя их нет. Бог с ним, я не полезу в это, - она качнулась к мужчине, провела ладонью по его щеке. - Я всего лишь покажу тебе другие отношения, вот и все.

Решать будешь ты.

- Меня устраивают наши отношения.

- Не правда. Ты хочешь большего, но, не коснувшись этого ни разу, не знаешь чего именно. Я скажу тебе: ты хочешь доверия, верности, понимания, тепла, обычного, человеческого тепла, потому что ты продрог до мозга костей от окружающего "холода" и собственного одиночества. Я предлагаю тебе другой "контракт" - бессрочный. Я уйду, как только ты захочешь, но все же останусь, потому что поэтому контракту я предлагаю тебе участие, понимание, уважение и верность. А у них нет срока, как и у дружбы. Двадцать восьмого октября, в день истечения срока того договора, я уйду, если ты захочешь, но все равно останусь в твоей жизни, ты в любой момент сможешь связаться со мной и получить помощь, да, не деньгами - советом, словами. Наверное, сейчас тебе это кажется глупым, но поверь, иногда одно слово решает саму жизнь. Как вчера, когда Игорь открыл свое лицо парой фраз, и тем оголил твою натуру. При всей схожести, вы разные абсолютно. Я совсем не понимала тебя, злилась, ненавидела, а вчера увидела твоего друга, поговорила с ним, и поняла, что ты хоть и не ангел, но далеко не демон. Ты просто очень одинок и мне стало жаль этого. Я искренне хочу тебе помочь, чем смогу. Тебе и только тебе.

Алекс молчал, внимательно изучал Ярославу и силился понять, что за игру она затеяла.

- Каковы пункты твоего контракта?

- Один, - выставила палец. - Просто жить доверяя и прислушиваясь друг к другу. Я не лезу и не собираюсь лезть в твои дела, речь только о наших отношениях. Поддержка, понимание - очень много, они дороже золота. Когда ты не одинок, жизнь становится совсем другой. Это очень важно, когда есть кто-то, кому ты можешь доверять, - Алекс хмуро глянул на нее и Ярослава без слов поняла, что он хотел сказать. Качнула головой. - Я не прошу тебя доверять мне, я прошу не отвергать мое доверие тебе.

Это было понятно и, Алекс позволил себе приблизиться, обнять ее ноги. Посмотрел в глаза:

- Значит, ты предлагаешь довериться мне, стать открытой?

- Примерно.

- Тогда скажи, о чем вы говорили с Расмусом.

- Это Игорь?

- Да.

- Немного о истории, о системе, потом о том, что по окончании контракта с тобой, он готов меня забрать к себе. Хотел соблазнить и наставить тебе рога. По-моему, он зол на тебя и точно чему-то завидует. Будь с ним осторожнее, он не друг, а скорее враг.

"Новость", - мысленно усмехнулся мужчина. Его другое волновало - голос ее, в котором

слышалась забота. О нем?

- Переживаешь за меня?

- Да. Не хочу неприятностей, огорчений. Хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

- Ты хочешь? - уточнил.

- Да, - улыбнулась. - Странно?

- Нет, - отвернулся, задумавшись. Хотелось ему верить, но не верилось. - Он о чем-нибудь выспрашивал тебя?

- О наших отношениях, давно ли я с тобой.

- Понятно, - она так и будет крутить и туман пускать. - Я тебя услышал, проникся.

Теперь иди, а я подумаю.

Девушка не стала перечить, встала. Дошла до дверей и обернулась:

- Только не запирай себя в кабинете, не сбегай от мира, он слишком прекрасен и ждет тебя. Не прячься от него.

И вышла.

Лешинский покрутился в кресле и нажал кнопку связи: чего он мучается в догадках?

- Адам? Принеси мне вчерашнюю запись из гостиной.

- Понял. Сейчас.

Через десять минут Алекс уже смотрел и слушал произошедшее вчера между Ярославой и Игорем, и убедился, что девушка не солгала. Это заставило его растеряться и задуматься.

Почему бы ему не поиграть по ее правилам? Что он теряет? Можно попытаться для разнообразия.

Алекс нашел девушку в библиотеке. Прислонился к косяку, разглядывая ее и спросил:

- Зачем тебе это надо?

Ярослава внимательно посмотрела, поняла, что ему важно это понять. Закрывает том Бальзака, отложила и подошла к мужчине:

- Честно?

- Если можно.

- Не знаю, смогу ли объяснить тебе это... Мне подумалось, что вы... ты. Ты живешь, не зная человеческих отношений, поэтому не можешь их проявлять, не можешь в них верить. Раз так, не можешь их принять, показать другому. Ты не инопланетянин, ты просто ущемлен в самом главном, не обижайся, в тепле, в том, что необходимо любому живому, чтобы чувствовать себя живым, понять себя и других. Я понимаю, что невозможно достучаться до того, кто не хочет никого видеть и знать. Но ты другой, и я - другая. Ты хочешь этого, а я не могу... и не хочу тебе в этом отказывать. Не могу, из-за тебя и из-за себя. Это больше нужно мне, если хочешь. Можно смириться и жить, а можно что-то сделать, чтобы что-то изменилось. Я предпочитаю второе. Пусть в маленьком масштабе, пусть такая как я - никчемная, неумелая. Но я буду знать, что хотя бы пыталась.

- Похоже на реквием. Собралась умирать?

Ярослав отвернулась, прислонилась к дверям:

- Знаю, что ты будешь смеяться, но эта осень дала мне больше чем предыдущие двадцать лет жизни. Сначала я думала - плохого, потом поняла - хорошего. Она дала мне шанс понять слишком многое. Помнишь ту гадалку? Ее слова сбылись, а она говорила мне, что каждая моя минута, каждый шаг будет иметь большое значение. Так и случилось - мои

подруги. Она сказала, что Инна далеко и не вернется... в общем, тоже сбылось. Сказала, что я пойму цену времени, что очень многое и круто изменится - так и случилось. А еще она сказала, что я умру через год и мне нужно спешить, успеть то, ради чего я родилась. Это трудно, ведь я не знаю этого и не представляю, как можно это узнать, но я могу сделать то, что считаю нужным для себя, сделать что-то, что позволит мне думать, что все не зря. Путано, да? - виновато посмотрела на Алекса. Тот молчал, смотрел на нее, словно силился что-то прочесть в глубине зрачков.

- Я не верю в гадания, все это чушь.

- Может быть, но что мы можем знать наверняка? Тогда я не знала, что окажусь здесь, что на меня упадет ответственность за трех человек, не знала кто ты, не могла даже предположить настолько крутой и болезненный поворот в своей жизни. А она знала и предупреждала. Этого тоже не может быть, правда? Но есть.

Что-то было в ее словах, тоне, заставляющее прислушаться, поверить.

Алекс в раздумьях прошелся по библиотеке и заявил:

- Хорошо, если дело только в подруге, то, если она захочет вернуться, я вытащу ее. Окажется, что гадалка не права. Что тогда ты скажешь?

- Скажу тебе "спасибо".

Леший улыбнулся: шикарно. Какая высокая плата! Но, с другой стороны, отчего не поспорить с судьбой? "Будем считать, что это и будет плата".

- Хорошо, - рассмеялся и обнял девушку. - Но учти, я могу быть не только мягким...

- Но и очень жестким, - улыбнулась ему обрадованная Ярослава: получилось! - ликовало внутри. - Пойдем гулять? - обнял его, загадочно щурясь. - Я покажу тебе то, что ты не видел.

- Например?

- Секрет! Пойдем, - потянула из библиотеки.

Она показывала ему опавшие листья и заставила поверить, что они пахнут летом. Алекс недоумевал, глядя на ее радость, восторг с которым она выставляет желтый листик клена на солнце, разглядывая прожилки, но после сам не заметил, как увлекся и они, до вечера дурачась прошатались по леску и полям. Они... играли в догонялки!

Леший представить себе не мог, что будет бегать за девушкой, потом она за ним, играя в "баш". Он представил себе вытянувшиеся от растерянности и недоумения лица охраны и засмеялся, перехватил на бегу девушку. Они свалились на траву и засмеялись вместе.

Ярослава обняла его, с нежностью заглядывая в глаза:

- Ты очень красивый, - прошептала и сама приникла к его губам.

Алекс почувствовал легкий морозец на ее щеке, проведя ладонью, прижал ее к себе и положил на себя, чтобы лучше рассмотреть.

Странно, но в эти минуты ему не хотелось брать ее, но не хотелось и отпускать. Только смотреть и чувствовать, слушать и слышать.

Алекс погладил ее по щеке:

- Поедешь со мной в Альпы?

Во взгляде девушки зажегся интерес:

- В Альпы?! Конечно!... - и потух. - Загран паспорта нет.

- Есть. В столе лежит.

Девушка недоверчиво посмотрела на него:

- Откуда?

- Глупости не спрашивай.

- Аа, я забыла - ты же у нас все можешь, - рассмеялась счастливо.

- Могу, - заверил, подтягивая ее выше и накрывая рот поцелуем.

- Тс-с, - отодвинулась Ярослава, прижала пальчик к его губам.

- Только уговор!

- Опять?! - притворно ужаснулся мужчина. Сейчас он был готов пойти на любую сделку с любым, даже с Дьяволом, а уж отказать девушке даже в самых дерзких требованиях - не мог и помыслить.

- Да! В горы идем без охраны. Ты и я. Представляешь: горы, снег, небо и никого вокруг

- только мы!

- Ооо! Ты была в горах?

- Не-а, а ты?

- "Не-а", - передразнил и оба рассмеялись. - Но ты умеешь делать предложения, от которых невозможно отказаться, - улыбнулся: конечно, глупышка, охрана будет держать дистанцию.

И поцеловал все-таки. Сладкий это был поцелуй, необычный, возвращающий в юность, безбрежную и мятежную.

Что-то изменилось, неявно и не быстро, но прокралось в особняк, внедрилось в устоявшийся годами уклад, подтачивая его. Отношение обитателей дома к новой жительнице стали другими: она не чуралась их, они ее.

Отношения Алекса и Ярославы тоже менялись. Девушка прекрасно понимала, что доверие нужно заслужить, а натуру тяжело исправить за день или месяц, поэтому была терпелива к мужчине, улыбалась на его вспышки и раздражение, смеялась над приказным тоном и снимала возникшее напряжение комплиментом, поцелуем. Алекс терялся, удивлялся и... млел. Конечно, он не верил в то, что она тогда сказала, но ему было приятно делать вид, что он принял ее наивное предложение, потому что беды от этого не было, а положительная сторона была налицо.

Единственное что вызывало у него досаду - Расмус. Только за прошедшую неделю он появился в особняке без приглашения два раза, что уже слишком для гостеприимства Лешего, а в воскресенье вовсе приехал с предложением обмена девушки. Ченч был предложен не плохой, но запоздалый, а может быть и наоборот, слишком ранний. В любом случае у Алекса не было ни малейшего желания обменивать Ярославу, чтобы ему не предложили. Более того, он сам готов был дать отступного, лишь бы их оставили в покое.

- Что ты уперся? - не понимал Игорь.

- Вопрос больше к тебе.

Расмус задумался:

- Мало? Но это разумная цена.

- Возможно. Но у меня есть, что мне надо, и я не желаю ничего менять. У тебя каприз, но пардон, я не твоя нянюшка ему потакать. В

Альпы, я так понимаю, не едешь, другое загорелось?

- Ну, это тебе просто - кинул дела на управляющих и улетел куда захотел, - расхаживаясь в раздумьях, проворчал мужчина. - А у меня контингент - глаз да глаз за ними нужен. Пока сам не позаботишься, ни черта делать не будут. Так что, раньше конца декабря мне все равно не вырваться.

- Кадры нужно нормальные выращивать.

- Ай, - отмахнулся: даже в этом Лешему везет, а еще сидит, поучает, будто тяжелым трудом досталось, вот опытом и делится. В голову мысль пришла - повернулся к другу. - Предложение есть.

Алекс поморщился:

- У тебя навязчивая идея - фикс.

- Нееет. Ты послушай: откуда ты знаешь, какая она? Давай проверим. Эксперимент, как с той. Если я прав, она окажется как та, ты мне ее отдаешь, нет - я больше не поднимаю эту тему. Пари, как тогда. В случае моей правоты, ты в накладе не остаешься - ченч твой, в случае моего провала - ни чуть не страдаешь. Ставка, - Игорь ткнул в папочку на столе. - Я выиграл - пакет документов твой, девка моя. Проиграл - девчонка твоя.

- И конезаводик с акциями твоего банка, - решил Алекс.

- Не много ли?

- А смысл иначе? В конце концов, это твое желание, а не мое.

- Ох, ты и... ладно, идет! - рискнул Расмус, уверенный, что не проиграет. - Расклад

прежний?

- Да, - заверил, а внутри дрогнуло: не слишком ли он самоуверен, не слишком ли он полагается на Ярославу. Женщины все одинаковы.

- Тогда до завтра, - порадовался Игорь, протянул руку. Алекс поколебался и все же пожал ладонь, закрепляя сделку. Ему было интересно, чем дело кончится. С одной стороны он был уверен в

Ярославе, с другой - абсолютно неуверен. Но хотелось проверить и себя и ее, а заодно понять, имеет ли место в жизни то, что она говорит. Болтать о чем угодно можно, а как на счет доказательств?

Его не раз заверяли, что "ради тебя", "только ты", "самый лучший", "твоя до гроба", но чуть помани и "всего раз, хотела сравнить и поняла - ты лучше", "что-то нашло", "так получилось", "он сам полез, что я могла сделать?"

- Но учти - сама.

- Как тогда, - развел руками заулыбавшийся Расмус, и ушел, оставив Лешинского в раздумьях и сомнениях.

Ярослава на веранде на улице стояла, обозревала просторы "именья", ожидая Алекса. Никита подошел, пристроился рядом, сложив руки на перила:

- Привет. Не виделась сегодня.

- Здравствуй, - улыбнулась. - Все хорошо?

- Да, что мне?... Хозяина ждешь.

- Алекса. С Игорем заболтался.

- Расмус просто так не крутится, - заметил невзначай. Девушка на мужчину покосилась:

- Ты к чему?

- Будь осторожнее. Расмус гнилой мужик.

- Я это в первую встречу поняла.

- Вот и держись от него подальше.

- Думаешь, убьет или изнасилует? - улыбнулась - смешно.

- Убить - нет, остальное, - плечами передернул. - Забавы у него скотские, имей ввиду.

На хозяина сильно не надейся.

- Алекс меня в обиду не даст, мы с ним друзья.

Мужчина фыркнул:

- Пиянерка - комсомолка. Друзья у него - связи, финансы и статус. Все остальное - приложение.

- Ну, у тебя же нет.

- А я чего? Я секьюрити - "бык".

- Приятный и умный мужчина.

- Ладно тебе комплименты раздавать, - скривился, покосившись, но было видно - приятно ему хорошее слышать. - Я к тому Слава, что баба ты неплохая, по-человечьи к нам. Правильно только пойми, да?

Здесь до тебя десяток побывал, и я точно знаю, что Расмус зря крутиться не станет. Будет что-то. Мне бы не хотелось, чтоб тебе прилетело. Так что, мозги включай, не дура.

- Ты о всех так заботился?

- Вот еще! - перекинулся. - Жанка вообще сукой была конченной. Только и делала, что

по бутикам и ювелирным шлында, к нам, как к скотам относилась. Босс, блин! Стал бы я для нее что-то делать - сейчас!

- Ты не нервничай, - сжала его руку ладонью. - Все хорошо будет.

- Не знаю. Расмусу подлянку кинуть, что высморкаться.

- Ну и Бог на него, нашел, чем и кем голову себе забивать.

- Беспечной не будь, - предупредил, видя, что девушка всерьез его предупреждение не воспринимает. А Ярославе действительно было все равно - это одной тяжело, а их двое: она и Алекс.

Никита ушел, на крыльцо Расмусов вышел. Натянул перчатки, улыбаясь Ярославе:

- Все цветете?

- Спасибо. Что так быстро уходите?

- Дела, дела, - шагнул к ней, за руку взял. - Чудесное видение, скажите мне, - подтянул к себе, обнял. - Не заскучали ли вы в логове колченогого фавна?

- Вы про своего друга? - прищурилась недобро, отодвинулась.

Мужчина выдал улыбку, чуть кривую, и больше презрительную, чем смущенную. Девушку отпустил, но руку ее так и держал, не давая уйти далеко.

- Но ведь скучно с ним. Вам с красотой вашей блистать надо.

- Я блистаю, - заверила, взглядом давая понять, что пошел бы где-нибудь в другом месте сам поблистал.

- В гости ко мне приехать не хотите?

- Здесь хорошо.

- Как же наша сделка?

- Она еще не заключена.

- Почти, - широко улыбнулся Расмус. - Алекс согласен прервать контракт с вами.

Лицо Ярославы невольно изменилось.

- Не огорчайтесь. Он всегда был таков - ни одна женщина долго не задерживается. Подумайте об этом, посмотрите с другой стороны: зачем вам старый, страшный и ветреный? Вам о будущем думать надо, а в этом он не помощник. Я помогу, как обещал, - взял ее за подбородок. - Со мной скучно не будет, - заверил с томностью в голосе и накрыл ее губы поцелуем. Ярослава дернулась в сторону и, не раздумывая, вlepила ему пощечину. Вышло довольно сильно и грубо - Игоря перекосило, взгляд на минуту стал злым.

Мужчина потер щеку, глядя на испуганную и смутившуюся девушку и, выдавил улыбку:

- Горяча. Люблю темпераментных, - пошел к машине. - Скоро увидимся, кошечка.

- Чтоб ты провалился, - посоветовала Ярослава ему в спину, губы оттерла и передернулась: фу! Тьфу!

И услышала смех - Алекс стоял у дверей, поглядывая на нее:

- Ох, и манеры у вас девушка. За что так гостя-то? - спросил, но не строго. Видно было - не сердиться, наоборот, вроде как радуется.

- А чего он лезет? Тоже мне, прынец из сказки нашелся.

- Разве он не красив?

- С его красоты только удавиться можно. Мы гулять идем или нет?

- Хочется?

- Зубы почистить хочется! - прошла в дом. Она понимала, что не может требовать от Алекса, чтобы тот поставил своего друга на место, но ей очень хотелось, чтобы он что-нибудь сделал в ответ на выпад

Игоря. Хоть бы слово ему сказал, понять дал, что так нельзя, а то ведь получается - можно. Подумаешь - целоваться полез!

Ярослава на обоих разозлилась, а позже, вспомнив слова Расмусова, про то, что Алекс согласен ее ему отдать, испугалась. Тогда и на секунду ему не поверила, а потом подумала - не подтверждает ли его слова бездействие Лешего? Выходило, что очень даже все может быть. И как следствие, получалось, что вся ее затея показать мужчине иные, нормальные отношения, проваливается с треском. Либо она переоценила себя и его, либо недооценила воздействие привычки, окружение.

Паршиво.

Весь день она думала над этим, а вечером, когда уже ложились спать, не выдержала:

- Тебя ничего сегодня не смутило?

Алекс лег на кровать и прищурил глаз на девушку:

- Должно было? - легкое, как дымок от сигареты любопытство и ничего больше.

- Твой друг.

- Мой и что?

Ярослава встала у него в ногах, уставилась в глаза мужчины:

- Он сказал, что ты готов меня отдать ему.

Скажи да или нет, и все встанет на свои места, но Леший предпочел уклониться, неопределенно повел плечами и только. Девушка смотрела на него, пытаясь собрать разбежавшиеся слова, справиться с собой:

- Ты... Разве я рабыня? Ты забыл, что мы с тобой друзья? Не знаешь, что рабство отменено, друзей не продают?

Алекс молчал.

- Алекс!... Ты не можешь меня отдать! - психанула.

- Почему?

Этот вопрос как обухом по голове подействовал. И как объяснить элементарное? Как себя заставить после этого уважать Лешинского, относится к нему с доверием и теплом? Да его задушить хочется!

- Что ты делаешь?! Что ты творишь?!!

- Ты кричишь, - сказал спокойно.

Ярослава стиснула зубы, помолчала и схватилась за спинку кресла, чтобы не упасть: ей стало тошно до головокружения. Одна мысль, что все это происходит не во сне и ее, как вымпел могут передать другому, сводила ее с ума.

- Я человек, а не рабыня и не красное знамя Гвардейской дивизии!

Не нравится, устал, скучно, надоело - отпусти! Я, между прочим, здесь не по собственной воле и не просилась! Хоть сейчас домой! С радостью! Какое ты имеешь право распоряжаться мной?!

- Контракт, - бросил равнодушно.

Алекс наблюдал за ней и не знал, как отнестись к тому, что она сильно нервничает. Плохо это или хорошо, говорит за то, что она не желает уходить от него или всего лишь не хочет достаться другому?

Что вообще стоит за ее тревогой? Что-то знает, предполагает? А как на счет доверия? Забыла? Сама говорила, а теперь словно не было того разговора. Она верит, что Леший может ее отдать. Вот! Вот что его задело. Значит, не поняла его, значит, ничего не поняла

про него.

Принимает его за одного из избалованных сукиных сынов с их скотскими забавами. Нет, он тоже не ангел, и никого не осуждает, но женщин как папки из рук в руки не передает - они сами решают к кому идти, кого выбрать. И отчего-то решают не в пользу Лешего.

Это уже разозлило. И он решил подлить масла в огонь: пусть нервничает, пусть думает что хочет, пусть, наконец, снимет с глаз свои шоры иллюзий и проявит свои страхи и комплексы!

И сказал бы, но Ярослава вдруг схватилась за горло и ринулась в ванную. Ее тошнило. Неожиданность.

Алекс сел на постели, не понимая, что с девушкой, отчего такая реакция?

Прошел в ванную, когда она уже умывалась:

- Что это было? - спросил, требовательно глядя в глаза ее отражению в зеркале.

- Не знаю, - прохрипела. - Наверное, от волнения.

Мужчина повернул ее к себе, оглядел пытливо:

- Давно?

- Что?

- От волнения давно тошнит?

- Пару раз было.

- Голова кружится?

Ярослава удивленно глянула на него: какая разница? К чему он клонит?

- Ну, кружится.

- Часто?

- Не очень! Речь о другом!...

- Грудь болит? - положил ладонь на ее грудь.

- Что? - нахмурилась и поняла, к чему он спрашивает. Так и захотелось рявкнуть: не дожدهшься! Но промолчала, взяла себя в руки, памятуя, что с Алексом лучше разговаривать спокойно и аргументировано. - Саша, мне действительно нехорошо, когда я сильно волнуюсь, беременность тут не причем. Я, наверное, стала старой...

- Угу, - во взгляде насмешка появилась.

- Серьезно. У меня раньше такое было, правда, очень редко: перед экзаменами, например. А здесь... я здесь вообще вся на нервах, что ты хочешь? Одно последнее что стоит! Ну, ты вдумайся, представь я отдаю кому-то тебя - ты как себя чувствовать будешь? Как вообще в голову такое может приходиться?

- Паршиво буду чувствовать, - не то сказал, не то плюнул, причем раздраженно, обиженно. - Но я о тебе лучшего мнения - мне в голову не придет, что ты на такое способна. А еще я в отличие от тебя верю себе, не тому что мне кто нипоподя говорит.

Развернулся и ушел в спальню.

Ярослава стояла, чувствуя себя идиоткой, причем виноватой. Но разобраться - сам виноват, что она так подумала. Мог бы просто сказать "нет", мог бы Игорю что-нибудь за его вольности сказать, корректное конечно, но такое, что тот больше тронуть ее не посмеет.

Уж что-что, а это Алекс умеет виртуозно.

Прошла в спальню, стянула халатик, легла.

- Лучше? - спросил минут через пять мужчина.

- Да. Но ты не прав. Ты сам мне дал право подумать, что Игорь сказал правду.

Леший даже приподнялся, чтобы на нее посмотреть: какой к чертям Игорь?!

- Кто -то смеет лезть к твоему другу, к твоей женщине с поцелуями, а ты молчишь. Уже загадка. Если молчишь, значит не против, пожалуйста. Что еще думать?! - начала опять нервничать девушка. - Ты поставь себя на мое место, что я должна подумать, что сделать? А если в следующий раз он дальше пойдет, ты опять промолчишь? Мне что делать в таком случае?! Понятно, что я ему рожу разобью, и тебя, между прочим, прямо предупреждаю - молчать не буду, терпеть тоже. А потом уйду: плюну на тебя контракт, подруг. Пойду к ним, все расскажу! И вообще, я с тобой как с человеком! Мы с тобой договорились, я думала, ты все понял! Ничего подобного - все заново!

Ты не имеешь права так вести себя, ни этического, ни морального, ни мужского, ни человеческого, я тебе не девочка по вызову!...

И смолкла, опять в ванную кинулась.

Алекс проследил за ее полетом до ванной комнаты и растекся по постели: она беременна?

Это было столь неожиданно, что он не мог понять, как воспринимать новость, как он относится к ней. Поэтому понятия не имел, что делать: пусть рожает или на аборт послать? Пока он был не готов отвечать на вопросы, лежал, в полной растерянности глядя в потолок и силился уяснить для себя: хочет ли он в принципе, готов ли стать отцом?

Какой Расмус? О нем, как и договоре с ним, Леший забыл напрочь.

Девушка вернулась, встретилась с настороженным, обалдевшим взглядом мужчины и легла на постель. Она ждала, что он хоть обнимет ее, но Алекс не приблизился.

Она заснула, а он не мог. Пол ночи разглядывал потолок и пытался понять: нравится ему или не нравится, что Ярослава беременна? Хочет он ребенка или нет? И решил, что время еще есть, он подумает, посмотрит и тогда вынесет окончательный вердикт.

Леший вызвал в кабинет Штольца и заявил:

- Сегодня придет господин Расмусов...

И смолк, закурился в кресле обдумывая, что вроде бы уже обдумал.

Но в голову вдруг в последнюю секунду пришла мысль: а что если и на этот раз девушка поддастся гнилому очарованию Расмуса, купится на его смазливость или увещевания? Конечно, она не Жанна, продавшая себя более симпатичному любовнику за какой-то браслетик, но что можно сказать наверняка? Только то, что Леший не стал симпатичнее, стройнее, с тех пор, как выкинул Жанну. И характер у него, в этом

Ярослава права - не сахар. Но кто вообще точно может сказать, что хочет женщина, как она поведет себя в той или иной ситуации? Есть прогнозируемые люди, а есть абсолютно непредсказуемые.

А что если Ярослава лишь создает видимость честности, чистоты и лояльности к нему? Банально покупает, хоть и платит знакомой ей, а не ему "монетой"?

А что если она в тайне мечтает уйти к более молодому и смазливому любовнику? Она ведь не знает, что кроется за вывеской лощеного франта Расмуса. Она женщина и "любит ушами", а потом глазами, и не допускает к этому вопросу разум. В этом вопросе девушка не исключение.

Но готов ли он ее потерять, тем более сейчас?

Алекс вздохнул: а зачем оставлять, тем более брать на себя отцовство ребенка от такой женщины как Жанна, та же Ирма? Вроде бы

Ярослава другая, но как узнаешь точно, не проверив? И потом, если

Игорь ошибется, наконец? Это бы потешило самолюбие Лешего и серьезно подкосило "неотразимого" Расмуса. И решило вопрос с ребенком.

Да, пожалуй, Алекс не против познать прелести и тяготы отцовства.

Наверное, даже пора. Но мать его ребенка - не любовница, она должна быть безукоризненна и он должен доверять ей чуть больше, чем остальным, именно потому что ей будет доверен его ребенок. На основе слов же, мужчина доверяться не привык.

- Александр Адамович? - напомнил о себе Штолец.

- Да. Придет Расмусов.

- Понял.

- Проводишь его в библиотеку к Ярославе. И обеспечь мне видеонаблюдение.

- Понял. Я свободен?

- Да.

Мужчина замялся.

- Ну, - поторопил его Алекс, видя, что тот хочет что-то сказать.

- Боксер вернулся.

Понятно. Должность может уплыть к прежнему хозяину. Ох, "заботы"!

- Ты остаешься на его должности. Виталий пусть принимает твои дела. Теперь он зам, а ты его начальник.

Мужчина повеселел:

- Понял.

И вышел.

Весь день Алекс странно смотрел на нее, она бы сказала - ошарашено, но знала, что того ничем не удивишь, да вроде и не удивляла, и поэтому прогоняла эту мысль, как несостоящую внимания, старалась не обращать на взгляды мужчины внимания. И позволил себе немного по-обижаться на Лешего за вчерашнее, хотя больше сожаления чувствовала, чем обиды. Жалко было себя, его, дурочка с перекошенной психикой, отогреть хотелось и самой отогреться. Но получалось что она во всем "некчемуха", за что не возьмись, о чем не мечтай.

Ярослава залезла с ногами в кресло в библиотеке и, обнявшись с томиком Шиллера смотрела на позолоченный циферблат часов у стены.

Красавцы - антиквариат, век восемнадцатый. Здесь что ни возьми, куда не посмотри - пышность и высокий класс экстерьера, только живет в этой атмосфере не прошлое, не настоящее и не дай Бог, будущее, скорее нечто вне времени и пространства, вне обычных человеческих чувств, ощущений, мнений переживаний. И она всего лишь интерьер, как не откидывай эту мысль. И стала чужой себе, такой же странной, как атмосфера в этом доме. И так же как все и все здесь, словно зависла между прошлым и будущим, между временем и пространством. И была ли?

Будет?

Даже самой себе она кажется фальшивой, ненастоящей, чем-то похожей на эти часы, вроде реальные, а вроде нет. Пришедшей как они из другого мира и недоумевающей, почему осталась, как они, наверняка, удивляются происходящему вокруг.

А было ли иначе? Сейчас вспомнить, не вериться - был ли институт,

Гриша, все те переживания, что перевернули ее жизнь так нелепо и страшно. И что делать дальше? Она тратит день за днем, ломает себя, терпит, пытается, что-то наладить, изменить, но снова и снова наталкивается на глухую стену непонимания. Вроде вот же - нормальная человеческая душа, но миг и словно раковина моллюска захлопывается.

Как же расковырять ее, как оголить, заставить прорвать заслоны и бастионы? Опустить руки, сдаться? Так хочется... но разве можно?

Жалко, безумно жалко его, себя, девочек. Гришу.

О нем особенное помнилось и печальное, поэтому Ярослава старалась не думать вовсе - так проще, спокойнее. Она лишь позволила себе раз представить, чтобы было, если бы их отношения не разрушил Алекс и, поняла - ничего бы не было. Ни-че-го. Потому что у того чего нет, не может быть будущего. Как у нее сейчас.

Гриша не понимал ее, как не понял, не понимал Алекс.

Так странно, если вдуматься: что между ними общего? а вот - нашлось. И у нее с Лешинским есть одинаковое - оба слишком одиноки и зажаты: у него явно какие-то комплексы, у нее фобии. А Гриша, хоть и одинок как все в этом мире, в век технократии и высоких технологий, вечно спешащих куда-то людей, не замечающих друг друга, но все же он в более выгодном положении, чем Алекс и Ярослава. Он свободен, волен что-то решить сам, волен стремиться к чему он хочет и добиваться. А что может она?

Девушка покачала головой: странные перепады настроения - то кажется, горы свернуть может, то легла бы и не вставала, пусть даже поезд бы по ней прошел. И эта странная, патологическая привязанность к Алексу, болезненная больная, мятежная, бросающая из крайности в крайность: то хочется обнять, то ненависть давит настолько сильно, что придушила бы его.

Она не понимала, что с ней происходит.

Зависимость жертвы от палача? Но последнее время он не подходит на эту роль.

Зависимость женщины от мужчины?

Женское сострадание, чувствительность... глупость?

А может?... Нет, не может. Это было бы слишком!

Ярослава резко поднялась, сбегая от мыслей и качнувшись, рухнула обратно в кресло, не сообразив, как это произошло. На какой-то миг перед глазами стало темно, накатила дурнота и вспыхнуло, закружилось интерьером библиотеки. Девушка закрыла глаза ладонью, испугавшись своего состояния. Неужели она действительно беременна?

Эта мысль раздавила девушку, приморозив к креслу.

Минут пять, вне пространства и самой жизни, в ступоре, оледенении. А затем лихорадочная работа мысли: что делать? Что?!!

Рожать?

Нет!

На аборт?

Как можно? Нет.

И где выход?

На минуту захотелось все бросить, сбежать, забыв об обязательствах, о подругах. Пусть сами, как хотят! Почему она должна так страшно расплачиваться? За что? А они за что? За то, что богачам было скучно?!

Ярослава оттерла с лица проступившую испарину и прикусила большой палец руки зубами, чтобы не раскричаться и не расплакаться, как-то удержать себя от истерики. Ей показалось, что вернулось отчаянье месячной давности и она вновь готова хоть в омут головой, хоть с обрыва вниз, хоть убить, хоть разнести этот особняк, клоаку, вертеп монстров.

Рожать от Алекса?! Помилуй все святые! Это же крест на жизни, конец учебе и карьере, конец всему, гроб мечтам!

Значит аборт? Значит, калечить себя, рисковать остаться без ребенка совсем, убить, то что зародилось? Говорят, даже зародыш чувствует настроение матери, отношение, пропускает через себя все переживания и впечатления. Он чувствует! А она его... часть себя... но ведь и часть Алекса!

Девушку передернуло: детей она не планировала, тем более в таких обстоятельствах от подобного папаши, но убить дитя не смогла бы.

Осознание было четким и одарило еще большим отчаяньем. Опять тупик.

Еще больший и глухой, как стены казематов Петропавловки.

Мама, мамочка, что делать? Куда она потом с ребенком? Мать не примет, отец... А если Алекс отберет у нее ребенка? Да нет, зачем он ему? А если нужен?

Знать не хотелось, узнавать - тем более. У нее хватает проблем, еще одной ей не выдержать. Лучше аборт, лучше переступить через себя и не превращать зернышко в снежный ком. Если он это не сделает, проблемы покатаются одна за другой, стоит только Алексу узнать.

Леший покачивался в кресле, поглядывая в окно и пытаясь утихомирить расшалившиеся нервы. Разумом он понимал, что делает все правильно, как всегда, но что-то внутри мешало ему принять вполне отлаженную схему, не раз пройденную. Что-то

бастовало внутри, маяло и ело поедом, до дикого желания послать Расмуса к чертям, отменить уговор, обычное и привычное пари.

- Александр Адамович, господин Расмусов прибыл.

Леший вздрогнул от голоса Штольца и с трудом удержался, чтобы не бросить: "гони его".

- Хорошо, - выдавил.

- Все по плану? - дал последний шанс хозяину Адам, видно угадав по голосу сомнения.

- Да! - рыкнул Леший и скинул к чертям вместо Расмуса письменный набор.

Позолоченный принадлежности с грохотом упали на пол, сверкнув откатилась к окну ручка. Золото. "Посмотри: золото, золото. А где ты? Ты замерз уже от него", - кажется так сказала ему Ярослава.

Замерз.

Но разве иначе выжить, прожить? Разве иначе живут и чувствуют себя другие?

Перед кем он оправдывается, в чем?! Что вдруг его стали посещать подобные мысли?! Что такого в этой девчонке, что он готов плясать под ее дудку, как мальчишка - студент ходить за ней хвостиком, заглядывать в рот, вслушиваться в каждый вздох, каждое слово?

Какое развлечение? Сумасшествие!

Взгляд ушел в сторону экрана, на котором Расмус, как всегда элегантный и самоуверенный, насвистывая, вальяжно двигался в библиотеку. Еще пару шагов... Можно остановить, есть еще время, возможность, есть жуткое желание это сделать... Нет! Пусть все идет, как идет!

Лешинский поднял ручку с пола и зажал ее в руке: "золото" всегда спасало его и прикрывало. Оно было единственным понятным и действенным средством от любых проблем и "болезней". Другого пока не придумали. Сила, власть, свобода - в деньгах, а не романтических иллюзиях наивной студенточки. Не было бы этого у Лешего, не было бы и ее.

Ручка легла на стол. "Пусть все идет, как идет. Пусть чашу весов качнет судьба".

Золото или романтические бредни.

Деньги или эфемерные ценности.

Верность, теплота и вся профанация Ярославы, ее глупые принципы, взгляды и мнения, наивность и доверчивость, подобные чистоте младенца, или искусство обольщения опытного ловеласа, неотразимого красавца, способного купить не обаянием и смазливой рожницей, так приятной лестью и щедрыми подарками даже монашку - фанатичку.

Отточенная фальшь и откровенная, совершенная ложь или незамысловатая правда, беззащитная откровенность, слепота нелепых заблуждений.

Сила власти, опыта, привычки и знания человеческой природы или слабость наивных идей, веры в нежизнеспособные идеалы.

Она или он. Сила материи или духа?

Если победит она, если только устоит... Она родит ребенка. Вопрос будет решен.

А нет?

Предательский вопрос всплыв, заставил Лешинского прикрыть глаза ладонью, чтобы не видеть, как Расмус входит в библиотеку. Он понимал, что быть не может, чтобы Ярослава устояла, не бывало еще и все же, всем существом надеялся, что на этот раз Игорь "останется с носом". Тогда многое изменится, очень многое. Потому что тогда можно будет все: смело мечтать, где-то просчитываться, успокоиться, отдаться тем эмоциям, что переполняют. И подарить их девушке, подарить ей все, что она захочет.

"Не разочаруй меня, девочка", - попросил мысленной, уставившись на Ярославу на экран. "Пожалуйста", - прошептал, боясь верить и желая. "Цена вопроса", - пошло, принято, утверждено как модель системы общения на любом уровне. Но как же хочется отринув расчетливость, цинизм, все знания и опыт, хоть на миг поверить во что-то светлое и недостижимое в своей чистоте, хоть краем коснуться и поверить, что есть оно, что не фальшиво.

Но куда деть опыт, что говорит - такого не бывает? Как смириться с возможной потерей, почти верой, что бывают исключения из правил, случаются чудеса в человеческой среде? Что есть среди людей

"инопланетяне" подобные Ярославе, что рождаются еще на свет неизученные экземпляры романтиков, альтруистов, беззаветных борцов не за пошлые ценности, верующие не в золотого тельца, а в нечто давно отжившее и канувшее в лету истории человечества.

Если так, он бы пылинки с девушки сдувал, он бы берег ее, он бы поверил ей. Да, хоть ей он бы немного начал доверять.

Ярослава удивленно уставилась на Расмуса: только его общества ей не хватало! Мало ей проблемы, еще одна явилась.

Игорь расцвел улыбкой, за которой девушке почудилась ядовитость и коварство:

- Здравствуй.

- Добрый день. Алекса здесь нет, - поведала сухо.

- Я к тебе. Мы, помнится, неправильно расстались...

"Да уж", - поддакнула мысленно.

- Забудьте, давно было, былшем поросло...

- ... и я хотел бы принести извинения. Не поверишь, - шагнул к ней и... встал на колени, как принц перед Золушкой. Только вот туфельки хрустальной в руке не было. Вместо нее на ладони лежала бархатная коробочка. - Всю это время о тебе думал, переживал. Прими в знак примирения и будем считать, что я искупил свою вину.

Улыбка во всю ширь обезоруживающе добрая, взгляд мужчины чист и ласков.

Девушке стало неудобно и неуютно. Поерзала, чуть отодвигаясь и растерянно кося на мужчину:

- Что вы?... Мне ничего не надо. Встаньте, пожалуйста.

Мужчина отрицательно мотнул головой:

- Пока не простишь...

- Простила!

- А подарок?

- Зачем?

- В знак примирения, - хлопнул ресницами: что не понятного?

- Не надо. Без всяких подарков помирились.

- Тогда на память обо мне.

- Я вас и так запомнила.

- Тогда просто так. Ты посмотри сначала - для тебя покупал, - почти в лицо сунул.

Ярослава вовсе интерес к коробочке потеряла, отодвинулась.

- Да не надо мне ничего!

У Игоря улыбка спала с губ:

- Думаешь, безделушку дарю? - с колена поднялся, недовольный что реприза не удалась, не была оценена по достоинству. Коробку открыл, выказывая сапфировый гарнитур: колечко и серьги в виде виноградной грозди. Уставился на Ярославу: ну, оценила, лапотница?

У той одно желание было: выкинуть эту коробку вместе с содержимым и владельцем. Что он к ней со своим подарком привязался? Ну, красивые серьги и что? Мерила уже такие с Ларисой в китайском павильоне бижутерии с полгода назад. Под них вечернее платье надо и сразу на бал. Только не до балов ей ни тогда было, ни тем более сейчас. Ну и куда она в них? Тогда в институт к кроссовкам, сейчас в спальню к нижнему белью и босым ногам?

Да и знает она эти приемчики. Прими подарок, потом расплачивайся, выслушивай всякую ерунду.

- Красиво, - кивнула, сильнее в кресло вжавшись и, взглядом прося мужчину: отстань, а? Сгинь вместе с содержимым?

Расмус коробку захлопнул, выпрямился, не понимая, что дальше ему делать. Первый акт явно не удался. Девчонка дремуча настолько, что видимо, не знает стоимость презента, не отличает стекло от самоцвета.

- Это настоящие сапфиры.

Девушка кивнула: замечательно, верю. И что?

- Не любишь украшения?

"Данайцев с дарами".

- Я просто не умею их готовить, - брякнула, ошарашив Расмуса.

Тот с полминуты соображал, что к чему сказано и начал сердиться. Он тут с подарками и подходцами, на колени как перед королевой, а эта тинэйджерка нос воротит. Может, с камнями не угадал?

- Бриллианты любишь?

Ярослава головой мотнула, нахмурилась: чего привязался?

- А я от души, между прочим, - сменил тактику мужчина, напустив в голос капризности, во взгляд - легкой обиды. - О тебе думал.

- Не надо обо мне думать.

- Сердцу не прикажешь. Ты любила, когда-нибудь? - на колени перед ней встал: где-то он видел подобную сцену: пошлую, но эффектную. На женский пол особо располагающее впечатление производящую. Теперь бы еще спеть поубедительней и девушка его, а Алекс, как всегда "с носом" останется. "Вернее с рогами", - хохотнул мысленно.

- Я?... Да, но... - растерялась Суздалева.

- Любовь как вспышка. В ее ослепительном свете никого и ничего, только ты и предмет твоей страсти. Кого винить, - взял ее руку и приник к ней губами, прижался щекой, - если одно желание тобой руководит, быть рядом с той, кого ты любишь. Я понял это не сразу, лишь сегодня ночью, когда в тысячный раз вспоминал тебя. Люблю. Но неужели ты жестока и не ответишь мне?

Ярослава не знала, что делать: сбежать хотелось, но с другой стороны она сама любила и понимала, насколько чувства владеют человеком и как трудно с ними справиться. Ей в голову не приходило, что перед ней разыгрывают одну из сцен спектакля. Потянула руку на себя, и тут же была схвачена крепче. С минуту они перетягивали руку, глядя друг на друга в глаза и, вот, Игорь рассердился: что за плебейка?! Он уже целый спектакль

разыграл, а она ноль внимания!

Потянул сильнее на себя, так что девушка рассталась с креслом и оказалась в его объятьях:

- Люблю тебя, - выдохнул в лицо и впился в губы. Какая женщина откажет влюбленному?

Но Ярослава оказалась дикаркой. Вместо того, чтобы вести себя цивилизованно, адекватно обстоятельствам: расслабиться, получить удовольствие и ответить на порыв мужчины, она нащупала рукой том на кресле и шарахнула им с размаху по голове Расмуса. Мужчину оглушило и отнесло от нее. Он замер, непонимающе глядя на чокнутую, а та, прижав орудие защиты к груди, виновато пялилась на него.

- Извините, - проблеяла, не понимая, что на нее нашло. Убить ведь могла! - Вы в порядке? Я сейчас, врача позову, - вскочила.

- Куда?! - рыкнул Игорь и, ослепнув от ярости, схватил ее, рванул на себя. К чертям реверансы - не понимает по-хорошему, будет по-плохому. Хватит ему перед ней гнуться, идиота - романтика изображать! Ломаться вздумала?! Что возомнила о себе?!

- Алекс!! - закричала Ярослава, призывая первого, кто на ум пришел. Но крик утонул в болезненном поцелуе - Расмус придавил ее к полу, зажал руки и впился в губы зло и грубо, смяв одной рукой грудь.

Леший опешил, увидев, как Ярослава грохнула Игоря книгой. С полминуты соображал, что это было и понял одно - на этот раз Расмус останется при своем.

"Приятно", - улыбнулся и пошел к парочке: все ясно и больше нет смысла оставлять их одних. Расмусов кавалер тот еще, а Ярослава все-таки будущая мать, ей отрицательные эмоции не нужны.

Мужчина укусил губу, чтобы не дергалась, но девушка вовсе обезумела: взвыла и начала пинаться, рваться. Игорь не удержал ее, выпустил руки и получил в глаз кулаком.

- Сука! - вскрикнул, зажав глаз. Ярослава ринулась вон и впечаталась в грудь вошедшего Лешего.

- Алекс! Он!...

- Тише, - сказал спокойно, придерживав девушку. Оглядел: цела?

Огромные от испуга глаза и вспухшая губа с красной точкой крови - небольшая плата за увечья Расмуса. - Позови Андрея Федоровича.

Гостю нужна помощь, - усмехнулся.

- Помощь? - перекосило девушку. - Он чуть...

- Чуть не считается, - отрезал мужчина. Ярослава растерялась и не нашла что сказать.

Молча вывалилась за дверь библиотеки.

Леший же сел в кресло, с насмешкой глядя на друга:

- Жив?

- Дикошарая идиотка! - выплюнул тот, сверкнув здоровым глазом и попытался перебраться с пола в кресло. Удалось с трудом. - Она меня покалечила!

- Не Жанна, да? - откровенно рассмеялся Алекс.

- Тебе смешно?!

- Не кричи, не дома! - процедил мужчина.

- Ее в клетке надо держать!

- Не надо руки распускать. Договаривались - добровольно.

- Она глупа как пробка! Дворянка из подворотни! Манеры как у доярки!

- Ты общался с доярками? - выгнул бровь Лешинский, потешаясь над дружкой.

- Она и тебя покалечит! Посмеешься! Придавит ночью подушкой или вазой по голове пригреет!

- Как видишь, жив - здоров, интерьер цел, как и фейс, - рассмеялся мужчина.

- Повезло!

- Это - да, - посерьезнел, задумавшись. Конечно, проверять он

Ярославу еще будет, чтобы не оказаться глупцом, но пока ясно, что ему действительно повезло. Пожалуй, если расклад останется таким же, он продлит контракт с Ярославой. Удивительное создание. - Загадкам ее несть числа.

- Какие загадки?! Фурия! Ноль воспитания, ума с орешек! Тупая сука!

- На счет последнего, можно аргументировано поспорить, - глянул со значением на прикрытую ладонью физиономию мужчины.

- Она фригидна!

- О, нет, - расплылся в улыбке Леший, давая выход своему самолюбию. - Просто тебе наконец-то попалась умная женщина, а не глупая мартышка, покупающаяся на мишуру. Гарнитур-то так себе.

Дешево решил купить, дорого отделался. Я выиграл на этот раз.

Расмус грязно выругался: мало нанесли ущерб его самолюбию, так еще и внешности. И кто? Отсталая курица и страшила!

- Вы стоите друг друга, - выплюнул.

- Не поверишь, я тоже так подумал, - задумчиво разглядывая его, протянул Алекс. - Сейчас придет врач, приведет тебя в порядок и... не смею тебя задерживать. Пари проиграно, документы остаются у меня,

Ярослава естественно, тоже. Впредь помни, что она моя и не вздумай лезть. Иначе разговор будет другим. Ты же не хочешь расстраивать наши отношения из-за женщины?

- Убил бы!... Отдай мне ее на сутки, Леший, всего на сутки!

Любая цена - назначай!

- Исключено, - встал, и, выходя из библиотеки, бросил, обернувшись. - Дважды не предупреждаю - держись от Ярославы подальше.

Расмуса перекосило от ярости, из слов лишь междометья остались.

Ярославу колотило от брезгливости и отчаянья. Она переделалась, умылась, пытаюсь вправиться с волнением и дурнотой. Уставилась на себя в зеркало и поняла, что ни за что не хочет рожать от

Лешинского. А еще не хочет быть богатой. Лучше жить на одну мизерную зарплату, сводить концы с концами, но оставаться человеком, в кругу людей, а не фантомов, барствовать, живя в моральной грязи.

В ванную заглянул Леший. Встал у косяка, сложив руки на груди.

- Что?! - зло уставилась на него девушка.

- Любуюсь мокрой, сердитой и взъерошенной студенткой, - улыбнулся примирительно, видя что девушка вне себя.

- Пошел вон отсюда, ублюдок!

- Какой жаргон, - потеряв улыбку, протянул Алекс, меряясь с

Ярославой взглядами. - Мечта северных ночей и юных дебилов.

- Ты про себя и своего дружка?! Ласково больно! Вы не дебилы, вы даже не звери - недоразумение природы! Моральные уроды! Общество ваше - элита! Стая саранчи и шакалов! Уроды! Ничего святого! Да и нет вас - фантики, а не люди! Красивая обертка, а внутри дерьмо!

- Только поняла? - усмехнулся недобро, подошел к ней.

- Ненавижу!! - закричала в панике и ярости девушка. Алекс обнял ее, зажав, чтобы не вздумала руками махать и, тихо сказал:

- А мне ты нравишься.

Ярослава не поверила, но затихла: необычно нежный голос у Лешего и взгляд серьезен. Может, все-таки он не безнадежен? Все-таки человек?

Александр же не верил тому, что сказал девушке. Что на него нашло? Гордость? А может, надежда появилась, что не все в жизни пошло и предсказуемо, что есть еще в ней место открытиям, вырвала признание, заставив чуть приоткрыться?

У него было масса "ручных" специалистов, "своих" очень нужных людей, "своя" жизнь, "свой" мир, где он был и Богом и Дьяволом. В этом мире было все просто и ясно, четко. Может, оттого холодно и до оскомины скучно? А может, он сбегал из этого мирка не в поисках приключений и новых ощущений, даже не в поисках женщины - в поисках себя, того, что еще мог верить во что-то, что невозможно купить или обменять, предсказать? И нашел ее, глупую, романтически настроенную девчонку, что горит и верит без оглядки всякой чуши, что забивала ее голову с рождения. Нет, не мужчина и женщина сошлись вместе - два разных мира, разных воспитания, разных мировоззрения. Но тот, что изначально казался Лешему слабым, на деле оказался сильнее, а вот его, устоявшееся, монументальное, дающее право на что угодно, сильное по праву рождения и законов системы, дало трещину. Не льды треснули под напором ледокола, ледокол затрещал под напором льдов.

Странно, но ему это понравилось. Захотелось чуть-чуть довериться, чуть-чуть влюбиться, чуть-чуть выпустить себя из "скорлупы". В конце концов, это ничем ему не грозит. Всего лишь еще одна увлекательная игра с любопытным партнером. Что может эта девочка против него? А он может все. Она его. Его!

И до дрожи захотелось взять ее, заверив себя, что он прав.

Алекс стиснул Ярославу, накрыл губы поцелуем. Девушка дернулась, попыталась вырваться, возмущившись - еще и он?! Но Леший не Расмус, у этого сил и напора, как у безумца. К тому же, была еще одна загадка, которую силилась разгадать девушка - в пылу борьбы, как ни странно рождалось желание, не ненависть, хотелось не убежать - сдаться. Может, она сошла с ума?

Девушка ужом вилась, пытаясь выскользнуть из рук мужчины, но от него бежала или от себя, понять уже не могла. От жарких поцелуев, разгоряченного тела Алекса, его неумных ласк она забыла, что было до, не мыслила, что будет после, не поняла, как оказалась на постели, нагая в полной его власти. И закричала, только он вошел в нее. Куда там рваться? Обняла, прижалась, отдаваясь страсти и неге.

Неожиданность. Он ждал, что будет покорять, но покорился сам, как только понял, что она доверилась ему и отдалась без боя, желая как и он. Так хорошо, так сладко, что кругом голова.

К чертям всех, все. Они уедут в Альпы на горнолыжный курорт.

Вдвоем встретят Новый год. Никаких гостей, посетителей, дел, забот.

Только он и она.

Только я и она! - подумал, задыхаясь от истомы. И закричал, вторя ее крику.

Богатство, власть - что по сравненью с этим мигом? Глупцы, кто думает иначе и золото на медный грош меняет.

Он многому учился, многое умеет, знает, любознательность и пытливость ума, врожденная черта Лешинских наградила его сполна этими качествами, но видно забыла природа в придачу дать немного житейского ума и ясность зрения, чтобы раньше сообразить, что действительно ценно в этой жизни.

Алекс обвел влажное от страсти лицо Ярославы, сжал ладонью - вот оно сокровище, вот истинная ценность, которую он никому не отдаст.

Он понял, чем владеет и ни за что не выпустит из рук, что ему досталось. Леший был уверен, за этот миг, за искреннюю страсть

Ярославы, за нее саму, какая она есть стоило бы отдать все, что он имел. И отдал бы не думая.

- Моя, - как приговор накрыло губы девушки и они открылись, поддались и ответили. Вот оно счастье. Невозвратимые и не неизгладимые моменты обычной жизни, в которой только два нагих безумца сплетаясь в одно, летят без оглядки на встречу друг другу, отринув все, что может приземлить, остановить безудержный полет, лишит их крыльев.

Потом, в той жизни, что рутиной вяжет, а здесь, сейчас - прочь.

- Поехали на лыжный курорт, - обнял ее лицо, любуясь истомой, туманом в глазах девушки.

- На... лыжный? - она еще не понимала, она еще летала.

Алекс тихо рассмеялся, нежно коснулся щек губами, поцеловал глаза:

- На лыжный курорт, в Альпы. Снег, горы, небо, ты и я, и больше никого, ничего.

В его глазах было столько нежности, восторга и откровенной любви, что они сияли и вызвали желание согласиться на что угодно, только блеск их не померк:

- С тобой?

- Со мной.

- Сейчас?

- Почему нет?

Ярослава рассмеялась, любуясь Алексом: он был похож на мальчишку, счастливого до одури, парящего в мечте наивной, но такой прекрасной.

С этим Лешим она не задумываясь пошла бы на край земли, хоть в ад, хоть в Альпы.

"Только оставайся таким. Пожалуйста, останься таким!"

- Если этот Алекс останется со мной, я сделаю для него что угодно.

- Вот как? - хитро улыбнулся. - С балкона прыгнешь?

- Зачем? Нет, - качнула головой. - Я сделаю другое, - толкнула его, переворачивая на спину, нависла над ним и прошептала.

- Я отогрею его сердце и покажу ему любовь.

Как она была забавна. Трогательна до кончиков взъерошенных и мокрых волос, горящих как звездочки глаз, в которых сказка сочеталась с былью.

- Что же за любовь ты мне покажешь? - заставил ее сесть себе на живот, придерживал за бедра.

- Это?... Это, - вскинула руки к потолку, будто решила объять вселенную. - Всеeee!

Свобода, полет, счастьееее!

Леший рассмеялся:

- Договорились. Именно это и покажешь, - поерзал, намекая, что таким образом они вместе еще не были. - Я очень даже "за".

Представь лыжню и мы с тобой...

Девушка шлепнула ему по груди:

- Пошляк!

И засмеялась, представив их нагишом в снегу на трассе лыжников.

- Маньяк!

- Ууу, девушка, еще какой! - округлил глаза и подмял ее под себя, чтобы вновь поцеловать.

Глава 20

- Мы словно бежим от кого-то, - заметила Ярослава. Ночь, самолет, спешная посадка, отлет. Днем сказал "летим", ночью уже в пути.

- Всего лишь не откладываем на завтра то, что можно и нужно сделать сегодня, - лукаво улыбнулся Алекс, обняв ее за плечи.

Конечно, он лгал, привычно и обыденно. Они действительно бежали: от себя, от липучего Расмуса, что в гневе мог удвоить атаку в мечте о сатисфакции. Это могло привести к крупной ссоре, чего Лешему было не нужно. Личное не должно мешать делу, а как деловой партнер Игорь мог ему еще не раз пригодиться. За месяц же он остынет, успокоится и все будет, как было.

- Почему Альпы и почему лыжный курорт? Ты говорил о походе в горы.

- Исключено. Романтика палаточных городков на снегу не для меня, и уж тем более, не для тебя. "Почему Альпы"? Имеешь что-то против?

- Нет. Аргументов нет - в Альпах ни разу не была.

- Прекрасно, вот и познакомишься. В детстве я часть бывал там, каждые каникулы. Удивительное место: красоты природы, чистый горный воздух. Вам, девушка, как будущей матери, очень полезен.

Он подшучивал, но девушка напряглась, вспомнив разом свое навязчивое головокружение и историю в библиотеке.

- Какая забота, - проворчала, отворачиваясь. - Что-то ты не сильно беспокоился, когда твой дружок сексуальноозбоченного изображал. Он так и ушел?

- Ты бы хотела, чтобы его вынесли? Какая ты кровожадная.

- Тебе все равно, да? - посмотрела на него, не скрыв неприязни.

- Считаешь: нормально, когда на женщину набрасываются?

- Не преувеличивай. Кстати, некоторым нравится именно такое отношение.

- Со стороны своего мужчины или левого типа? - скривилась.

- Но "тип" весьма, разве нет?

- Нет. Идиот какой-то.

- За это ты его томом и огрела? Решила подравнять, чтобы не выделялся? - рассмеялся Леший.

- Тебе все смешно, а что не смешно, на то плевать, - надулась

Ярослава. - Надо было вовсе твоего знакомца покалечить, чтобы тоже посмеяться.

- Не обижайся, - крепче сжал рукой ее плечо. - Чуть-чуть перешел границы, бывает.

- Я в шоке от вас! "Чуть-чуть"? У вас система понятий перевернута. Есть ваше "хочу" и выгода, больше ничего. Выкинуто как ненужное, да?

- Да. Все остальное - сантименты. Будем развивать тему Расмуса?

- посерьезнел и стал холодным, недовольным. Меньше всего Лешего волновал Игорь, тратить же на него время и слова он тем более не хотел. С какой радости находясь один на один со своей женщиной он должен обсуждать третьего, постороннего мужчину?

- Нет, не будем. Пусть живет: ходит, дышит, дальше свой пираций менталитет по свету носит. Вы удивительные: замороженные, и в то же время ни руля, ни ветрил. Куда захотелось, туда и понеслось. А почему нет? Гегемоны! Никаких границ, никаких преград! Мораль? На фига? Законы? Купим, как и людей!

Алекс отодвинулся от девушки, заскучав, и подумал пересест в кресло напротив, выпить вина, пока Ярослава будет ворчать и нудеть, выплескивая свои социальные комплексы. Жаль, что прививки от оспы в детстве делают всем, а вот прививки от романтической идеологии делает уже сама жизнь, и не каждому. Борьба же с порослью догм, крепко устоявшихся в ее голове, он смысла не видел.

- Украсть человека, вырвать из привычной среды ради забавы, сломать, искалечить - развлечься! Пожалуйста! Почему нет?! - завелась Суздалева. - Шантажом принудить к сожительству - "почему нет"? Фигня что у человека свои планы на жизнь. Вам же развлечься хочется, обычные игрушки не прельщают, насытились. Вам живые игрушки подавай, они интереснее, непредсказуемые.

Леший все-таки отсел:

- Отнюдь.

- Что "отнюдь"?! - сверкнула глазами девушка.

- Люди, как правило, абсолютно предсказуемы. Счастье, если нашел исключение из правил.

- Например?

- Ты, - спрятал улыбку.

- Я?! И в чем же, любопытно мне, я исключение?! - Ярослава вконец обиделась и расстроилась, услышав в речи Лешинского намек на свою никчемность. - В том, что не смогла выбраться из той ямы, что ты выкопал мне? Что как дура, купилась на твою интеллигентность и мысли не допустила, что дело может повернуться черт знает каким образом?! Откуда мне было знать, что где-то в заоблачной дали финансов скучают пересытившиеся жизнью ско... коты! Которым плевать на все, кроме собственной прихоти! Что они развлекаются, в то время когда люди всерьез живут!

- Что тебя завело? - не мог понять: все же было прекрасно и вдруг на ровном месте возникла ссора. К чему, зачем? На девушку посмотрел и озадачился еще больше - судя по всему, она сама не понимала причины или прятала ее от себя. - Решила на жизнь пожаловаться?

- Что?! - у нее слов не осталось. Как с ним вообще разговаривать?

- Ярослава, девяносто девять и девять десятых женской половины населения, окажись на твоём месте, не сетовала бы. Она бы яростно принялась опустошать бутики и млеть в постели, ублажая меня, как падишаха. Она бы, эта львиная доля женского пола, постаралась за минимум взять максимум. А если бы и жаловалась, то на отсутствие ста рук, чтобы больше схватить, и бесконечности грузовиков, чтобы увезти. Они бы не закрывались в особняке, наоборот, приняли бы активное участие во всевозможных раутах и тусовках, проехали бы по всем "городам и весям" хватая все что возможно и невозможно.

- Не правда! Ни одна уважающая себя женщина, ни один человек, не стал бы терпеть положение игрушки, рабы! Не променял бы свободу и уважение к себе на какие-то шмотки и развлечения!...

- Ты считаешь себя рабыней? - удивился мужчина. Странно, ему не приходило подобное в голову, и вдвойне странно, каким замысловатым образом сделал кульбит поток ее сознания, чтобы привести к подобному выводу.

- Разве нет?! Разве я не рабыня? Только не говори "ничего подобного", "добровольная основа", "найм", "контракт", "работа"!

Чушь! Если мне не нравится работа, я могу уйти, если выдвигаются неприемлемые для

меня условия, я просто не устраиваюсь на работу! Ты же принудил и связал по рукам и ногам! И мне приходится терпеть твою золотую клетку, твоё хамское отношение, ещё более хамское отношение твоих дружков! Жить в грязи, в которой вы барахтаетесь добровольно!

Да какая плата, какие тусовки, шмотки?! Что может окупить или загладить чувство гадливости к себе, к вам?! Ну, снесу я и вынесу один бутик, два, и что?! Мне новая тряпка душу согреет, уважение к себе вернет, успокоит, поможет?!

Алекс все же решил выпить. Жестом показал мальчику из obsługi, что ему надо и получил.

- Почему же терпишь? - спросил тихо, глотнув вина.

- Ты знаешь, - буркнула отвернувшись. - Кстати, ты обещал помочь Инне.

- Не обещал.

Ярослава вскинулась, в глазах блеснули слезы обиды и отчаянья, но спорить, убеждать, умолять Алекса, было бесполезно, она видела это по его отрешенному лицу, пустому, нормальному для него, замороженному взгляду.

Все-таки она удивительная "никчемуха" - ничего не может. Даже слов убедительных подобрать и то не в состоянии!

- У меня такое чувство, что я бьюсь о глухую стену, бьюсь в кровь. Но стена как стояла так и стоит, ей нет дела до моих усилий, ран, - прошептала сникая.

Странные, резкие перепады настроения, - отметил Алекс и приписал их её состоянию.

- Выпьешь? - мягко спросил.

- Что? - нет, он точно издевается над ней! Хоть говори, хоть кричи - он будто не слышит!

- Легкое десертное вино, беременным можно.

- "Беременным"? - смерила его взглядом. - А если я действительно беременна, что будет?

- Будем рожать, - и хоть бы ресница дрогнула, что-то человеческое во взгляде мелькнуло. Ничего! Спокойствие и отстраненность сытого и довольного жизнью удава.

- Ты?

- Вместе. Давняя практика. Я не хочу чтобы мой ребенок, придя в этот мир, попал неизвестно в какие руки. Я приму его сам, мои руки он почувствует первыми, - Алекс не скрыл довольства. Он уже не только свыкся с мыслью о будущем отцовстве, но и находил эту роль весьма привлекательной. Странное, но очень славное ощущение будила в нём мысль, что Ярослава носит его ребенка, что он будет отцом, что на свет появится его копия, будет бегать по особняку, круша элитный интерьер, доставая няnek и охрану. Заманчиво. Проверка девушки прошла на "ура", а он давно подумывал сменить статус и вот, все как нельзя лучше устроилось - он получит все и сразу. За это можно потерпеть любые капризы и немотивированные всплески раздражения будущей матери. - Я буду о нем заботиться. Наверняка этот очень приятно. Ты сделаешь мне замечательный подарок.

Ярослава прикрыла ладонью глаза: о чем и с кем она говорит? И почему, черт всех возьми, она настолько ненавидит Алекса сейчас, насколько любила пару часов назад. Когда она была безумна - тогда или сейчас? Когда он был настоящим?

Что с этим делать? Неужели у нее не получится изменить его?

Закостеневший, заматеревший то ли нелюдь, то ли монстр, человеком уже не станет?

- Когда ты был настоящим: час назад или сейчас? - спросила, еле сдерживая слезы отчаянья.

- Ярослава, перестань искать того, чего нет. Я такой, какой есть, ты такая, какая есть.

И это прекрасно. Ничего не надо искать или менять. Мы подходим друг другу идеально.

- Ты делаешь мне предложение?

Алекс чуть не подавился вином. Что к чему и откуда? В каком слове она услышала намек на предложение руки и сердца? Отчего женщины навязчиво преследуют одну цель: окольцевать и испортить всю прелесть отношений? Что за прихоть? Почему обязательно в отношения нужно вмешивать государство или церковь?

- У меня есть невеста, - решил поставить точку на этой теме раз и навсегда.

- Да? - удивилась девушка. - Где же она прячется?

- Живет в Бельгии, зовут Барбара.

- Все?

- А что нужно еще?

- Но она твоя невеста.

- Невеста. Мы помолвлены лет семь. Но не спешим к финалу. Нас вполне устраивает статус жениха и невесты.

- "Устраивает", - повторила девушка, как эхо. - Невеста тоже устраивает?

- Естественно: меня, семью, общество.

- А ты ее, да?

- Да. Она из очень хорошей семьи с глубокими аристократическими корнями, крепкими связями в европейских домах. Однако ее род несколько обнищал. Я обеспечиваю ей существование на должном ее статусу уровне.

- То есть, ты ей деньги, она тебе связи, герб и выход в высшее общество. Бесплатный пиар по всем "скворечникам".

Алекс улыбнулся и отсалютовал бокалом вина: умница.

- И хорошо трещит?

- Без умолку, - заверил.

- Отрабатывает или боится лишиться "ренты"?

Мужчина неопределенно повел плечами: нормальный договор сторон о взаимовыгодном сотрудничестве.

- Какая она? Ну, внешне?

- Шатенка, - после полуминутного раздумья ответил Алекс.

Ярослава еле сдержала фырчание.

- Давненько же ты ее видел, поистерся образ "любимой", - заметила ядовито.

- Года три назад в Лондоне.

- А после не судьба? В Лондон не задувало?

- Почему? Я часть бываю в Англии, она тоже. Но как-то не пересекались, у каждого свои дела.

- Какие "теплые", редкостно "близкие" отношения, - усмехнулась девушка. - Эталон пылкости и любви! Завидую! Ты со мной, другими женщинами, она тоже, наверное, не томится в одиночестве. Видитесь раз в три года.

- К чему клонишь? Мы взрослые люди, Ярослава, и в отличие от тебя, с иллюзией дружим по мере надобности, а не идем с ней по жизни рука об руку. Пока наши отношения нас устраивают, а не обременяют.

Зачем что-то менять?хлопоты, суета. Абсолютно ненужное.

- Здорово! - девушку распирало от желчи. - Расчетливо, тонко.

Ерунда, что вы чужие друг другу, что плевать вам кто как живет и чем дышит. "Суета,

абсолютно ненужное".

- Лишнее.

- Ага. Как на счет ребенка? Ничего что он в столь тонкий расклад не лезет? Или наоборот, очень даже?

- Зачем ей знать? - Алекс искренне недоумевал.

- Тебе тоже незачем? Или ты уверен, что не носишь рогов и свита

"незаконнорожденных" не бегают по Бельгии, скрываясь от женишка матери?

- Барбара воспитана иначе, чем ты. Она пуританка, ревностная католичка. Курирует детский приют, помогает падшим женщинам, - улыбнулся. - "Падшие"...

- Как я.

- Н-да? - улыбнулся еще шире. - Нет. Ты обеспечена и будешь обеспеченной. Твой ребенок будет иметь отца и мать. Я не собираюсь от него отказываться. Он будет воспитан как мой сын, будет носить мою фамилию и иметь все права Лешинского. У них же другое положение.

- Подожди, она не монастырям Марии Магдалины помогает? - насторожилась девушка.

- Да. Слышала? Ты меня удивляешь.

- А ты меня нет, как и твоя "святоша". Сам-то знаешь, что в этих монастырях твориться? Рабыни на постоянной основе трудятся на благо церкви, искупая "грех" любви. Концлагерь современности. Класс!

Показательно. А ты и твоя Барбара стоите друг друга. Плевать на все: главное провести акцию и поднять или поддержать свой имидж! Bravo!

Алекс задумчиво оглядел ее: что за странные мыслительные процессы происходят в ее голове?

- Напомни, на каком языке мы с тобой говорим?

- На русском! Но я на человеческом, а ты инопланетном! Знаешь, а мне жаль тебя, - качнулась к нему. - Искренне жаль. Вы такие богатые, сытые, всем и вся довольные. Все у вас рассчитано и просчитано, ясно, четко. Все есть, а чего нет - купите, даже милосердие в чужих глазах. Только вот здесь, - показала на сердце.

- У вас ничего нет. Вы не богачи - вы банкроты, нищие душой и сердцем. И не живете - существуете, от этого и скучаете. Маает вас не безделье и сытость - отсутствие души, тех важных составных, без которых ей невозможно проявить себя. Именно их вы ищете, как вчерашнюю потерю, а не приключений. Живете суррогатом чужих эмоций и впечатлений, создаете видимость жизни, а сами ни живы, ни мертвы.

Зомби.

В этот момент она четко для себя решила - не будет она рожать.

- Впечатляет, - заверил Лешинский, с удовольствием разглядывая

Суздальеву. Хороша. - Очень сексуально изложена концепция конфликта общества, - поставил бокал на столик и потянул девушку к себе. - Давай его примерим? - прошептал, пробираясь рукой под кофточку.

- Дурак что ли? - вырвалось само, когда Ярослава поняла, чего он хочет. - У тебя в голове кроме секса какие-нибудь мысли еще возникают?

- Нет. Когда тебя вижу, - признался честно, расстегнул ей брюки.

- Маньяк! - отпрянула.

- "Ага", - придержал ее мужчина, возвращая себе. - Когда-нибудь имела секс в самолете?

Ярослава покраснела и размечталась сбежать, видя, что Алекс расстегивает свои брюки.

- Нет, не имела. Зря. Незабываемое ощущение.

- Да оставь ты меня в покое! - вырвалась все же девушка, плюхнулась на свое место, спешно приводя себя в порядок. Мужчина рассмеялся.

- Что смешного?!

- Подумалось, что все-таки есть одна тема, в которой мы находим понимание - секс. Не мало.

- Считаешь это главным?

- Не маловажным. Над нами превалируют инстинкты, а секс это инстинкт. Центр удовольствия, - постукал себе пальчиком между бровями. - Комфорт, сытость, тепло, секс - все, что нужно человеку.

Главные нити, за которые дергают умелые кукловоды. А когда человек устал от спокойствия и размеренности, устрой ему накал страстей, взрыв эмоций - он навеки станет твоим, - засмеялся.

- Именно эту систему вы и используете?

- Естественно. Все просто. Все что связано с инстинктами держит человека на крючке.

- Зверя. Человеку нужно больше - душевный комфорт, а его просто так не обеспечить. Для этого мало купить машину, круче, чем у друга, трахнуть длинноногую манекенщицу и съесть огромный чизбургер.

Алекс задумчиво оглядел девушку: юный философ. Трогательно...

Но ведь права!

Кому-кому, а Лешинскому во всей красе и всех нюансах был известен комфорт с детства, но разве он устраивал его? Сколько раз он испытывал большее удовольствие и внутренний комфорт от диссонанса чувств, когда вместо обеда в ресторане, покупал на какой-нибудь остановке в убогом ларьке сосиску в тесте. Жуть - только посмотри.

Но как вкусно!

А девицы его круга, в совершенстве владеющие искусством обольщения, знающие толк в чувственных удовольствиях. Такая за минуту способна довести до экстаза... но не его, знающего что скрывается за томными взглядами и сексуальными манерами, за мастерством обольщения и совращения, что выдается "нагора" - фальшь и выгода. Искусственность манер, искусственность слов, взглядов. Эти дадут минимум, возьмут максимум.

Ярослава другая. Такие как она неискушенны и искренни, и тем, более соблазнительны, чем самые томные и разукрашенные элитной краской дивы. Они не выучены манером сытых львиц, не знают как сесть, встать, посмотреть, чтобы только от этого снесло голову. Но как они неповторимо притягательны в своей неумелости, граничащей с невинностью.

Алекс не заметил, как стал улыбаться, понимая, какое сокровище он смог приобрести.

- Опять что-то смешное сказала? - прищурилась девушка.

- Нет, - очнулся мужчина. - А что ты сказала?

- Ты не слушал?

- Нет, я любовался тобой. Ты мне очень нравишься, - признался, обескураживая Ярославу. Она в который раз потерялась, не зная, что сказать в ответ, как реагировать на внезапные перемены.

Решила перевести разговор в другое русло:

- Как на счет Инны?

- Опять? Бог мой, мне нужно выдать приз за терпение! Скажи, пожалуйста, почему я должен тратить силы и средства на незнакомого мне человека? Занимать свое время совершенно впустую?

- Не впустую. Ей нужно помочь и должен это сделать, потому что человек.

- Спасибо! - усмехнулся Алекс, возвращаясь к вину. - Только что я был инопланетянином и маньяком. Как быстро я расту в твоих глазах! Или наоборот, опускаюсь?

- Пожалуйста, Алекс, сделай это, - снизошла до мольбы девушка.

- Ты же обещал.

- Продолжай. Ты очень сексуальна, когда умоляешь.

Опять и снова! Просто помешанный!

- Какая нормальная сможет тебя полюбить? - качнула головой, пробубнив себе под нос.

Но мужчина услышал, прищурился:

- Женщины... Любовь, замужество. А между тем и этим что-нибудь еще наблюдается?

Ах, да - бутики, салоны красоты, феерическое порхание с одного пестика на другой в поисках своего пристанища.

Удобного, остальное частности.

- Не обобщай.

- Скажешь - не прав?

- Кроме удобства нужен еще...

- "Душевный комфорт!" Я угадал?

Ярослава поджала губы, вздохнув. Она чувствовала себя добычей аллигатора, который смакуя, пробует ее на зуб. Кошмарное ощущение.

Но как выбраться из пасти хищника?

- Запомни девочка - есть деньги и связи, это все что нужно человеку по настоящему, все к чему стремится каждый и что хочет получить в итоге всех своих метаний и стремлений.

- Уверен?

- Абсолютно. Только эти "два кита" обеспечат тебя всем, что ты захочешь. Согласись, сложно ощущать "душевный комфорт" нищенствуя.

- Знаешь, - протянула подумав. - А я бы, пожалуй, выбрала нищенство, но свободу и независимость, чем богатство, обеспеченность и зависимость. Я бы человеком себя чувствовала.

- Человечком червячком.

- Да нет, - в упор посмотрела на него.

Ее прямые взгляды иногда бросали его в дрожь, пробирая до клеток костного мозга необъяснимой тревогой, глубинной, страшной, сходной с ощущением надвигающейся на твоих глазах лавиной, которая миг и накроет, а ты за этот миг должен решить для себя то, что откладывал много лет, понять, что не успел понять за всю жизнь, вкусить, что еще не вкусил, и свыкнуться, смириться с мыслью, что все уже закончилось лично для тебя.

Алекс отставил вино - не шло, хоть ты что делай.

- Я, конечно, понимаю, что мне тебя не убедить, не переубедить.

Кто я и кто ты? Ты старше почти вдвое, опытнее, зубастее, считаешь себя не просто умным - мудрым, все видящим, все знающим. Понятно, что я по сравнению с тобой никто и никак: опыта - пшик, словарный запас, так чтобы каждое слово в точку - увы и ах, уверенности во многих вопросах тоже нет, как и знаний, которыми можно было бы блеснуть.

Но знаешь, я не жалею. У каждого человека свой опыт, сказать большой он или маленький, все равно что математическими формулами доказать существование Бога. Этот опыт индивидуален, он и создает нам личное мнение. Я за эти месяцы не то что повзрослела, а кажется, постарела. Правильно та гадалка сказала: что не видела - увидишь, что не знала - узнаешь, что не принимала - примешь. Мир перевернулся. Ты его перевернул, и вроде надо тебя ненавидеть, а я все чаще испытываю благодарность и жалость к тебе. Странно, да? Ты думаешь, что защищен, прикрыт своими деньгами, связями, думаешь нужен, важен. Но лиши тебя твоих китов - что останется, кто? Ты стремишься к иллюзии, за которой пропасть одиночества, морозная и страшная, а мне пеняешь, что я идеалистка, верю фальшивым лозунгам, стремлюсь к нереальному. Это не так. Ты помог мне это понять. Жизнь непредсказуема и порой так неожиданно круто меняет все, что невозможно угадать, что будет в следующую минуту. Сегодня ты значим, но где гарантия, что завтра это останется? А если нет, что тогда с тобой будет, что тебе останется, кто поддержит, поможет. В такие минуты меньше всего нужен финансовый капитал, он не врачует душевные раны, не возвращает веру и не помогает устоять. Я, как все мечтала быть обеспеченной, даже представляла себя боссом какой-нибудь фирмы, имеющей все, что захочу. Красивая шмотка - пожалуйста, машина, квартира... Стандарт. Только вот подумалось некстати, а что дальше?

Ну, будет у меня машина, будет квартира, денег - море. Куплю я себе платье как у кинозвезды, ну, увешаюсь ювелирными раритетами. И что?

Что дальше? Предел мечтаний? И всю жизнь за этим в погоне? Моя мечта отчего-то сразу поблекла от этих мыслей, потеряла привлекательность.

А потом ты, как точку поставил. Смотрю на тебя, на то как ты и твой круг живет и не понимаю, зачем так жить, ради чего и к чему?

Спасибо. Честное слово, спасибо тебе. Теперь я точно знаю, как не хочу и не буду жить. Можешь смеяться - я не возьму твоих денег, уеду в Якутск и буду учить детей тем "ненужным" вечным ценностям, что помогут им остаться людьми, а не стать, как вы - инопланетянами на родной планете. Научу их, как смогу не путать любовь с похотью, гордыню с гордостью, уважение с раболепством, честь с выпендречничеством. Я научу их теплу. Да, обычному человеческому теплу, без которого они могут замерзнуть и потерять человеческие лица. У вас ведь их нет - только маски на все случаи жизни. Ты, наверное сам не знаешь, а может не помнишь, какой ты настоящий.

- Прозябание на конце света? Мечта? Ты решила таким образом искупить свою надуманную вину перед подружкой?

- Нет, это мое желание вне зависимости от Инны и ее судьбы, моих возможностей, что-то изменить. Я хочу этого всей душой. Не понимаешь?

Алекс отвернулся. Ему импонировал альтруизм Ярославы, но вызывал спорные чувства. С одной стороны она была права, но с другой нет. Он мог восхититься ее мнением, желанием, мог расценить как подвиг или порыв святого милосердия. Мог даже преклониться пред вопиющей романтикой идеализма, вот только не верил, потому что знал - ничего бы ее порыв не изменил, никого кроме нее самой по-настоящему не задел.

Он это понимал, она видимо - нет. Он и мысли не мог допустить, что девушка прекрасно понимает, что действительно хочет пойти тропой

Дон Кихота и бороться с ветряными мельницами, положить свою жизнь на алтарь погрязшего в эгоизме человечества. Это был ее целенаправленный, твердый выбор.

- Ты мне нравишься, - повторил после длинной паузы в тишине, усиленно глядя в иллюминатор. - С тобой приятно не только в постели. Редкость... Твою мечту не стану разбивать - ее жизнь разобьет. Невозможно изменить систему. Она сложилась исторически.

Ярослава полулегла в кресле, поджав ноги под себя. Она чувствовала себя уставшей и опустошенной то ли от долгого перелета, то ли от разговора. Но прекращать его не хотела, она должна была пробить "стену", не столько для себя, сколько для него. А спроси зачем - не ответила бы.

- В давние века в Ирландии существовало братство фениев, которое охраняло свою Родину от разрушений и сил тьмы. Они сторожили границы миров и помогали в битве против тьмы. Меня, в свое время поразило сходство кодекса их братства с заповедями Христа. Хочешь знать?

- Уволь. Меньше всего мне хочется слушать религиозный бред.

- Это не бред, а исторический факт, относящийся ко тьме веков, задолго до рождения Христа и становления церкви. Так вот заповеди фениев гласили: "фений не должен оскорблять женщин, а жениться может только по любви. Нельзя показывать свою силу в доме мужа, побереги ее для битвы. Не бей собаку, не калечь дурака, потому что он не ведает, что творит. Не торопись ссориться, не ищи изъяна в человеке.

Не будь грубым, но и не кланяйся всем подряд. Не угрожай и не клянись зря. Не бросай того, кому обещал защиту. Не говори плохое о других, это не достойно воина. Не пересказывай слухи, это не достойно мужчины. Не торопись искать в других дурное. Будь храбрым и не болтливым. Не мешай простым людям заниматься своим делом, не отказывай никому в куске мяса и хлеба, не скупись. Не береги свои руки, пока не кончится сражение. Не упускай счастья в бою и не скупись на ласку после боя."

- Забавно. К чему ты это?

- Среди фениев был такой друид Оссиан, знатный бард. Как гласит легенда, однажды богиня увела его в страну Вечной Юности. Сколько он пробыл там, он не мог сказать, но захотелось вернуться ему домой.

Богиня сказала, что мир уже изменился, ему не стоит возвращаться, но

Оссиан не послушал. В общем, вернувшись, он стал старцем. Суть не в том, а в предсказании, что он оставил после себя, печальном предсказании. "Всякий восстанет на ближнего и предаст брат брата, всякий поднимет руку на друга, так что не будет меж ними ни клятвы, ни чести, ни духа. Музыка достанется простонародью и будет извращена. Любовь спутают с похотью. Скупость, негостеприимство и нужда завладеют людьми, померкнут их песни. Исчезнет тропа каждого, установится одна дорога для всех. Люди станут служить людям, а не

Богам. Явится много ужасных болезней. Зима зеленая, лето мрачное, осень без урожая, весна без цветов". Ничего не напоминает?

- Допустим. К чему клонишь?

- Подумай, пойди от противного. Если ты считаешь сложившееся историческим и непоправимым фактом, необходимостью, то как объяснишь, что раньше, жили иначе. Не лгали, не убивали за кусок, не кляли, не крали. И весна была похожа на весну, а человек на человека.

- Легенды - сказки.

- В это очень удобно верить и оправдывать себя. Но исторический факт говорит за

себя - мы были другими и мир был другой. У нас спутались понятия, мы спутали норму с не нормой, ложь с правдой и мерим однотипными категориями каждого и каждое. Это не правильно. Мы разные и каждый в отдельности неплох, просто нас согнали как баранов на одну дорогу, дали один на всех флаг и лозунг, показали одно направление и словно шоры на глаза надели. Но ведь из каждого правила есть исключение.

- А есть исключение правил...

- Что мешает людям вернуться к истокам и вспомнить кто они?

- Гипотетический вопрос. Не находишь?

Ярослава взяла подушечку, устроила на ней голову и вздохнула:

- Может быть... может быть...

- Поспи, моя очаровательная идеалистка, - улыбнулся Алекс, глядя на сонную девушку.

Утомилась. Странно... А впрочем, что странного? Перелет, беременность, нервы.

Лешинский отвернулся к иллюминатору и допил, наконец, вино.

Глава 21

Расмус злился, не находя себе места. Избил охранника, в пух и прах разругался с родней и друзьями, но все равно не мог успокоиться. Ему нужно было выместить на ком-то свою злость более изощренным методом, унижить, растоптать и насладиться зрелищем попранного. Только так он мог бы вновь почувствовать себя состоятельным, важным. И он решил пойти дорогой Лешего, по странному стечению обстоятельств выбрав институт в котором некогда училась

Ярослава. Взгляд его привлекла высокая зеленоглазая студентка. Но зачем светиться самому, множить компромат? Хватит ему Хелен. Ведь благодаря этой продажной сучке он на крючке Лешего и не может воздать должное его дикой шлюшке, которая должна была принадлежать ему! Ну, ничего, ничего, баб на свете много.

- Видишь эту? - кивнул на нее своему подручному, Юрию Мехлесу.

- Ну, - пытливо глянул тот в окно машины.

- Окрути.

- Зачем?

- Затем, что я хочу чтобы она без ума вляпалась в тебя. И хочу это видеть. А потом привезешь ко мне, тихо привезешь.

- Распишем на двоих? - смекнул.

- Распишем, - заверил. - Для начала.

Мехлес ухмыльнулся:

- Понял, шеф, - и вылез из машины.

- Камеру включи! - приказал Расмус. - Вечером с докладом явишься!

- Ой, не знаю, - хохотнул, игриво поведя плечами, и пошел вразвалочку да девушкой.

Теперь она точно знала, какой он - рай.

Нет, Ярослава, конечно представляла что будет шикарно, по всем правилам расцвета капитализма, но до такой степени, как случилось увидеть на яву, полет ее фантазии не простирался. Здесь все было продумано и устроено для максимально комфортного отдыха. Домики - люкс, природа - сказка, обслуживание персонала - заоблачная мечта.

Казалось сама жизнь здесь легкая, волшебная, блестящая, как снег вокруг.

Дебют Ярославы на лыжах, больше был похож на выход космонавта в открытый космос. Алекс купил все необходимое в магазине, помог девушке облачиться в комбинезон, проверил крепления на ее лыжах и потащил к спуску. Идти на лыжах она еще могла, нелепо переставляя ноги и рискуя свалиться, но спуститься с горы... Было страшно.

- Пошли.

- Не-не-не, - отпрянула и проследила взглядом за удалым полетом других лыжников, что слетали вниз, как метеоры, что подпрыгивали и выделывали кульбиты на пригорках. У Ярославы сердце от их "номеров" замирало. Хотелось как другие, так же лихо уйти вниз, в бесконечность спуска, показать класс и ощутить полет, но девушка была уверена, что полетит она не так изящно как мастера и спустится вниз не стоя, а сидя.

- Понятно, - засмеялся Алекс, глядя на нее. Страх и зависть во взглядах на лыжников, мчащихся вниз, многое ему сказали. - Первый раз? Прекрасно, - схватил ее и силой поставил на лыжню, обнял и рванул вниз.

- Нет!!... Аааа...

У Ярославы сердце остановилось, замерзло от страха на ходу. Полет на "харлее" по улицам с Гришей показался ерундой.

- Первый спуск, как первая любовь, - сообщил Алекс девушке, с разворотом тормознув вниз. - Понравилось?

Ярослава плечами пожала, глядя вверх - больше боялась, спуск-то плевым оказался. И на мужчину покосилась:

- Еще раз?

- Вперед!

- Чур, я сама, - решила. И, правда, почему нет? Чем она хуже детворы, что смело слетает вниз без сопровождающих?

- Главное ноги не выпрямляй, не напрягайся. На лыжах, как на велосипеде - нужно научиться держать равновесие и координировать свои движения.

- Ага, - тупо кивала девушка и забыла все наставления, ринувшись с горки. Без Алекса ноги разъезжались в разные стороны, тело клонило и заносило, сердце сжимало от страха. Но было в происходящем что-то азартное, что нравилось вопреки логике. Боясь упасть, девушка присела на корточки, так и остановилась внизу.

- Еще раз, - объявила, подъехавшему Лешему и тот засмеялся.

- Иного не ожидал.

Их обогнал лихой юный гонщик и Ярослава с завистью проводила его взглядом - даже дети не боятся! Она не хуже!

- Это "детская" трасса, для начинающих. Освоишь ее, остальные легко пройдешь, - пояснил Алекс.

- Освою, - заверила его и себя и двинулась вверх.

- Тыходишь во вкус. Понравилось?

- Здорово! - улыбнулась. Глаза задорно блестели.

Она решила покорить свой страх, покорить эти горы и покорила.

Оказалось, что она всего лишь боится упасть на такой скорости и переломать себе ноги. Но ничего подобного к счастью не случилось, хоть она и упала, не устояв. Вспахала грудью снег и остановилась у лыж Алекса.

Мужчина из всех сил сдерживал смех, но, встретив ее насмешливый и недоуменный взгляд снизу вверх, не сдержался, рассмеялся. Ярослава фыркнула в ответ и... сделала подсечку насмешнику - в снегу оказались оба. И долго барахтались не давая друг другу встать, смеялись, дурачились, пока два юных лыжника не встали над ними, не принялись с любопытством изучать их маневры.

В тот день Ярослава не переставая улыбалась, даже когда спать легла, даже когда заснула. Леший долго рассматривал улыбающуюся спящую девушку и сам невольно улыбался. На душе было настолько тепло, что он понятия не имел, как жил без этого чувства раньше и мыслить не хотел, как жить без него дальше.

Через три дня, когда девушка освоилась на лыжах, перестала заваливаться на бок чуть что, приседать и научилась координировать движения, они с Алексом поднялись на фуникулере на другую трассу.

Дни проходили за днями в веселье, полете вниз, по сверкающему снегу, в беззаботной болтовне в баре за десертом и легким вином, за ужином, играх в снежки, догонялках. Как-то незаметно вместе со страхом перед лыжной у Ярославы исчез и страх перед Алексом,

неприятнь испарилась будто ее не было. Они шалили как дети, вместе и она больше не ощущала разницы в возрасте, положении, а главное не чувствовала себя рабыней, а его не могла назвать плохо. Они сблизилась, отодвинули все неприятное и царапающее душу. Что было - было там, далеко-далеко, а здесь все по-новому, все другое и они другие. И не одни. Круг их общих знакомых быстро вырос - люди здесь оказались удивительно общительными и веселыми, и Ярослава, истосковавшаяся по нормальному общению, была счастлива обрести новых друзей, Алекс же тому не противился, не сердился на посиделки в баре до полночи, зажигал вместе с ними, смеялся, танцевал.

Сказка, - только так могла назвать Ярослава отдых на курорте. И говорила, раз в неделю отзваниваясь Свете. Все складывалось как нельзя лучше - у подруг все было хорошо, между ней и Алексом тоже воцарилась идиллия.

Новый год они встретили большой компанией, шумной и беззаботной.

Фейерверки, бенгальские огни, и спуск вниз, в темноте, чтобы долго целоваться у подножья и подняться на фуникулере смеясь, держась за руки, и покачивая лыжами над трассой. Смотреть на залитый праздничными огнями курортный городок:

- Спасибо, - сжала руку Алексу Ярослава.

- Не за что, - улыбнулся он, поцеловав ее руку. Он был счастлив, как и она. Странно, но это ее "спасибо" было ему дороже, чем выгодная сделка. Он откровенно млел от радости, упиваясь радостью девушки.

Поздравить подруг тридцать первого Ярослава не успела, поэтому позвонила первого, пока Алекс заказывал завтрак. Ее звенящее от счастья:

- С Новым годом! Удачи, счастья, всего, всего!!...

Утонуло в тишине. Света молчала, чем насторожила девушку.

- Эй?... Свет?

- Маринка пропала. Вчера.

- Как?... - каркнула Ярослава потеряв разом веселье и беззаботность. Новость придавила ее, возвращая прежние переживания и, отдалась волнением, головокружением и дурнотой. - Уехала? Может, уехала на Новый год?...

- Мы вместе встречать договорились, - глухо поведала Света. - Тридцатого ушла платье себе искать, больше не вернулась.

- Но... может передумала?... Ты говорила, она с кем-то познакомилась. Может, с ним решила праздновать?

- Он ей предлагал на даче у друзей, но ты же знаешь мнительность

Марины. Отказала, с нами решила. Я не знаю, Слав, честно не знаю, что происходит. Какой-то непроходящий кошмар!... Какой Новый год к чертям? Настроение в ауте, даже думать о чем-то боюсь.

- А Люба?

- В истерике. Собралась документы забирать из института и уезжать подальше. Ты позвони потом, а? Я не могу сейчас...слов нет.

В трубке заныли гудки.

Ярослава в прострации сидела, слушала их и смотрела перед собой, вспоминая прошедший месяц, Алекса. Замечательно, волшебным, только

... не успокаивал ли ее Леший, не отвлекал ли? Был мил и галантен, светел, как солнышко, а сам...

Девушка грохнула трубку и рванула в столовую.

Алекс как всегда изучал прессу и потягивал кофе. Ярослава без слов вырвала газету, откинула ее прочь, не глядя и нависла над растерявшимся от ее выпада мужчиной:

- Что это значит?

Леший скривился в попытке понять, что милую укусило:

- Не понял.

- Марина пропала!

- Какая Марина?

- Моя подруга! Это ты, ты! Говоришь, не при делах, а сам!...

Ненавижу!! - взмахом руки скинула сервированный завтрак со стола.

- Сейчас же верни ее!!

В комнату заглянул обеспокоенный криками Штольц. Алекс поднялся, жестом указав ему - скройся, и в упор уставился на девушку:

- Прекрати истерить. Я понятия не имею, где твоя подруга. Мне вообще ровно на твоих подруг. Ты не думала об этом?

- Тебе вообще на всех ровно!! Где она?!! - замахнулась на мужчину девушка, вне себя от ярости. Ее несло и она не могла остановиться, ярость слепила, уничтожала здравомыслие.

Алекс перехватил ее руку, зажал девушку:

- Перестань кричать! Что за вздор пришел тебе в голову? Причем тут я и какая-то Марина?

- Марина моя подруга! Ты обещал, что моих подруг не тронут!!

Лжец!! Ты и твои дружки!!... Опять за свое?!!

- Тихо! - встряхнул ее, надеясь привести в себя. - Я понятия не имею...

- Ложь!! Ты нарушил договор!! Я иду в полицию, я... не знаю, что сделаю! Сейчас же верни ее!!!

- Ты неадекватна.

Она и чувствовала себя соответственно, тут не поспоришь. Перед глазами все плыло, ярость и страх за подругу душили, растерянность, ненависть, отчаянье затопили ее разум. Шок что она испытала, подкосил ее, вымел все приятные воспоминания и ощущения, что казалось прочно обосновались в ней за месяц. Самое худшее вернулось вновь.

Ярослава почувствовала тошноту, попыталась оттолкнуть Алекса, убежать то ли от него, то ли от себя, то ли от жутких мыслей, то ли от прошлого, что нагрязнуло внезапно, нарушив идиллию. И не устояла на ногах, поплыла, упала.

Мужчина в вязанном свитере наложил ей пластырь на локтевой сгиб и начал что-то объяснять Алексу. Тот кивал, что-то спрашивал, озабоченно хмурясь. Ярослава была несильна в языках, да и плевать ей было кто, что говорит. Она смотрела в потолок и чувствовала опустошение. Она поверила, поверила как дура и кому?!

Она почти влюбилась... в кого?!

Она смирилась с мыслью, что родит ребенка... кому, от кого?!

Никогда, ни за что!

Она столько сделала, она так старалась, столько вытерпела... ради чего?!

Все впустую? Обман, ложь. А ведь знала, нельзя верить! Не изменить его, ничего не изменится, ничего она не может.

Получилось - предала, а не помогла подругам? Получилось, еще больше запутала ситуацию, получив беременность.

- Мне нужно в клинику, - прошептала.

- Куда? - не понял Алекс, обеспокоено уставился на нее.

- В клинику, на аборт! - выплюнула, с ненавистью глядя на него.

- Я не собираюсь рожать. От тебя - ни за что! Только не от тебя, только не тебе!

Мужчина окаменел. В душе еще клокотало от заявления девушки.

"Только не от тебя!" - как нож вошло в сердце, смутило рассудок, опять и снова высвободив глубинные страхи и комплексы.

С минуту рассматривал ее, смиряя гнев и, что-то сказал мужчине в свитере. Тот покивал и ретировался, Алекс же сел в кресло напротив

Ярославы и тихо сказал:

- Мне неприятно.

- А уж мне как!

- За что такая немилость "не хочу от тебя рожать"? - усмехнулся криво. Взгляд был холоден и непримирим. Ярослава поняла, что задела его.

- Я не готова к материнству! Не хочу воспитывать таких же уродов как ты!

Леший откинулся на спинку, стиснул зубы.

- Урод? - спросил тихо.

- Хуже! Лжец! И договор твой туфта!

- Как твое первое заявление сопрягается со вторым? И причем тут твое материнство?

- Потому что от таких как ты не рождаются дети!

Алекс растерялся: что к чему, почему? О чем она? Что вообще ей надо? Все было прекрасно, настроение безоблачное, в душе покой, но нет, нужно все испортить, влезть "сверлом" своих инсинуаций, капризов и превратить день в ночь. И из-за чего собственно?

- Будешь рожать, - отрезал.

- Не буду! - поддалась вперед, зло сверкнув глазами.

- Не с той ноги встала?

- Верни Марину урод!!

У Алекса скулы от ярости побелели, но сам не шевельнулся. Минут пять молчал, смиряя ярость, уверяя себя, что девушка не понимает что говорит. Это все перестройка ее психики творит, не она... Только кого он уверяет?

- Если ты не вернешь!...

- Помолчи и послушай меня, - отрезал жестко и холодно. Девушка невольно прикусила язык. Леший кивнул. - Именно. Ты ведешь себя не разумно. Импульсивность нормальное состояние для женщины, но ты превзошла всех своих "сестер". Я понятия не имею о Марине, как и о том, что с ней произошло. Я не имею ни малейшего отношения к произошедшему с ней, как не имею отношение к похолоданию на Крите, проливным дождям в Уэссексе, пожарам в Алабаме и самоубийству морских котиков у берегов Ирландии. Да и плевать мне на это все, а вот на моего ребенка - нет. Еще одна вспышка немотивированной агрессии с твоей стороны и я положу тебя в клинику, под присмотр специалистов.

- Важен только ребенок, да? - Ярослава рванула ворот кофточки - душно вдруг стало. - Так осемени какую-нибудь другую дуру! А я не собираюсь рожать от тебя! Не собираюсь плодить таких же как ты инопланетян без души и сердца!!

Лицо Алекса превратилось в холодную маску самурая, взгляд стал страшным, злым и

решительным. Мужчина взял телефон и, глядя в упор на девушку, бросил в трубку:

- Штольц? Готовь машину и позвони Шпейнгеру, пусть ждет.

- Никуда я не поеду, пока ты не вернешь Марину!! - закричала, садясь на постели и... тут же рухнула обратно. В ушах зазвенело, голову обнесло.

Алекс не на шутку испугался, увидев как резко, за долю секунды покрасневшее от гнева лицо превратилось в белую восковидную маску, потух взгляд. Он подсел к ней и, сжав руки, заставил посмотреть на себя:

- Успокойся. Поверь, я не знаю, что там произошло, но если это так важно для тебя - узнаю. Ты не думала, что волнуешься зря? К чему ты доводишь себя, рискуешь здоровьем ребенка?

- Ты... ты...

Говорить она не могла. Слова вязли, язык заплетался, Алекс казался витражом, сложенным из разноцветных стеклышек, они то распадались, то соединялись, превращая его в картину импрессиониста.

- Видеть тебя не могу, - только и выдохнула.

Глава 22

Алекс смотрел в окно, покачиваясь с носка на пятку и, улыбался довольно, слушая пространные речи доктора. Все что он говорил, его не касалось, потому что самое важное он уже услышал: "фрау Суздалева ждет ребенка".

Это было приятно, это вызывало гордость, чувства превосходства и некой особенности себя любимого.

Он пытался понять - нравится ему то, что он станет отцом или нет.

Предположения канули, теперь он был поставлен перед фактом и ему предстояло решить - быть этому ребенку или не быть. Потешить себя мыслями об отцовстве одно, стать отцом на самом деле - другое. О браке речи не шло и идти не могло, значит, ребенок будет внебрачным.

Как это скажется на репутации Лешего? С другой стороны ему уже сорок, пора подумать о наследнике, но опять же, наследник ему нужен законный. И опять же, здоровый. А что лучше получить ребенка от

Ярославы? Молода, красива, "голубой кровью" отягощена и не глупа. По словам Шпейнгера наследственными заболеваниями не страдает - результаты анализов почти идеальны.

Опять же, ребенок родится до окончания срока действия договора и достается Лешему без осложнений. Ведь его мать принадлежит ему до октября, значит и ребенок, который родится предположительно в конце июня - начале июля - полностью его собственность.

Или все-таки рано ему заводить ребенка?

- /Я могу забрать Ярославу?/ - спросил у врача.

- /Да, все необходимые анализы и исследования мы провели,/ - закивал Шпейнгер. - / При вашем желании, я могу наблюдать течение беременности в нашей клинике./

- /Я подумаю,/ - широко улыбнулся ему Алекс, выказывая готовность спонсировать карман мужчины. Но не сейчас - для начала пошевелись и заинтересуй, - добавил взглядом и вышел.

Только на третьи сутки буря в душе улеглась.

Ярослава лежала, скрючившись и, настороженно поглядывала на

Лешего, который бродил по палате со странным выражением лица - блаженства и размышления. Он словно пытался понять: нравится ему, что он доволен или не нравится, и какая кому с того выгода?

- Мне нужно позвонить, - попросила тихо.

- Подруге? - остановился тот, предугадав желание.

- Да.

- Твоя Марина не нашлась, я звонил, - солгал. Не к чему сейчас

Ярославе голову ерундой всякой себе забивать. Пусть хоть все подружки сгинут - это не должно отразиться ни на ее здоровье, ни на здоровье маленького.

- Тебе нельзя волноваться. Смотри, до чего ты себя довела? Из-за чего? Глупая девочка, - погладил ее по голове, как ребенка. В голосе не было укора, угрозы, холода - забота и нежность. Ярославе стало стыдно, что она подумала о нем плохо, накричала,

устроила Бог знает что.

- Ты, правда, не знаешь, где Марина?

- Зачем мне лгать? - пожал плечами, как отмахнулся.

Да знает он, где Марина. Не нужно быть ясновидцем, что бы понять в какой гостиной ее искать и в каком виде можно найти. Только плевать ему на это тысячу раз! У него, возможно, будет ребенок - какая к чертям Марина? Он ничего не мог изменить, и не считал нужным, тем более не собирался вмешиваться.

- Этот мир придуман и устроен для мужчин. В нем действуют четкие, прагматичные законы сильных, девочка. Слабым здесь не место.

Их роль - роль игрушек, "пищи" - ничего более. Тебе может это нравиться, может, не нравится, но твои эмоции никак не влияют на общий расклад. Зато серьезно вредят тебе. И ребенку. /Моему/ ребенку. Пойми это, наконец, и научись думать о близких, а не далеких.

Он говорил тихо, но жестко.

Ярослава села: вот как? Ему важен только его ребенок? Но он тоже будет частью этого мира, частью системы!

- Марина...

- О, черт бы их всех побрал!! - не сдержался мужчина, взвился и отошел, чтобы не схватить девушку за плечи, не встряхнуть со всей силы. А может и стоило? Может так в разум войдет? Их отношения наладились, у них все хорошо, будет ребенок, и вот вам, здравствуйте

- "подруги"! Детский сад какой-то!

- Хватит! - рявкнул и притих, взял себя в руки. Сел в кресло напротив постели спокойно сказал. - Я больше ничего не желаю слышать о твоих подругах. Есть ты, я и наш ребенок, больше никого не существует. Чем быстрее ты это поймешь, тем спокойнее пройдет твоя беременность. Тебе нужно думать о здоровье нашего ребенка.

Ярослава сжала кулачки, понимая, что вразумлять и втолковывать что-то Алексу бесполезно, а идти поперек вовсе чревато. Но его слова не только убивали в ней чувства к нему, но внятно объясняли, кто она и какие у нее права. А заодно сообщили, что грош цена всем завереньям Лешинского. Но раз так, он не выполнил свою часть контракта и тот больше не действителен!

Но говорить это не стоило точно. Девушка уже научилась держать свои мысли при себе, просчитывая последствие их озвучивания. И понимала - заяви она Алексу, что договор расторгнут, да еще сейчас, когда он светится от мысли, что станет отцом, ее не просто не выпустят, ее по ногам рукам свяжут и жить в этой клинике до родов оставят. А рожать она не собиралась - только не от этого монстра.

Она признала полный провал своей миссии по спасению человека в

Лешем, признавала, что видно эта затея была заведомо глупа, потому что не принесла результатов и сейчас было абсолютно ясно - не принесет. Конечно, можно было бы еще попытаться и побороться за

Алекса, но у Ярославы не было времени, у нее отняли и это. Теперь ей нужно было быстро оказаться дома, позвонить Свете и рассказать ей все, спасти хоть ее и уходить самой, уходить быстро, но понятно, тихо и незаметно, а это может получиться нескоро. А времени максимум три месяца, пока Суздалева еще успевает на аборт.

- Давай уедем отсюда? Домой.

- Домой? Тебе плохо здесь, что-то не нравится?

- Нет, просто хочу домой.

- Обратно на курорт?

- Тошнит от него, - призналась. Мысль что она месяц покоряла вершины, жила, как бабочка порхала, почти влюбилась в Лешего, поверила ему, а в итоге случилось несчастье с Мариной, вернула ее в те осенние дни, когда она узнала о Ларисе, поняла с ужасом, что пока веселилась с Гришей, ее подругу...

Девушка зажмурилась:

- Поехали домой, пожалуйста, поехали домой, - зашептала горячо.

Алекс не стал сопротивляться, не способен был:

- Хорошо, - улыбнулся.

- Сегодня уедем?

- Да, - еще шире улыбнулся мужчина. Отсутствие нелепых претензий из-за каких-то марин примиряло его с любыми капризами девушки.

- Где моя одежда? - соскочила тут же с постели.

- В шкафу, - кивнул в угол комнаты.

Вечером они вылетели домой.

Первое что сделала Ярослава, ступив на порог своего "каземата" - ушла в ванную. Ей очень хотелось побыть один на один со своими мыслями, а они были откровенно паршивыми.

Девушка включила воду и встала под душ. Ей хотелось плакать и она не сдерживалась.

Она часто представляла себе, что выйдет замуж, как все нормальные девушки, потом забеременеет, муж будет очень рад ребенку, потом родится мальчик, затем девочка. Они будут жить дружной семьей, любить друг друга...

Жизнь настолько цинично разбила ее планы, что смириться с этим

Ярослава не могла. И ненавидела Алекса, вина в том, прежде всего его. Он знал, что она может забеременеть, но все-таки не предохранялся! Выходит, он специально это делал, выходит, он просто искал и содержанку и подходящую курицу, чтобы получить и утеху в постели и ребенка!

И надо же было на эту роль попасться Ярославе!

Он, по сути, сломал ей жизнь. Сломал легко и по одной простой и все же нескладывающейся в голове причине - ему было скучно! Ему понравилось экспериментировать с Ярославой!

Как она попала ему на глаза? Какой нечистый вынес ее на него?!

Почему она не попала под машину?!

Все планы, надежды, мечты, размеренная понятная жизнь и какие-то маячки цели в будущем - все было сметено легко и виртуозно по прихоти избалованного дегенерата! Теперь вместо диплома ее ждет свидетельство о рождении ребенка, вместо замужества - содержание и роль обычной шлюхи, и будущее матери - одиночки.

Нет, ни за что она не родит от него!

Прочь даже мысли о ребенке - она не желает его, она знать ничего об этом не хочет.

Она вышла из ванной, уверенная, что Алекса в ее спальне не будет, но он уже ждал - лежал на постели и улыбался. Эти улыбки раздражали ее сильнее всего. Он был доволен! Он почти благоухал, не скрывая своей радости! А сколько гордости было в его взгляде!

Зазвонил телефон и Леший сел, взял трубку, а Ярослава юркнула под одеяло,

прислушиваясь к разговору. Речь шла явно с Барбарой и явно на польском. Беседа была непринужденной и веселой. Девушка внимательно посмотрела на мужчину, когда он убрал трубку на тумбочку и лег, подтянул Ярославу к себе:

- Невеста?

- Барбара, - навис над ней, полез к груди, накрыв ее ладонью.

- Она увеличится? - спросил с улыбкой.

Девушка дернулась:

- Ты только что с невестой разговаривал!

- И что? - рассмеялся. У Лешего было прекрасное настроение и ничто не могло его испортить. Он представил, как вытянется лицо его матери, когда она узнает о ребенке, представил, как округлит глаза шокированная Барбара и вздохнет, принимая как данность его ребенка.

Сына. Да, скорее всего сына. В династии Лешинских девочки редкость.

Нет, он решительно рад такому случаю и ребенок родится. Он хочет его.

- Ты с невестой говорил, а у тебя в постели другая женщина, - в упор смотрела на него Ярослава, чувствуя как ширится раздражение, но не только от легкомыслия и довольства Алекса, его аморальных поступков и своего жуткого положения, но и от жара, что шло от его ладони, возбуждающего вопреки желанию девушки стать холодной, как лед.

- Барбара нам не мешает, - заверил мужчину со смешком и накрыл губы девушки поцелуем. И черт его дери, был нежен настолько, что Ярослава невольно закричала, как только он вошел в нее. Тело вновь предало ее, отозвавшись на ласки Лешего.

Утро же началось с кошмара - Ярослава спросонья ринулась в ванную, освободить желудок. Это не предвещало ничего хорошего, и если дело пойдет так дальше, то ближайшие девять месяцев она проведет у раковины, что ее не устраивало.

За завтраком она была хмурая, и настораживала Алекса своим серо-зеленым цветом лица.

Сидела истуканом и пялилась на омлет с ветчиной, бутерброды с икрой, жульен, нарезку, фрукты и глубоко дышала, сдерживая позывы к рвоте. Есть хотелось до безумия, но то что стояло на столе отбивало аппетит.

Алекс намазал тост джемом, искоса поглядывая на девушку, подозревая, что та не собирается завтракать.

- Ребенку нужно питаться, - напомнил.

Ярослава зажала рот и ринулась прочь из столовой. Леший так и остался сидеть с тостом в руке, занесенным на пол пути ко рту, соображая, что к чему. Положил хлеб и пошел за девушкой. Та белая как фаянс раковины полоскалась под струей воды. Заметила его и уставилась в зеркало:

- Что?! Нравится?! Ты этого хотел?!

- У тебя токсикоз.

- Спасибо, что сказал! - чуть не заплакала от его спокойствия.

- Успокойся, - улыбнулся примиряющее.

Глаза блестели от удовольствия: он упивался натуральностью эмоций и состояния девушки, осознавал, что целых девять месяцев будет наблюдать перемены в ней. Что мало он зародил жизнь в ее теле, он будет свидетелем ее роста и рождения. Он будет в эпицентре уникальных событий в одном человеке, который уже носит другого человека, но видно еще бунтует и противится. И он, Леший, будет держать руку на пульсе, не только

видеть результаты своих усилий, но и руководить процессом.

Алекс по-настоящему чувствовал себя Богом.

Обнял Ярославу и ласково поцеловал в висок:

- Кушать все равно надо, - заявил, глядя на нее в зеркало. - Может быть ты хочешь, что-нибудь особенное?

- Яд!

- Исключено.

- Тогда гинеколог!

Леший засмеялся, повернув ее к себе, обнял за голову: какая дурочка! Все мысли на лице и в глазах!

- Исключено. Ты не планировала ребенка? Я тоже, но он будет, он уже есть. В тебе.

- Зачем тебе ребенок? Ты подумай что будет, когда узнает невеста!

- Она примет его. Барбара воспитанная женщина и понятливая.

Из-за такой мелочи как внебрачный ребенок она не станет рвать выгодные отношения. Ты опять плаваешь в иллюзиях, дорогая моя, - обнял и повел за стол. - Заказать тебе что-нибудь особенное? Что ты действительно хочешь?

- Соленое. Много, - буркнула, соображая, какие еще доводы привести к аборту.

Алекс усадил ее за стол, кивнув охраннику у дверей, чтобы велел подать, что просила девушка и сел напротив, развернул газету и углубился в чтение. "Нью-Йорк таймс" - прочла Слава и, внутри опять все закипело на мужчину. Прессу он изучает! Ничего у него не изменилось!

Договор нарушил, на всех ему почихать, ее детенышем наградил - и читает!

И не стала сдерживать себя - вырвала газету и откинула.

Хочешь ребенка? Получи!

Алекс глянул на нее чуть исподлобья, но хоть бы одна мышца на лице дрогнула, хоть бы тень недовольства в глазах появилась - легкое удивление и вопрос:

- Раздражает Нью-Йорк таймс?

- Токсикоз! Хочу кашу с кетчупом!

Алекс чуть прищурил глаз и улыбнулся, намекая, что можно не стараться, тактика неверна в корне:

- Я уже слышал этот анекдот. Избито.

И получил другую газету от прислуги, а Ярослава солёности во всем многообразии - от рыбной нарезки до патиссонов.

- Кушай и поедем, - развернул прессу Алекс.

Ничего его не брало. Как только он принял решение, что ребенку быть, приготовился к трудному, но интересному в своей новизне периоду жизни, сбить его с толку было трудно, а уж тем более разозлить.

Теперь ему принадлежала не одна Ярослава, теперь она была уже часть его, ведь в ней росла посаженная им жизнь. Осознание этого факта было упоительно, наблюдение за девушкой - занимательно. Он открывал новые "страницы" в себе и в ней и точно знал, они не последние. Поэтому чтобы она не творила, как бы не пыталась взбунтоваться или рассердить его, он принимал все как должное, испытывая истинное наслаждение фаната - естествоиспытателя.

Он был уравновешен и смотрел, смотрел на Ярославу, выводя ее из себя этим испытывающим, немного насмешливым взглядом.

- Ты за мной, как микробиолог за бактерией наблюдаешь. Очень интересно, да? - спросила уже в машине, желая поддеть, но Леший лишь улыбнулся и обнял ее за плечо, прижимая к себе:

- Представь, да.

- Я первая дура, что умудрилась забеременеть от тебя?

Алекс смолчал, хотя тон и слова девушки ему очень не понравились.

Что-то гадкое, желчное и неприятное было в них.

Отвернулся к окну, давая понять, что тема закрыта. Ярослава отвернулась в ответ, помолчала и твердо выдала:

- Я не буду рожать от тебя.

"Будешь, куда денешься?" Но смысл упираться, тратить время, нервы и силы, вдалбливая ей очевидное?

У него были в жизни ситуации по молодости, когда некоторые из дам тупо использовали избитые шаблоны приручения и кольцевания, заявляя, что ждут от него ребенка. Первый раз это случилось, когда ему было восемнадцать лет, но и тогда он не был настолько глуп, чтобы попасться на старую как мир уловку. Он просто отвел девушку к специалисту и тот развеял все сомнения, лишив самой сути проблемы. С красоткой они после не встречались, но урок был получен и Леший, если и случалось его любовницам поставить ему этот "типовой капкан", решал проблему радикально. И точно знал - у него нет детей, и не хотел их. Не задумывался, не желал себя обременять. И Барбара ему понравилась именно трезвым подходом к данному вопросу и полному единомыслию с женихом - иметь детей слишком хлопотно, а к чему лишние проблемы?

Но вот уже лет пять, как на этот вопрос мнение Лешего начало меняться, а у Барбары осталось прежним. Она не желала портить фигуру и загружать себя проблемами вынашивания, воспитания. Для нее ребенок, как и для многих из ее и его круга требовал проявления определенного героизма, потому что вынуждал принести в жертву ему слишком многое.

Беременность серьезно отражалась на внешности и здоровье, а это сказывалось на работоспособности и лишало многих привычных прелестей, как общения, так и личного распорядка дня, нарушало планы, режим, расписание, дарило комплексы и лишние заботы. Поэтому дамы не спешили расставаться со своими подтянутыми фигурками, элитными бойфрендами, кругом общения, ради пищащего комочка, который был нужен лишь мужчине, как повышение его статуса и знака благонадежности. Мода на беременность накатывала и отцветала быстрее, чем сакура, поэтому попасть в "волну" было сложно, а быть с животом не на пике, шокируя своей плебейской внешностью, женская часть светского бомонда желания не испытывала.

В том круге, где крутился Алекс, желающих стать матерью не наблюдалось даже за хорошее обеспечение. К чему, если его можно иметь, не портя фигуры и ничем не обременяя, не связывая себя?

Поэтому в свое время, у мужчин из его окружения пошла мода на женитьбу на неискuschenных женщинах из средних и низших слоев. Те рожали им детей и носа не высывали из "теремов". Превращались к

"куриц", нянча отпрысков именитого супруга и, без сожаления и содержания откидывались, как только нужда в наследнике отпадала и, тот мог самостоятельно ходить. Дальше его воспитывали гувернантки, элитные заведения и ровесники из точно таких же

семей, с точно такой же историей. А мужчина опять был в свободном полете и парил над прайдом длинногих красоток, не спеша складывать крылья.

Долг перед семьей и обществом выполнен - что еще нужно?

А если какой-нибудь дурочке взбредет в голову заявить о желании подарить ему ребенка или заключить с ним брак, то имеющимся наследником легко можно прикрыть эту тему, поставив на ней точку раз и навсегда.

Алекс подходил к вопросу отцовства очень осторожно. Он был готов и в тайне даже хотел получить наследника, но считал этот вопрос очень серьезным, ведь ребенок приобретение долговременное, требующие особого подхода по приобретению. Масса нюансов должны были сойтись и, прежде всего на будущей матери. Мало она должна была быть как минимум равной ему по крови, но и обладать массой определенных качеств, ведь они передадутся ребенку по наследству наравне с генами

Лешинских. А получать вздорного, больного и бесперспективного наследника он не хотел. Даже своим отпрыском неважно законным или внебрачным, Алекс хотел гордиться. Он должен был быть минимум как отец, не хуже - это уже неприемлемо.

Сама судьба свела все к одному именно в Ярославле: порода, здоровье, интеллект, характер, внешние данные. Если учесть и данные

Алекса, ребенок обещал быть очень перспективным, живым, пробивным, смышленным, крепким здоровьем, симпатичным. Такого не зазорно будет выводить в свет, ставить рядом с собой. Если сын, а если девочка...

Впрочем, он решил подумать. Девочка конечно хуже мальчика, ему нужен наследник, а наследница - вздор. Единственное на что годна будет девочка - даст возможность породниться и слить капитал, с какой-нибудь не самой последней по знатности и финансовому положению фамилией в Европе. Но стоят ли те вложения, что пойдут на нее, отдачи в будущем? Он не был уверен и девочку не хотел, хотя особо против тоже не был. Но если она будет второй.

Леший провел Ярославу до холла, где ее с милейшей улыбкой на устах приняла медсестра и повела к специалисту, а Алекс сел в кресло и принялся листать журналы в ожидании аудиенции с врачом после осмотра девушки.

Суздалева поражалась: сервис, обстановка - нечета обычным поликлиникам - красота, чистота, тишина, улыбчивый и милый персонал.

Здесь даже пахло, чем -то приятным, а не лекарствами, как обычно в медицинских заведениях.

Девушка забрала у Ярославы шубку и открыла дверь в кабинет:

- Проходите, Юрий Павлович ждет вас, - прошептала, улыбаясь ей как родной и долгожданной.

Суздалева прошла в кабинет и шлепнулась на стул у стола молодого, симпатичного доктора. Тот тут же заулыбался, как его подчиненная - широко, лучезарно и тепло.

- Рад вас видеть.

"А уж я-то как!" - прищурила на него глаз. Хорошая, наверное, у него зарплата, если так учтиво улыбается проявившейся в его кабинете пациентке. Которую видит первый раз!

- С чем пожаловали?

- Хочу сделать аборт! - отрезала.

Улыбка мужчины малость поблекла, он начал крутить ручку, изучая сидящую перед ним девушку. Вообще- то в клинике занимались абортами, но в другом здании, и не Завадский, к

кому была записана Суздалева.

Может, что-то регистраторша перепутала?

- Вы раздевайтесь пока, проходите в соседнюю комнату. Анечка, помоги женщине, - крикнул сестру и, в кабинете появилась милостивая девушка.

- Пойдемте, - заулыбалась Ярославе, приглашая за собой.

Юрий Павлович вышел, чтобы узнать причину путаницы и увидел

Лешинского. Все встало на свои места:

- Приветствую вас, - почти поклонился Алексу. Тот кивнул и внимательно уставился на доктора:

- Я нужен?

- Вопрос: девушка нуждается в наблюдении или...

- Первое, - встал, понимая уже, чем вызвана сумятица доктора.

- Аборт исключен. Девушку мучает токсикоз и я хотел бы, чтобы вы максимально избавили Ярославу от него.

- О! Понятно.

Что ж все объяснимо. Теперь желание пациентки сделать аборт стало вполне понятно.

- Пожалуй, я пройду с вами, - заявил Алекс.

- Пожалуйста. Вы отец ребенка?

- Да. Планирую, что будущая мамочка будет наблюдаться у вас. Мы были у Шпейнгера.

Он поставил шесть-семь недель.

- Ну, что ж, сейчас посмотрим, - заулыбался Юрий Павлович. - Прошу, - открыл дверь перед мужчиной.

Ярослава была уверена, что смотреть ее будут, как проводят осмотр гинеколога, но ничего подобного. Медсестра уложила ее на удобную кушетку, застелив ее простыней с веселым рисунком, под голову пациентке подушечку сунула, на палец прищипку надела и поставила приборчик на столик:

- Давление, температура в норме, а вот пульс учащен, - сообщила

Ярославе ласково. - Волнуетесь?

- А что будет? - глянула на нее девушка, действительно волновалась: что дальше будет?

Уже сейчас аборт сделают?

- Вас посмотрят. Видите монитор, - указала на дисплей на стене в ногах пациентки. - Вы сможете увидеть ребеночка.

Только этого ей и не хватало! Но не уйти - Алекс появился, встал рядом, Завадский же сел и начал водить по животу прибором, а на экране появилось наложение каких-то серых полос - что там можно разобрать? Но мужчины внимательно смотрели, а Ярослава просто пыталась хоть что-то понять в картинке.

- Воот, - заулыбался Юрий Павлович. - Отлично. Шесть-семь недель, говорите, Александр Адамович? Пожалуй, соглашусь.

- На аборт успеваю? - спросила девушка. Доктор моргнул:

- Токсикоз измучил?

- Ой, вы знаете, - влезла улыбчивая медсестра. - Токсикоз на первых месяцах - значит, мальчик будет.

Завадский глянул на нее: что за чушь? И хотел убрать эту новенькую к черту, чтобы голову людям не морочила, но Лешинский заинтересовался, развернулся к ней:

- Seriously?

Девушка смутилась от взгляда доктора и закивала:

- Это конечно не научно и медицина отрицает, но... вы знаете, сколько мамочек жаловались на токсикоз в первые месяцы, у всех мальчики потом родились.

- Вздор, Александр Адамович, - заверил мужчина и кивнул девушке: смойся со своими глупостями.

Но Лешинский слова медсестры принял к сведению и спросил:

- Когда можно пол определить?

- Сейчас это невозможно, идет закладка органов. Будет недель шестнадцать, я, пожалуй, возьмусь предположить и сказать вам, кого ждать.

Алекс был доволен. Ярослава раздавлена и буквально сражена, тем, что он и доктор решают все без нее. Ее посмотрели и все - остальное обсуждалось мужчинами, она же, как будто испарилась.

- Я для тебя рабыня, - заметила Лешему уже в машине. Он усмехнулся и поцеловал ее в висок:

- Не говори глупостей.

- Я не хочу этого ребенка, но мое мнение никого не касается. Ты превратил меня в Бог знает что! Я ненавижу и тебя и себя!

- Не волнуйся дорогая, все решаемо...

- Ты лжец. Ты нарушил условия договора...

- Ты о подругах? - Алекс отодвинулся к окну, закинул ногу на ногу. - Ярослава, а где в договоре прописано о них?

- Что? - побледнела девушка.

- Там нет ни строчки о них, - спокойно ответил мужчина, разглядывая ее слегка свысока. - Твоя наивность подводит тебя снова и снова. Никогда не верь словам, они ничего не значат. А вот бумаги

- другое. С документами нужно серьезно знакомиться, прежде чем что-то подписывать. Это тебе урок на будущее, уверен, опыт пригодится.

У Ярославы слов не было. Но возмущение было направлено больше на себя, глупую дуру, которая еще пыталась что-то сделать, хотела отогреть сердце Алекса, показать ему как живут люди, а не монстры.

Только вот не учла, что сердца у него нет - калькулятор щелкает, бьет в грудную клетку.

Интересно, что же вместо души у Лешинского?

- Ты компьютер, а не человек, - прошептала.

Он улыбнулся и взял ее руку, наложил на нее браслет с сапфирами, и поцеловал ладонку, нежно, с долей трепета:

- Я очень доволен, да, я счастлив. Мне очень нравится мысль, что у меня будет ребенок от тебя. И это мой подарок тебе.

Девушка лишь головой качнула, не зная ни что говорить, ни что делать.

Он ставил ее в тупик. Он словно не понимал, в какой абсурд превратил ее жизнь, не понимал, что сотворил с ней.

Он был нежен и внимателен, но при этом циничен до невозможности, и эгоистичен до кончиков своих отшлифованных аристократических ноготков!

Ее оставляли одну только в ванной и то, Алекс не давал закрыть дверь.

Ярослава умирала от того распорядка дня, что завел Леший для укрепления здоровья ребенка и мамочки. Девушка должна была больше гулять и по два - три часа она бродила по парку "имения" Алекса в сопровождении охраны, чувствуя себя не то гусем, которого откармливают перед рождеством, не то заключенной под стражу. После она кушала и занималась физическими упражнениями со специально выписанной для этого женщиной - тренером, затем опять кушала, пила какие-то витамины, спала, опять гуляла, уже с Алексом или ехала с ним в город, чтобы посмотреть, как катаются на коньках, но не в коем случае не кататься самой, потому что это опасно для ребенка, или ходила с Лешим по магазинам с детскими игрушками, шмотками. И он пытал ее, какая распошонка ей нравится, какая нет, какая погремушка была бы интересна новорожденному, и покупать ли здесь или поехать в Англию, Швецию, купить все нужное ребенку там.

Он разговаривал с ней, но слушал себя и делал, что желал он.

А девушка с утра до вечера мучалась от токсикоза, который только усиливался день ото дня, не смотря на все усилия Завадского, к которому Ярославу возили раз в неделю в обязательном порядке.

Алекс как с ума сошел. Он следил за ней как беркут за добычей, и регулярно брал ее, словно мечтал о второй беременности. Девушка подозревала, что ее состояние он посчитал соблазнительным, и ненавидела себя, за то что не была против его ласк. Не смотря на личную неприязнь к нему, в постели на удивление у них не было разногласий. Более того, он нравился ей как мужчина, нравился обходительной настойчивостью, властью, но нежной, силой, но бережной. Нравился его запах, и даже эти улыбки его, нравились до возмутительности.

Но все это затягивало, как в омут, и дни летели, как листья с деревьев осенью, а Ярослава так и не могла улучшить минутку, чтобы поговорить со Светой и возможность исчезнуть, тоже не подворачивалась. Но надеялась, во всяком случае, она очень хотела верить, что ни сегодня - завтра, сможет уйти, иначе просто бессмысленно что-то делать, и ей оставалось бы только смиренно ждать, когда закончится контракт. И рожать!

Об этом она и думать не хотела. Ей была страшна сама мысль родить ребенка без мужа. Родить от навязанного любовника, который никогда не станет официальным отцом ребенка, родить от Алекса, которому сегодня нужна, а завтра он наигрался и выкинул.

Да, он был заботлив, терпелив, потакал всем ее капризам, будь то желание выпить стакан сока в три часа ночи, или желание посмотреть в зоопарке обезьянок в десять вечера. Но на том ее власть над ним заканчивалась и наступала его власть над ней, подавляющая настолько, что Ярослава чувствовала себя не человеком и даже не предметом - киселем каким-то.

Будущее казалось девушке темным, страшным. Она не знала, что устроит ей в нем Алекс, но понимала, что ребенок так или иначе свяжет их на долгие годы, а это было для нее сущим кошмаром. Но видно Леший того и хотел, и каждый вечер разглядывал растущий холмик над лоном, целовал его, оглаживая ладонью и, не скрывал, что в восторге от положения своей содержанки. Но при этом в их отношениях ничего особо не менялось.

Ему хотелось ее и он брал. Ему хотелось погулять с ней или поболтать, и он гулял, он

болтал, при этом ему было плевать, расположена ли девушка к разговору или поцелуям.

Только в феврале, Ярослава смогла позвонить Свете и то из клиники, пока ждала приема. У Завадского была другая пациентка, а

Алекс был внизу, решал какие-то свои дела сидя в машине. Девушка не стала тратить время зря, попросила телефон, и как только медсестра отошла, набрала номер подруги.

- Света! Послушай меня внимательно! - не стала тратить время на приветствия. - Сейчас же собирайся и уезжай. Плюнь на институт.

- Ты сдурела, Суздалева? - тихо спросила девушка.

- Мне некогда объяснять, но если ты не уедешь, тебя ждет тоже, что случилось с Ларисой! Умоляю тебя, беги!

Она не видела, что за спиной стоит Алекс и внимательно слушает ее речь.

Он мог бы помешать, но не стал - ждал, когда Ярослава закончит свою миссию по спасению. После спокойно забрал у нее телефон и сел на край кресла, нависнув над ней:

- Уйдет? - улыбнулся в настороженную и замкнутую физиономию глупой.

Ярослава молчала, глядя на него исподлобья так, что можно было думать, ждет, что он ее минимум ударит.

Леший лишь головой покачал: ну, что за детство?

- Знаешь, а твоей подружке ничего не угрожает. Не нужна она никому.

Ярослава побледнела - верить ему или нет? Если поверить - выходило, что именно она, перепугав Свету, подвигла ее на бега и, по сути, сломала жизнь, и тем стала на одну планку с Лешим. А если он лжет, значит спасла. Конечно, второй вариант нравился ей больше:

- Я не верю тебе, - бросила Лешему. - А еще точно знаю - тебе известно, где Марина. Ты можешь ей помочь.

Алекс головой качнул, сел в соседнее кресло:

- Сколько мы знаем друг друга? А ты не перестаешь меня удивлять,

- уставился в окно. - У меня такое чувство, что твои подруги единственный свет в окошке. С чего ради? Что за глупейший максимализм? Что за тупое, животное упрямство? Ты не баран по гороскопу? Что пришло тебе в голову? Я создаю тебе все условия, балую, отношусь, как к близкому человеку. Все для тебя, все, а ты - верните к подругам! Может они тебя обеспечат, как обеспечиваю я? - уставился на нее сердито. Ярослава вздохнула:

- Так и знала, что ты не поймешь. Там, в Альпах ты был другой, настоящий, но мы вернулись в этот склеп из золота и все по-новой -

Алекса заменил Леший, которому плевать на все, кроме своего болота.

И квакает он, как заведено в нем, и прыгает, как принято, и общается лишь с теми, кто сидит на кочке.

- А ты, значит, лебедь белая? Тебе небо подавай? Нет, милая моя, это я в небе, и это небо мое, а ты в болоте, и тянет тебя в него к своим недалеким квакушкам, в грязь и посредственность, - качнулся к ней, давя взглядом.

- Не хочу спорить, и доказывать ничего не буду. Ты нарушил договор, поэтому я хочу уйти.

- Я ничего не нарушал.

- Ченч есть ченч.

- Ах, вот как мы заговорили? Ты что-то спутала, милая. Мне не диктуют условия - я их диктую, - выдал жестко. - А по условиям договор ты находишься здесь, со мной до октября!

И не устраивай мне головную боль по пустякам!

- Мои подруги не пустяк! Они люди, а люди не игрушки, ни мелочь для размена!

- Именно!

Ярослава стихла на минуту, понимая, что сейчас разговор зайдет в тупик, опять, как уже случалось тысячу раз. Развела руками:

- Я не хочу с тобой ссориться. Но ты не прав. Ты обещал, что с моими подругами ничего не случится...

- Может мне взвод спецназа нанять, чтобы их охраняли от них самих и тех плембеев, что плавают вокруг?

- Не юродствуй...

- А ты не начинай сначала! Что вообще пришло тебе в голову? Что за мания? Не с той ноги встала, не то белье одела, ноготок обломала и на этой почве решила покуражиться? Я не собираюсь терпеть твои капризы, запомни это.

- Это не каприз, а необходимость. Это мне надо, понимаешь? - с надеждой уставилась на него. Алекс отошел, покрутился, соображая и, вздохнул, признаваясь:

- Ты постоянно ставишь меня в тупик. Что на тебя находит? Тебе надо, а что тебе надо?

- Не думаю, что ты поймешь. Ты судишь другими категориями. Тебе главное чтобы дела шли, капитал рос, и все в этом духе. Никаких эмоций, чувств, сплошная проза цинизма и жесткого расчета. А я живу иначе, и многие, многие живут как я, а не как вы. У меня другая цель.

- Какая если не секрет? Поведай уж, будь добра. Впрочем, уже слышал: Якутск и нищета преподавателя.

- Нет, это мечта, а цель другая. Тебе, чтобы состояться, нужно было всего лишь утвердиться в своем обществе, занять стабильное положение, получить и получать большие доходы. Все в этом духе. А мне нужно понимать, что я не зря живу и что-то могу. Но выходит, что ничего.

- Естественно, на том уровне...

- Не в нем дело! Я не о финансах и статусе, я о человеческом. Я всю ночь думала, что же я сделала, кто я и вышло, что никто и ничего не сделала. Моя единственная надежда на уважение к себе была помощь девочкам. Но выходит и здесь я "никчемуха".

- Кто? - поморщился мужчина: что за эпитет?

- "Никчемуха". Меня мама так называла. За что ни возьмусь, все наперекосяк, все не так.

- Хорошая родительница, - не скрыл сарказма.

- Она права. От меня нет никакой пользы, никакого толка. Это ужасно понимать, что ты тупо копишь воздух, живешь как водоросль и ни черта в этой жизни не можешь. Я не хочу так. Если бы с подругами все было хорошо, я бы считала, что не зря живу, что хоть что-то смогла. Но выходит - ноль я и рождаю ноль.

- Ну, допустим, ноль ты не родишь, - усмехнулся.

- Спорно, - тяжело уставилась на него. - Ты не выполнил условия договора и я считаю себя в праве не выполнять его! Ты знаешь, где Марина, уверена! Но палец о палец не шевелишь!

Невыгодно? А мне тоже невыгодно общение с тобой, тем более рождение ребенка!

Алекс вздохнул: откуда такое тупое упрямство?

Да, он знал, где Марина и даже видел ее, заглянув по делу к

Расмусу на прошлой неделе. Девушка была жива и здорова, только очень занята.

Игорь гордился рабыней, был доволен настолько, что буквально лоснился физиономией. И развлекался, с удовольствием давая развлекаться своим гостям, восторженный как мальчишка, получивший долгожданный подарок, о котором грезил и грезил.

Сцены были очень пикантными, и Алекс мог бы показать их Ярославке, но не в ее состоянии и не с ее характером видеть как отрабатывает ее подруга за спокойствие, как в округе так и в окружении Расмуса.

Обморок, истерика, вернее сначала у Славы была бы истерика, потом обморок, затем снова истерика, и как следствие нервного срыва - проблемы с ребенком. А ему надо рисковать ее здоровьем и здоровьем наследника? Беременность протекает хорошо, не считая токсикоза, который неистребим, как вирус гриппа, но на ребенке это не сказывается - идет развитие, все показания анализы в норме, а это главное.

Каждому свое, в конце концов. Ярославке вынашивать его ребенка и скрашивать его скучные будни, которые с ней не кажутся такими уж серыми. Ее подружке - улаживать гостей Расмуса и сидеть на поводке у камина. Расмусу забавляться новой игрушкой, которая пока не наскучила, а это значит, что в увлечении он теряет много проектов, попросту просматривая их, и тем играет на руку Лешему, к тому же он оставил всякий интерес к Ярославке, а это еще один плюс. Все складывается как нельзя лучше. Но платит за то Марина. Что ж - кому

- то не повезло, только и всего. Тут ничего не поделать, всегда есть тот, кто оплатит как за победы так и грехи других. И это естественный, закономерный процесс. Нужно радоваться, что "козел опущения" нашелся сам, а не забивать себе голову ерундой.

- Ты можешь ей помочь, - упрямо повторила Ярослава.

Алекс качнул головой, умиляясь наивности девушки.

- Дорогая моя, в этой жизни у каждого своя роль. Не стоит спешить учить ремарки другого и примерять его роль на себя, только потому что она менее хороша, чем твоя. У тебя все замечательно, это главное, - поцеловал ее руку, глядя на девушку с улыбкой.

Он даже чуть разнежился рядом с Ярославкой, чувствовал себя вальяжным и счастливым. Ее состояние возбуждало его и девушка казалась особенно соблазнительной. Его постоянно тянуло к ней и он уже не удивлялся тому, что она ему не надоела за эти месяцы, а наоборот, увлекала все больше. Ее грудь наливалась, животик увеличивался и в этом был свой шарм, свое очарование, с которым мало что могло сравниться.

- Я устала от твоего цинизма, Алекс. Ты не представляешь, как душно с тобой.

- Ты не адекватна, потому что беременна, - парировал спокойно в своей обычной безмятежной манере не уделять внимание пустякам.

"Не адекватен ты, хоть и не беременный", - глянула на него и промолчала.

Ей ничего не переделать, ничего не изменить в нем, но множить ему подобных? Превратить свою жизнь в непреходящий кошмар? Увольте!

- Я хочу аборт.

- Исключено, - поцеловал ее руку.

- Это мой ребенок...

- Это наш ребенок. Я его хочу, он будет. Перестань волноваться, солнышко, - обнял ее примиряющее за плечи. - Все будет отлично.

Твоя фигура ничуть не изменилась, ты стала даже соблазнительней, и более

чувственной...

- При чем тут фигура?

- Разве ты не об этом беспокоишься? - удивился, пытливо заглянув в глаза. - Роды пройдут с минимальными потерями для твоей фигурки, я все оплачу...

Девушка вырвала руку: невыносим!

- Понять не могу, откуда, что нарастает в твоей голове!

"Взаимно", - мысленно заверил ее Алекс.

- Тогда объясни, что тебя страшит?

- Ты!

Леший выгнул бровь: как расценивать ее заявление? На что намек и о чем речь?

Но выяснить не успел, их пригласили в кабинет. Если бы Ярослава знала, что ее ждет, она бы не пошла, потому что этот прием перечеркнул все ее планы:

- Смотрите, вот маленькая ножка, вот ручка! - улыбаясь, показывал ей и Алексу маленькие конечности на экране доктор, и оба замерли. У Алекса сердце затрепыхалось и столько нежности появилось во взгляде, что девушка невольно притихла, почувствовав стыд за свои мысли о нем. А Леший цвел, вглядываясь в картинку на экране - улыбка стала как у блаженного Августина.

Ярослава же замерла, разглядывая маленькую ладошку и, понимала, что она в ней, что ребенок живой, с ручками, ножками, головой. Этот факт отрезал дорогу назад. Увидев, что дитя живое, сформировавшееся фактически, она поняла, что не сможет его убить. Нежность и огромная любовь к еще не родившемуся, но уже живому существу, затопила ее напополам с горечью и страхами.

- Можно фото как-то отпечатать? - попросил врача Леший.

- Да, конечно. Хотите послушать, как бьется сердце?

- Да!

Он включил что-то и послышались глухие и очень быстрые удары.

Алекс в порыве чувств, впился губами в губы Ярославы:

- Это чудо, милая!

Он был на пике счастья. Он готов был подпрыгнуть как мальчишка к потолку с криком: ура!

И вцепился в снимок УЗИ, как в шедевр, так и вышел с ним, вглядываясь с очертания плода, а другой рукой придерживая будущую мамочку за талию.

- Хочешь кольцо? - вспомнил о ней и, свернув бумагу с улыбкой получившего весь мир, положил снимок в карман куртки.

- Кольцо? - поджала губы Ярослава и вздохнула. - Ты неисправим.

Не хочу!

- А что хочешь? - обнял, улыбаясь ей в лицо, потерся носом о ее нос.

- Отпусти меня.

- Ууу, началось, - отклонился: что за привычка портить настроение?

- Я серьезно, Алекс. Ты не понимаешь - ребенок это связь надолго, это не на день и не на год...

- Какие проблемы, милая? После родов получишь свободу и миллион.

Да! - расплылся в улыбке: вот какой я щедрый, можешь не благодарить.

Ярослава насторожилась: щедрость Лешинского - мина с очень хитрым механизмом, абы не подорвала их с ребенком:

- За что?

- За ребенка! - что непонятного. - Ты не хочешь его, не хочешь хлопот - я все беру на себя...

И получил пощечину, звонкую, резкую.

На секунду Алекс зажмурился. Набрал воздуха в грудь, чтобы не сорваться, здесь же на лесенках клинике не устроить сцену. перевел дыхание и тихо, но до дрожи неприязненно процедил:

- Никогда больше так не делай.

И потащил ее к машине, почти впихнул внутрь. Хлопнулся сам в салон и кивнул водителю: поехали. Минут десять и немного остыл, развернулся к девушке:

- В чем суть претензии? Ты получаешь свободу, я ребенка - каждый то, что хочет. Или ты хочешь, что-то еще? Виллу на Канарах, личный вертолет?

- Я хочу нормальной жизни! Я хочу, чтобы у моего ребенка был отец! Я хочу любить отца ребенка, а не просто трахаться с ним! Я хочу, чтобы ребенок рос в полноценной семье!

- И семьи, - кивнул, сообразив.

- Да! - развела руками - дошло?!

- Это исключено...

- Знаю! Поэтому не понимаю твоей радости! Ты можешь обеспечить своего наследника, кинуть кусок матери - супер! Гегемон! Бог! Только ребенку еще любовь нужна! И не на словах - на деле! Чтобы он видел, как это любить, чтобы знал, как это, жить в тепле! Чтобы понимал, что такое душа! Чтобы принципы были!

- Твои? Уволь. Мой сын не будет слюнтяем.

- А мой не будет похож на тебя! - взвилась Слава. - Миру не нужен еще один монстр!

Оба замолчали.

Алексу было неприятно до зуда в ладонях, и он сорвал раздражение на Штольце, устроив нагоняй из-за какой-то мелочи. Лучше не стало.

Леший со злости позвонил двум дивам и пригласил на раут в особняк.

Монстр, да? А вот другие так не считают!

Музыка, хохот, били по ушам Ярославы. Она прекрасно понимала, чем там, над ее головой на втором этаже занимается Лешинский. Это стало последней точкой. Представлять, что ее ребенок будет расти в такой атмосфере Ярослава не хотела, а то что банально ревнует и обижается на него - не думалось. Да и слова Лешего, что он готов купить у нее собственного ребенка, до сих пор стояли в ушах и бросали в дрожь своим кощунством.

Мало об нее вытирали ноги, готовились вытереть и о ее ребенка.

Ну, нет! Она не допустит!

Девушка глянула на часы - первый час ночи.

Собралась мигом, в порыве. Скинула в дамскую сумочку браслет, колечко, что дарил ей Алекс, ничуть не задумываясь о моральной стороне дела. Деньги она не брала и брать не собиралась, но продаст браслет и колечко, сможет купить элементарно паспорт на чужое имя, билет в Тьму-Таракань, чтобы там и близко никаких олигархов не наблюдалось.

План созрел сам.

К Свете ей нельзя, это ясно, в Якуцк тоже - упоминала о нем и

Алекс обязательно зацепится за это. А что искать будет - точно. Не ее понятно,

ребенка, он ему нужен. Только и ей теперь тоже! Ничего, воспитает. Не получилось ничего в жизни, не получилось его отца человеком сделать, но может получится ребенка нормальным живым, чувствующим воспитать.

- Ты куда это? - остановил ее Никита. Девушка вверх посмотрела:

- Слышишь? И я слышу. А не хочу. Отвези меня в супермаркет?

Поброжу, успокоюсь, может, к возвращению эти угомонятся.

Мужчина потоптался, пылливо разглядывая ее и связался со

Штольцем. Ярослава мысленно взмолилась всем святым: помогите, не ради меня, ради ребенка! Он должен расти в нормальной обстановке! Он должен вырасти человеком!

Адам долго перепирался и разрешил в сопровождении свозить девушку, куда просит.

Она не думала, куда бежит, она знала отчего, от кого и почему, этого Ярославе было достаточно.

Ситуация действительно была тупиковой. Алекс не умел и не хотел жить иначе, чем жил, и она не в праве была настаивать. Но это его дело, как и ее - оказаться подальше от него, вырваться из того замкнутого круга, в который он ее втянул. Вырваться сейчас, пока она может, пока не связана ребенком. Она потерпела фиаско, и хоть нашла человеческое в Лешем, разбудить его не смогла. Надеяться на лучшее было глупо. Будущее рядом с ним страшило ее больше, чем будущее, в котором она одна с ребенком.

Девушка гуляла по супермаркету, надеясь оторваться от охраны, приметить выход из комплекса. Народу, не смотря на глубокую ночь, было много, значит, был шанс.

Одно мгновение, одно движение, не думая и не мешкая, и Ярослава юркнула в подсобку. Промчалась по коридору, заставленному коробками, к другой двери, выскочила на улицу и бегом помчалась прочь к другим зданиям, мечтая как можно скорее скрыться из зоны видимости - со стоянки возле маркета.

Уже возле одной из пятиэтажек она увидела пытящий рефрижератор и водителя, что возился в кабине. Ярослава стукнула в дверь, переводя дух. Выглянул молодой мужчина, осмотрел девушку и неласково бросил:

- Ну?

- Простите, вы сейчас поедете? Далеко?

- А тебе что?

- Вы не могли бы взять меня с собой? Пожалуйста, мне очень нужно!

- Мы в Нижний Тагил...

- И мне туда же! - сориентировалась мгновенно. Слева из темноты вынырнул пожилой усатый мужчина со спортивной сумкой, окинул девушку неприязненным взглядом и уставился на напарника:

- Юр, что за фигня?

- Да вот, Иваныч, в попутчицы напрашивается, - улыбнулся тот и подмигнул напарнику. Девушка ничего была. Симпатичная, аккуратненькая, молодая - чтоб не взять? Все нескучно будет, а может и погрееет ночками.

- У меня есть чем заплатить! - заторопилась Ярослава, боясь упустить время и удачу, полезла в сумочку и начала судорожно рыть, пытаясь найти кольцо. Нашла и выставила на свет из кабины. - Вот!

Молодой присвистнул, узрев игру граней, понял, что та не

"бабочка" и по-другому на незнакомку посмотрел.

Пожилой оглядел кольцо, качнувшись к его хозяйке, и выдал с долей неприязни:

- Ты это, девушка, не светила бы свои камешки, а то по башке дадут и мало без них останешься, еще и мертвой окажешься.

- Возьмите, это вам, - попыталась сунуть ему в руку, но Иваныч отпрянул:

- Ну, тя, нафиг! Шла бы ты домой.

И двинулся к другой дверце машины.

- Пожалуйста, возьмите меня с собой! - взмолилась Ярослава, чувствуя, что мужчины уедут без нее, а что делать дальше она совсем не знала.

- Юр, даже не думай, - отрезал усатый, обращаясь к напарнику.

- На хз нам неприятности?

- А я чего? Вы идите, гражданочка, - и дверцу захлопнуть хотел, но девушка не дала, придержала, снизу вверх с мольбой уставилась на мужчину:

- Прошу вас! Пожалуйста! Хотите на колени встану?

- Одурела, что ли?! - возмутился.

- Не ну шатаются больные по ночам! - вздело и усатого.

Заворчал, усаживаясь в салон. - Кащенко что ли распустили?

- Пожалуйста! - кулачки на груди сложила, умоляя. - Если не возьмете - мне конец, только в петлю. Я... я беременна, а отец ребенка очень богатый человек! Он заберет ребенка, а мне только в петлю после!

Молодой хмуро разглядывал девушку - жалкая какая, и видно не врет. Покосился на напарника: ну, ты как?

Нет! - качнул головой.

- На фига связываться?

Оно понятно, только и по-человечьи понять тоже надо.

- На черта с богатыми связалась?

- А кто меня спрашивал?! - вырвалось у Ярославы, и смолкла, сдерживая слезы, но они проступили в глазах.

По уму - послать ее надо, но Юра не мог. Кивнул нехотя - залазь и, девушка бегом в кабину залезла, под недовольное сетование усатого, за занавеску юркнула и притихла. Машина двинулась к шоссе.

- На хз эти неприятности тебе?!

- Остынь, Иваныч. Подкинем до соседнего городка, там пусть сама разбирается. Чего, жалко тебе?

- Это тебе жалко, смотри, кабы жалелку не оторвали! Делать тебе нечего, придурошных привечать!

- Ну, помочь-то надо? Слышал ведь...

- Ты бабьим сказочкам больше верь - и не такое наплетут.

Андерсены, блин. Ой, дурак ты паря.

- Ладно, Иваныч, не ворчи.

Мужчины переговаривались, а Ярослава зажалась в угол за занавеску и притихла, боясь даже дышать, чтобы не погнали. Ей бы только выехать за город, куда-нибудь подальше, чтобы не нашли, назад к

Алексу не притащили. И одному радовалась - есть еще люди нормальные на земле. Есть! И ребенок ее нормальным будет!

А самой не верилось еще, что она свободна, не принималось и не понималось, что

вырвалась: нет рядом ни Лешего ни его людей. Случай ли помог, Бог - неважно было. Нервы сдали - свернулась на лежанке и глаза закрыла, слезы смахивая: не думать ни о чем, не знать, не слышать никого. Поспать, в себя прийти, а там решать. Главное она порвала порочный круг, главное они едут. И не на юг, где бы она точно умерла.

Никита и другие охранники в панике оббежали весь супермаркет и прилегающие к нему территории, но даже признаков содержанки Лешего не нашли.

- Ну и сука, - протянул мужчина, понимая, что девушка ушла, а отвечать за это будет он. Но делать нечего - Никита набрал номер Штольца и сообщил об утере. Отборный мат в трубку, рассказал ему многое о нем, но не новое. Подобную реакцию он и ожидал.

Штолец постучал в двери, нарушая идиллию хозяина. Вошел и натолкнулся на холодный взгляд Лешего: я тебя звал?!

- Простите, Александр Адамович, но Ярослава исчезла.

Алекс с минуту изучал начальника службы охраны и вот встряхнул с колен захихикавшую шлюшку:

- Вон!! - рыкнул обоим. Девушки мысли не допустили перечить.

Сгребли одежду и вылетали за дверь.

Лешинский натянул брюки и пошел в сторону своего кабинета, спросив Адама по дороге:

- Как, когда?!

- Ее шум потревожил...

"Скажите, пожалуйста!" - скривился от злости Алекс: "нежная, да?"

А кто она такая собственно?! Я в своем доме, что хочу, то и делаю! А этой плебейке сначала манерам поучится нужно! Благодарность хоть какую-то иметь, за то что ее содержат!"

- Попросила отвезти в супермаркет, отвлечься...

- На шопинге? Ты идиот?! - развернуло Алекса. Уставился на

Штольца, как на дебила - а кто он? Дебил и есть! - Она днем хоть раз изъявляла желание шопинг устроить?

- Эээ, нет, - чуть отодвинулся от мужчины Штолец, заподозрив, что его сейчас в пол вобьют, как гвоздь.

- А с чего поверил, что жаждет ночью шмотками обзавестись?!... У тебя какой ай-кью, начальник службы безопасности?! Извилины не хватило, сложить?!

- Я... не подумал, - признался, бледнея, взгляд в пол.

Алекс убил бы Адама, но манеры и воспитание не позволили даже сейчас, на пике ярости, вести себя недостойно. Только руки в карманы брюк сунул, чтобы кулаки не распухнуть.

- Слушай меня внимательно, идиот, - прошипел, не скрывая презрения к мужчине. - Если в течении суток ты не найдешь Ярославу, можешь собирать вещи и выметаться к чертям! Мне не нужны дебилы на службе!

- Я все сделаю, Александр Адамович, мы ее найдем, - заверил поспешно. - Я могу поднять?...

- Кого угодно! И сейчас же! Прочеси все близлежащие дома от супермаркета!

Перекройте дороги в северных направлениях, пусть проверяют каждую машину, тщательно!!

- Я бы не исключил и южные направления...

- А я исключаю! Потому что Ярослава не переносит жару, а еще она носит моего ребенка!!... Боже мой, и это мой начальник службы охраны! Да тебе коз пасти доверить нельзя. Воооон!!

Штольца сдуло, Леший же не сдержавшись врезал кулаком в портрет предка, только после сообразив, кому досталось. Стекло треснуло, разбивая идиллию прошлого семейства Лешинских. Но ему показалось, разбилось будущее.

Сейчас отчетливо понял, что ему страшно от одной мысли, что все это останется с ним, а Ярославы не будет рядом. Глупой, уже начинающей надоедать со своими возмутительно тупыми взглядами на этот циничный мир, девчонки!

Возмутительно!

Что она вздумала себе? Что надумала?

Как собралась жить?!

Что она без него?

А выходило - что-то. Бросила золотую клетку, ушла с полного пансиона, из беззаботной жизни. Почему?! Неужели настолько глупа, чтобы не понять, что ее ждет?

В том и дело, что достаточно умна, чтобы понимать - не будет хорошего и все же выбрала между нищетой и незащищенностью, и полным обеспечением и покоем, первое.

Бунт? Вызов ему или себе?

Дура! - пнул со злости и досады по стене и сник, подумав: а не он ли дурак, не он ли спровоцировал ее на этот беспрецедентный по своей глупости шаг?

Глава 24

Его привязанность к Ярославе оказалась сильнее чем он мог предположить и не связывала ее - вязала его, превращая в неизвестный самому себе вид то ли в безумца, то ли в мудреца, которому вдруг стали неважны принятые условности, отлаженные схемы "товарищества" в его круге.

Ему вспомнился давний разговор с Расмусом и возбуждал странные ощущения.

"радость в том, чтобы понять кто ты: раб или хозяин.

- Про себя понял?

- Хозяин, однозначно... Кстати, тебе не хочется понять, кто ты?

- Я знаю."

Тогда он точно знал - он хозяин.

Сейчас же глубоко в этом сомневался.

Он всегда считал себя хозяином, да и как могло быть иначе? По праву рождения, финансовому положению, статусу, уму, опыту - иной роли ему не могли отмерить. Сама судьба выдала ему хозяйскую корону...

Но лишь сегодня, сейчас у него закрались глубокие сомнения и подозрения - а, не раб ли он по тому самому праву рождения, капиталу и так далее.

Все его "достижения" еще большие оковы, чем кандалы каторжника. И не хозяин он - раб, как многие и многие ему подобные. Их положение еще более незавидно, чем участь раба, потому что этот знает о своей несвободе и зависимости, а те и не догадываются, продолжают играть рабом, изображая гегемонов, теша свое самолюбие, лелея прихоти, и не понимают, что уже прихоти играют ими, коверкают еще сильнее, чем

"хозяева" свои "игрушки". Власть не дает им власти, потому что подобна им - такая же расчетливая и циничная, как мировоззрение, что сеет, эгоистичная как все ее "дети". Она не умеет давать, она умеет лишь подавлять и забирать. И каждый платит ей свою ренту. Один отдает номинальную свободу, другой истинную, один платит налоги деззнаками, другой своей душой, укладывая, как банкрот на алтарь банкрота самое ценное, что у него было, и становится равен бездушной машине власти. Она платит ему щедро, дает подачку видимости этого равенства, она принимает его, и он доволен. И никогда у него не возникает мысли, что иного она бы не приняла, того, кому неважно, что есть у него в кармане, неважно сколько нитей от скольки судеб зажаты в руке, зато очень важно то, что не складывается в материальное, относится в эфиру, за который и грош не возьмешь.

Кому же из круга Алекса придет в голову что это и является настоящим богатством? Даже ему скажи об этом еще пару месяцев назад

- понял бы, принял? Посмеялся про себя и отмахнулся.

Сейчас же он думал иначе. Что-то произошло и сменило угол его зрения. Что-то, что опять же не объяснишь. Ему нет определения, это невозможно описать, потому что состоит из сонма тончайших и глубочайших ощущений, которые не потрогать, не обонять, ни осязать.

Он просто понял и все. Понял, что ему важна Ярослава, а все ее идеалистические тезисы вовсе не смешны, а близки и даже понятны, что истинное богатство, пожалуй, единственное его достижение в жизни - встреча с ней, она. Несмышленная слабенькая девочка оказалась сильнее его, оказалась умней его. Она выдержала напор, выдержала

серьезную психологическое давление в течение длительного срока, нашла неординарные решения подкинутых им ей задач, а он сломался на ней, сломался за каких-то три дня.

Бред. Вздор!

Невозможно. Ни к чему хорошему это не приведет. Нужно отодвинуться, отодвинуть девушку, и поступать, как он поступал всегда - как нужно, как выгодно. А выгодно ему сохранить отношения со своим кругом, сохранить себя, вычеркнув ее. Ушла? Скатертью дорога!...

А хочется сохранить лишь Ярославу, послать к чертям "кукловодов", обрезать "нити" - "кандалы" обязанностей, обязательств, что выданы ему вместе с положением, и как гири тянут вниз, вяжут сильнее, чем он "вязал" девушку.

Лишь бы она вернулась, лишь бы нашлась!

Но ее не было третьи сутки, не смотря на все усилия, все кордоны и заслоны, что расставил как паук сети! Она не попадалась.

Леший места себе найти не мог. Крутило от бессилия, обиды, непонимания, страха за Ярославу.

Как, когда он прикипел к ней, как назвать его отношение к девушке

- он не знал, терялся в определениях и не мог понять себя. Ему хотелось избавиться от непонятной, даже пугающей зависимости и одновременно, ни за что на свете он не хотел бы от нее избавляться.

Его состояние было одновременно ужасным и прекрасным, и он не мог справиться ни с собой, ни со своим настроением. Он словно потерял власть над собой, власть в принципе. Он хотел подчинить, привязать, поиграть, но подчинился, привязался сам.

Это можно было объяснить привычкой за возмутительно короткий срок к теплу Ярославы, к комфорту и умиротворению в душе, что она ему дарила, а мятеж в душе приписать тому, что хотел отказаться от этого. А еще ребенок - его ребенок!

Но только ли в этом дело?

Взгляд упал на позолоченную салфетницу, скользнул в сторону позолоченных ручек двери из красного дерева с резной окантовкой.

Естественно выполненной по спец и персональному заказу. Эксклюзив для элиты. Золото, мастерская огранка... Полный особняк золота!

Только что ему с того? Если бы его деньги могли спасти ее, если бы их можно было обменять хотя бы на год ее жизни!...

Алекс в ярости запустил фарфоровую салфетницу в элитные двери: пропадите вы пропадом никчемные безделушки!!!

Страхнул со стола сервиз, запустил стулом в стекло серванта, громя элитные статуэтки. Влетевшая охрана тут же ретировалась, получив в след еще один стул.

Алекс осел посреди разгрома, сдерживая рвущийся наружу крик протеста, ненависти прежде всего к себе, слабаку, дураку, слепцу, что столько времени бегал от себя, терял время, драгоценное для нее и все не мог признаться себе, хоть себе не лгать а прямо и честно сказать глядя на себя в зеркало - я люблю ее!

Но как же - гордость! Ему влюбится в какую-то замухрышку!

Сколько он шел к Ярославе, сколько ждал ее. Мечтал о ней, когда получил - не верил. Сбылась мечта, сбылась, но что дальше? А все.

Нет больше "мечт", и его нет. Фальшивка, трусливая тупая животина о двух ногах, возомнившая о себе черт знает что!

Строил, крутил, планировал. Приручал, притягивал, обволакивал - влюблял. Взвешивал каждый шаг, опутывал - привязывал, боясь потерять. Привязал, влюбил, опутал и ухнул сам. Умный? Дурак! Только сейчас, теряя что ждал, приобретал с таким трудом, понял всю ценность приобретения, понял насколько сильно любит!

Только сейчас понять, что влюблен как мальчишка! Так, что голову сносит, так что ничего не надо- все бы отдал... вернись только, вернись!...

Деньги, власть, связи - что они могут сейчас? И не могли, не смотря на то, что он поднял всех!

Рефрижератор шел к месту назначения. Пал Иванович спал, а на его место пересела Ярослава и болтала с Юрием. Тот оказался удивительно разговорчивым и милым мужчиной и девушка, не таясь, рассказала ему все, что с ней случилось еще в первые сутки поездки. Юрий поверил сразу и отношение к попутчице переменилось. Но если Павел Иванович только повздыхал, да на ум девчонки посетовал, то Юрий в своей помощи пошел много дальше.

Проезжая один из городов устроил стоянку и, забрав у Ярославы браслет и кольцо, сдал их в ломбард. На полученную сумму купил ей паспорт, диплом, утащив сниматься на моментальное фото, потом отдал остатки денег - довольно приличную сумму и документ.

- Наладится, - подмигнул и машина пошла дальше.

Девушке везло.

В Нижнем Тагиле она устроилась на работу очень быстро, буквально два дня только и прожив в гостинице. Получила место в общежитии и вышла на работу. И хоть ничего не смыслила в своей профессии

"штукатур - маляр", но девочки попались добрыми и отзывчивыми, быстро научили премудростям своего дела.

Наладилось, как и предсказывал Юра. И можно было бы радоваться, но Ярослава все больше и больше скучала по Алексу, и возмущалась за то на себя. Живот рос, в один из дней девушка почувствовала, как токсикоз отступает, а изнутри, словно беличьей кисточкой, что-то раз, второй проводит.

Ребенок шевелится, - поняла и улыбка сама на губы напозла, а ладонь на живот легла.

- На учет-то встала? - кивнула на живот Нина, одна из работниц в бригаде.

Ярослава головой качнула, хлебнув кефира: страшно, а чего, сама не знала. Она теперь Татьяна Иванова, найти ее по этим данным невозможно, даже если на учет встанет. Но все же, все же.

- А надо, - заверила женщина.

- Встану, - отмахнулась и принялась жевать булочку, прихлебывая кефиром.

- Родишь, погонят из общаги, куда пойдешь?

- Квартиру сниму.

- Тоже дело, - согласилась, подкуривая сигарету. - А чего одна-то, понять не могу.

Отец-то ребенка где?

- Нигде.

- Огрызнулась, что ли?

- Я мать - одиночка, - отрезала.

- Ох, ты! Так времена нынче не те! Была бы ты страшенькой, убогой, старой, я б поверила, а ты из себя ничего очень даже, молодая. Чего с дитем-то? На аборт, коль

папашка в отказ от ребеночка. Ну, тебе-то на кой это?

- Отец не в отказ, наоборот, - чуть растерялась Слава.

- Тогда где он?

Вот въедливая! - вздохнула девушка. И как ей ответишь, если сама ответа не знаешь?

Сейчас, когда Леший не маячил за ее спиной, когда они не были связаны, прошлое казалось ей не плохим, просто не таким. Его ошибки накладывались на ее и снимали часть вины. Его. Признаться себе, она даже скучала по Лешему. Ей даже подумалось, как было бы хорошо, если бы когда-нибудь, когда ребенок вырастит, прошлое забудется и Алекс не будет беречь ее душу, они встретятся, просто побродят по аллею и посмеются над глупостями, что наделали.

Правда, понимала она и другое - мечтам не дано сбыться.

Произошедшее отрезвило ее, лишив иллюзий. Сейчас она понимала, как устроен мир. Ей бы пожалеть, посчитать ошибкой, что она не сказала подругам о надвигающейся угрозе, а подставила себя, но странно, сейчас, когда Алекс с его возмущающим отношением и не менее возмутительным взглядом на жизнь остался в прошлом, она не могла не признаться, что не жалеет, что они были вместе, что она узнала его и его мир, что все случилось, как случилось. И винить в том можно только себя. Как бы абсурдно это не казалось, горечь из сердца ушла, осталось сожаление, что их отношениям не грозило будущее, что их миры не могли соединиться, как бы они не старались. И это тоже факт, как не представляй обратное.

А еще было горько, что прошлая осень разрушила привычный мирок, перевернув все с ног на голову. Но винить ли в том только Алекса? Он не самый худший продукт своего мира, есть экземпляры много отвратнее и беспринципнее. Леший разрушил ее жизнь, ее планы, но не жизнь подруг. И счет к нему был минимален, впрочем, счета не было совсем.

Все претензии к нему лежали в сфере морали, а это было просто недостижимо для понимания Алекса, поэтому ее путь к его душе был заведомо обречен на провал. Он вырос в той среде, где все можно, потому что деньги снимают всякую ответственность, но раскрывают широкие горизонты возможностей. А тут уж кто каков, тот так и живет.

И каждого, кого задевает мир Лешего, становится опаленным, а то и сожженным. В нем умирает человеческое.

Выходило, что гадалка была права, правда совсем иначе, чем представляла себе Ярослава - она действительно умерла для своего мирка, для той жизни, что строила себе. Теперь Ярославы не было и ничего практически от той девчонки не осталось - здесь и сейчас жила

Таня Иванова. У нее был другой мир, другие планы, другой круг общения и все это сводилось к одному - выносить и родить здорового ребенка, и чтобы он вырос человеком и был счастлив.

И вырастит и будет человеком, потому что будет расти далеко от мира богатых и скучающих.

И нужно радоваться, что она вырвалась и осталась человеком.

Что попала в поле зрения Алекса, а не того же Расмуса, его дружка. Так что в этом, она даже поблагодарить его может.

- Мы ее нашли, Александр Адамович, - сообщил Штольц и положил перед Лешинским кольцо и браслет. - Сданы в ломбард.

- Три недели, - уставился на него Леший. - Вы потратили на решение простейшей задачи три недели!

- Это было нелегко Александр Адамович. Девушке помогли дальнобойщики. Сейчас она под именем Татьяны Ивановой работает на стройке штукатуром - маляром.

Лешего перекосило:

- Кем?

- Штукатуром - маляром, - терпеливо повторил Штольц.

- С ума спрыгнуть, - буркнул Алекс, закрывая папку с документами и отправляя ее в стол.

- Взять ее?

- Нет, я полечу сам, - вытащил две другие папки. - Машину к аэропорту.

- Хорошо, я сейчас же свяжусь с Горюновым.

Алекс кивнул и пошел из кабинета.

Он понимал, что ничего кроме обмана не может дать Ярославе, но на кону стоял его ребенок, собственное спокойствие и сама девушка, неизвестным способом занявшая место в его сердце. Ради этого он готов был шельмовать и цена вопроса не имела значения.

Она получит все что хочет, и пусть это будет номинально, только для нее, но смирит и оставит рядом с ним - этого довольно.

Глава 25

Слава пила кефир, ела булочку и смотрела в окно, как тает снег, идет капель. В комнате никого не было - Вера убежала на свидание.

Хорошо когда тихо, хорошо, когда спокойно, только сердце что-то ест и ест, душу гложет и гложет. Наверное, страх. Ребенок уже шевелился, мягко, томно, рождая именно истому, сладкую, восторженную. Он дарил ей потерянное в прошлой осени тепло, наполнял смыслом существование, но она ничего не могла дать в ответ, кроме своей любви. А ведь ребенка нужно будет одевать, обувать, кормить, где-то с ним жить. Здесь ей не грозила жилплощадь, съемная квартира была не по карману. Она надеялась лишь на одно - в родах Алекс забудет ее и она сможет после вернуться с ребенком к матери. Конечно не вариант - накормит та блудную дочь досыта - нотациями и упреками.

Но ведь мать, бабушка. Значит должна смириться с явлением внука - не чужая же.

Легко говорить, можно представлять и радоваться буйности своего воображения, тому, что хоть в нем все идеально и замечательно, но иллюзии увлекали Ярославу, а Татьяна уже смотрела на мир другими глазами и понимала, что ни черта! Ее Алекс вычеркнет легко - ребенка нет. К матери ехать нельзя, а здесь, одной, на гроши декретных и пособий ей с малышом не протянуть. Вернее протянуть - ноги. Конечно, есть сертификат, но куда она его? Куда с ребенком? Из общаги попрут точно. Уже косятся, уже комендант предупредила - не детский сад здесь.

А роды? У Веры подруга недавно родила, страстей нарасказывала таких, что и на учет вставать не хочется, а рожать жгучее желание где угодно, только не в роддоме.

Слава вздохнула и вздрогнула от звука открывшихся дверей. И застыла, почувствовав знакомый запах дорогого мужского парфюма, что проник в комнату вместе с посетителем.

"Нашел", - екнуло сердце и, даже повернуться было страшно.

Леший смотрел на фигурку у окна и невольно улыбался, ощущая, как

Ярослава сжалась от неожиданности его явления. "Неожиданность" - уже смешно. Глупенькая. Она так и осталась глупенькой идеалисткой.

Только она могла подумать, что Леший ее не найдет, отпустит, только ей в голову могло прийти так "хорошо" замести следы.

Постоял, давая ей возможность прийти в себя и подошел, прислонился к стене у окна, поглядывая на убогий пейзаж за стеклом.

А что в комнате, что за ней - прелесть серости и помпезной убогости.

Слава повернулась к нему, чуть отступив, уставилась настороженно, так, что движение сделай в ее сторону - сбежит, заистерит. Алекс не пошевелился - смотрел внимательно и спокойно:

- Здравствуй, - бросил, разглядывая уже видный, выступающий вперед животик. - Шевелится?

- Что?

- Не "что" - кто. Ребенок.

- Даа... - немного растерялась девушка.

- Мальчик?

- Мальчик.

Леший кивнул: ну и что хотела? Чтобы мой ребенок жил в этом антураже серости? Чтоб

видел плебейство и вырос плебеем?

- Зачем ты приехал?

Типичный вопрос для Ярославы: глупый и риторический в своей глупости. Но мужчина даже бровью не повел, настроился изначально быть мягким. Тупым и тем понятным девушке.

- Мне кажется, наши отношения с самого начала не правильно складывались.

- Только сейчас понял?

Леший подвигал челюстью, соображая где взять терпения на развитие сюжета беседы, что как и предполагал, скатывается в "разбор полетов" без доли рационального зерна, но зато по всем канонам семейных сцен быдла.

И решил пресечь их в корне - понял, что не выдержит.

- Выслушай меня для начала, - расстегнул плащ и скинув его на спинку стула, сел, кивнув девушке на диван. - Сядь, пожалуйста.

Слава села, поглядывая на невозмутимого Лешего, как на свой окончательный вердикт. Папки в его руке говорили о многом. Очередной контракт, очередное вынуждение и принуждение. Очередная ловушка для глупой крольчихи. И ведь не выпустит!

Ну, почему он такой?

- Если б ты пришел иначе, если б...

- А я и пришел "иначе", - улыбнулся ей мягко и успокаивающе. - Не нужно нервничать, Ярослава. Мне известно больше недели, где ты.

Внизу, как ты понимаешь, Штольц, охрана. Я в любой момент мог вернуть тебя обратно, и согласись, имею право, как отец ребенка, как человек, которому не ты безразлична. Да, так случилось, что ты мне нужна, - признался и тем еще больше насторожил девушку. Она сидела, смотрела на него веря и не веря, и понимала одно, то что вопреки всему она скучала по нему, она хотела его видеть, ждала.

- Я не настаивал, не проявлялся. Потому что виноват, и признаю это, как признаю твою свободу выбора, - посмотрел на нее прямо и настолько честно, что Ярослава поверила. Практика Лешего не подвела

- и по взгляду девушки можно было понять - ход сделан верный. Дальше проще - нажать сильно и постепенно отпускать, уменьшая давление, желательно резко. На этом контрасте человек легко идет на поводу собеседника. И тот получает, что желает.

- Ты ведь понимаешь, Ярослава, что я не мог тебя не найти. Ты не просто сбежала, ты прихватила мою собственность: колечко и браслет.

Была бы ты мне безразлична, я бы объявил о пропаже, тебя бы взяли. Я бы естественно, сделал все, чтобы тебя закрыли года на два. Камеру понятно, тебе бы предоставили самую комфортабельную, и передачи бы получала. А как родился ребенок, я бы его забрал и наша с тобой история на этом бы закончилась. Сына, понятно, ты бы никогда не увидела, а настаивала бы, сделала бы хуже себе. И это лишь один из вариантов развития событий.

Слава заледенела, понимая, что Леший спокойно может устроить ей и не такое.

- Но я говорю тебе это не для того чтобы испугать, и не для того, чтобы ты оценила степень моего благородства. Все проще: я буду откровенен - я привязался к тебе, я хочу видеть, как растет наш сын.

/Наш/. Поэтому предлагаю компромисс. Ты возвращаешься добровольно и становишься официальной гувернанткой ребенка, - подал ей папку и, как и думал, девушка ее откинула

не глядя. - Второй вариант: мы заключаем договор о взаимовыгодном сотрудничестве. И начинаем все сначала. Пытаемся наладить наши отношения ради сына.

Подал вторую папку:

- Права на ребенка полностью закреплены за тобой, то есть, я его не отберу у тебя. Но в ответ ты будешь жить со мной, и я буду принимать участие в воспитании и жизни сына. Заметь - участие, а не довлеющие руководство над тобой и малышом.

Разговор о контрактах по воспитанию ребенка ей казался кошунственным и серьезно покорибил бы... полгода назад. Но сейчас она понимала, что Алекс действительно проявил благородство в той степени, в какой вообще способен понимать суть и смысл этого слова.

Она прочла сухие фразы договора и задумчиво уставилась на мужчину.

Фактически он предложил ей брак, гражданский союз. А это очень много, - оценила, уже зная мужчину, понимая его.

Сейчас она прекрасно осознавала, что ее ждет, как прекрасно понимала, что предложенный Лешим вариант оптимальный, если закрыть глаза на цинизм ситуации в целом. Спорить, идти поперек Алекса, все равно, что лечь под танк. Увы, она не героиня панфиловца, да и рисковать ребенком не может.

Нет, никогда Лешинский не изменится, но то, что он приехал за ней, то, что просит, а не требует, не принуждает, говорило о том, что тонкие места у этого "броненосца" все же есть. Может, стоит попробовать и действительно начать все сначала? Но уже без наивных иллюзий? Сейчас ей казалось, она достаточно повзрослела, чтобы попытаться построить. Тем более и Алекс желает того же.

- Надеюсь, ты понимаешь, что я не могу дать тебе большего, - расценил ее задумчивое молчание, как вынуждение. - Мы никогда не сможем стать мужем и женой. Конечно, я мог сказать тебе другое, но это были бы лишь пустые слова, ложь, а я говорю тебе правду.

"Оцени, да?"

Слава молчала, разглядывая его: хватит ли у нее сил на второй раунд с этим элитным зверем? Ведь теперь она знает, что, входя в его мир - клетку, ей придется оставить за ней очень многое, в частности веру в светлое, надежду на то, что в жизни еще что-то значит не только голый расчет, но и любовь.

А выбора нет. Чтобы он не говорил, как мягко не стелил - от него ей уйти.

Да и признаться, не хочется. Алекс будет хорошим отцом, только он сможет дать ребенку иммунитет против жестокости мира, а она даст тепло и понимание. Если сын вырастит вобрав лучшее от отца и матери, то пожалуй не такая она "некчемуха". Ведь в таком случае, Лешинский

- младший станет тем, кто будет не похож на других что в среде

Алекса, что в среде Ярославы. И может быть станет тем, кто что-то изменит в принципе.

Расмунс конечно сволочь, но сказал верно: "система - это люди, смени людей, изменишь систему". Она заложит "мину" в эту систему.

- Если тебя третирует судьба твоих подруг, то повторяю, я всего лишь воспользовался случайно полученной информацией, не больше. Я не знаю ни что, ни как, ни кто. И как бы там не было, нужно подумать о нашем будущем, о будущем нашего ребенка. Согласен, я не рождественский ангел, но признайся себе - ты тоже далеко не совершенство. Однако так сложилось, что нам придется смириться с некоторыми особенностями наших характеров. Мы связаны сильнее и крепче, чем это предполагалось. И я лично тому рад.

"А ведь он мог попросту забыть и вычеркнуть меня и сына", - подумала Ярослава,

успокаивая себя. Последний аргумент решил дело.

Она вытащила ручку из паза папки, подписала документ. Захлопнула папку и устала на Лешего.

Ничего, потягаемся. Теперь почти на равных.

Главное не переоценить свои силы и возможности, как переоценила в прошлый раз.

Алекс улыбнулся и протянул руку. Ладонь осторожно легла на живот

Ярославы:

- Он, правда, уже шевелиться? - спросил шепотом, разглядывая ее словно очень, очень соскучился. Она не поверила ему и на грамм, но не оттолкнула - улыбнулась в ответ:

- Да.

Улыбка Ярославы чем-то неуловимо напомнила мужчине улыбку Ирмы.

Но он не насторожился и не опечалился - наоборот порадовался.

Ярослава не Ирма и никогда ею не станет, даже если что-то вздумает перенять. Эта девочка, как хорошее вино, с годами будет лишь крепче и сногшибательнее, и стоять будет больше.

Малышка Ярослава вырастет, значит, в ближайшие годы Алекс не заскучает. Да, придется быть начеку, но и это хорошо. Он нашел себе достойную пару и как только девушка "оперится" они еще поиграют вдвоем, устроив неплохие партии в две руки.

"Интересно, какой ход с ее стороны будет первым?" Его предскажем.

Он улыбнулся ей в ответ, и накрыл ее губы поцелуем.

Чтобы она не задумала - главное, ему точно не будет с ней скучно.

Уже никогда.

Кажется, он нашел себе и рабыню и хозяйку. И пройдет немало лет, прежде чем она это поймет. Но в этом тоже есть своя пикантная прелесть.

Алекс загадочно улыбнулся в лицо Ярославе и встретил точно такую же улыбку...

Декабрь 2007 - декабрь 2008

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

13.01.2009